

**ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ
второй половины XIX – первой трети XX века:
СБОРНИК СТАТЕЙ К 80-ЛЕТИЮ
проф. М. Д. КАРПАЧЕВА**

Михаил Дмитриевич Карпачев

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ
второй половины XIX – первой трети XX века:
СБОРНИК СТАТЕЙ К 80-ЛЕТИЮ
профессора М. Д. КАРПАЧЕВА

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2023

УДК 94(470.324)“18/19”(082)
ББК 63.3(2Рос-4Вор)
В75

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук *Г. Н. Мокшин* (отв. ред.),
канд. ист. наук *А. Н. Акиньшин* (науч. ред.),
д-р ист. наук *В. Н. Глазьев*,
д-р ист. наук *Ю. В. Селезнев*

Рецензент –
канд. ист. наук *П. А. Попов*

В75 Воронежский край в общественной жизни России второй половины XIX – первой трети XX века : сборник статей к 80-летию проф. М. Д. Карпачева / редкол. : Г. Н. Мокшин (отв. ред.) [и др.]; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. – 300 с.
ISBN 978-5-92-73-3858-0

Тематический сборник статей посвящен изучению актуальных проблем общественной жизни Воронежского края во второй половине XIX – первой трети XX в.

Издание приурочено к 80-летию со дня рождения видного отечественного историка и краеведа, профессора Воронежского государственного университета Михаила Дмитриевича Карпачева, внесшего значительный вклад в изучение экономической, общественно-политической и культурной жизни Воронежской губернии в период Великих реформ и революций.

Для научных работников, краеведов и всех интересующихся историей родного края.

УДК 94(470.324)“18/19”(082)
ББК 63.3(2Рос-4Вор)

В оформлении обложки использованы репродукции с открыток начала XX века с видами г. Воронежа

ISBN 978-5-92-73-3858-0

© Воронежский государственный университет, 2023
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глазьев В. Н.</i> К юбилею <i>М. Д. Карпачева</i>	5
Предисловие	7
Раздел I. М. Д. Карпачев как исследователь общественной жизни в Воронежской губернии	12
<i>Мокшин Г. Н.</i> М. Д. Карпачев как историк общественно-политического движения в Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX века	12
<i>Разиньков М. Е.</i> Воронежская губерния начала XX века в работах М. Д. Карпачева: к вопросу об истоках русской революции	21
<i>Алленова В. А.</i> Проблемы истории высшего образования Воронежского края в научном творчестве М. Д. Карпачева	38
Раздел II. Общественная жизнь Воронежского края	54
<i>Чигирева Е. М.</i> Влияние крестьянской реформы императора Александра II на социально-экономическое положение дворянства Воронежской губернии	54
<i>Перепелицын А. В.</i> Крестьянские неземледельческие занятия в Воронежской губернии в пореформенный период	65
<i>Земцов Л. И.</i> Крестьянский суд в книге Н. М. Астырева «В волостных писарях»	74
<i>Филипцева С. В.</i> Воронежское земство: нереализованные планы	86
<i>Чесноков В. Г.</i> Деятельность местных органов власти по созданию нового генерального плана Воронежа во второй половине XIX – начале XX века	103
<i>Перегудов А. В.</i> Руководящий состав жандармского управления Воронежской губернии в XIX веке: формирование и эволюция	114
<i>Книга М. Д.</i> Сельскохозяйственное просвещение в Воронежской губернии в конце XIX – начале XX века	124
<i>Иконников С. А.</i> «Торжество воли народной»: история учреждения Воронежского сельскохозяйственного института	137
Раздел III. Общественно-политическое движение в Воронежской губернии	147
<i>Страхов Л. В.</i> Воронежское губернское жандармское управление в борьбе с революционным движением конца XIX – начала XX века	147

<i>Квасов О. Н.</i> Террористическая деятельность Воронежского комитета партии социалистов-революционеров	163
<i>Баранова Н. О.</i> Социал-демократические организации Воронежской губернии в 1907–1913 гг.	174
<i>Рылов В. Ю.</i> Правое движение в Воронежской губернии в 1903–1917 гг.	187
<i>Михалев О. Ю.</i> Воронежская организация конституционно-демократической партии в период после Февральской революции (март-июль 1917 г.)	195
<i>Зверков Е. А.</i> Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 г.: от Февраля к Октябрю	208
<i>Салтык Г. А.</i> Судьбы неонародников Воронежского края: XX век	224
<i>Бахтин В. В.</i> Мифические антисоветские организации на территории Воронежского края на рубеже 1920–1930-х гг. как продукт деятельности органов ОГПУ-НКВД	236
<i>Тимошечкина Е. М.</i> «Прекратить раскулачивать!», «Не дадим никого арестовывать!»: о массовых волнениях крестьян в селе Новая Чигла в феврале 1930 г.	245
ПРИЛОЖЕНИЯ	268
Михаил Дмитриевич Карпачев. Библиографический указатель (составители: <i>А. Н. Акинъцин, О. Ю. Товицкая</i>)	268
Список аббревиатур	286
Именной указатель	288
Сведения об авторах	298

К ЮБИЛЕЮ М. Д. КАРПАЧЕВА

Михаил Дмитриевич Карпачев – профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ.

После окончания в 1968 г. исторического факультета Воронежского государственного университета будущий ученый сосредоточился на изучении англоязычной историографии русского революционного народничества 1860–1880-х гг. В 1973 г. подготовил по этой теме кандидатскую диссертацию. Затем расширил область исследований и в 1987 г. в МГУ защитил докторскую диссертацию, посвященную английской и американской историографии всего общественного движения в России 1860–1880 гг. С тех пор и по настоящее время Михаил Дмитриевич Карпачев – признанный специалист по истории и историографии общественной мысли и общественного движения в пореформенной России.

Весомым компонентом научной деятельности М. Д. Карпачева являются исследования по истории общественного движения на территории Воронежского края, в частности, по истории воронежского земства. Целая серия его статей посвящена историческим портретам видных представителей местного либерального движения (П. Я. Ростовцев, А. И. Шингарев, А. Г. Хрущов).

Значительное внимание ученый уделяет разработке проблем аграрной истории России второй половины XIX – начала XX века, а также положению воронежской деревни в годы столыпинской земельной реформы.

Еще одно направление в научной деятельности М. Д. Карпачева связано с изучением истории высших учебных заведений Воронежа, и в первую очередь государственного университета. Итогом его штудий стала капитальная монография «Воронежский университет: вехи истории», изданная в 2003 г. Второе, дополненное издание вышло в 2013 г.

Под руководством М. Д. Карпачева был реализован масштабный проект по изданию универсальной «Воронежской энциклопедии» в двух томах. Работа над ней велась на протяжении четырех с лишним лет (2004–2008).

Михаила Дмитриевича отличает стремление к популяризации результатов своих исследований. Он ведет значительную просветительскую деятельность, публикуя статьи в периодических изданиях, выступая в различных аудиториях города.

В течение десяти лет с 1985 по 1995 год М. Д. Карпачев – декан исторического факультета ВГУ. В это сложное перестроечное и постперестроечное время он сумел сохранить традиции и обновить факультет в соответствии с новыми условиями и задачами.

С 1992 по 2022 год Михаил Дмитриевич успешно руководил кафедрой истории России, создав для своих коллег доброжелательную, творческую, товарищескую атмосферу. Стараниями заведующего кафедрой истории России принадлежала и принадлежит к числу лучших на историческом факультете.

Необыкновенно работоспособный человек Михаил Дмитриевич ежегодно ведет объемную преподавательскую работу: читает лекции, проводит семинары, руководит курсовыми и выпускными работами бакалавров и магистров. Он обладает выдающимся лекторским талантом. Его занятия отличают высокий научный уровень, умение увлечь слушателей, установить эмоциональный контакт с аудиторией.

Михаил Дмитриевич Карпачев проводит плодотворную работу и по воспитанию молодых специалистов. Под его руководством защищено три десятка кандидатских диссертаций по проблемам экономической и социально-политической истории России и Воронежского края второй половины XIX – начала XX века. Ученики профессора успешно защищают докторские диссертации. Михаил Дмитриевич по праву считается ведущим профессором и ученым-гуманитарием Воронежского государственного университета.

В год юбилея от лица всех сотрудников факультета и от себя лично желаю Михаилу Дмитриевичу дальнейшей многолетней плодотворной научной и педагогической деятельности, благополучия и счастья.

*Декан исторического факультета ВГУ,
профессор В. Н. Глазьев*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Воронежский край» – это неофициальное название территории современной Воронежской области и отдельных частей соседних с ней областей, которые исторически и географически связаны с городом Воронежем.

Данный сборник статей посвящен общественной жизни в Воронежском крае в один из самых сложных и противоречивых периодов в истории нашей страны: от отмены крепостного права до начала коллективизации. Для аграрной губернии, населенной преимущественно крестьянами, эти два события, а также связанные с ними пертурбации в отношениях между властью и обществом, носили поистине судьбоносный характер.

Изучение влияния ускоренной модернизации страны на положение населения Воронежской губернии, с акцентом на подъем революционного движения во главе с народнической интеллигенцией, началось более ста лет назад в трудах Т. М. Олейникова, В. Н. Алексеева, А. Н. Татарчукова, М. М. Шевченко, Г. М. Дмитриева и др. Но наиболее серьезные успехи были достигнуты с началом деидеологизации исторической науки на рубеже 1980/90-х гг.

Настоящее издание приурочено к 80-летию видного отечественного историка и краеведа Михаила Дмитриевича Карпачева, внесшего заметный вклад в становление современной историографии истории нашего края второй половины XIX – начала XX века.

Михаил Дмитриевич родился в Москве 22 ноября 1943 г. Среднюю школу закончил в Орле. В Воронеже оказался можно сказать случайно. Здесь находился ближайший к Орлу классический университет, в котором он будет сначала учиться, а с 1973 г. преподавать на кафедре истории СССР. Так что все научные труды Карпачева, а это более 500 работ¹, включая две диссертации, были написаны именно в Воронеже, который стал для нашего ученого второй малой родиной.

Интерес Карпачева к истории Воронежского края формировался постепенно. Первоначально, как удачно выразился А. Н. Акиншин, в качестве «прикладного элемента» к его общеисторическим штудиям². Первая такая статья, посвященная англо-американской историографии Воронежского съезда «Земли и воли» увидела свет в далеком 1975 г.³ И только с началом 1990-х гг., когда с истории общественной мысли второй половины XIX в. исследователь переключился на

разработку аграрно-крестьянской проблематики (на основе материалов ГАВО), изучение местной истории стало главным направлением его научной деятельности.

Краеведческие труды Карпачева посвящены весьма разнообразной тематике. Это история подготовки и отмены крепостного права в Воронежской губернии, экономическое положение ее основного населения, деятельность местных земских учреждений, борьба с последствиями голода 1891–1892 гг., проведение в крае столыпинской аграрной реформы, трезвенное движение в воронежской деревне в годы Первой мировой войны. Далее следует история так называемой «передовой» воронежской интеллигенции, участие воронежцев в работе Государственной думы, вопрос о причинах революционного переворота 1917 г., который исследователь анализирует на примере Воронежской губернии. И, наконец, это история появления в Воронеже первых высших учебных заведений, начиная с попыток открытия Воронежского университета в 1906–1907 гг. А все вместе это – общественная жизнь российской глубинки в самых разных ее проявлениях.

Еще одна важная сторона научной деятельности Карпачева – издание восьми коллективных сборников трудов, а также подготовка кадров высшей квалификации (кандидатов исторических наук) по краеведческой тематике. На вклад ученого в организацию историко-краеведческих исследований на истфаке ВГУ обращают внимание все, кто писал о его творческой биографии.

Как талантливый руководитель Карпачев проявил себя и в подготовке 2-х томной «Воронежской энциклопедии» (2008 г.). Этот уникальный труд, над которым работало более трехсот человек, не только обобщил основные достижения воронежского краеведения, но и, можно сказать, вывел его на общероссийский уровень.

Настоящий сборник включает статьи 20 авторов. Все они известные специалисты по экономической, общественно-политической и культурной жизни Воронежской губернии в период Великих реформ и революций. Примечательно, что половина наших авторов – ученики М. Д. Карпачева.

Сборник состоит из трех разделов.

В первом разделе анализируются труды М. Д. Карпачева по истории общественной жизни Воронежского края.

В статье *Г. Н. Мокшина* рассматривается эволюция подходов Карпачева к пониманию природы и задач русского освободительного движения (от теории классовой борьбы к теории модернизации).

Устанавливается вклад историка в изучение основных идейных течений воронежской интеллигенции и их персонального состава. Анализируется его новая для своего времени концепция развития оппозиционного движения в Воронежской губернии от народничества к либерализму и понимание им причин, по которым самая популярная у интеллигенции «Партия народной свободы» оказалась в роли политического неудачника.

М. Е. Разиньков обратился к одному из центральных сюжетов в исследованиях Карпачева – истокам Великой русской революции. По мнению автора статьи, главные выводы ученого, на основе проведенного им анализа социальной ситуации в деревне и городе, на настоящий момент являются «передовыми и уникальными», но в целом уязвимыми для критики. Особенно тезис о борьбе коронной администрации и местного самоуправления как «реальной» причине февральского кризиса 1917 г. С другой стороны, Разиньков признает, что выявленные им «противоречия» и «неувязки» в позиции Карпачева следует рассматривать как приглашение для продолжения дискуссии.

Проблемам истории высшего образования в научном творчестве Карпачева посвятила свою статью *В. А. Алленова*. Прежде всего, она обращает внимание читателей на вклад Карпачева в изучение простых обстоятельств основания Воронежского университета и его реорганизации на рубеже 1920–1930-х гг., поскольку в этих вопросах исследователь выступил в роли первопроходца. А всего в довоенном Воронеже было 12 вузов, и, по словам автора, Карпачеву удалось проследить судьбу каждого из них и донести результаты своих изысканий до широкой общественности. Кроме того, в данной статье рассматриваются многочисленные очерки Карпачева о профессорско-преподавательском составе воронежских вузов и его рецензии на аналогичные труды коллег.

Во второй раздел вошли статьи по истории общественной жизни в Воронежской губернии современных исследователей данной темы.

Процесс адаптации населения к новым условиям хозяйственной и общественной жизни оказался медленным и болезненным для всех сословий, но в целом успешным. «Россия, – пишет М. Д. Карпачев, как бы оторвалась от ледяной кромки застоя. В стране начались колоссальные изменения, свидетельствующие о громадном творческом потенциале народа»⁴.

Авторы сборника развивают этот тезис Карпачева на материалах Воронежской губернии.

Е. М. Чигирева посвятила свою статью перестройке помещичьего хозяйства на новый, рыночный стиль экономических отношений, а *А. В. Перепелицын* – развитию крестьянских промыслов, благодаря которым крестьянское хозяйство сумело избежать всеобщего кризиса и адаптироваться к изменившимся условиям.

Развитие местного самоуправления как лучшей школы общественности – еще одно характерное явление нового времени. *Л. И. Земцов* изучает его на примере крестьянского суда – главного, по его словам, хранителя традиционных нравственных ценностей народа. *С. В. Филиппова* пишет о воронежском земстве и его «триумфе и трагедии» в период февральской революции, а *В. Г. Чесноков* исследует попытки городского самоуправления Воронежа улучшить планировочную структуру губернского центра на основе нового генерального плана застройки города.

Начало распространения в провинции революционных идей привело к созданию в 1867 г. Воронежского ГЖУ. Историю формирования руководящего состава этого управления представил в своей статье *А. В. Перегудов*.

Еще одним заметным явлением общественной жизни Воронежской губернии на рубеже XIX–XX века стали успехи сельскохозяйственного просвещения. *М. Д. Книга* изучает этот процесс на примере деятельности земств и культурно-просветительских обществ, а *С. А. Иконников* воссоздает историю учреждения в Воронеже первого высшего учебного заведения – СХИ.

Третий раздел сборника посвящен общественно-политическому движению в Воронежской губернии.

Тема борьбы с революционным движением Воронежского ГЖУ, о котором уже говорилось в статье Перегудова, раскрывается в статье *Л. В. Страхова*. По понятным причинам, автор делает это с позиции сторонников сохранения тогдашнего политического строя. Противоположная позиция – «воронежских боевиков» (членов Боевой организации партии социалистов-революционеров) представлена в статье *О. Н. Квасова*.

Драматической истории воронежской интеллигенции посвящены статьи учеников *М. Д. Карпачева*: *Н. О. Барановой* (о социал-демократах), *В. Ю. Рылова* (о представителях правых партий), *О. Ю. Михалева* (о кадетях) и *Е. А. Зверкова* (о том, как в 1917 г. воронежским большевикам удалось переиграть своих соперников и придти к власти).

Судьбы более десятка воронежских неонародников, которых сначала преследовала царская «охранка», а после 1917 г. большевики, прослежены в статье *Г. А. Салтык*. Но, как известно, репрессивная политика новой власти распространялась не только на бывших соперников, но и на все слои населения. Более подробно об этом рассказывается в статье *В. В. Бахтина* о мифических антисоветских организациях конца 1920-х – начала 1930 гг., как продукте деятельности ОГПУ-НКВД.

И завершает раздел самая большая статья сборника – *Е. М. Тимошечкиной*, посвященная детальному описанию крестьянских волнений в селе Новая Чигла в феврале 1930 г.

В приложении к сборнику помещен указатель трудов Карпачева за 2012–2022 гг., составленный *А. Н. Акиньшиным* и *О. Ю. Товицкой*. Это продолжение аналогичного указателя 2013 г.

Для удобства читателей сборник снабжен указателем имен⁴.

Составители сборника выражают надежду, что данное издание станет не только одной из вех современной историографии Воронежского края, но и послужит стимулом для продолжения изучения его истории новым поколением воронежских краеведов.

¹ Кроме того, более 600 статей было написано *М. Д. Карпачевым* для справочных изданий «Воронежские губернаторы и вице-губернатор. 1710–1917» (2000, 2015), «Воронежская историко-культурная энциклопедия» (2006, 2009), «Воронежская энциклопедия» (2008), «Они руководили сельским хозяйством Воронежской области» (1839–2011 гг.) (2011) и др. См.: *Михаил Дмитриевич Карпачев : библиографическое пособие* [сост. : *А. Н. Акиньшин, Г. Н. Мокшин*]. Воронеж, 2013. С. 25–26, 32–36, 39–44, 46–47.

² *Акиньшин А. Н.* Краеведческая деятельность *Михаила Дмитриевича Карпачева* // Там же. С. 13.

³ *Карпачев М. Д.* К оценке Липецкого и Воронежского съездов «Земли и Воли» в современной буржуазной исторической литературе // Из истории Воронежского края. Вып. 5. Воронеж, 1975.

⁴ *Карпачев М. Д.* Россия на путях модернизации и реформ (внутренняя политика самодержавия во второй половине XIX века). Воронеж, 1993. С. 22.

⁵ Общий указатель имен не охватывает новый список трудов *М. Д. Карпачева*, т.к. составители подготовили к нему собственный указатель (см. стр. 285 наст. изд.).

Геннадий Мокшин

Раздел I
М. Д. КАРПАЧЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Мокшин Г. Н.

М. Д. Карпачев как историк общественно-политического движения в Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX века

Воронежский край внес заметный вклад в историю русского освободительного движения. В 1874–1876 гг. в Новохоперском уезде действовала организация революционных народников «Наши». В 1879 г. в Воронеже проходил съезд «Земли и воли», а в 1897 г. один из своих объединительных съездов провели будущие социалисты-революционеры. Здесь родились, получали образование или начинали свою общественно-политическую деятельность многие известные впоследствии всей России народники, либералы и большевики (В. Я. Богучарский, Е. О. Заславский, С. Н. Кривенко, М. С. Ольминский, Г. В. Плеханов, С. И. Шидловский, А. И. Шингарев, Ф. А. Щербина и др.).

В современной исторической литературе существуют понятия «воронежские» землевольцы, народовольцы, эсеры, кадеты, октябристы и, конечно же, большевики¹. Но до начала 1980-х гг. изучалась только история революционного движения в Воронежском крае. О персональном составе либеральных кружков и политических партий было мало что известно. Не говоря уже о сколько-нибудь подробных биографиях их лидеров.

Данная статья посвящена анализу вклада в изучение этой темы М. Д. Карпачева. Для этого нам необходимо рассмотреть его основные труды о представителях воронежской интеллигенции, а также общие взгляды исследователя на общественно-политическое движение в пореформенной России и особенности его развития на территории Воронежской губернии.

Интерес к истории оппозиционной русской интеллигенции пробудился у М. Д. Карпачева еще в студенческие годы под влиянием проф. Л. Б. Генкина. В 1973 г. он защищает кандидатскую диссертацию по зарубежной историографии революционного народничества². Кстати,

научным руководителем Карпачева (после кончины Генкина) стал известный народниковед М. Г. Седов – профессор МГУ.

В 1970-е гг. отечественное народниковедение находилось на подъеме, что, безусловно, стимулировало изучение народнического движения не только в Москве и Ленинграде, но и на региональном уровне. И во многом благодаря Карпачеву одним из новых народниковедческих центров становится г. Воронеж³.

Первая статья Карпачева, связанная с историей Воронежского края, была посвящена зарубежной историографии Липецкого и Воронежского съездов «Земли и воли». Отмечая позитивные моменты некоторых «буржуазных» исследований, молодой историк поставил под сомнение их основной тезис о несоответствии революционных методов борьбы задачам общественного развития России. Сам Карпачев, по понятным причинам, настаивал на «закономерности» русского революционного движения, включая использование террора как средства борьбы за политические свободы⁴.

До конца 1980-х гг. Карпачев писал преимущественно о революционных народниках: о попытке организации землевольческого поселения в Воронежской губернии в 1878 г., о создании воронежскими народниками во главе с В. И. Тулисовым опорных пунктов революционной пропаганды в селах Верхний Карачан и Скляево⁵; о деятельности подпольных ученических кружков⁶. По подсчетам исследователя, в 1879 г. только в Воронеже местным жандармским управлением было проведено 41 дознание политического характера. Однако это не помешало молодым радикалам совершить 7 мая 1881 г. взрыв в квартире ректора Воронежской духовной семинарии⁷.

В 1985 г., незадолго до защиты докторской диссертации⁸, Карпачев опубликовал монографию о развитии в России революционно-народнического движения, где подробно изложил историю Воронежского съезда «Земли и воли»⁹. Но уже тогда его личные симпатии были на стороне тех, кто склонялся к поиску не разрушительных, а созидательных путей улучшения жизни народа – «либеральных» народников и земцев.

Одна из первых статей на эту тему, посвященная народнику-культурнику Н. М. Астыреву, прослужившему три года волостным писарем в одном из сел Воронежского уезда, увидит свет в 1983 г. (ровно через сто лет после описываемых событий). Автор пока еще критически оценивает убеждение Астырева в возможности избавления народа от эксплуатации и угнетения путем просвещения. Но его

описание общинных порядков, которые разрушаются не только извне, но и изнутри, исследователь находит более реалистичным, чем у народников 1870-х гг.¹⁰ Об Астыреве как одном из лучших знатоков крестьянского быта Карпачев потом напишет еще три статьи, а в 2016 г. переиздаст его книгу «В волостных писарях», снабдив ее новыми комментариями¹¹.

В 1980-е гг., занимаясь анализом земских начинаний представителей «тихого народничества» 1880–1890-х гг. (Ф. А. Щербина, В. Я. Богучарский, А. И. Шингарев), исследователь все чаще задумывается над причинами их постепенного перехода на либеральные позиции. По мнению Карпачева, это был неизбежный процесс, связанный с ослаблением реформаторского потенциала царского правительства, фактически отдавшего инициативу в руки оппозиции. Именно ограничение полномочий земского и городского самоуправления, на фоне ухудшения положения народа, привело к очередной политизации общественного движения, как только у власти оказался еще один «коронованный консерватор» – Николай II¹².

В 1986 г. в статье об оппозиционном выступлении воронежских земцев в 1902 г. Карпачев впервые признает, что изучение либеральных выступлений – это «важная и актуальная задача», без разрешения которой «нельзя во всей полноте и конкретности представить характер и своеобразие общественно-политического движения в России...»¹³. А в 1994 г., выясняя роль кадетов в развитии общественного движения в Воронежской губернии, окончательно откажется от оценки их марксистами как защитников буржуазии и главных врагов народных интересов¹⁴.

Конечно, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. подобные метаморфозы переживали многие отечественные историки и обществоведы. Но, по признанию самого Карпачева, убежденным марксистом он был до начала 1970-х гг., пока, став аспирантом, не познакомился с современной англо-американской историографией. Изучение в британских библиотеках трудов Ф. Вентури, М. Малиа, Д. Футмена и других зарубежных исследователей, безусловно, расширило его кругозор и могло послужить своеобразной «прививкой» от многих марксистских шор, включая отношение к легальным народникам и либералам. Только писать об этом стало возможно лишь с началом перестройки СССР.

В 1990-е гг., уже будучи заведующим кафедрой истории России, Карпачев увлекся аграрно-крестьянской проблематикой и на десять

лет отошел от изучения истории общественного движения. К этой теме историк возвращается только в начале 2000-х гг.

В 2003 г. для очередного тома «Очерков русской культуры XIX в.» Карпачев подготовил обширный раздел о развитии общественной мысли в России во второй половине XIX в., по-сути посвятив его анализу политической культуры разночинной интеллигенции¹⁵. После этого у него завязываются тесные контакты с фондом «Русское либеральное наследие» и появляются новые очерки о видных воронежских либералах начала XX в., членах «Партии народной свободы»: А. И. Шингареве, П. Я. Ростовцеве и А. Г. Хрущове¹⁶. На сегодняшний день опубликовано два десятка статей, содержащих подробные сведения об их политических биографиях, тесно связанных с историей становления воронежского отделения кадетской партии.

Больше десяти публикаций исследователь посвятил А. И. Шингареву – земскому врачу, автору книги «Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда», общепризнанному лидеру воронежских кадетов, депутату II–IV государственной думы (где он стал правой рукой П. Н. Милюкова) и, наконец, министру временного правительства, убитому матросами-анархистами в январе 1918 г. По признанию Карпачева, Шингарев – это самый известный представитель тогдашней воронежской интеллигенции, страстный защитник народных интересов, неустанный борец с самодержавным режимом, гибель которого имела символическое значение. Она предвосхитила печальную судьбу всей дореволюционной русской интеллигенции¹⁷.

Вообще следует заметить, что, как исследователь общественного движения на территории Воронежского края, Карпачев придерживается персонифицированного подхода. Из примерно пяти десятков научных, учебных и справочных статей, опубликованных им по данной проблематике, тематических – не более трети. А всего в его работах упоминается более 100 воронежцев – активных участников освободительного движения второй половины XIX – начала XX в. И примерно четверть из них – кадеты¹⁸.

Новые имена и факты, извлеченные Карпачевым из фондов Государственного архива Воронежской области, материалов земских собраний, книг и статей общественных деятелей и мемуаров современников – это, конечно, весомый вклад в изучение темы. Но еще большее значение имеют новые подходы и оценки, которые мы находим в трудах исследователя.

До конца 1980-х гг. Карпачев, как и все советские историки, должен был опираться на классовый подход, т.е. идеализировать революционеров и критиковать либералов. Но, по признанию исследователя, еще в 1970-е гг., под влиянием либерально-буржуазной историографии, у него выработалось убеждение в том, что Россия должна вернуться на «путь запада».

Главная особенность модернизации «по-русски» – это то, что она осуществлялась по инициативе и под контролем государства. Исследователь оценивает эту деятельность в целом позитивно и не видит никакой революционной альтернативы правительственным реформам¹⁹.

«Освободительное движение» в интерпретации Карпачева – это процесс, направленный на «суверенизацию» общества (постепенное расширение его прав и свобод). Он тоже был запущен «сверху» в правление Екатерины II, благодаря которой собственно и возникло т.н. образованное «русское общество». Важный вклад в ослабление опеки над ним со стороны государства внесло введение в 1860-е гг. местного самоуправления, хотя общество этого не очень просило. Неслучайно, исследователь называет данный шаг Александра II «гражданским подвигом»²⁰. Однако включение в освободительное движение политически незрелой интеллигенции и убийство царя-освободителя обрекло его на поражение.

Общественно-политическое движение в Воронежской губернии Карпачев также рассматривает сквозь призму взаимоотношений власти и общества. С одной стороны он констатирует нарастание противоречий между ними из-за утраты взаимного доверия, неуклонный рост репрессий и политической оппозиции, и приходит к выводу, что размах революции 1905–07 гг. на территории Воронежской губернии был не случайным. С другой стороны, доказывает, что цивилизационный срыв 1917 г., когда Россия пошла по особому пути развития, не был неизбежным.

Оппозиционная русская интеллигенция, по мере накопления политического опыта и преодоления юношеского максимализма, безусловно, менялась, и от революционного террора переходила к практической работе в земстве или в качестве «культурных одиночек», а в политической жизни – к легальным методам борьбы за власть. По Карпачеву, это был естественный процесс либерализации и европейзации отечественной интеллигенции, который затронул и Воронежскую губернию. В качестве доказательства исследователь приводит

политические биографии ряда видных представителей воронежской интеллигенции – С. В. Мартынова, Д. А. Перелешина, С. А. Петровского, Ф. А. Щербины и др. В 1870-е гг. все они были революционными народниками, а в начале XX в. стали кадетами.

В 1994 г. Карпачев напишет, что интеллектуальная элита воронежского общества – это не народники или марксисты, а либералы – члены «партии народной свободы»²¹. Однако углубившись в изучение столыпинской аграрной реформы, историк подкорректирует свою позицию в пользу умеренных либералов – октябристов. (В Воронеже их возглавлял С. И. Шидловский). Все-таки кадеты, несмотря на их популярность у интеллигенции, – это «политические неудачники», т.к. их программа преобразований не соответствовала реалиям того времени. Кроме того, они принципиально отказывались от сотрудничества с администрацией²². А октябристы, по убеждению историка, – это исторический шанс на примирение власти и общества. Именно они поддержали правительство П. А. Столыпина и успешно сотрудничали с ним в III Государственной думе. К сожалению, в 1915 г., когда Шидловский стал председателем оппозиционного «прогрессивного блока» IV Думы, этот шанс был упущен²³.

Вопрос о причинах утверждения в России большевистской демократии «без свободы», символизирующей поражение русского освободительного движения, также привлекал внимание исследователя.

По мнению Карпачева, начало в 1917 г. Великой русской революции – прямое следствие крайне неблагоприятного для страны стечения обстоятельств. Это вступление России в Первую мировую войну, подорвавшую ее социально-экономическое положение, падение самодержавия и нарастание анархии (при недееспособном Временном правительстве), обуздать которую можно было только путем установления диктатуры²⁴. По крайней мере, победа советской власти в аграрно-крестьянской Воронежской губернии, где всегда преобладало влияние народников и их преемников – эсеров, а численность марксистов до 1917 г. была незначительной, – лишнее тому подтверждение.

У М. Д. Карпачева нет исследований, охватывающих всю историю общественно-политического движения в Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (Например, он почти ничего не писал о воронежских марксистах). Эта история изучалась им избирательно, в зависимости от собственных научных интересов. Поэтому его труды на данную тему (и наши обобщения) грешат некоторой фрагментарностью.

Тем ни менее, из всех современных историков именно Карпачев внес наибольший вклад в изучение оппозиционной деятельности пореформенной воронежской интеллигенции.

Во-первых, это введение им в научный оборот нескольких десятков новых имен и проработка политических биографий лидеров воронежской интеллигенции.

Во-вторых, разработка новой (либеральной) концепции эволюции общественно-политического движения в Воронежской губернии: от радикализма к левому либерализму.

В-третьих, выявление особенностей развития оппозиционной общественности в провинциальной России, более статичной и консервативной, чем столицы. В нашем крае – это прежде всего чрезмерная активность местной радикальной интеллигенции, пытавшейся таким образом компенсировать узость своей социальной базы, и складывание устойчивых революционных традиций.

Вклад Карпачева в разработку рассматриваемой темы не ограничивается только написанными им трудами. Исследователь инициировал издание около десятка сборников по проблемам взаимоотношения власти и общества в Центральном Черноземье, выступив в качестве их ответственного редактора²⁵. Под его научным руководством было подготовлено и успешно защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных истории воронежских эсеров, социал-демократов и кадетов²⁶, а также отдельным представителям воронежской интеллигенции²⁷.

Все это позволяет говорить о наличии в Воронеже собственной научной школы по изучению общественно-политической жизни в пореформенной России, возглавляемой М. Д. Карпачевым.

¹ См.: Волкова Е. А., Шевченко В. Н., Лебедева М. А. Общественно-политическая жизнь Воронежской губернии [в пореформенный период]. (Историографический обзор) // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2021. № 9; Мокшин Г. Н. Народниковедческие исследования на кафедре истории России (1961–2011) // Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 16. Воронеж, 2013; *Его же*. Проблема концептуализации истории революционно-народнического движения в Воронежской губернии : от возникновения до начала 1900-х гг. // История и историческая память. Вып. 24. Саратов, 2022.

² Карпачев М. Д. Русское революционное народничество в освещении английской и американской буржуазной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1973.

³ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. М. Д. Карпачев как историк общественного движения в России // М. Д. Карпачев : библиографическое пособие. Воронеж, 2013.

⁴ *Карпачев М. Д.* К оценке Липецкого и Воронежского съездов «Земли и Воли» в современной буржуазной исторической литературе // Из истории Воронежского края. Вып. 5. Воронеж, 1975. С. 97, 99.

⁵ *Карпачев М. Д.* Землевольческие поселения в Воронежской губернии (2-я половина 1870-х гг.) // Воронежское краеведение : опыт и проблемы : мат-лы II Воронежской обл. краевед. науч.-практ. конф. Воронеж, 1990.

⁶ *Дмитриев Г. М., Карпачев М. Д.* Революционное движение в Воронежском крае в землевольческий период (вторая половина 1870-х гг.) // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ *Карпачев М. Д.* Общественное движение в России 1860–1880 годов в освещении английской и американской буржуазной исторической литературы : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 1987.

⁹ *Карпачев М. Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985. С. 193–195.

¹⁰ *Карпачев М. Д.* Писатель-демократ Н. М. Астырев в Воронежском крае. (Из истории позднего народничества) // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983.

¹¹ *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. Воронеж, 2016.

¹² *Карпачев М. Д.* Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в Воронежском крае // Общественное движение в Черноземном центре России в XVII – начале XX века. Воронеж, 1990; *Искра Л. М., Карпачев М. Д.* В. Я. Яковлев-Богучарский : (К истории жизни и деятельности) // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века. Воронеж, 1983. С. 47; *Их же.* Либерал А. И. Шингарев и его «Вымирающая деревня» // Общественное движение в Черноземном центре России в XVII – начале XX века. Воронеж, 1990.

¹³ *Карпачев М. Д.* Оппозиционное выступление воронежских земцев в 1902 году // Общественное движение в Воронежском крае в XVII – начале XX века. Воронеж, 1986. С. 44.

¹⁴ *Карпачев М. Д.* О роли кадетов в общественно-политической жизни Воронежского края // Политические партии : история и современность : тезисы докл. и сообщ. Орел, 1994. С. 111.

¹⁵ *Карпачев М. Д.* Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX века : в 5 т. Т. 4. Москва, 2003; *Его же.* Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России : межвуз. науч. сб. Вып. 20. Саратов, 2003.

¹⁶ *Карпачев М. Д.* Андрей Иванович Шингарев : «Всякий самовольный захват является незаконным расхищением народного богатства // Российский

либерализм : идеи и люди. Москва, 2004; *Его же*. Петр Яковлевич Ростовцев : «Моя программа – программа народной воли» // Российский либерализм : идеи и люди. Москва, 2007; *Его же*. Воронежский либерал А. Г. Хрущов. Штрихи к политическому портрету // Российская государственность в лицах и судьбах : мат-лы Обл. науч.-практич. конф. по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 2013.

¹⁷ *Карпачев М. Д.* Андрей Иванович Шингарев. С. 466.

¹⁸ *Акинъшин А. Н., Карпачев М. Д.* Персональный состав воронежской организации партии кадетов (1906–1917 гг.) // Политические партии : история и современность : тезисы докл. и сообщ. Орел, 1994.

¹⁹ *Карпачев М. Д.* Реформы в России – не антиподы революции // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 1. С. 185.

²⁰ *Карпачев М. Д.* Объективные предпосылки и субъективные факторы Великой русской революции 1917 года // Веков неспешный ход : проблемы социально-экономической и политической истории России : сб. ст. Калининград, 2018. С. 263.

²¹ *Карпачев М. Д.* О роли кадетов в общественно-политической жизни Воронежского края. С. 111.

²² Там же. С. 112, 113.

²³ *Карпачев М. Д.* Власть и выборы депутатов III и IV Государственных дум Российской империи в Воронежской губернии // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политике российского либерализма : 7-е Муромцевские чтения. Орел, 2015. С. 349–350.

²⁴ *Карпачев М. Д.* Объективные предпосылки и субъективные факторы Великой русской революции 1917 года. С. 254.

²⁵ Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1983; Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв. : сб. науч. тр. Воронеж, 1995; Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV–XX веков : сб. науч. тр. Воронеж, 2006; и др.

²⁶ См.: *Михалев О. Ю.* Воронежская организация конституционно-демократической партии (1905–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001; *Куцеволов А. А.* Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии (конец XIX в. – 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007; *Баранова Н. О.* Социал-демократические организации Воронежской губернии (90-е гг. XIX – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010; *Зверков Е. А.* Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 году: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2019.

²⁷ См.: *Мокшин Г. Н.* Общественно-политические взгляды и деятельность С. Н. Кривенко (1847–1906) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1995; *Макаров В. В.* Общественно-политическая деятельность А. И. Шингарева : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; *Дорофеева О. П.* Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в конце XIX – начале XX веков в Воронежском крае : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

Разиньков М. Е.

**Воронежская губерния начала XX века
в работах М. Д. Карпачева: к вопросу
об истоках русской революции**

Причины революционных потрясений начала XX века – один из центральных сюжетов исследований Михаила Дмитриевича Карпачева. Этой теме посвящена его монография и большое количество статей. Однако, если монография изучает зарубежную историографию народничества и охватывает исторический период второй половины XIX века, то последующие работы, исследующие социально-экономическое и социально-политическое развитие Воронежской губернии, напрямую обращаются к событиям, предваряющим революцию 1917 года. Можно говорить о концепции Карпачева, который, на основании локального опыта Воронежской губернии, стремится рассуждать о фундаментальных проблемах российского общества, спорить с историками разных поколений, предлагать свои решения острых историографических тем. В данной работе я постараюсь выделить основные положения этой концепции, указать на ее сильные и уязвимые для критики стороны. Пользуясь форматом «юбилейной» работы, хочу также выразить огромную благодарность Михаилу Дмитриевичу за его лекции, которые мне посчастливилось услышать, будучи студентом; за тему кандидатской диссертации, которую он сформулировал, исходя из моих интересов; за его открытость и дружелюбие, которые со мной уже почти 30 лет.

Важнейшими составляющими концепции Карпачева являются, во-первых, характеристика развития пореформенной деревни, во-вторых, ситуация с продовольствием в период с 1914 по 1917 гг. в Воронежской губернии и, конкретно, в губернском центре.

Рассматривая историю деревни рубежа XIX – начала XX вв. как время столкновения традиции и модерна, Карпачев обращает внимание на успехи столыпинского реформирования и, одновременно, преувеличенность представлений об уровне крестьянской бедности на момент революции 1917 года. Несомненно, в этом отношении рассуждения автора развивают идеи концепции, предложенной Б. Н. Мироновым¹, а также М. А. Давыдовым².

Оценивая развитие пореформенной деревни как глубоко проблемное, Карпачев не избегает использовать концепт «оскудения

центра», так широко применявшийся современниками по отношению к черноземной деревне и полагает, что материальное состояние крестьянства было «наибольшей трудностью», стоявшей на пути столыпинского реформирования³.

Тем не менее, главным виновником такого состояния крестьян исследователь считает не царское правительство и крупных землевладельцев, как это предлагалось советской историографией, а общину, фиксировавшуюся на традиции и, как следствие, на натуральном хозяйстве.

В работах Карпачева община подвергается убийственной критике, на нее возлагается ответственность за сохранение чересполосицы («для справедливости»), нормализацию феномена кулачества (поведение кулаков считалось приемлемым, поскольку это было богатство в рамках общины). Община поддерживала тех, кто в реальности не умел работать⁴.

Сохраняемая общиной система натурального хозяйства, а также стремление к «справедливым» низким ценам на хлеб, создавали, по мнению Карпачева, парадоксальную ситуацию. Постоянные недороды обрекали крестьян на полуголодное существование. «Но и в случае обильных урожаев... на выращивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство»⁵. Тем не менее, крестьяне упорно консервировали сложившуюся ситуацию, хлеб продавать не стремились, а личные их потребности были низкими и слабо выраженными в денежном эквиваленте. Например, в 1880-е гг., в Острогожском уезде Воронежской губернии при доходе свыше 80 руб. на душу, расходы на жизненные потребности составляли всего 30 рублей. «По признанию самих крестьян, с земли они жили, деньги же на налоги получали с промыслов»⁶.

Это приводило к противоречиям с рыночно ориентированными, заинтересованными в высоких ценах на хлеб помещичьими хозяйствами, а также фиксировало «патовую» ситуацию упадка хозяйства общины, вызванного не правительственной политикой и социальным эгоизмом помещиков, а демографическим ростом, низкой урожайностью (при нежелании крестьян-общинников ее радикально повышать) и сильной зависимостью от природно-климатических факторов.

«Социально-политическим следствием такого положения стало беспрецедентное повышение агрессивности общины по отношению

к частному землевладению и к государственной власти. Не пресловутое засилье помещичьего землевладения и крепостнических остатков, а как раз общинная статичность и связанная с ней проблема аграрного перенаселения стали главными дестабилизирующими факторами жизни русской деревни, а вслед за ней и всей страны», – заключает Карпачев⁷.

Большое внимание Карпачев уделяет столыпинской реформе. По данным исследователя, из почти 400 тыс. крестьянских дворов Воронежской губернии более 135 тыс. изъявили желание перейти к подворному землевладению⁸. Оценивая хозяйственные последствия реформы как несомненно успешные, Карпачев отмечает борьбу крестьянской общины против столыпинских крестьян. При этом автор стремится развести понятия «кулак» и «столыпинский крестьянин», поскольку для него кулак – это разбогатевший общинник, мироед, а столыпинский крестьянин – это новатор, человек, зарабатывающий на жизнь своим, высокопродуктивным, трудом. В столкновении этих двух социальных сил (общины и новаторов) Карпачев видит борьбу традиции и модерна, а также трагедию русской истории начала XX века связанную с победой общинной революции.

Важным элементом концепции Карпачева является критика историографии, характеризующей налогообложение на крестьянство как чрезмерное, угнетающее и приводящее к деградации крестьянского хозяйства. По расчетам исследователя, в 1897 г. поземельный налог в 1 рубль на двор при доходности его для Воронежской губернии в 500–600 рублей вряд ли можно было считать обременительным. Губернский, земский, мирские и страховые сборы прибавляли еще до 20 рублей в год налоговой нагрузки. Были еще выкупные платежи, составлявшие до 70 % всего налогообложения с крестьян. Иначе говоря, совокупные налоги и сборы давали до 1907 г. налоговой нагрузки около 70 рублей на двор⁹. Это составляло около 12 % доходов, т.е. ниже современного подоходного налога. Кроме того, после первой российской революции выкупные платежи вообще были отменены.

Аргументом историков, утверждающих о чрезмерности пореформенного налогообложения, было утверждение о растущих недоимках, особенно по выкупным платежам. Задаваясь вопросом о происхождении этих недоимок, Карпачев говорит о том, что этот феномен был связан не с крайней бедностью крестьян, а с совокупностью факторов, исходящих из «моральной экономики» и культуры

администрирования: крестьяне не платили выкупные платежи, потому что считали их несправедливыми; администрация собирала налоги из рук вон плохо; недоимки регулярно прощались¹⁰.

По мнению Карпачева, отмена выкупных платежей радикально улучшила финансовое положение крестьян, а выход из общины открыл возможность столыпинским крестьянам увеличивать эффективность хозяйства и его доходность. Импульс к развитию получила кооперации. Результатом стало снижение с 1910 г. социальной напряженности в деревне и сосредоточение к 1914 г. в руках крестьянства 90 % материальных ресурсов сельского хозяйства губернии. Одновременно, «данные по Воронежской губернии убеждают, что перед мировой войной положение с налоговыми платежами начало стабилизироваться»¹¹.

Наконец, еще одним утверждением, характеризующим состояние деревни перед 1917 годом, является критика концепта о нарастающем в годы Первой мировой войны голоде не только в городах, но и в деревне. По мнению Михаила Дмитриевича, крестьянство Воронежской губернии в годы мировой войны не беднело, не испытывало значительных проблем с продовольствием, а, напротив, богатело, наживаясь на поднимающихся ценах на хлеб и правительственных пособиях семьям мобилизованных¹². Последнее утверждение развивается в целой серии публикаций Карпачева, в т.ч. в академической «Российской истории»¹³, посвященной механизму возникновения продовольственного вопроса в годы мировой войны.

По мнению исследователя, от недостатков и, особенно, дороговизны продуктов питания страдало не сельское, а, преимущественно, городское население. Попытки администрации и местного самоуправления решить эти проблемы не приносили успеха. Установление твердых цен приводило к расстройству рыночных механизмов, спекуляции и саботажу торговцами постановлений думы и администрации. В начале января 1916 г. некоторые торговцы брали до 500 % прибыли, цены на продукты в городе с августа 1914 г. выросли в 1,5–2 раза¹⁴. Участники совещания по продовольственному вопросу начала 1916 г. отмечали неумелость, непоследовательность регулирования цен. Сдерживание цен на сельхозтовары сопровождалось безудержным ростом цен на товары промышленные. Попытки решить усугубляющиеся проблемы дружными усилиями («тесным единением правительственной власти, общественных учреждений и самого

общества, в виде кооперативов и обывательских комитетов») упирались в серьезные противоречия между теми, от кого это зависело.

На экономический кризис накладывался административный. Губернатор в 1915 г. запретил воронежской городской думе создавать продовольственный комитет. Участники январского совещания 1916 г. не смогли добиться единения даже в своих рядах, например, по вопросу о целесообразности такс и необходимости административного вмешательства. Одни настаивали на этих мерах, вплоть до изъятия излишков, другие предлагали убеждать, и в итоге совещание не выработало никаких решений¹⁵.

В итоге, по мнению Карпачева, уже в конце 1915 г. существовал высокий риск возникновения социальных протестов горожан. Очевидно было, что часть населения, связанная с деревней, буквально наживалась, в то время как другая часть (интеллигенция и чиновничество), находилась в трудной ситуации, т.к. не имела дополнительных заработков. Виновниками возникших затруднений городские жители считали не только спекулянтов и купцов, но и начальство «не способное или не желающее принять жестких мер против торговых спекуляций»¹⁶. Современники полагали, что торговцы, заседавшие в городских управах, специально завышали цены, стремясь к максимальной прибыли. «Высшая же в крае власть, утверждая таксу, является, как бы, лицом, помогающим вздорожанию жизни»¹⁷.

«Своеволие торговцев и фактическое бессилие власти порождали убеждение, что победить затруднения могут только общественные силы, высшим представителем которых была Государственная дума. Такие настроения, по оценке ГЖУ, все чаще стали распространяться с весны 1916 г. Именно с этого времени наблюдались самые высокие темпы роста цен. Никакие административные окрики не помогали. Администрация так и не сумела найти эффективных способов борьбы с дороговизной и с нараставшим дефицитом предметов первой необходимости. С течением времени выяснилось, что в ответ на жесткий контроль над ценами производители и торговцы начинали уводить товары с рынка. Эта опасная тенденция заставляла власти с опаской относиться к дальнейшему ужесточению ценовой политики. Выявились две тенденции: руководители силовых ведомств настаивали на усилении контроля и санкций против нарушителей такс, организаторы же заготовок и представители гражданской администрации предпочитали искать иные, главным образом, экономические или просветительные меры», – пишет Карпачев¹⁸.

В дальнейшем, по мнению Карпачева, местное самоуправление просто саботировало, или выполняло без всякого рвения требования администрации, поскольку полагало, что справиться с ситуацией могло только правительство народного доверия. Любой успех коронной администрации был либерально-демократической оппозиции невыгоден. Как следствие, «хроническая для России проблема разобщенности власти и общества во время войны только усилилась, а это ничего хорошего государству не предвещало»¹⁹.

Общий вывод исследователя таков: «Парадигма кризиса была с высокой эффективностью использована радикально-либеральной оппозицией для дискредитации монархического строя, причем не только в центре, но и на местах. К началу 1917 г. несогласованность в деятельности различных управленческих структур обнаруживалась все более зримо. Твердые цены, карточки и разверстка разрушительно действовали на систему рыночного обеспечения, но при слабости администрации эффективно заменить ее не сумели»²⁰.

Характерно, что в разрастании кризиса на первый план, по мнению Карпачева, выходили не экономические, а социально-психологические факторы: «Производственный потенциал сельского хозяйства губернии в целом успешно справлялся с перегрузками. Это обстоятельство лишний раз убеждает в своевременности и целесообразности реформаторских усилий П. А. Столыпина и его сторонников. Тем не менее, именно *угроза голода* (курсив мой. Имеется в виду не реальный голод. – М. Р.) сыграла громадную роль в возникновении революционных кризисов в России на исходе Первой мировой войны»²¹.

Следует подчеркнуть, что Карпачев не смотрит на события прошлого сквозь «розовые очки», не выявляет только положительные стороны жизни народа и правительственной политики. Он не только признает, но и подчеркивает наличие серьезных социально-экономических проблем в городе и деревне, присутствие бескомпромиссной политической борьбы власти и либеральной оппозиции. Столыпинские преобразования несли в российское общество, по его мнению, не только прогресс, но и серьезные социальные проблемы. Как следствие, в работах Михаила Дмитриевича присутствует концепт «маргинальной революции», вину за которую несло и правительство. Карпачев говорит об «отсутствии сколько-нибудь продуманной социальной политики в действиях правительства», называя это «самым крупным недостатком» столыпинских преобразований. «Ставка на

крепкого и хозяйственного крестьянина неизбежно вела к вымыванию из сельского хозяйства все более широких слоев несостоятельных общинников. Следствием реформы являлась, говоря современным языком, заметная маргинализация большей части крестьянства, связанная с потерей ею привычного образа жизни. В стране неизбежно возрастало число людей, жаждавших социального реванша. Когда же разыгралась трагедия Первой мировой войны и пришлось мобилизовать и вооружить многие миллионы крестьян, когда тяготы и лишения новым бременем легли на плечи народа, в стране сложилась благоприятная обстановка для реализации жестокого и разрушительного лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую», – пишет исследователь²².

Таким образом, обобщая идеи Карпачева, можно выделить следующие черты его концепции причин революции 1917 г.:

1. Социально-экономическая ситуация в воронежской деревне начала XX века действительно была напряженной, но связано это было не с целенаправленной политикой государства, стремившегося любой ценой поддержать дворянство, обратить и привести в повиновение полуголодное население, а с деятельностью общины, консервировавшей натуральный характер крестьянского хозяйства и не дававшей развиваться более прогрессивным, рыночным отношениям в деревне;

2. Анализ правительственной политики, напротив, показывает заинтересованность центральных и местных властей в решении социальных противоречий и экономических проблем сельского и городского населения. Столыпинская реформа, нашедшая среди крестьян действительно широкий отклик, попытки решения продовольственных проблем в годы Первой мировой войны, существенное снижение налогообложения после первой российской революции – все это доказывает отсутствие у правительства четко выраженных узкоклассовых (или узкоэлитарных) интересов;

3. Воронежская деревня в целом справлялась с поставками продовольствия в годы Первой мировой войны. Однако неумелое администрирование, непоследовательность продовольственной политики местных властей (включая органы земского и городского самоуправления), спекуляции действительно создавали рост цен и дефицит на продукты и товары первой необходимости в годы Первой мировой войны. При этом говорить о голоде в губернии не приходится, поскольку речь идет, прежде всего, о падении уровня жизни горожан – представителей административного аппарата и интеллигенции. Тем

не менее, угроза возможного голода накаляла социальные настроения в городах, а либерально-демократическая оппозиция умело использовала экономические проблемы и социальное недовольство для конструирования ситуации революционного кризиса;

4. Увеличение риска возникновения социальных протестов создавали просчеты, возникавшие в рамках осуществления столыпинских реформ, а также ситуация Первой мировой войны. Вымывание из деревни значительной части общинников, массовые мобилизации вели к маргинализации большей части населения, что также создавало взрывоопасную ситуацию в обществе.

Следует также подчеркнуть, что в работах последних лет²³ исследователь отмечает тот факт, что пришедшие к власти в 1917 г. либерально-демократические силы, включая «умеренных» социалистов, так и не смогли решить означенные выше проблемы, в частности, с продовольственным обеспечением, и пали под их бременем, уступив место большевистской диктатуре.

Для того, чтобы понять значимость работ Карпачева и формулируемой им концепции следует обратить внимание на те сегменты историографии и концепты, которые подвергаются критике в его работах.

В своих критических замечаниях исследователь, прежде всего, указывает на обобщенную советскую историографию: «советские историки старались доказать, что продовольственный кризис был закономерным итогом антинародной политики властей, заинтересованных исключительно в обеспечении прибылей и выгод эксплуататоров всех мастей: помещиков, промышленной и торговой буржуазии... основной вывод всех трудов одинаков: иного развития при царизме быть не могло, спасти страну от голода и разорения могла только социалистическая революция»²⁴. Среди авторов, результаты исследований которых он подвергает сомнению – И. И. Минц, В. Я. Лаверычев, А. Л. Сидоров, А. П. Погребинский, Т. М. Китанина. Однако, по утверждению Карпачева, его не устраивают и современные объяснения истоков революции: стихийность, заговор (деятельность немцев, масонов), борьба политических группировок²⁵.

Действительно, советские историки, в т.ч. работавшие по материалам Центрального Черноземья, отмечали тотальную бедность крестьянства, вызванную, по их мнению, засильем помещичьего хозяйства, крепостническими пережитками и огромными налогами. Голодовки среди крестьян были обычным делом. Столыпинская проблема не

улучшила ситуацию в деревне, а, напротив, способствовала росту классовой борьбы, поскольку лучшая земля стала передаваться кулакам (в интерпретации советских историков выходили из общины как раз богатые крестьяне – кулаки). Не лучше была ситуация и в городах. Эксплуатация рабочих обычно именовалась бесчеловечной. Первая мировая война только усугубила проблемы, создавая предпосылки и непосредственные причины для революционного взрыва²⁶. Одновременно, после начала революции Временное правительство также использовало свои ресурсы для проведения узкоклассовых целей. Так, Г. И. Псарев полагал, что «выступления трудящегося крестьянства были направлены не против хлебной монополии как таковой, а против попыток Временного правительства, используя регулирующие мероприятия, решить продовольственную проблему за счет бедных в интересах богатых»²⁷. Подняв цены в конце августа 1917 г. на 100 %, правительство обрекало малообеспеченные слои крестьян на голодную смерть, спровоцировав тем самым волну захватов помещичьего имущества осенью 1917 г.

В то же время, имплицитно Карпачев дискутирует и со значительным количеством современных исследователей, отстаивающих ряд положений советской историографии. Например, в работах Ю. В. Кудиновой, Е. А. Зверкова, А. В. Лесных, В. П. Николашина ситуация в деревне представлена как проблемная из-за все тех же непомерных налогов, высокой платы за аренду (крестьянин работал, фактически, себе в убыток). Государство воспринимало деревню как донора для нужд модернизации, столыпинская реформа была незавершенной и возможности ее характеризуются как ограниченные²⁸. Николашин подвергает сомнению саму идею прогрессивности модернизации начала XX века, поскольку в ее ходе разрушались традиционные обязанности государства и помещика перед крестьянами, деградировала столетиями существовавшая «моральная экономика»²⁹. «Ни реформы, ни другие действия экономического и политического характера, проводимые правительством России с середины XIX века, не приносили ожидаемых выгод для общества и даже приводили к частичному разорению дворянства и дальнейшей экономической деградации огромной массы крестьянских хозяйств. Системная бедность, отсутствие перспективы достойной и сытой жизни, фактически беспросветное существование крестьянства, не имевшего земельных наделов, обеспечивающих даже простое поддержание жизни, привели к социальным катаклизмам, которые вылились, в частности, в процесс “черного

передела”, в крестьянскую революцию, – заключает В. П. Николашин. – В этих условиях о прогрессе и модернизации крестьянских хозяйств черноземных губерний не могло быть и речи»³⁰.

Научные выводы Карпачева вступают в противоречия и с известной концепцией С. А. Нефедова, отмечающего, что потребление крестьян Черноземного региона было ниже голодного минимума, причем существенная часть зерна из губерний вывозилась (концепт «голодного экспорта»). Нефедов, вслед за В. П. Даниловым, полагает, что «столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что было уже поздно»³¹, не видит статистической зависимости роста производства от процента выхода из общины и процента землеустроенных наделов³². Нефедов связывает неуплату крестьянами выкупных платежей с оскудением центра, а не с «моральной экономикой» общины, указывает на то, что из общины до 1914 г. вышло 20,1 % крестьян Воронежской губернии³³, что несколько ниже, чем цифры, которыми оперирует Карпачев.

С другой стороны, данные Нефедова подтверждают серьезное снижение налоговой нагрузки после 1907 г., а статистика, приводимая им, указывает на то, что из общины Воронежской губернии выделялись не зажиточные крестьяне, а, скорее, малоземельные. Последнее наблюдение подтверждает критические замечания Карпачева по поводу выводов советской историографии. Также здесь отмечается наличие к 1917 г. голода в крупных городах, при относительно лучшем (хотя у Нефедова и «полуголодном») положении Черноземной деревни, что косвенно подтверждает наблюдения Карпачева.

Таким образом, научные выводы Карпачева оригинальны, способствуют возникновению научной дискуссии и предлагают свои решения острых вопросов аграрной истории конца XIX – начала XX в., хотя в целом близки выводам Б. Н. Миронова о поступательном развитии Российской империи и роли политического фактора в организации февральской революции. Важно и то, что ситуация изучается на местном, локальном, и при этом документальном материале, что позволяет подтвердить или опровергнуть выводы исследователей, оперирующих данными по крупным регионам или по стране в целом. Что касается изучения продовольственной ситуации в городах, то аналогов таких исследований в современной историографии, по крайней мере, Черноземья мы не находим, так что выводы Карпачева на настоящий момент являются передовыми и уникальными.

В то же время, выводы исследователя уязвимы для критики. Отчасти это связано с отсутствием крупного, монографического исследования, позволившего бы обобщить и авторски концептуализировать собранные данные, учитывая, что тематика исследований Михаила Дмитриевича более обширна, нежели те работы, которые анализируются в настоящей работе. Отсутствие таблиц при исследовании статистики имущественного положения различных категорий населения создает трудности в сравнительном анализе с работами других авторов. Статейный характер публикаций порождает, на мой взгляд, противоречия в выводах, которые, вероятно, можно было бы избежать в монографии. Остановимся на этих противоречиях.

Во-первых, утверждая, что налоги на крестьян до 1907 г. были не очень обременительными, Карпачев говорит о невиданном росте сельского хозяйства после отмены выкупных платежей. Параллельно он отмечает нарастание серьезного экономического кризиса, связанного с разными темпами модернизации. Автор неоднократно подчеркивает, что темпы развития аграрного сектора существенно отставали от промышленного развития страны в целом. «Оскудение деревни неизбежно сокращало внутренний рынок для бурно развивавшейся промышленности; системный кризис становился вопросом времени»³⁴, а отсутствие в Воронежской губернии развитой промышленности не давало возможности осуществить «выброс» населения из деревни в города³⁵. Иначе говоря, предлагая считать столыпинскую реформу в целом успешной, исследователь сам же указывает на ее крайне ограниченные возможности и непрекращающийся, а то и нарастающий кризис.

Во-вторых, «всесильная община», препятствовавшая разложению натурального хозяйства и веками отстаивавшая низкие цен на хлеб, согласно другим выводам исследователя, после начала мировой войны вдруг быстро отказывается от «незыблемых идеалов» и переходит к накручиванию стоимости хлеба и другого продовольствия.

В-третьих, несмотря на основной тезис об улучшении социальной ситуации в деревне в межреволюционный период, в отдельных высказываниях и выводах исследователь говорит о сохранении неэффективного администрирования, натурально-потребительского характера хозяйства, огромной роли общины и бедности крестьян, а также о маргинализации значительной части сельского населения³⁶. Формулируемый Карпачевым общий вывод также говорит о том, что правительству в силу многообразных причин так и не удалось преодолеть

все означенные деревенские проблемы: «Слабая исполнительность крестьянства по финансовым повинностям была не только следствием недостатков налоговой политики, но и отражением продолжавшегося господства натурально-потребительского хозяйства в экономике русской деревни. Невысокая денежная доходность, общинный характер социальных отношений и, как следствие, неразвитость гражданского сознания порождали условия для подрыва финансовой исполнительности в среде сельского населения. При невысокой эффективности деятельности администрации создавались условия для разрастания системного кризиса государственного строя. *Такой кризис стал одним из объективных факторов русской революции* (курсив мой. – М. Р.)»³⁷.

В-четвертых, в серии статей по продовольственному вопросу Карпачев регулярно отмечает, что ситуация была не столь драматична, как пытались ее обрисовать советские и некоторые современные исследователи. Так, по наблюдениям исследователя, опирающегося на обследования современников, в 1915 г. рост зарплат горожан Воронежской губернии в целом соответствовал темпам инфляции³⁸. Однако из его же исследований видно, что ситуация неуклонно ухудшалась, что не могло не нагнетать протестную волну.

В-пятых, Карпачев указывает на рост благосостояния сельских жителей в ходе Первой мировой войны. Несомненно, что это тезис важный и в существенной мере необычный для современной историографии Центрального Черноземья. Деревня заметно богатели не только из-за роста цен на хлеб, но и по причине огромных государственных пособий семьям мобилизованных, которые выдавались по закону 1912 г. не только на прямых членов семьи, но и на отца, мать, деда, бабушку, братьев и сестер, «если эти лица содержались трудом призванного». «Кроме того, около миллиона рублей сэкономили крестьяне из-за введения... запрета на продажу крепких напитков»³⁹. При этом автор, судя по всему, поддерживает тех, кто считает социальные меры, предпринимаемые государством, чрезмерными, а настроения крестьян – эгоистическими и, зачастую, иждивенческими. Интересно, что думали об этом жены и дети мобилизованных на фронт мужчин (напомним, что в армию только в Воронежской губернии было призвано 380 тыс. человек или 47 % трудоспособного мужского населения)?

Наконец, в-шестых, регулярно отмечая неэффективность проводившихся мер государственного регулирования, дошедших до введения твердых цен и продразверстки, Карпачев считает, что помочь

ситуации могло только... еще более жесткое государственное регулирование! «Не избыток самовластия [за которое земцы критиковали самодержавие], а дряблая и нерешительная политика помешала взять под эффективный контроль эгоистическую деятельность корыстолюбивых предпринимателей и торговцев... В решающий момент войны самую пагубную роль в судьбе государства сыграла давняя разобщенность интересов, а у верховной власти не хватило решимости ввести совершенно необходимый в тех условиях особый режим производства, экономии и распределения всех материальных, в том числе и продовольственных, ресурсов»⁴⁰.

В действительности, как представляется, Михаил Дмитриевич отчасти отвечает на эти вопросы. Он не отрицает наличие кризисных моментов, но полагает, что власть и самоуправление пытались решить возникавшие проблемы, причем во многих случаях динамика была положительной, а моральные и материальные потери граждан приемлемыми для общества военного времени. Аналогично исследованиям Миронова, Карпачев переводит социально-экономическую ситуацию в губернии в разряд предпосылок для революции, считая реальной причиной разразившегося февральского кризиса 1917 г. борьбу коронной администрации и местного самоуправления, не заинтересованного в успехах «ущербной» царской власти.

Исследования Карпачева позволяют также поставить ряд важных вопросов, касающихся крестьянства. Какие слои сельского населения богатели на поставках в города? Были ли это столыпинские крестьяне? Кулаки? Крестьянство ближайших к городу сел, связанных с товарным производством? Возможно, речь шла не только и не столько о крестьянах, сколько о торговцах и спекулянтах?

Развенчивая советские представления о наличии в деревне классовой борьбы кулаков и бедняков, и утверждая то, что «никакой особой политики поощрения эксплуататорских классов (дворянства и буржуазии) ни центральная, ни местная администрация не проводили»⁴¹, Карпачев, как ни странно, действует в рамках советской парадигмы понятий, где «дворяне» – это царская администрация и крупные землевладельцы, «буржуазия» – это промышленники. Кем же были тогда получавшие прерогативы от центральных и местных властей торговцы? Кем были состоятельные крестьяне, существовавшие вне общины, т.е. не «кулаки» в том смысле, который сейчас в это понятие вкладывается (кулак как непременный член общины, действующий, исходя из традиционных представлений, в отличие от

«рыночного» «столыпинца»)? Не было ли срастание местной администрации и самоуправления с бизнесом в лице торгово-купеческого капитала вариантом, подтверждающим советские представления о буржуазной, элитарной, эгоистичной и, как бы сейчас сказали, коррумпированной власти?

Представляется, что выводы Карпачева испытали на себе влияние современников событий, иначе говоря, исследователь пошел вслед за логикой источника. Таковыми источниками выступили размышления участников социально-политического процесса того времени из, в общем-то, элитарных слоев и администрации: депутатов, земских активистов, торговцев, жандармских и полицейских руководителей. Рассуждения Карпачева поразительным образом напоминают выводы и наблюдения 1920-х гг. историка и земского деятеля Н. Скрынникова, работавшего в Борисоглебском уезде соседней Тамбовской губернии⁴². Более того, исследования Карпачева фактически воспроизводят логику лидера кадетов П. Н. Милюкова, которого сам же исследователь и цитирует: «Неограниченный внешний кредит и печатный станок, выпускавший каждый день бумажек на десятки миллионов, из которых складывались миллиарды, совершенно устранили всякое понятие о необходимости быть бережливым. Один за другим, широкие общественные слои переходили на содержание государства. Деревня не платила налогов и получала пайки. Рабочие не работали и получали быстро возрастающие оклады заработной платы. Фабрикантам эта плата возмещалась в столь же быстро возрастающей цене казенных заказов. Громадная армия тыла, содержащаяся за казенный счет, приучала народ к праздности и к извлечению чрезвычайных доходов от народных бедствий, расстройств торговли и транспорта»⁴³. Как уже говорилось, подобного рода размышления вызывают душевный протест. Людей на этой войне убивали сотнями тысяч. Другие миллионы жили под страхом смерти. Получившие возможность заработать за государственный счет или за счет рыночных механизмов люди, ведущие, в общем-то, нищенское существование, упрекались в лени, эгоизме и иждивенческой психологии!

В любом случае, работы Карпачева доказывают нам, что побеждая одни мифы, мы склонны формировать другие мифы – в данном случае о прогрессивном, богатом и «честном» крестьянине-столыпинце, о земцах-заговорщиках, о «жиреющих» на государственных дрожжах крестьянках и их детях, и проч. Думается, что Михаил Дмитриевич, как чрезвычайно умный и добросовестный исследователь,

не преследовал такой задачи, поэтому обозначенные «неувязки» следует рассматривать как предложение к дальнейшему разговору на заданную тему.

¹ *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. Москва, 2012; *Его же.* Российская модернизация и революция. С.-Петербург, 2019. Впрочем, в 2011 г. выходила публикация, в которой М. Д. Карпачев высказывает критические замечания по поводу концепции Б. Н. Миронова. См.: *Карпачев М. Д.* Различая оптимизм разумный и чрезмерный... // *Российская история.* 2011. № 1. С. 159–160.

² *Давыдов М. А.* Цена утопии : история российской модернизации. Москва, 2022.

³ *Карпачев М. Д.* Столыпинская реформа в Воронежской губернии : итоги и уроки аграрного реформирования // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.* Воронеж, 1995. С. 167–168.

⁴ *Карпачев М. Д.* Русская крестьянская община и государство: социальные истоки конфликта в начале XX в. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 2016. № 1. С. 292.

⁵ Там же. С. 288.

⁶ *Карпачев М. Д.* О налогах и налоговой дисциплине крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология.* 2020. № 3. С. 54.

⁷ *Карпачев М. Д.* Русская крестьянская община и государство... С. 288–289.

⁸ *Карпачев М. Д.* Крестьянский консерватизм и аграрные реформы начала XX века // *Северо-Запад в аграрной истории России.* 2017. № 23. С. 150.

⁹ *Карпачев М. Д.* О налогах и налоговой дисциплине... С. 47–55.

¹⁰ Там же. С. 52, 54.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² *Карпачев М. Д.* Архивные документы о продовольственном положении Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // *Воронежский вестник архивиста.* Вып. 16. Воронеж, 2018. С. 47.

¹³ *Карпачев М. Д.* Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // *Российская история.* 2011. № 3.

¹⁴ *Карпачев М. Д.* Архивные документы... С. 44.

¹⁵ Там же. С. 47–48.

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 50.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Карпачев М. Д.* Архивные документы... С. 53.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ *Карпачев М. Д.* Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 г. : социальные истоки и политические последствия // *Власть и общество*

в прошлом и настоящем : материалы шестнадцатой региональной науч. конф. (Воронеж, 3 февраля 2022 г.). Воронеж, 2022. С. 38.

²² *Карпачев М. Д.* Столыпинская реформа в Воронежской губернии... С. 174–175. Сходные размышления см.: *Его же.* Воронежская деревня накануне революции 1917 года : к оценке предварительных итогов столыпинской аграрной политики // Известия ВГПУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 2.

²³ *Карпачев М. Д.* Продовольственный кризис в Воронежской губернии...

²⁴ *Карпачев М. Д.* Архивные документы... Статья представляет собой расширенный вариант статьи, опубликованной здесь же в 2005 и 2009 гг.; *Его же.* Опасные парадоксы : социально-политическое положение Воронежской губернии накануне падения монархии (по следам одного архивного документа) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 3. Воронеж, 2005; *Его же.* Архивные свидетельства о настроении населения Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Воронежский вестник архивиста. Вып. 7. Воронеж, 2009. Кроме того, вариации статьи были неоднократно опубликованы: *Его же.* Социально-экономическое положение в Воронежской губернии накануне революции 1917 года // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2021. № 1; *Его же.* Кризис продовольственного снабжения...; *Его же.* Власть, крестьянство и город в Воронежской губернии накануне падения монархии // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8. Вып. 1; и др.

²⁵ *Карпачев М. Д.* Архивные документы... С. 33–34.

²⁶ См., напр.: Курск в революции: сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. Курск, 1927. С. 21–22; *Балашов И. Д.* Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. Вып. 1. Воронеж, 1930. С. 27; *Соболев П. Н.* Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 7–9; *Глебов Л. Д.* Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Курской губернии (март 1917 г. – декабрь 1918 г.). Курск, 1952. С. 9–10; *Гульцев Н. Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1953; *Краснов Б. И.* Борьба партии большевиков за создание и укрепление союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Курской губернии, март 1917 г. – март 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1955. С. 7–8; *Дзюба М., Михалев Г.* В борьбе за власть Советов. Орел, 1959. С. 7–8; *Морев П. Г.* Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.) Воронеж, 1961. С. 5–16; *Фефелов В. М.* Борьба воронежской большевистской организации за установление власти Советов и проведение первых земельных преобразований в Воронежской губернии (октябрь 1917 г. – июнь 1918 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1963. С. 183, 190; *Морозов В. Ф.* Борьба большевистской партии за установление советской власти в северочерноземных губерниях центральной России (октябрь 1917 – март 1918 г.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Москва, 1968. С. 15; *Яненко И. Е.* Борьба

большевиков за победу и упрочение советской власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.) Тула, 1977. С. 16–26; *Переверзев А. Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917–1918). Воронеж, 1976. С. 7–8.

²⁷ *Псарев Г. И.* Хлебная монополия и продовольственные комитеты Черноземного центра России в 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1984. С. 152.

²⁸ *Кудинова Ю. В.* Особенности, формы и методы участия крестьян Воронежской губернии в общественном движении в 1900–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. С. 16, 20–21; *Николашин В. П.* Поземельные конфликты в начальный период советской власти : от противостояния общин к борьбе крестьян с коллективными хозяйствами и комбедами // История : факты и символы. 2019. № 3. С. 117; *Зверков Е. А.* Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 года : дис. .. канд. ист. наук. Воронеж, 2018. С. 54, 117; *Лесных А. В.* Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. С. 51–52; *Николашин В. П.* Советские аграрные преобразования в губерниях Черноземного центра 1917–1918 : дис. ... докт. ист. наук. Тамбов, 2020. С. 68; *Пахомова А. Н.* Социально-политические преобразования на рубеже веков : причины и последствия (на материалах Центрально-Черноземного региона). Ч. 2. Курск, 2006. С. 208.

²⁹ *Николашин В. П.* Поземельные конфликты... С. 117.

³⁰ *Карпачев М. Д.* Советские аграрные преобразования... С. 69.

³¹ *Нефедов С. А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. Москва, 2017. С. 128.

³² Там же. С. 127.

³³ Там же.

³⁴ *Карпачев М. Д.* Русская крестьянская община и государство... С. 288–289.

³⁵ *Карпачев М. Д.* Столыпинская реформа в Воронежской губернии... С. 167.

³⁶ *Карпачев М. Д.* О налогах и налоговой дисциплине... С. 54.

³⁷ Там же. С. 55.

³⁸ *Карпачев М. Д.* Архивные документы... С. 43–44.

³⁹ Там же. С. 47.

⁴⁰ Там же. С. 60–61.

⁴¹ Там же. С. 61.

⁴² См.: *Скрынников Н.* Экономический обзор Борисоглебского района // *Верховых В. [М.]* Пять лет борьбы. Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией. Роль Борисоглебской организации РКП(б) в этой борьбе. [Без места и года]. С. 61–68.

⁴³ *Карпачев М. Д.* Архивные документы... С. 61.

Алленова В. А.

**Проблемы истории высшего образования
Воронежского края в научном творчестве
М. Д. Карпачева**

В обширной проблематике научного творчества проф. М. Д. Карпачева не последнее место занимают проблемы истории высшего образования. И это не случайно – ведь почти вся профессиональная деятельность Михаила Дмитриевича неразрывно связана с Воронежским государственным университетом. В силу этого закономерным представляется обращение профессора к истории *alma mater*, в которой он работает уже 50 лет. И половину этого срока, с середины 1990-х гг., Михаил Дмитриевич тщательно и скрупулезно изучает сложный, наполненный радостными и драматическими событиями, университетский путь. Результатом этого кропотливого труда стало появление фундаментальной работы по истории Воронежского государственного университета, выдержавшей уже три издания – в 1998, 2003 и 2013 гг.¹ С каждым последующим выпуском, дополненным и расширенным, монографии Карпачева наполнялись новым фактическим материалом, вновь открываемыми страницами богатой университетской истории. Это наглядно заметно даже из объема изданий, насчитывавших первоначально 111 страниц, затем 472 и, наконец, 560 страниц.

Первая монография «Воронежский университет: начало пути» посвящена, как и следует из ее названия, периоду становления университета. В двух ее главах освещены предыстория вуза, его учреждение в 1918 г., непростые перипетии формирования организационной, научной и учебной жизни университета в 1920-е гг. Не случайно одному из параграфов автор дал название «Испытание на прочность».

По мере изучения дальнейших этапов истории университета, Карпачев продлил хронологические рамки своего исследования. Во второй монографии под названием «Воронежский университет: вехи истории. 1918–2003», выход которой был приурочен к 85-летию вуза, изложение доведено до начала XXI в. В ней нашли отражение драматические события тридцатых годов, ознаменовавшиеся коренной реорганизацией университета и репрессиями против его ректоров и сотрудников, обстоятельства эвакуации и реэвакуации вуза в годы Великой Отечественной войны, история послевоенного возрождения университета и его развития в 1950–1960-е гг., а также

период 1970–1990-х гг., в начале которого ВГУ вошел в пятерку вузов страны, награжденных орденом В. И. Ленина.

Во втором издании монографии, приуроченном уже к 95-летию ВГУ, Михаил Дмитриевич сохранил выделенные им ранее хронологические этапы университетской истории, расширив и дополнив их содержание, и доведя изложение до 2013 г. Свое исследование Карпачев построил на богатом и разнообразном источниковом материале, включающем в себя документы из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, фондов Государственного архива РФ, Государственного архива Воронежской области, Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, архива ВГУ, воспоминания и мемуары сотрудников и студентов, публицистику, периодическую печать разных лет. Столь значительный массив документальных источников позволил автору не только проследить основные вехи истории вуза, но и воссоздать судьбы многих его сотрудников и студентов на фоне исторических событий, определявших вектор их деятельности, а также непростые, и порой трагические, линии жизни.

Несомненным достоинством всех трех монографий является наличие справочного материала – приложений, состоящих из хронологии основных событий истории ВГУ, списка ректоров с краткими биографиями, именного указателя, иллюстративного материала. Фотодокументы, представленные в книгах, знакомят читателя с действующими лицами университетской истории, помогают наглядно представить те или иные эпизоды жизни вуза в различные периоды.

Исследование М. Д. Карпачева было высоко оценено коллегами-историками. Так, проф. В. С. Рахманин отметил в качестве главных его достоинств умелое воссоздание подлинной истории вуза, свободной от вымыслов и мифов, сюжетное построение изложения с выделением осевых линий и преобладающей магистрали, а также понимание истории ВГУ как коллективного творения². Проф. А. Ю. Минаков назвал исследование Карпачева уникальным и огромным по нынешним временам трудом³.

Однако следует отметить, что не все университетские сотрудники столь же однозначно восприняли предложенную профессором концепцию истории университета, особенно ее начального этапа. Это привело к затяжной дискуссии, растянувшейся на долгие годы. Ее участниками стали преподаватели математического факультета В. А. Костин, Ю. И. Сапронов и Н. Н. Удоденко, написавшие

несколько работ, посвященных профессору и ректору (1909–1914, 1917–1918) Императорского Юрьевского университета В. Г. Алексееву⁴. В противовес М. Д. Карпачеву они утверждали, что Юрьевский университет был не закрыт в 1918 г., а как юридическое лицо эвакуирован в Воронеж, где под руководством Алексеева реорганизован в ВГУ. Таким образом, по утверждению математиков, университет в Воронеже стал правопреемником Юрьевского университета, а Алексеев – его первым ректором. В этой связи они адресовали Карпачеву ряд вопросов, в том числе о наличии официального распоряжения советского правительства, прекратившего деятельность Юрьевского университета и учредившего университет в Воронеже.

Отвечая на вопросы оппонентов, Карпачев заметил, что Юрьевский университет как русское учебное заведение был закрыт по решению немецких и эстонских властей, т.к. Юрьев (Тарту) с весны 1918 г. был занят немецкими войсками и находился вне советской юрисдикции. Что же касается постановления об организации Воронежского университета, то в архивах оно не обнаружено и, скорее всего, его не было, а университет в Воронеже начал действовать фактически. Решающим основанием для начала его деятельности стало постановление правительства от 20 июня 1918 г. о создании Комитета по устройству университета в Воронеже во главе с проф. В. Э. Регелем.

При этом Карпачев особо отметил, что он не только не отрицает связь между Юрьевским и Воронежским университетами, но в полной мере отдает должное юрьевским профессорам, сотрудникам и студентам, которые в тяжелейших условиях гражданской войны сыграли решающую роль в создании одного из первых советских университетов. Научные и педагогические традиции Юрьевского университета, перенесенные на воронежскую землю, имели большое значение для развития воронежского вуза. Однако, как справедливо подчеркнул Михаил Дмитриевич, у ВГУ своя богатая и славная история и в заимствовании не принадлежащего ему исторического прошлого он не нуждается.

В 2013 г. дискуссия между историком и математиками продолжилась на страницах газет «Воронежский университет», «Воронежский курьер» и других изданий. В своих публикациях Карпачев, признавая заслуги видного математика, тем не менее, опровергал сенсационное, по его словам, утверждение о том, что именно Алексеев является первым ректором ВГУ⁵. На неопровержимых фактах профессор доказывал, что история создания ВГУ не сводится к простому

территориальному перемещению прибалтийского университета, так как эвакуации Юрьевского университета как юридического лица не было. В противном случае в Тарту пришлось бы создавать новый университет и начинать его историю с 1918 г. Не случайно после подписания Рижского договора в 1921 г. из Воронежа в Тарту были отправлены 48 вагонов с книгами и оборудованием, чего не могло бы произойти при узаконенной советской властью эвакуации Юрьевского университета. Даже у эстонских историков не возникало сомнений в том, что деятельность Императорского Юрьевского университета была принудительно прекращена. Следовательно, не Алексеев, констатировал Карпачев, а Регель стал первым ректором ВГУ. Тем не менее, несмотря на всю убедительность этих доводов, и спустя десятилетие с начала разгоревшейся дискуссии, уважаемые математики не считают для себя возможным принять аргументы авторитетного историка. Они так и остаются при своем мнении, лишней раз подтвердив приверженность ему в своей очередной книге об Алексееве, изданной в 2021 г.⁶

Следует констатировать, что особенностью творческого почерка Карпачева является то, что после публикации исследования на ту или иную тему, он не считает для себя возможным закрыть ее для дальнейшего изучения. По мере обнаружения новых источников, появления публикаций коллег он вновь возвращается к уже, казалось бы, исчерпанной проблематике, насыщая свои работы новым фактическим материалом, дополняя и развивая свои концепции на основе вновь открывшейся информации.

Изучив ключевые моменты в истории становления и роста ВГУ, как одного из крупнейших вузов России, Карпачев выделил три наиболее драматических периода, когда университет оказывался у опасной черты, фактически на грани полного уничтожения. Первый относится к годам гражданской войны и последующей разрухи, когда университету удалось выстоять благодаря самоотверженности и стойкости его персонала; второй – ко времени коренной реорганизации в начале 1930-х гг., когда университет едва не был закрыт вследствие выведения из его структуры ряда факультетов, и только вмешательство научной общественности, в том числе АН СССР, спасло его. В число сохранных 13 университетов вошел и Воронежский. И третье испытание, постигшее университет, относится к военному времени, поставившему его на грань выживания, когда во время оккупации была практически уничтожена материальная база,

разрушены учебные корпуса, разбито или вывезено оборудование, и только ценой огромных усилий сотрудников и студентов, а также благодаря помощи местных и центральных властей, университету удалось выжить. При этом он не просто выстоял, но, будучи центром притяжения научных сил, превратился в крупное учебно-научное учреждение, имя которого с гордостью и благодарностью вспоминают многие тысячи его выпускников.

В центре особо пристального внимания Карпачева находится первый из выделенных ключевых моментов – история и обстоятельства основания Воронежского университета. Этой сложной и во многом мифологизированной проблеме Михаил Дмитриевич посвятил наибольшее число публикаций⁷. В них он впервые в историографии, основываясь на документальных достоверных источниках, детально и последовательно осветил длительную историю борьбы воронежской общественности за учреждение в родном городе высшего учебного заведения, начиная еще с середины XIX в. Карпачев проанализировал причины, ставшие основанием для предъявления прав на его устройство, главной из которых являлось положение Воронежа как административного, экономического и культурного центра густонаселенной полосы России; рассмотрел содержание предлагавшихся проектов, а также проанализировал причины постигших их неудач. Интерес представляет описанный Карпачевым малоизвестный факт о причастности к одному из таких проектов выдающегося ученого и государственного деятеля П. П. Семенова-Тян-Шанского, который написал положительный отзыв на ходатайство Воронежского губернского земства об учреждении в Воронеже университета (1906–1907)⁸. И, наконец, Михаил Дмитриевич скрупулезно воссоздал обстоятельства практической реализации давнего замысла в 1918 г. в связи с частичным перемещением персонала и материальной базы бывшего Юрьевского университета в Воронеж.

Уже в начале своего пути молодой университет столкнулся с проблемой недостаточной подготовленности студентов из пролетарских слоев к обучению в высшей школе. Помочь в решении этой проблемы должны были такие своеобразные подготовительные структурные подразделения, как Рабочие факультеты (рабфаки), призванные подготовить пролетарскую молодежь к учебе и изменить социальный состав студенчества в пользу победившего класса. По документам ГАВО Карпачев осветил и эту малоизвестную страницу из истории ВГУ. Он рассмотрел правила приема на рабфак Воронежского

университета (1920–1939), его структуру, организацию учебного процесса, учебные программы, выявил количественный и национальный состав студентов, описал их быт, дал общую оценку деятельности рабфака и назвал причины его закрытия вследствие выполнения поставленных перед ним задач⁹.

Несколько отдельных статей Карпачев посвятил проблеме реорганизации Воронежского университета в 1929–1932 гг.¹⁰ Проанализировав положение успешно развивавшегося вуза, обладавшего к концу 1920-х гг. уже солидными научными силами, сложившимся студенческим контингентом и укрепившимся статусом, Михаил Дмитриевич выявил причины перестройки университетского образования в этот период. Так, он отметил, что начавшийся подъем промышленности вызвал усиление внимания к подготовке специалистов в области естественных наук и плановой экономики. В связи с установкой на подъем тяжелой промышленности и коллективизацию сельского хозяйства, были приняты меры к расширению подготовки физиков и химиков, в частности, в структуре университета был создан четвертый факультет – химико-биологический.

В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решение о реорганизации системы высшей школы с тем, чтобы на основе факультетов многопрофильных вузов учредить отраслевые институты для подготовки кадров первых пятилеток. Университеты были объявлены пережитком старины и наследием старой России, в связи с чем ряд вузов был закрыт. Подобная угроза нависла и над Воронежским университетом, из состава которого в 1931 г. были выделены медицинский, экономический и педагогический факультеты. Проследив изменение принципов учебного процесса, состояние материальной базы вуза, бытовые условия проживания студентов, положение аспирантуры и другие аспекты, Карпачев констатировал, что университет, чья ликвидация могла бы привести к невосполнимым утратам в области фундаментальных наук, все-таки сумел устоять и продолжить свое развитие. Воссоздавая историю университета в 1930-е гг., Михаил Дмитриевич впервые в полной мере реконструировал картину установившейся в то время идейно-политической нетерпимости и начавшихся репрессий против профессорско-преподавательского состава. Процесс политизации общественной и научной жизни он рассмотрел на примере во многом определявшего на тот момент лицо университета биологического факультета, сотрудники которого подверглись политическим репрессиям и жестким преследованиям¹¹.

К эпохе тридцатых годов Карпачев вновь обратился в статье, посвященной ректорам ВГУ. Характеризуя этот период как на редкость противоречивый, отмеченный как впечатляющими экономическими, культурными и социальными переменами, так и невиданными по масштабам репрессиями, Михаил Дмитриевич на фоне этой сложной эпохи проследил судьбу пяти руководителей ВГУ: Г. Т. Чуича (1927–1929), П. Ф. Сапожникова (1929–1931), И. П. Подволоцкого (1932–1934), А. Я. Норина (1934–1936), А. Л. Щепотьева (1936–1938)¹². Все они подверглись суровым гонениям и репрессиям, а четверо последних были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. В статье прослежены основные вехи личных и служебных биографий ректоров, подробно освещены детали возбужденных против них следственных процессов. Справедливо полагая, что в служебной деятельности и личных судьбах ректоров ВГУ нашли отражение как героические, так и трагические события в истории страны и вуза, Карпачев посвятил еще одну статью трем из 19 ректоров – В. Э. Регелю (1918–1925), П. Ф. Сапожникову (1929–1931) и Б. И. Михантьеву (1953–1965)¹³. Они были руководителями университета в разные, но очень характерные периоды его истории. На время руководства первого из них пришлось сложное коллизии организационного периода – становления нового вуза; второго – не менее драматические события, связанные с реорганизацией вуза и обвинениями в адрес ректора в «антипартийном уклоне», последовавшим арестом, помещением в концлагерь и расстрелом в 1937 г. Менее драматичным, но также сложным было послевоенное время, пришедшееся на руководство вузом Михантьева. Карпачев последовательно проследил все направления его деятельности, увязав положительные моменты – усложнение структуры университета, развитие учебной и научной работы, строительство новых корпусов и укрепление материальной базы – с его эффективным руководством.

Не обошел своим вниманием Карпачев и наиболее трагический период в истории университета – годы Великой Отечественной войны¹⁴. Проанализировав положение университета в канун войны, Михаил Дмитриевич рассмотрел организационную перестройку учебного процесса, участие преподавателей и студентов в оборонительных мероприятиях и в формировании дивизии народного ополчения, комиссаром которой стал ректор Н. П. Латышев, обстоятельства эвакуации вуза в Елабугу и последующей реэвакуации.

Проследившая дальнейшую судьбу университета, Карпачев в деталях воссоздал картину послевоенного восстановления учебной и научной деятельности, а также дальнейшее развитие ВГУ в 1950–1960-х годах¹⁵. И опять в центре внимания Михаила Дмитриевича события, связанные с борьбой на идеологическом фронте. Во второй половине 1940-х гг. в условиях, когда сугубо научным разногласиям был придан характер классовых конфликтов, существенные потери вновь понес биологический факультет, игравший решающую роль в формировании учебного и научного потенциала вуза. Карпачев рассказал, каким образом последствия печально известной сессии ВАСХНИЛ августа 1948 г., приведшей к разгрому советской генетики, отразились на судьбах ученых биологического факультета – проф. П. П. Дубинина, Д. Ф. Петрова, доц. Е. Д. Постниковой. Эти события определили перестройку работы всего биологического факультета, в результате чего исследования в области генетики в университете были фактически свернуты¹⁶.

Что же касается последующего периода, то 1950–1960-е гг. Карпачев характеризует как «третье рождение университета». Право на подобное определение дает интенсивный рост вуза в это время – открытие новых факультетов, введение в строй учебных корпусов и общежитий, формирование новых научно-исследовательских школ и направлений, увеличение студенческого контингента и профессорско-преподавательского состава и т.д.

Систематически и плодотворно работая в архивах, Карпачев стал первооткрывателем многих малоизвестных страниц истории воронежской высшей школы. Большинство из них относится к периоду 1930-х гг., так как именно это время отмечено наиболее значительными переменами в области организации высшего образования. Курс на форсированную индустриализацию потребовал коренной реорганизации, в особенности это касалось отраслевых институтов, осуществлявших подготовку профильных специалистов. Тенденция разукрупнения многопрофильных вузов привела к выделению из Воронежского университета некоторых факультетов, на основе которых были созданы новые вузы. Так возник ряд воронежских институтов – из педагогического факультета ВГУ вырос педагогический институт, из медицинского факультета – медицинский институт, а на базе старейшего воронежского вуза СХИ (учрежден в 1912 г.) были созданы технологический и лесотехнический институты.

Несколько статей Карпачев посвятил деятельности Планово-экономического института, учрежденного в 1931 г. на основе экономического факультета ВГУ и реорганизованного в 1932 г. в Воронежский институт народно-хозяйственного учета (ВИНХУ), Воронежского института марксизма-ленинизма (ВИМЛ), Воронежского авиационного института (ВАИ)¹⁷. Что касается первого из перечисленных вузов, вошедшего в систему учебных центров Госплана СССР, то Карпачев проанализировал его структуру, финансово-хозяйственное положение и материальную базу, учебные планы, состав сотрудников, динамику студенческого контингента и организацию его быта, проблематику научных исследований. История института показана на фоне политической обстановки тех лет, особенности которой привели в итоге к обескровливанию небольшого преподавательского коллектива в результате политических репрессий, и слиянию вуза в 1941 г. с Воронежским университетом. Другим малоизвестным воронежским учебным заведением, также претерпевшим ряд реорганизаций и смену названий, стал вуз сугубо идеологического профиля, первоначально носивший название Губернская советская партийная школа. Она была открыта в 1920 г. для подготовки работников советского и партийного аппарата. В 1930 г. на ее базе был учрежден Коммунистический университет ЦЧО им. И. М. Варейкиса как высшее учебное заведение системы марксистско-ленинского просвещения. Спустя два года из его состава выделились институт марксизма-ленинизма для подготовки кадров для Института Красной профессуры и коммунистическая высшая сельскохозяйственная школа, призванная готовить сотрудников сельского партийно-советского аппарата. Карпачев раскрыл направления деятельности института, проанализировал количественный и качественный преподавательский и студенческий состав, осветил процесс политических гонений на видных сотрудников вуза. Раскрывая причины закрытия вуза в 1938 г., Михаил Дмитриевич пришел к выводу, что они заключались не только в политических репрессиях, ослабивших преподавательский коллектив, но и в том, что в условиях установившегося идеологического диктата функционирование отдельных «питомников идеологического единообразия» стало нецелесообразным и экономически невыгодным.

Изучил Карпачев и короткую судьбу Воронежского авиационного института (ВАИ), учрежденного в 1940 г. на базе инженерно-строительного института. В сентябре 1941 г. он был эвакуирован в

Ташкент, однако в почти целиком разрушенный Воронеж не вернулся, а был реэвакуирован отдельными частями в Ленинград и Куйбышев.

Не обошел своим вниманием Михаил Дмитриевич и педагогический и медицинский институты, успешно развивавшиеся в предвоенное десятилетие. Они также были созданы на базе выведенных из состава университета в 1930–1931 гг. соответствующих факультетов. В 1930-е гг. продолжалась устойчивая деятельность старейшего в регионе Воронежского сельскохозяйственного института. Позитивными тенденциями была отмечена работа инженерно-строительного и технологического институтов, а также нового вуза, открывшегося в 1926 г., – зооветеринарного.

С результатами своих изысканий в области истории высшей школы Карпачев регулярно знакомит коллег, выступая на конференциях различного уровня. Так, обстоятельствам учреждения Воронежского университета он посвятил свое выступление на 12-й Региональной научной конференции в ВГУ (Воронеж, 2 февраля 2018 г.)¹⁸. Проблема реорганизации Воронежского университета на рубеже 1920–1930-х гг. рассмотрена в докладе на XIV областной научно-практической краеведческой конференции 25 ноября 1999 г., приуроченной к десятилетию работы Воронежского областного Совета краеведов (ВОСК)¹⁹. Ряд выступлений на региональных и международных конференциях Карпачев посвятил положению университета и других воронежских вузов в годы Великой Отечественной войны²⁰. На начало войны в Воронеже было 12 вузов, осуществлявших подготовку инженерных, педагогических и научных кадров. Михаил Дмитриевич определил особенности учебной, научной и общественно-политической деятельности каждого из них в военное время, раскрыл вклад студенческого и преподавательского коллективов в восстановление разрушенной материальной базы вузов, возрождение и развитие системы подготовки специалистов.

Трудности послевоенного периода истории ВГУ нашли отражение в докладе, сделанном на 5-й Международной научно-методической конференции «Фармобразование-2013»²¹. Этапы университетской истории были проанализированы в выступлении Карпачева на международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие» в 2003 г.²² В 2019 г. Карпачев выступил с докладом об истории становления и развития воронежской высшей школы на научно-практической конференции, посвященной 85-летию Воронежской области²³. О роли ректора Б. И. Михантьев в укреплении статуса

Воронежского университета Карпачев рассказал на 3-й Всероссийской научно-методической конференции в Медицинской академии в 2007 г.²⁴

Проделав столь значительную работу по изучению истории высшей школы и приобретя уверенные навыки в подобных исследованиях, Карпачев считал необходимым поделиться накопленным опытом с коллегами, став автором методических рекомендаций по написанию истории вуза²⁵. Он также регулярно вносит значительный вклад в популяризацию истории ВГУ, публикуя на страницах его художественно-публицистического альманаха «Университетская площадь» и газеты «Воронежский университет» соответствующие статьи, сопровождая их богатым иллюстративным материалом²⁶.

Не оставлен вниманием Карпачева и его родной исторический факультет. Профессор является автором ряда публикаций об истории факультета и возглавлявшейся им в течение длительного времени кафедры истории России, а также непременным соавтором вступительных статей к изданиям, содержащим биографические справки о сотрудниках исторического факультета ВГУ²⁷.

Карпачев справедливо полагает, что университетскую историю и университетскую жизнь невозможно представить без наиболее ярких представителей профессорско-преподавательского состава. Им он также посвятил ряд своих публикаций. В одной из них Карпачев раскрыл обстоятельства драматической судьбы арестованного в 1937 г. заведующего кафедрой неорганической и физической химии на химическом факультете ВГУ Н. В. Култашева (1874–1948)²⁸. Несколько статей посвящены преподавателям исторического факультета – проф. В. П. Лысцову, проф. Б. Я. Табачникову, проф. В. Н. Глазьеву²⁹, доц. М. М. Шевченко, бывшему декану исторического факультета (1958–1961, 1972–1975)³⁰. Михаил Дмитриевич также отдал долг памяти своим предшественникам в области изучения истории русского революционного народничества – выпускнику Воронежского педагогического университета, проф. исторического факультета МГУ М. Г. Седову (1912–1991) и профессору кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института В. Ф. Антонову (1919–2014)³¹.

Будучи признанным авторитетом в области истории образования, Карпачев неоднократно выступал в качестве научного редактора и рецензента посвященных этой проблематике изданий. Так, он стал редактором и рецензентом монографии о дореволюционной истории

воронежского народного образования проф. Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования (ВОИПКипРО) Ю. В. Пыльнева³². Карпачев – научный редактор монографии о дореволюционном развитии сельскохозяйственного образования и научной агрономии в России проф. Воронежского государственного аграрного университета В. Н. Плаксина³³, рецензент двух коллективных монографий об образовательных организациях системы МВД/НКВД в Воронежском регионе сотрудников Воронежского института МВД РФ³⁴. Кроме того, он откликнулся обстоятельными рецензиями на монографии проф. кафедры педагогики и педагогической психологии ВГУ В. М. Коровина о военной педагогике дореволюционной России³⁵ и доц. О. В. Гришаева о партийно-государственной политике в области организации исторического образования и изучения отечественной истории первых десятилетий советской власти³⁶.

Карпачев также являлся редактором сборника научных статей «Российские университеты в XIX – начале XX века», издававшегося на кафедре новейшей отечественной истории и историографии ВГУ. В числе других редактируемых им изданий библиографическое пособие, посвященное проф. А. Ю. Минакову³⁷; справочное издание «Имена Воронежа-425», для которого он написал статьи о 22-х университетских профессорах³⁸. Карпачев – автор большого количества статей о высших учебных заведениях и их сотрудниках, написанных для «Воронежской энциклопедии» и «Воронежской историко-культурной энциклопедии».

Придавая большое значение изучению проблем истории образования, Карпачев внес вклад в подготовку специалистов в этой области, став научным руководителем двух диссертаций, посвященных истории земского образования в Воронежском уезде и Курской губернии, которые были успешно защищены под его руководством Е. А. Бережной и Т. П. Мамаевой³⁹.

В завершение краткого историографического очерка его автору остается только пожелать уважаемому Михаилу Дмитриевичу долгих плодотворных лет жизни и новых увлекательных изысканий в области истории отечественного образования!

¹ Карпачев М. Д. Воронежский университет : начало пути. Воронеж, 1998; *Его же*. Воронежский университет : вехи истории. Воронеж, 2003; *Его же*. Воронежский университет : вехи истории, 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2013.

² *Рахманин В. С.* Размышления над книгой, историей и судьбами (Вместо рецензии...) // Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 10. Воронеж, 2004.

³ *Минаков А. Ю.* Вехи университетской истории (рец. на кн. : Карпачев М. Д. Воронежский университет : вехи истории. 1918–2013. Изд. 2-е испр. и доп. Воронеж : ВГУ, 2013. 560 с.) // Вестник ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования. 2014. № 1.

⁴ *Костин В. А., Сапронов Ю. И., Удоденко Н. Н.* Профессор Виссарион Григорьевич Алексеев и Воронежский университет. Воронеж, 2012; *Их же.* Реальные факты истории ВГУ. Профессор чистой математики В. Г. Алексеев и его вклад в становление ВГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Математика, физика. 2014. № 19. Вып. 36.

⁵ *Карпачев М. Д.* Об одной мнимой сенсации из истории становления Воронежского университета // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2013. № 1; *Его же.* Об одной псевдосенсации // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Воронеж, 2013. № 1/2 (112/113).

⁶ *Костин В. А., Сапронов Ю. И., Удоденко Н. Н.* Профессор В. Г. Алексеев – отверженный патриот русской науки. Воронеж, 2021.

⁷ *Карпачев М. Д.* История основания Воронежского университета : долгий путь исканий и надежд // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 1998. № 1; *Его же.* Основание Воронежского университета // Отечественная история. 1998. № 5; *Его же.* Перемещение университета из Юрьева в Воронеж // Логос. 2005. № 6 (51); *Его же.* «Приветствуем воронежцев с государственным университетом» : 95 лет со дня основания ВГУ // Подъем. Воронеж, 2013. № 11; *Его же.* Основание Воронежского университета // Высшее образование в России : научно-педагогический журнал. 2018. № 8/9; *Его же.* В начале пути : основание Воронежского государственного университета (к 100-летию события) // Воронежская педагогическая школа : дидактическая реконструкция : коллективная монография. Воронеж, 2018.

⁸ *Карпачев М. Д., П. П. Семенов-Тян-Шанский* и вопрос об основании Воронежского университета в 1906–1907 годах // Научная и общественная деятельность П. П. Семенова-Тян-Шанского и развитие современной России (к 170-летию со дня рождения) [Сб. ст.]. Воронеж, 1997.

⁹ *Карпачев М. Д.* Документы государственного архива Воронежской области о рабфаке имени Первой конной армии // Воронежский вестник архивиста. Вып. 5. Воронеж, 2007.

¹⁰ *Карпачев М. Д.* Воронежский университет в годы реконструкции (1929–1932) // Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – нач. XX века : сб. науч. тр. Воронеж, 1999; *Его же.* Воронежский университет в годы реконструкции (1929–1932) // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского ун-та М. Г. Седова). Москва, 2005; *Его же.* Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Воронежского государственного университета) // Новое прошлое : научный журнал гуманитарного профиля. Ростов-на-Дону, 2016. № 2.

¹¹ Карпачев М. Д. О генетике И. Е. Трофимове, энтомологе Н. Н. Конакове и не только о них : из жизни биологов Воронежского университета в 1930-е годы // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2002. № 1; *Его же*. Из жизни биологов Воронежского университета в 1930-е гг. (И. Е. Трофимов, Н. Н. Конаков и др.) // Из истории Воронежского края : сб. ст. Вып. 13. Воронеж, 2005.

¹² Карпачев М. Д. Из эпохи тридцатых годов : судьбы ректоров ВГУ // Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 8. Воронеж, 2002.

¹³ Карпачев М. Д. Три ректора – три вехи в истории Воронежского университета // Подъем. Воронеж, 2018. № 11.

¹⁴ Карпачев М. Д. Воронежский университет в годы Великой Отечественной войны // Университетская площадь. Воронеж, 2015. № 7/8.

¹⁵ Карпачев М. Д. Послевоенное возрождение Воронежского университета // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 10. Воронеж, 2009; *Его же*. Время развития и надежд : Воронежский университет в 1950–1960-е годы // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 1.

¹⁶ Карпачев М. Д. Сессия ВАСХНИЛ и Воронежской университет : драмы конца 1940-х гг. // Из истории Воронежского края : сб. ст. Вып. 10. Воронеж, 2002.

¹⁷ Карпачев М. Д. Институт особого назначения (по архивным фондам 1930-х гг.) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 9. 2011; *Его же*. Забытый вуз : Воронежский институт народнохозяйственного учета // Из истории Воронежского края : сб. ст. Вып. 17. Воронеж, 2010; *Его же*. Забытые вузы : из истории воронежской высшей школы 1930-х годов // Вестник ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования. 2012. № 1; *Его же*. Забытые вузы ВИНХУ, ВИМЛ, ВАИ : из истории воронежской высшей школы 1930-х гг. // Страницы истории и историографии Отечества : сб. науч. тр. Вып. 6. Воронеж, 2019.

¹⁸ Карпачев М. Д. Как был основан Воронежский университет // Личность, общество, власть : прошлое и современность : материалы 12-й Региональной науч. конф. Воронеж, 2018.

¹⁹ Карпачев М. Д. Реорганизация Воронежского университета в 1929–1932 гг. // Десять лет работы ВОСК. Итоги и перспективы : материалы XIV Областной науч.-практич. краеведческой конф. Воронеж, 1999.

²⁰ Карпачев М. Д. Воронежский университет в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война : взгляд из XXI века : материалы межвуз. науч. конф. Воронеж, 2005; *Его же*. Воронежский университет в годы войны // Центральная Россия в годы Великой Отечественной войны : материалы региональной научной конференции. Воронеж, 2010; *Его же*. Вузы Воронежа в годы Великой Отечественной войны // Сражение за Воронеж и его место в истории Великой Отечественной войны : материалы междунар. науч.-практич. конф. Воронеж, 2018.

²¹ Карпачев М. Д. Послевоенное возрождение Воронежского университета к юбилею ВГУ // Пути и формы совершенствования фармацевтического образования. Создание новых физиологически активных веществ : материалы 5-й Междунар. науч.-методич. конф. «Фармообразование-2013». Воронеж, 2013.

²² Карпачев М. Д., Глазьев В. Н. Воронежский университет : вехи истории // Славянский мир : общность и многообразие : материалы междунар. науч. конф. Воронеж, 2003.

²³ Карпачев М. Д. Высшая школа в Воронежской области : этапы развития // Воронежской области – 85 лет : материалы науч.-практич. конф. Воронеж, 2019.

²⁴ Карпачев М. Д. Б. И. Михантьев на посту ректора Воронежского университета // Пути и формы совершенствования фармацевтического образования : материалы 3-й Всерос. науч.-методич. конф. Воронеж, 2007.

²⁵ Карпачев М. Д. Работа по написанию истории вуза : методич. рекомендации. Воронеж, 2001.

²⁶ Карпачев М. Д. Три легендарных ректора // Университетская площадь : художественно-публицистический альманах. 2013. № 6. С. 15–27; *Его же*. Воронежский университет в годы Великой Отечественной войны; *Его же*. Как был основан Воронежский университет : к 100-летию события // Университетская площадь : художественно-публицистический альманах. 2018. № 10.

²⁷ Карпачев М. Д. Изучение истории общественного движения на кафедре истории России // Исторические записки : науч. труды ист. ф-та ВГУ. № 6. Воронеж, 2000; Карпачев М. Д., Акиньшин А. Н. Исторический факультет : вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета : биографический справочник сотрудников, 1940–2001. Воронеж, 2003 (2-е изд., 2015); Карпачев М. Д., Мокшин Г. Н. Кафедра истории России // Исторический факультет Воронежского государственного университета. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2005; Карпачев М. Д. Исторический факультет : вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета. Воронеж, 2010; *Его же*. Исторический факультет / В. Н. Глазьев [и др.] // Всегда в движении : 1918–2013. Воронеж, 2013.

²⁸ Карпачев М. Д. Судьба профессора Н. В. Култашева (из истории Воронежского университета в 1930–1940-е гг.) // Проблемы всеобщей и отечественной истории. Воронеж, 2006.

²⁹ Карпачев М. Д. Жизнь и творчество М. В. Ломоносова в освещении воронежского историка В. П. Лысцова // ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования. 2011. № 1; *Его же*. Жизнь и деятельность М. В. Ломоносова в освещении воронежского историка В. П. Лысцова // Быстрый разумом Невтон : сб. науч. ст. Воронеж, 2012; *Его же*. Бронислав Яковлевич Табачников : человек, ученый, педагог // Табачников Б. Я. Славистические этюды. Избранное. Воронеж, 2013; *Его же*. К юбилею В. Н. Глазьева // Владимир Николаевич Глазьев : биобиблиографическое пособие. Воронеж, 2020.

³⁰ Карпачев М. Д. Памяти М. М. Шевченко // Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 7. Воронеж, 2001.

³¹ Карпачев М. Д. О научном и педагогическом наследии профессора М. Г. Седова (вместо предисловия) // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени : сборник статей к 90-летию со дня рождения

профессора М. Г. Седова. Воронеж, 2005; *Его же*. Творческий путь профессора М. Г. Седова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 1; *Его же*. Вспоминая Василия Федоровича Антонова // Памяти учителя. Василий Федорович Антонов : воспоминания и статьи. Москва, 2015.

³² *Карпачев М. Д.* Ценное исследование по истории народного образования в Воронежском крае (рец. на кн.: Пыльнев Ю. В. История народного образования Воронежского края (конец XVII – начало XX века). Калининград, 2012) // Вестник ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования. 2013. № 2 .

³³ *Плаксин В. Н.* Становление и развитие сельскохозяйственного образования и научной агрономии в России (XVIII – первая половина XIX в.). Воронеж, 2001.

³⁴ *Нахимов А. П., Курнос А. В., Колесников В. А.* Образовательные организации системы МВД/НКВД в Воронежском регионе (1888–1942 гг.). Воронеж, 2017; *Их же*. Образовательные организации системы МВД в Воронежском регионе (1949–2018 гг.). Воронеж, 2018.

³⁵ *Карпачев М. Д.* Капитальный труд о военной педагогике дореволюционной России (рец. на кн.: Коровин В. М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX века). Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009) // Вестник ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования. 2010. № 1.

³⁶ *Карпачев М. Д.* Новый труд о судьбе исторического образования в СССР (рец. на кн.: Гришаев О. В. Политика партийных и государственных органов в области институциональной и научной организации исторического образования и изучения отечественной истории в 1917-м – середине 1940-х гг. Воронеж : издательский дом ВГУ, 2020. 368 с.) // Вестник ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования. 2021. № 2.

³⁷ Аркадий Юрьевич Минаков. Библиографическое пособие. Воронеж, 2012.

³⁸ Имена Воронежа-425 / [редкол. М. Д. Карпачев (гл. ред.) и др.]. Воронеж, 2011.

³⁹ *Бережная Е. А.* Земская школа Воронежского уезда (1866–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; *Мамаева Т. П.* Земская школа Курской губернии и роль губернского земства в ее развитии (1865–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002.

Раздел II

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Чигирева Е. М.

Влияние крестьянской реформы императора Александра II на социально-экономическое положение дворянства Воронежской губернии

Изучение развития российского общества в период, следующий за освободительными реформами Александра II, изменившими устоявшийся уклад жизни империи, является одной из актуальнейших задач современной отечественной исторической науки. Новые социально-экономические и политические реалии пореформенной России коснулись представителей всех сословий, особенно сильно отразившись на дворянстве, остававшимся главным собственником частного земельного фонда, важным звеном хозяйственной жизни страны, характеризующейся аграрным укладом экономики, что делает особенно актуальным изучение жизни дворянства Воронежской губернии – «житницы России».

Несмотря на множество привилегий, еще до реформы 1861 г. крепостное помещичье хозяйство, очевидно, расстраивалось, несмотря на все искусственные меры правительства, которыми старались его поддержать. Одним из подобных примеров являлось развитие барщинного хозяйства на счет оброчного. Помещичьи хозяйства, несмотря на замену оброка барщиной, оскудевали одно за другим; имения закладывались в государственные и частные кредитные учреждения; полученные оттуда капиталы в большинстве случаев не получали производительного занятия; дворянские имения, обремененные казенными и частными долгами, не увеличивали производительного оборота в помещичьем хозяйстве. Накануне отмены крепостного права в помещичьих хозяйствах крайне редким явлением было применение сельскохозяйственных машин и вольнонаемного труда (в виду отсутствия выраженной необходимости). Мы имеем свидетельства об использовании машин только в крупных имениях таких представителей сословия как граф А. Кушелев-Безбородко, графиня А. В. Левашова, князь И. Васильчиков. В продвинутые дворянские хозяйства заказывались молотильные, жатвенные и сенокосильные машины¹.

Подавляющее большинство представителей сословия не только не желало, но и не могло позволить себе приобретение дорогостоящего оборудования. Крестьянская реформа Александра II должна была не только сделать свободными гражданами миллионы крепостных, но и заставить российских помещиков перестроить свои хозяйства на новый, капиталистический лад. В ходе этого сложного процесса дворянству пришлось столкнуться с множеством трудностей, начиная от отсутствия необходимых навыков ведения хозяйства, заканчивая неблагоприятной конъюнктурой рынка.

Отметим, что к 1861 г. Воронежская губерния являлась типично сельскохозяйственным регионом, подавляющая часть населения которого занималась хлебопашеством и животноводством. Мелкопоместные дворяне владели 8 тыс. 147 душами муж. пола (3,2%), среднепоместные – 28 тыс. 151 (10,9%), крупнопоместные – 221 тыс. 357 (85,9%)².

Сразу же дворянство Воронежской губернии с тревогой отнеслось к известиям о скорой реформе, снискав себе славу непримиримых крепостников, ставших на путь торможения подготовки проекта. Так, бобровский предводитель дворянства Д. А. Северцов в конце 1857 г. писал губернскому предводителю дворянства И. В. Гагарину: «Предстоящая реформа, несмотря на благие намерения правительства и на пользу, которую она приносит Государству, угрожает убытками всему сословию помещиков; на дворянах лежит обязанность отложить или, по крайней мере, уменьшить всеми законными средствами эти потери»³. В своем «Проекте устройства и улучшения быта крепостных крестьян и дворовых людей», представленном в марте 1859 г., воронежский губернский дворянский комитет предлагал следующие условия освобождения крестьян: стоимость кв. сажени усадебной земли определялась в 25 коп. (т.е. десятина земли оценивалась примерно в 60 руб. при реальной стоимости 45 руб. для самой дорогой), норма крестьянских усадеб определялась в 840 кв. саженей, крестьянские полевые наделы – в 3 дес. на тягло под пашню и по 0,25 дес. под сенокос и выгон, каждый крестьянский двор должен был уплатить помещику по 210 руб. серебром⁴.

Узнав о Положениях Общего присутствия Редакционной комиссии, «дворянство пришло в ужас и уныние»⁵. Богучарский предводитель дворянства И. В. Лисаневич писал, что «помещики никогда не будут достаточно вознаграждены за свои потери» и что «если это положение приведется в исполнение, тогда дворянство придет в крайнее

разорение и нищету и никогда уже не поправится»⁶. Ф. Прибытков прямо заявил, что «Редакционные комиссии встали на путь фактического лишения дворянства материальных условий существования, это уже не жертва, а «мера, уничтожающая все средства дворян, потому что земля наша будет оставаться необработанною, ибо крестьянин, будучи в избытке, никогда не захочет наниматься обрабатывать даже и оставшиеся незначительные наши пашни»⁷.

Накануне реформы 1861 г. дворяне – помещики Воронежской губернии имели в своем владении 1748700 дес. заселенной земли (2342873 дес. всего с учетом 594173 ненаселенной – 37,9% всей земли губернии). Лидирующее положение в дворянском земельном фонде занимало крупное землевладение – 80,2%, имеющее характер латифундий, сосредоточенных в основном в Бирюченском, Бобровском, Новохоперском и Острогожском уездах. Например, если вся площадь Бирюченского уезда составляла 400 тыс. 992 дес., то графу Шереметеву принадлежало 118 тыс. 981,4 дес. (28%). Свыше тысячи десятин имело 315 дворян-помещиков губернии (16%)⁸. Среднепоместных помещиков насчитывалось 5,2% от общего числа дворян-землевладельцев. Они владели 76 тыс. 891 дес. Наиболее многочисленной была категория мелкопоместных дворян-помещиков, составляющая 78,6%. Крестьянские наделы до отмены крепостного права 629415 дес., после реформы им должно было отойти 442709 дес., однако так как крестьянам полагалась не только пахотная земля, но и выгоны, водоемы и пр., пахотной земли у дворян осталось больше. К 1867 г. у дворян губернии оставалось в собственности примерно 1340000 дес.⁹ По нашим подсчетам, в ходе отмены крепостного права дворянство губернии лишилось 23,4% своей земли.

Крестьянская реформа Александра II должна была не только сделать свободными гражданами миллионы крепостных, но и заставить помещиков перестроить свою экономическую деятельность на принципах прогрессивного капиталистического хозяйствования. Однако дворяне не приспособились еще к новым условиям хозяйства и запустение их поместий, разорение их гнезд и долги явились лишь логическими последствиями этой неприспособленности¹⁰. Лишь малейшие крохи от выкупных платежей коснулись земли, большая же часть была обращена на псевдокоммерческие предприятия, сулившие большие барыши, и на поддержку «завещанного предками образа жизни». Выкупные были приняты многими как временное пособие, которое тотчас было пропито, проиграно в карты или проедено за гра-

ницей¹¹. К тому же выкупные платежи выплачивались процентными банковскими бумагами, в то время как реальное значение имели наличные деньги. Так, воронежские помещики с 1863 по 1866 гг. по выкупным платежам процентными банковскими бумагами получили 1595061 руб., а наличными – всего 7520 руб.¹²

Наихудшие условия жизнедеятельности наблюдались у мелкопоместных дворян. Владения мелкопоместных собственников в дворянском земельном фонде в пореформенный период уменьшилось с 28,6% до 10,3%, что сопровождалось процессом дробления имений. По словам курского губернатора Н. П. Бибикова, до отмены крепостного права обращение мелкопоместных дворян с крестьянами было не всегда сообразно, т.к. образование у них менее развито¹³, и заключалось в большей эксплуатации подневольного труда, поэтому раскрепощение крестьян стало для них началом экономического краха. Среди материалов Государственного архива Воронежской области мы обнаруживаем множество документов, ежегодно подаваемых губернскому предводителю дворянства, содержащих свидетельства «об образе жизни и имущественном положении дворян» и об установлении опеки над имениями. Дворяне просили выдать им свидетельство о том, что они не имеют никакого движимого и недвижимого капитала, на основании чего просили принять их детей на казенное содержание (например, чтобы поместить ребенка в пансион при Воронежской губернской гимназии)¹⁴ или списать с них недоимки. К 1870 г. в Воронежской губернии было создано 262 дворянские опеки¹⁵. Во второй половине 1880-х – первой половине 1890-х гг. значительно возрастает количество имений, переданных под опеку по причине умственной недееспособности дворян и просьб дворян об освидетельствовании умственных способностей своих родственников и, соответственно, передаче их владений в опеку. Нами были рассмотрено более двухсот подобных дел, где недееспособность не была подтверждена, а прошения были признаны сомнительными путями для «упрочения своего пошатнувшегося положения»¹⁶.

В 1860-х гг. дворянские собрания ежегодно оказывали материальную помощь нуждающимся дворянам в размере 120–140 руб., дворянское собрание принимало на себя расходы по лечению бедных дворян, образованию дворянских детей¹⁷.

Важным показателем экономического состояния дворянства являются задолженности сословия. Основная часть дореформенных долгов была погашена выкупными платежами, однако с середины

1860-х гг. с появлением первых акционерных банков задолженность дворян снова стала расти. В Воронежской губернии только с 1863 по 1866 гг. число залоговых имений увеличилось с 470 до 902¹⁸. К 1878 г. количество заложенных дворянами земель в Воронежской губернии достигло 272000 дес., приходящихся по отчету губернатора А. В. Богдановича в основном на Новохоперский и Острогожский уезды¹⁹. Выдача учрежденным в 1885 г. Дворянским банком льготных ссуд на время спасала многих землевладельцев, которые были должны крупные суммы частным банкам. Так, например, в 1890 г. Дворянским банком в Воронежской губернии было выдано 60 ссуд на сумму 1420400 руб., в 1891 г. – 20 ссуд на сумму 1124100 руб., в 1892 – 23 на сумму 651100 руб., в 1899 – 40 ссуд на сумму 927300 руб.²⁰ К 1891 г. Дворянским банком фиксировалось 187 случаев заложения земель, 176993 дес. заложенной земли. Всего сумма долгов, лежавшая на дворянстве Воронежской губернии к концу XIX века, составила 34,5 млн. руб.²¹ К 1901 г. в Воронежском отделении Дворянского Банка было заложено 825 имений в 506267 дес. (30,58% от общего количества дворянских владений)²².

К 1904 г. в руках воронежского дворянства осталось 1145272 дес. (с учетом земли в уездных городах, без учета – 1104874 оцениваемых в 44349103 руб., убыль дворянского землевладения составила 10000 дес. в год²³).

По нашим подсчетам, к 1906 г. в Воронежской губернии насчитывалось 1595 дворянских хозяйств по сравнению с 2185 имениями на 1872 г. (по данным казенной палаты Воронежской губернии), 994779 дес. вместо 1397619. Доля земельных владений воронежского дворянства упала до 17,7% от всего земельного фонда губернии.

Наиболее удобным и быстрым источником дохода стала аренда, количество сдаваемой земли в дворянских имениях постоянно возрастало; в 1860–1870-х гг. в аренду сдавалось около 25% дворянских земель, к началу XX в. 48,5% хозяев сдавали свои земли в аренду, что является важным показателем снижения хозяйственной роли дворянства. В 60–70-е гг. XIX в. стоимость аренды одной десятины земли в губернии при снятии от 2 до 10 тыс. дес. колебалась от 2 до 4 руб. за десятину, мелкие земельные наделы сдавались за сумму от 6 до 10 руб. за десятину²⁴. По данным А. М. Анфимова, стоимость аренды одной десятины земли в Воронежской губернии в 1887–1888 гг. в среднем составляла 8,80 руб., в 1901 – 10,5 руб., в 1912–1914 гг. – 19,44 руб.²⁵ В силу относительной неразвитости денежных отношений между

бывшими помещиками и их крестьянами, в Воронежской губернии часто практиковалась сдача земли в аренду за отработки.

В годы мирового аграрного кризиса 1880-х – начала 1890-х гг. для основной массы дворян этот способ получения прибыли и борьбы с неблагоприятной конъюнктурой рынка оказался наиболее простым: помещики стремились к сокращению издержек производства не за счет рационального вложения капиталов, а за счет сокращения затрат и даже полного прекращения сельскохозяйственного производства, сдавая землю в аренду. По сравнению с 1880-ми гг. к началу XX века в Центрально-Черноземном регионе, земельная аренда увеличилась с 1481934 дес. до 2322500 и составила 20,5 % к наделной земле, а в Воронежской губернии – с 395813 до 603200 дес.²⁶

Процесс экономического оскудения сословия отразился на корпоративной и общественной деятельности дворянства губернии. До отмены крепостного права непосредственно участвовать в выборах в дворянское собрание имел право дворянин, имеющий в своем владении не менее 100 душ или не менее 3 тыс. дес. земли. На основании рескрипта и указа Сената по первому департаменту от 6 февраля 1865 г. дворянину принадлежало право личного участия в выборах тогда, когда он имел не менее 100 душ временнообязанных крестьян. Специальная комиссия для пересмотра Устава о дворянских выборах к 1 июля 1870 г. разработала согласованные с выборным цензом Положения о земских учреждениях от 1 января 1864 г. правила, согласно которым участвовать в выборах имел право дворянин, обладавший 200–300 дес. земли²⁷, что лишало права участия в корпоративной жизни значительное число представителей сословия. Количество дворян, участвовавших в очередных собраниях, колебалось от 117 до 211 чел. и редко превышало 30% от имевших право участия, что объясняется общей фрустрацией представителей сословия²⁸. Схожая картина наблюдалась и на выборах в земские учреждения, созданные александровской реформой местного самоуправления: если в первые избирательные трехлетия от крупнопоместного и среднепоместного воронежского дворянства на съезды прибывало примерно 35% представителей, имевших право голоса, то мелкопоместное дворянство фактически проигнорировало выборы в земские гласные. На съезды их прибыло всего 7,5%²⁹.

Подобные процессы не были исключительным проявлением развития Воронежской губернии. Оскудение дворянства шло во всех губерниях Центрального Черноземья и Российской Империи в целом.

Например, в Рязанской губернии к 1905 г. дворянство сохранило в своих руках лишь 18,7% (47% частных владений) общей площади губернии, располагая до отмены крепостного права 7/10 всех земель в Пензенской губернии к 1909 г. площадь дворянского землевладения составила 44,8% от уровня 1862 г. В целом по России за период с 1863 по 1892 гг. дворяне 45 губерний Европейской России продали 57 млн. 547 тыс. 696,3 дес. земли из 80 млн. 726 тыс. 792 дес. (около 71% всех проданных земель)³⁰.

Устойчивыми к вызовам эпохи оказались лишь крупные хозяйства, развивающиеся интенсивно. Среди успешных и рентабельных хозяйств Воронежской губернии пореформенной эпохи, применявших прогрессивные методы хозяйствования, можно назвать Г. А. Черткова, Б. В. Богушевского, И. А. Слемпковского, Е. Н. Тевяшова, братьев Станкевичей, Гардениных, М. А. Веневитинова, А. М. Раевскую и пр. Говоря о прогрессивных явлениях в дворянских хозяйствах, необходимо привести конкретные примеры успешных капиталистических хозяйств. Отметим, что в ряде хозяйств активно практиковалось искусственное орошение (например, в Конь-Колодезе у Г. А. Черткова, в Бобровском уезде у А. С. Ермолова)³¹, четырехпольный севооборот (экономии Б. В. Богушевского и И. А. Слемпковского в Задонском уезде), четырехполье с сахарной свеклой и шестиполье (хозяйство С. Н. и Н. Н. Гардениных), девятиполье (хозяйство Б. В. Богушевского), десятиполье (хозяйство Г. А. Черткова) и даже пятнадцатиполье (хозяйство А. И. Алмазова в Землянском уезде). В знаменитой Колыбельской экономии Тевяшовых (Острогожский уезд) на пашне в 1635 дес. был устроен двенадцатипольный севооборот, а на сдаваемой крестьянам – трехпольный.

Отметим, что процесс оскудения дворянства губернии сопровождался потерей не только его статуса монополиста в сфере землевладения, но и вытеснением дворянских производителей из сектора перерабатывающей промышленности. Исконно дворянской сферой интересов считались винокурение и сахароварение. К началу XX в. из 31 винокурного завода 21 принадлежал представителям дворянского сословия. Среди владельцев этих заводов были такие крупные помещики как княгиня Барятинская, вдовы генералов Хвощинского, Гурко, Раевского и пр. Н. А. Барятинская при 19643 дес. земли имела винокурный завод на 48634 руб. в Бобровском уезде³². В Воронежском уезде А. С. Хвощинская, владевшая 2121 дес. земли, в 1896 г. открыла 20 винных лавок, трактиров, кухмистерских, где продавались

спиртные напитки, произведенные на ее заводе. Большой винокуренный завод в Острогожском уезде принадлежал дворянину П. П. Сиверскому. Однако следует отметить, что в рассматриваемый период дворянское винокуренное производство неизбежно сокращается: многие дворяне продавали свои заводы представителям других сословий. В общем производстве увеличивалась доля винокуренных заводов купцов, мещан и крестьян. С 1890 г. по 1905 количество перекуренного на дворянских предприятиях сырья уменьшилось в 1,7 раза (с 4987856 пудов до 2894241 пуда), при этом наблюдалась замена хлеба картофелем в качестве сырья, доля которого за указанный период возросла с 40 до 67%. Влияние на этот «раздворянивания» винокуренного производства процесс оказало введение винной монополии 1894 г. (в Воронежской губернии введена с 1 июля 1900 г.), ограничившей количество градусов выпускаемого алкоголя и облагавшего его высоким акцизом. По «Положению о казенной продаже питей» спирт-сырец по-прежнему производился на частных заводах, но частные производители могли вывозить его только за границу или сбывать казне по установленным государством ценам, что было экономически невыгодно для дворянских производителей.

Еще одним крупным сектором дворянского предпринимательства Воронежской губернии было сахарное производство. К 1897 г. в губернии насчитывалось всего 7 сахарных заводов, их сумма производительности определялась в 2742519 пуд., на них было задействовано 2326 рабочих³³. Из 7 заводов 6 предприятий являлись песочно-сахарными, а 1 – сахарнорафинадным. В Воронежской уезде располагался известный по сей день Рамонский свеклосахарный завод принцессы Е. М. Ольденбургской, посеvy которого занимали 1126 дес. земли. В нем имелось 7 паровиков в 837 лошадиных сил, 13 паровых машин в 230 лошадиных сил. Количество вырабатываемого сахарного песка этого завода составляло 119091 пуд. Из 7 сахарных заводов, принадлежавших дворянами, пять управлялись ими непосредственно, два сдавались в аренду почетным гражданам. К началу XX в. количество продукции, произведенной на дворянских свеклосахарных заводах, сокращается.

Данное явление объясняется общей экономической ситуацией на российском рынке, ростом цен на перерабатывающие машины и повышение стоимости квалифицированного вольнонаемного труда.

Представим данные о производительности дворянских сахарных заводов в виде таблицы³⁴:

Заводы	1903		1905	
	Количество произведенного сахара (пуды)	Сумма дохода (руб.)	Количество произведенного сахара (пуды)	Сумма дохода (руб.)
Рамонский (принцессы Е. М. Ольденбургской)	139.767	244.592	93.390	218.031
Садовский (князя С. И. Васильчикова)	144.205	252.358	139.698	281.163
Эртильский (князей А. Н. и В. Н. Орловых)	186.589	326.500		
Нижне-Кисляйский (князя Б. А. Васильчикова)	108.063	181.110	60.567	155.239
Боринский (С. Н. и Н. Н. Гардениных)	76.656	134.148	63.498	54.821

Животноводство как отрасль экономических интересов дворянства была развита слабо. Крупной нишей дворянского производства в этом секторе оставалось коневодство. Количество дворянских конезаводов в губернии оставалось стабильным: в 1877 г. из 236 заводов 88 принадлежало дворянству (не считая владений царской семьи, расположенных в Воронежской губернии), в 1887 – 86 из 218, 1899 – 96³⁵. Дворяне специализировались на разведении благородных рысистых лошадей. Количество лошадей в частных дворянских конезаводах было небольшим: чаще всего в хозяйстве имелись 1–2 жеребца и 8–10 маток.

Лучшими конезаводами Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. признавались заводы И. В. Станкевича, И. Г. Тарасова, Н. К. Томашевского в Бирюченском уезде, И. А. и Д. А. Лисаневичей в Богучарском, И. Н. Белолипского, А. В. Рябина, В. Н. Томашевского, князя Г. А. Щербатова в Валуйском, князя С. М. Воронцова в Павловском уезде. К 1901 г. в губернии насчитывалось 536530 лошадей, из которых на частных дворянских конезаводах насчитывалось всего около 500 жеребцов и около 3600 маток³⁶. То есть, количество крестьянских конезаводов многократно превосходило дворянских по числу лошадей (но, конечно, уступало в их породистости).

Анализ архивных документов и статистических отчетов, в изобилии представленных исследователю, убедительно доказывает, что доля дворянской промышленности в производственном секторе Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. неизбежно уменьшалась, не в силах противостоять процессам изменения конъюнктуры рынка и переходу факторов производства в руки других сословий.

Итак, перестройка дворянских хозяйств на принципиально новый, рыночный стиль экономических отношений происходила медленно и весьма болезненно. Особенно тяжело новые экономические реалии и требования рынка сказались на деклассировавшемся мелкопоместном дворянстве. В силу сложности искоренения в дворянском сознании крепостнических пережитков проблемно происходил переход к вольнонаемному труду. Отсутствие денежных капиталов мешало активному применению сельскохозяйственной техники. Однако не будем возлагать всю вину исключительно на дворян. Мировые экономические кризисы, конкурентная борьба с североамериканскими производителями, отсутствие развитой логистики, неблагоприятная тарифная политика государства, отсутствие столь необходимого в регионе агрономического образования сделали дворянское оскудение неизбежным. Общее же состояние сословия после проведения в жизнь реформы отмены крепостного права емко и горько охарактеризовал дворянин А. Д. Северцов: «жертва наша оказалась непосильной, и естественным ее последствием было разорение»³⁷.

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 55. Л. 44.

² Военно-статистический сборник. Вып. 5. С.-Петербург, 1871. С. 189.

³ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 848. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 784. Л. 22.

⁵ Там же. Д. 659. Л. 66.

⁶ Там же. Л. 24.

⁷ Там же. Л. 64.

⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2892. Л. 2

⁹ *Акиншин А. Н.* Дворянское землевладение Воронежской губернии по данным 1867 г. // *Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности».* Рязань, 2009. С. 179.

¹⁰ *Жигачев Е.* Задолженность частного земельного владения в России // *Русская мысль.* 1892. № 11. С. 67.

¹¹ *Савельев П. И.* Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905–1907 гг. // *Крестьянское движение в трех русских революциях.* Куйбышев, 1982. С. 16, 18.

¹² РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1512. Л. 139.

- ¹³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 56.
- ¹⁴ ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2288. Л. 18.
- ¹⁵ Там же. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 904. Л. 13.
- ¹⁶ Там же. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2624. Л. 1–4; Д. 2647. Л. 1–14; Д. 2663. Л. 1–3; Д. 2662. Л. 1; Д. 2668. Л. 1–4; Д. 2687. Л. 1; Д. 2627. Л. 1–53; и пр.
- ¹⁷ Там же. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 812. Л. 14 об.; Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2249.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 60. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Д. 72. Л. 4.
- ²⁰ Банковские и торгово-промышленные сведения // Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 год. Отд. 2. Воронеж, 1901. С. 111.
- ²¹ Банковские и торгово-промышленные сведения // Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 г. Отд. 1. Воронеж, 1891. С. 124.
- ²² Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 год. Воронеж, 1904. С. 104–107.
- ²³ Статистические сведения Воронежской губернии // Там же. Отд. 2. С. 71.
- ²⁴ Село Анна Воронежской губернии Бобровского уезда // Труды Императорского Вольного Экономического общества. С.-Петербург, 1869. Т. 2. Вып. 4. С. 308.
- ²⁵ *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. Москва, 1980. С. 201.
- ²⁶ Статистический временник Российской Империи. С.-Петербург, 1903. Сер. 3. Вып. 10. С. 363–369.
- ²⁷ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 809. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Д. 1347. Л. 141–143.
- ²⁹ *Щербина Ф. А.* Воронежское земство, 1865–1889 гг. Воронеж, 1891. С. 202–203.
- ³⁰ *Морозан В. В.* Кризис дворянского землевладения в XIX веке // Российское дворянство в XIX – начале XX в. // Материалы научного семинара, 3–5 сентября 2009 г. Рязань, 2009. С. 18.
- ³¹ *Бекетов В. А.* Воронежская губерния в сельскохозяйственном отношении. Отчет по командировке в 1893 году от императорского Московского общества сельского хозяйства. Москва, 1894. С. 13.
- ³² ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.
- ³³ Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 год. Отд. 2. Воронеж, 1899. С. 55.
- ³⁴ Вся Россия. Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской Империи. Т. 2. С.-Петербург, 1897. С. 59, 110.
- ³⁵ Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 год. Отд. 2. Воронеж, 1901. С. 90–94.
- ³⁶ Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 год. Отд. 2. Воронеж, 1904. С. 15.
- ³⁷ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1260. Л. 106 об.

Перепелицын А. В.

Крестьянские неземледельческие занятия в Воронежской губернии в пореформенный период

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, сложившиеся для крестьянского хозяйства Центрального Черноземья после отмены крепостного права, оно сумело избежать всеобщего кризиса, адаптироваться к изменившимся условиям. Крестьяне в своей основной массе стремились с максимальной выгодой использовать трудовые, земельные и другие имевшиеся ресурсы, проявляя при этом предприимчивость и инициативу. Заметную роль в сложносоставном хозяйстве центрально-черноземного крестьянства в пореформенный период играли разнообразные промысловые занятия, связанные, прежде всего, с обработкой материалов, переработкой сельскохозяйственного сырья и удовлетворением необходимых потребностей жителей села и города. На это обстоятельство указывали в своих работах такие крупные отечественные исследователи крестьянской промышленности, как А. А. Рыбников, П. Г. Рындзюнский, К. Н. Тарновский, Г. Р. Наумова, Я. Е. Водарский, Э. Г. Истомина¹.

Данная статья посвящена развитию неземледельческих занятий крестьян Воронежской губернии, с привлечением аналогичных материалов по соседним губерниям (в основном Тамбовской), для их сравнительного анализа.

Характерной особенностью развития кустарных промыслов в Центральном Черноземье являлась рассредоточенность кустарей, комбинирование в селениях не одного-двух, а многих производств, обслуживание ближних рынков. При этом в регионе также имелись крупные промысловые центры с относительно большой концентрацией мелких промышленников, значительными объемами производства, выходом продукции на отдаленные рынки. По оценкам Я. Е. Водарского, Воронежская губерния выделялась наличием таких крупнейших центров промыслов, как слободы Бутурлиновка и Воронцовка. Всего же, по его мнению, в Воронежской губернии фиксировалось 32 центра промыслов (а в Курской губернии – 95, в Орловской – 72, в Тамбовской – 144)². При этом существовала большая масса кустарей, действовавших за пределами такого рода промысловых центров.

К неземледельческим занятиям прибегали во многих крестьянских хозяйствах, не оставляя при этом аграрной деятельности, но

строгий и точный учет промыслов отсутствовал. Численность промыслового населения Воронежской губернии земскими статистиками в 1884–1891 гг. оценивалась в 89,9 тыс. чел., а в 1897 г. Первой всеобщей переписью – в 106 тыс. чел.³ Ведущее положение занимали обрабатывающие промыслы, на долю которых приходилось, соответственно по годам, 46,9 % и 70,8 % всех мелких промышленников, правда, с годами менялось соотношение их видов. Если в 1884–1891 гг. лидирующее положение занимало кожевенное производство (обработка кож, овчин, изготовление шуб, полушубков, кожаной обуви и т.п.), то в 1897 г. на первые роли выдвинулась обработка волокнистых веществ (валяльный, шерстобитный, веревочный, сукноткацкий, чулочный и другие промыслы). Второе место принадлежало производству продуктов питания (мукомольное, маслобойное, хлебопекарное, салотопенное и др.), но к 1897 г. количество населения, занимавшегося подобными производствами, заметно сократилось. Причины такого положения коренились в концентрации мукомольного и маслобойного дела, распространении водяных и паровых заведений, закрытии менее эффективных. Увеличение общей численности товаропроизводителей в крестьянской промышленности произошло, главным образом, за счет кустарей по обработке дерева, волокнистых веществ и портных. В других же производствах фиксировалось уменьшение промыслового контингента.

В целом, соотношение отраслей крестьянской промышленности в губерниях Центрального Черноземья было, практически, одинаковым, что лишний раз подтверждает однотипность их хозяйственного развития.

В ходе земских переписей фиксировались принадлежавшие крестьянам промышленные заведения. Среди них лишь незначительная часть выходила на сравнительно высокий уровень производительности – более одной или двух тыс. руб. в год. Поэтому условно все отмеченные земской статистикой заведения можно отнести к мелкой крестьянской промышленности, сосредоточенной в специально предназначенных для производства помещениях. Такие небольшие предприятия были разбросаны по многочисленным селениям России, с трудом поддавались учету. И все же материалы о мелких промышленных заведениях более близки к тогдашней действительности, чем данные о численности кустарей вообще.

Судя по полученным от волостных правлений сведениям, в Воронежской губернии действовало 22,5 тыс. крестьянских промышленных

заведений различных размеров, а, например, в Тамбовской – 10,72 тыс.⁴ По уездам отношение количества промышленных заведений к числу домохозяев колебалось от 2,12 % в Темниковском уезде до 6,86 % в Усманском, составляя, в среднем, по Тамбовской губернии 3,38 %. В Воронежской губернии этот же показатель был заметно выше (7,10 %) и изменялся от 3,47 % в Новохоперском уезде до 9,43 % в Острогожском уезде. Как видим, численность крестьянских промышленных заведений в Воронежской губернии, по этим данным, оказалась более чем в два раза выше. В Воронежской губернии одно крестьянское заведение приходилось, в среднем, на 14,1 хозяйств, в Тамбовской – на 29,6, но в некоторых хозяйствах имелось сразу несколько производств. Так, в Бирюченском уезде в 1990 крестьянских хозяйствах с мелкими предприятиями числилось 2209 заведений, в 2172 хозяйствах Бобровского уезда – 2311, в 3518 Богучарского – 3808, в 1826 Валуйского – 1935, в 1483 Павловского – 1665⁵. Подобных хозяйств было немного – не более 11 % от хозяйств с заведениями в Бирюченском уезде, 6,4 % в Бобровском, 8,2 % в Богучарском, 6 % в Валуйском и 12,3 % в Павловском. Можно предположить существенные различия в экономическом положении хозяйств: только состоятельным семьям оказывалась под силу одновременно содержать несколько заведений.

Преобладающее большинство мелких заведений принадлежало бывшим государственным крестьянам. В Воронежской губернии они имели 75,9 % всех крестьянских предприятий (в среднем, 13,8 хозяйств на заведение), а в той же Тамбовской – 64 % (25,1 хозяйств на заведение)⁶. Бывшие государственные крестьяне активнее занимались предпринимательской деятельностью. Они владели более крепкими хозяйствами и еще до отмены крепостного права имели сравнительно лучшие возможности для открытия собственного промыслового дела.

Крестьянская промышленность размещалась в особом секторе экономики, охватывающем, как уже отмечалось, главным образом, обрабатывающие и перерабатывающие производства, тесно связанные с потребностями сельского хозяйства. Это проявлялось и в характере используемого сырья (зерно, кожа, шерсть и т.п.), и в назначении производимой продукции (в первую очередь для потребления деревенским населением).

Наибольшее распространение в Воронежской губернии получили ветряные мельницы. Их насчитывалось 1409 из 2073 крестьянских

заведений (68 %) ⁷. Крестьяне эксплуатировали ветрянки простого устройства, реже, английской конструкции, имевшей большее количество снастей. Стоимость последней доходила до 600–2000 руб., а обычно мельницы средней величины с двумя поставами, толчеей и рушилкой обходились хозяевам до 1 тыс. руб. Хотя на открытие мельницы требовались довольно большие деньги, ее содержание было выгодным делом, поскольку владелец, беря обычно за помол зерном или мукой, мог даже в трудные времена прокормить себя и семью, а при нормальных урожаях появлялась возможность неплохо заработать. В качестве платы мельнику причитался каждый 12–13-й мешок зерна ⁸.

Распределение мельниц по уездам Воронежской губернии отличалось неравномерностью, вызванной экономическими и природно-географическими особенностями отдельных частей губернии. Так, в Богучарском уезде находилось 23 водяных, 3594 ветряных и 30 прочих мельниц, а также 91 рушка. Крестьяне Коротоякского уезда имели во владении 59 водяных мельниц и 120 рушек, но в то же время только 1005 ветрянок ⁹.

В Воронежской губернии, помимо ветряных и водяных мельниц, во всех уездах встречались также кузницы, крупорушки и просорушки и маслобойни. По сведениям на 1884 г. их было соответственно 173, 150 и 79 ¹⁰. Важность этих производств трудно переоценить, поскольку они удовлетворяли первостепенные потребности крестьян. Однако в будущем часть мельниц, маслобоек и других заведений неминуемо должна была закрыться, уступив место более крупным и совершенным производствам.

На фоне общей рассредоточенности крестьянских заведений встречались места, где концентрировались целые группы предприятий. Наиболее характерным в этом отношении являлось кожевенное производство. По данным М. Киттары, относящимся к 1871 г., в Воронежской губернии работало 7457 кожевенных заведений (62,4 % общей численности кожевен в 49 губерниях Европейской России), правда их сумма производства достигала лишь 1514,5 тыс. руб. в год (4,0 %) ¹¹. Столь большая численность «заводов» объяснялась тем, что при собирании сведений к заводам относили производства любого размера при наличии хотя бы одного зольного и одного дубильного чана или же просто несколько дубильных ¹². Находились кожевни, главным образом, во владении крестьян и отличались небольшими в основной массе размерами и низкой производительностью. К важным

пунктам кожевенного производства в Воронежской губернии относились слобода Бутурлиновка Бобровского уезда (2079 заводов), слобода Уразово (851 завод) и слобода Никитовка (290 заводов) Валуйского уезда, слобода Алексеевка Бирюченского уезда (825 заводов). Кроме того, 1028 заводов с суммой производства менее 5 тыс. руб. в год каждый размещались в Павловском уезде, 1038 заводов в Острогожском уезде, 1071 в Богучарском¹³, был и еще ряд более мелких районов кожевенного дела.

Во второй половине XIX в. некоторым крестьянам удавалось обзавестись сравнительно крупными промышленными заведениями. Попытку определить число таких предприятий в Воронежской губернии накануне реформы 1861 г. сделал В. Михалевич. Он считал, что всего в губернии в 1857 г. действовало 376 более-менее крупных заводов и фабрик, производивших товаров на 3657,7 тыс. руб. в год¹⁴, то есть в среднем 9,7 тыс. руб. на одно предприятие. Крестьянам, по его мнению, принадлежало 146 заведений (38,8 %), дававших продукции на 262,8 тыс. руб. в год (7,2 % всей выработки). В списке принадлежавших крестьянам заводов значилось 40 салотопенных заведений (197 тыс. руб. выработки), 33 кирпичных (17,9 тыс. руб.), 18 кожевенных (7350 руб.), 8 канатных (1300 руб.), 1 паточное (700 руб.) и 1 синильное (500 руб.). Трудно сказать, насколько полным был учет, В. Михалевич стремился отделять мелкие заведения от крупных, но по каким признакам он это делал, остается неясным.

По сведениям М. Киттары, который к крупным предприятиям в кожевенном производстве относил заведения с годовой производительностью не менее 5 тыс. руб., в 1871 г. в Воронежской губернии таких крестьянских заводов было 36 из всех 42, а в Тамбовской губернии – 4 из 15. Средняя сумма производства на одно предприятие была весьма значительна – соответственно по губерниям, 8922 и 7275 руб.¹⁵

По территории Воронежской и соседних с ней губерний крестьянские заводы распределялись неравномерно. Так, в слободе Бутурлиновке Бобровского уезда находился 21 завод, а в слободе Воронцовке Павловского уезда – всего 5.

На крестьянских кожевенных заводах производились разнообразные типы кож: подошвенная, юфтовая, яловая, конская, выросток, опоек и другие. Основная масса этих сравнительно крупных кожевенных предприятий была открыта еще в дореформенный период, и только небольшое число владельцев кожевен, открывшихся после

1861 г., смогло добиться за прошедшее время производительности более 5 тыс. руб. в год.

В «Указателях фабрик и заводов» за 1879, 1884, 1890 гг. содержатся данные о предприятиях (без учета винокуренных и мукомольных) с ежегодным производством товаров на сумму не менее 2 тысяч рублей. Они позволяют сделать более точные выводы о роли крестьян в развитии относительно крупного производства. Судя по ним, в 1879 г. воронежские крестьяне владели 77 заводами (34,8 % всех предприятий), а тамбовские – 29 (15,1 %). В среднем, на одно заведение приходилось в первом случае 4662 руб. годовой выработки и 5,3 рабочих, а во втором – 5034 руб. и 5,8 рабочих. Принадлежавшие крестьянам предприятия, хотя и имели по численности довольно значительный удельный вес, но по размерам производства и количеству наемных рабочих существенно уступали заводам и фабрикам прочих сословий. К наиболее крупным крестьянским заводам можно отнести салотопенное заведение М. Д. Плотникова в с. Пески Новохоперского уезда, ежегодно производившее при 9 рабочих товара на 30 тыс. руб.¹⁶

В сведениях за 1884 г. прослеживается по сравнению с 1879 г. усиление предпринимательской активности крестьян, которым в Воронежской губернии теперь стало принадлежать 97 предприятий (48,0 % всех заводов) с суммой производства 439 тыс. руб. в год (12,1 %) и 584 рабочими (14,5 %), а в Тамбовской губернии соответственно 36 предприятий (15,3 %), 192 тыс. руб. (3,1 %), 220 рабочих (2,9 %). На самом крупном заводе крестьянина слободы Бутурлиновки Бобровского уезда И. С. Баточкина, занимавшегося с 1860 г. скорняжным и овчинным делом, сумма годового производства доходила до 25 тыс. руб.¹⁷

Данные 1890 г. показывают сокращение промышленных заведений у крестьян, впрочем, как и у лиц других сословий. Но если у первых уменьшение числа заводов сопровождалось падением производства, то у вторых, напротив, отмечалось увеличение средней выработки и количества рабочих. Это различие было вызвано, очевидно, тем, что экономические трудности вели в крестьянской промышленности, прежде всего, к разорению части предпринимателей, а во всей остальной промышленности, наряду с указанным процессом, в большей степени наблюдалась концентрация производства. Воронежским крестьянам принадлежало в 1890 г. 76 заводов (39,4 % всех предприятий губернии), на которых вырабатывалось товаров на

246 тыс. руб. (4,6 %) и трудился 421 рабочий (11,5 %), тогда как тамбовские крестьяне владели 32 заводами (15,8 %) с 140 тыс. руб. производства (2,2 %) и 135 рабочими (1,8 %)¹⁸.

Основная масса крестьянских заводов с суммой годового производства не менее 2000 руб. действовала, как и мелкие заведения, в перерабатывающей сельскохозяйственную продукцию и обрабатывающей промышленности. Наиболее значительные суммы производства получали в кожевенном, салотопенном, кирпичном, маслобойном производствах.

Участие крестьян в винокурении не было распространенным явлением: в 1879 г. в Воронежской губернии отмечен лишь один крестьянский завод, в 1890 г. – два. Как известно, винокуренное производство отличалось большой доходностью. Законодательство поддерживало наиболее крупных заводчиков, для которых устанавливался ряд льгот в налоговом обложении: «перекур» против нормы выхода вина не полностью облагался акцизом (а тем меньше, чем выше устанавливалась заводчиком норма выхода спирта). Для получения более высоких прибылей промышленникам следовало стремиться к превышению нормы выхода спирта. На винокуренном заводе Ф. И. Шевцова в слободе Бутурлиновке Бобровского уезда в 1879 г. вырабатывалось при 22 рабочих 3,1 тыс. градусов спирта¹⁹. Причем, стоимость одного градуса примерно равнялась 1,88 копейки, не считая акциза по 7 коп. с градуса. В 1884 г. к этому заведению, на котором стало работать 39 чел. и производиться уже 4,8 тыс. градусов спирта, присоединился учрежденный в 1881 г. винокуренный завод крестьянина той же слободы Я. П. Кистенева, достигший при 20 рабочих производительности в 4,1 тыс. градусов в год²⁰. Оснащенные паровыми машинами предприятия Шевцова и Кистенева сумели выдержать конкуренцию и в 1890 г. вырабатывали соответственно 5,2 и 4 тыс. градусов спирта²¹.

Принадлежавшие крестьянам мельницы с объемами производства более 2 тыс. пудов муки в год удалось выявить только по сведениям за 1890 г. В Воронежской губернии 6 таких мельниц производили 130 тыс. пудов муки (4,2 % всей муки, производимой в губернии подобными заведениями), а в Тамбовской губернии 2 мельницы вырабатывали 25 тыс. пудов (2,2 %), при этом на трех воронежских мельницах действовали паровые машины²².

В 1903 г. был опубликован «Список фабрик и заводов Европейской России». В него включили более крупные заведения, чем в

«Указатели фабрик и заводов», и изменили классификацию производств. Судя по нему, крестьянам Воронежской губернии в 1900–1901 гг. принадлежало 14 заводов (10,7 % от общего количества), и на них 344 рабочих (4,0 %) вырабатывали продукцию на сумму 942,6 тыс. руб. (5,2 %). Среди крестьянских заведений встречались весьма крупные. К примеру, годовое производство маслобойни А. А. Самойленко, находившейся в слободе Алексеевке Бирюченского уезда, достигало 298,6 тыс. рублей, а численность наемных работников доходила до 40 чел.²³

В целом, в крестьянской промышленности происходила, как и во всей промышленности, концентрация капиталов и рабочих в руках наиболее удачливых крестьян-заводчиков. Крестьяне участвовали в экономическом развитии региона не только в качестве наемных рабочих, но и в роли предпринимателей-промышленников. В их среде происходили большие изменения. Часть из них, расширив дело, могла перейти в мещанское или купеческое сословие, часть – разорялась, но в течение всего пореформенного периода в демографически и территориально обширном Центральном Черноземье сохранялась объективная потребность в крестьянской промышленности, работавшей на массовый рынок, удовлетворение личных и хозяйственных потребностей населения. В результате, в ходе своей эволюции крестьянская промышленность к началу XX в., вопреки прогнозам, не исчезла, а превратилась в необходимый элемент российской экономики на том этапе ее развития.

¹ Рыбников А. А. Мелкая промышленность России. Москва, 1923; Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. Москва, 1966; Тарновский К. Н. Кустарные промыслы и царизм (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1986. № 7; Наумова Г. Р. Мелкая промышленность и развитие капитализма в России на рубеже XIX–XX веков // Преподавание истории в школе. 1990. № 6; Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. Москва, 2004.

² Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Указ. соч. С. 80–82, 84, 85, 95.

³ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 172–174, 176–178, 184–219, 229–235, 237–243; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. IX. Воронежская губерния. Тетрадь 2. С.-Петербург, 1904. С. 220–230.

⁴ Твердова-Свавицкая З. М., Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи 1880–1923 : Поуездные итоги. Москва, 1926. С. 22, 24, 26.

⁵ Там же. С. 26–27.

⁶ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. С. 115.

- ⁷ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1. Воронеж, 1884. С. 234–235.
- ⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 219, ч. 1. Л. 124.
- ⁹ Там же. Д. 220, ч. 2. Л. 47; Д. 221. Л. 71–71 об.
- ¹⁰ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. С. 234–235.
- ¹¹ *Киттары М.* Карта кожевенного производства в России. С.-Петербург, 1875. С. 1–2.
- ¹² РГВИА. Ф. 499. Оп. 7. Д. 15. Л. 17–17 об.
- ¹³ *Киттары М.* Указ. соч. С. 11–12.
- ¹⁴ *Михалевич В.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. С.-Петербург, 1862. С. 240.
- ¹⁵ *Киттары М.* Указ. соч. С. 11–13, 47–48.
- ¹⁶ *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Вел. Кн. Финляндским. С.-Петербург, 1881. С. 121, 194, 271 и др.
- ¹⁷ *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. С.-Петербург, 1887. С. 86, 137, 254 и др.
- ¹⁸ *Орлов П. А., Будагов С. Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. С.-Петербург, 1894. С. 188–190, 197–199, 207–208 и др.
- ¹⁹ *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Вел. Кн. Финляндским. С. 477.
- ²⁰ *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. С. 507.
- ²¹ *Орлов П. А., Будагов С. Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. С. 599, 601.
- ²² Там же. С. 436, 437, 502.
- ²³ Список фабрик и заводов Европейской России. С.-Петербург, 1903. С. 503.

Земцов Л. И.

Крестьянский суд в книге Н. М. Астырева «В волостных писарях»

Крестьянское самоуправление пореформенной России – важнейший элемент народной жизни, оказавший значимое влияние на события начала XX века. В их проявлении нашли отражение многие стороны культуры – ценности, установки, верования, ориентации, убеждения, которые, основываясь на религиозных основаниях, определяли представления крестьян о должном и справедливом и их поведение в революционных событиях 1905–1907 гг. Мироззрение крестьянства и, самое главное в нем – его представление о справедливости («правде») находило отражение в народном обычном праве¹.

В рамках крестьянского самоуправления значимое место, помимо общества, занимал крестьянский волостной суд. Его деятельность как правоприменительного органа устного народного права, привлекала внимание дореволюционных исследователей и публицистов потому, что столь своеобразный институт, резко отличавшийся и по правовым основам, и по организации от судов, действовавших на основе писаного закона 1864 года, заставлял обсуждать вопрос о правомерности его сохранения. Кроме того, именно решения крестьянского суда давали основания для выводов о содержании народных ценностей. Это было особенно важно при учете тех споров, которые велись в интеллигентных кругах на протяжении 60–80-х гг. XIX в., да и позднее, о содержании «народного духа» и возможностях построения справедливого общества на основе общины, в деятельности которой проявлялись «коммунистические инстинкты» мужика.

Поэтому во второй половине XIX – начале XX века вышли многочисленные публицистические и научные работы, посвященные крестьянскому суду и обычному праву². За 1876–1889 гг. об обычном праве было опубликовано более 3500 книг и статей³. У многих представителей интеллигенции крепло убеждение в необходимости «постепенного, осторожного слияния крестьянских юридических обычаев с государственным законодательством»⁴. При Русском географическом обществе в Петербурге 17 февраля 1876 г. была создана Комиссия для изучения народных юридических обычаев⁵, участники которой подчеркивали необходимость «содействовать взаимовлиянию государственного законодательства и обычного права»⁶.

Один из специалистов (едва ли не первый) по славянскому обычному праву, включивший обычаи в писаное право Черногории, В. В. Богишич, заметил в одной из своих работ: «Юрист ...должен в особенности по вопросу об обычном праве, действовать по примеру композитора, который собирает простые мелодии деревенского населения, но умеет придать им, при помощи искусства, такой гармонический и возвышенный характер, что их с наслаждением слушают люди с самым утонченным вкусом»⁷. Понятно, что такой подход требовал внимательного исследования правовой практики крестьянства и многих сторон его быта, в которых находило отражение обычное право⁸.

В советский период исторической науки работ о крестьянском суде практически не было, а в постсоветской науке, в связи с изменением методологических подходов к объяснению исторического процесса, внимание к их истории усилилось⁹.

В первые пореформенные десятилетия крестьянский мир и обычное право были жизненной необходимостью – в интересах фиска, для недопущения социальных катаклизмов в деревне, для поддержания порядка и управления. В дальнейшем становится очевидной необходимость преодоления обычно-правовых устных решений, во вполне определенной части судебных случаев, четкими законодательными нормами. Но прежде создания закона требовалось иметь его основание – иное состояние правового сознания и общей культуры крестьянства¹⁰. Преодоление обычного права не могло быть одномоментным, а должно было осуществляться в ходе постепенного вызревания носителей традиционных ценностей к восприятию закона.

Только теперь мы начинаем здраво анализировать главное, связанное с пониманием иного типа народной культуры, отличного от городского варианта. Это афористически определил В. В. Розанов: «Русский народ и при безграмотности или малой грамотности есть уже культура, ибо культура – не в книжках, а в башке. Культура – в совести, душе, правде и Боге»¹¹.

Анализ деятельности волостной юстиции и проявления в ней народных ценностей возможен на основе решений народных судов, протоколы которых присутствуют во многих местных архивах, а 545 – за 1861–1876 гг., сохранившиеся в ГАЛО, по материалам Рязанской губернии, опубликованы¹².

Но источников по истории создания и работы народной юстиции – не так много, и поэтому важное значение имеют публицистические

очерки Николая Михайловича Астырева, недавно переизданные в серии «Историко-литературные памятники Воронежского края»¹³. Сведения об авторе и его воспоминаниях представлены в статьях организаторов серии М. Д. Карпачева и О. Г. Ласунского¹⁴.

Н. М. Астырев (1857–1894) в 1881–1884 гг. работал в Воронежской губернии, в селах Рождественская Хава и Орлово Воронежского уезда помощником волостного писаря и волостным писарем.

Несмотря на беллетризованную форму написания очерков – общая система ценностей народной жизни очевидна и, складывается впечатление, представлена достаточно односторонне. На анализ автором всей совокупности крестьянского обихода оказало влияние общее представление российской интеллигенции, которое определяется известным выражением: «чем хуже – тем лучше». Недаром на это издание¹⁵ обратил внимание во время формирования революционных взглядов В. М. Чернов, который читал ее тогда «с жадным интересом»¹⁶.

На этой основе правильным и понятным становится утверждение М. Д. Карпачева: «...без народных страданий мировоззрение интеллигенции теряет всякий смысл»; «Само существование интеллигенции в России имело, по Астыреву, смысл только в том случае, если народ непременно страдал» (С. 260). Тем самым формировалось представление о необходимости перемен в российской действительности, причем в самой крайней их форме.

Наиболее ярко позиция Астырева представлена в его обобщенной оценке волостного суда: «...всякий суд есть лучший пробный камень для нравственности населения, ибо нигде так ярко не высказываются, подчас удачно маскируемые в обыденной жизни, отрицательные качества личности – корыстолюбие, подлость, алчность, бранчивость и т.п., – как на суде; и по этому удобству расследования сокровенных побуждений тяжущегося волостной суд превосходит все другие, благодаря отсутствию всяких стеснительных формальностей как для судей, так и для тяжущихся. На волостном суде стороны держатся совершенно свободно...» (С. 157).

Но ведь, заметим, не только негативные стороны характера и поведения, обозначенные Астыревым, так удачно раскрывал волостной суд. Бескорыстие, стремление к поиску истины, уважение к труду и трудовому успеху, выделение и поддержка добрых качеств личности, наказание пьянства и оскорблений, защита достоинства личности, воспитание уважения к женщине, «закону» и праву, проявления

субъективизма и трудового начала – все это тоже проявлялось на крестьянском суде, было итогом его деятельности. И это никак не отмечает автор, ибо трудно предположить, чтобы все это отсутствовало в деятельности народного суда Воронежской губернии и уезда.

Обратим внимание читателей на некоторые стороны формирования и деятельности крестьянского суда, представленные Астыревым. В его работе приведены: выборы судейской коллегии (С. 121–126); организация заседания суда и характеристика состава судейской коллегии (С. 117–121); описание дел и процесс принятия по ним решений (С. 126–138, 150–156, 160–164); общая оценка волостного суда и вывод о необходимости принятия решения о его судьбе (С. 157).

Волостной сход формировал состав коллегии волостного суда – в соответствии с Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, избиралось ежегодно 12 судей¹⁷. Но по ст. 117 «Общего Положения» для всех выборных должностных лиц (а судьи волостных судов входили в их число в соответствии со ст. 112) срок службы ограничивался трехлетием. Требовалось хотя бы обратить внимание на это обстоятельство. Вследствие этой нечеткости в соседней Тамбовской губернии судьи избирались на разные сроки. Многие стремились уклониться от исполнения этой бесплатной должности, требующей затраты времени в свободный от работы день и создающий основания для обострения взаимоотношений с соседями: «кому охота и время даром терять и врагов наживать».

Описание волостного схода Астыревым и решение вопросов на нем имеет основанием влияние на нем мироедов и водки. Автор практически не отмечает иных оснований принятия решений домохозяевами сел и деревень Воронежского уезда. В немалой степени анализ автором волостного схода, да и волостного суда, увязывается с употреблением алкоголя. Скорее всего, это распространенное явление в крестьянской среде должно быть связано с некоторыми обстоятельствами. Ведь другие источники отмечают несколько иную связь органов самоуправления помимо только стремления любым способом добиться дарового угощения¹⁸.

И еще: в немалой степени употребление связано с позицией волостного и сельского начальства. Об этом написал С. Т. Семенов, известный крестьянский публицист: «В нашей деревне не было мирского пьянства. Причиной этому было то, что у нас уже несколько лет ходил старостой очень умный, хозяйственный и трезвый мужик, Степан Астафьев. Он за все время своего хождения не допустил ни

одной выпивки на мирские деньги»¹⁹. Да и Астырев упоминает такого же старосту одного из обществ его волости, бывшего до его службы – Федота, который «ни копейки мирской не пропил» (С. 50).

Заметим мнение одного из глубоких знатоков крестьянского повседневного обихода, каким был А. Н. Энгельгардт: «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидал в наших деревнях». Чуть ниже он отметил: «Все, что пишется в газетах о непомерном пьянстве, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, из городов»²⁰.

Через много лет это же обозначил в сообщении в журнале крестьянин А. И. Малышев: «...эти газетные писатели ничего об настоящей русской жизни не знают, как есть абсолютно ничего, а беззастенчиво пишут»²¹. О том же – в воспоминаниях митрополита Вениамина, отец которого недолгий срок держал винную лавочку: «Часто пишут о каком-то повальном и тупом пьянстве мужиков. Я не видел этого, а ведь два года наблюдал их около винной лавки. Пьяницы были исключением, из всей округи сейчас буквально не помню ни одного лица, ни одного имени таких алкоголиков. Ну, понятно, все любили выпить при случае, но напивались допьяна лишь на покровских свадьбах у себя или у родных. Да что тут особенного? Раз или два три в год. Это не пьянство. Нет, народ в массе был трезвым и скромным»²². В какой-то форме это обстоятельство требовалось обозначить...

Обратим внимание на описание Астыревым заседания волостного суда. В соответствии с Положением 19 февраля 1861 г. его заседания должны были проходить непременно в воскресенье. Это последнее обстоятельство определяло сложности деятельности суда: заседание обычно начиналось после обедни, и судьи в свободный и праздничный день стремились перехватить рюмку-другую в ближайшем трактире. Чаще это никак не было связано с теми делами, которые им придется разбирать, но давало возможность критикам крестьянского суда без особых доказательств обвинить судей в продажности, готовности решить дело в пользу того, кто угостит в кабаке.

Именно поэтому в публицистике звучали призывы перенести заседания на рабочий день; но это, тем самым, должно было означать оплату для судей, да и для свидетелей, ибо пропадали крестьянский рабочий день. Вознаграждение же судьям устанавливалось по усмотрению волостного схода²³. Действительно, оплата возникла с начала 1870-х гг., будучи фиксированной в судебных решениях.

Судьи, к тому же, освобождались от натуральных повинностей и от телесного наказания²⁴.

Описание деятельности судей автором достаточно критическое. В это время Астырев заметил, распространенное среди крестьян требование разбирать дело «по закону». Николай Михайлович отметил, что «...слово “закон” получило уже в народе полное право гражданства», обратил внимание на то, что его «употребляют и кстати, и некстати, в последнем случае даже чаще, чем в первом» (С. 139). Но знает крестьянин «только один закон – это то, что говорит или приказывает начальство» (с. 139).

Крестьянин, оказываясь на лавке волостного правления в качестве судьи, становился представителем власти и считал необходимым придерживаться тех обычаев, которые применялись в деревенском обиходе и были, по его мнению, выражением воли мира, государства, царя. Этим закреплялось в крестьянине уважение к «закону», воспитывалась правовая культура. «Нормой» народного права являлся тот или иной обычай, и та справедливость, которую утверждал волостной суд, опиравшийся на народные правовые представления.

Действительно, при рассмотрении дел в волостном суде обычно крестьяне требовали судить их «по закону»: требование, которых многих сейчас вводит в заблуждение. На деле – «Русский человек понимает *закон* в смысле закона христианского, предначертанного в совести всех и каждого, и заключенного в «Писании». Веления такого закона он считает равно обязательными и для себя, и для власти, и затем считает излишними всякие другие обязательства...»: так писал современник, известный журналист Н. П. Гиляров-Платонов²⁵.

Действительно, в основе обычного права и решения дел в немалой степени влияла вера – христианские начала. В основе обычного права лежало то, что крестьяне считали настоящим, «истинным законом», ибо он утверждал «правду» в обыденной жизни и во взаимоотношениях между людьми. Единственное знакомое крестьянину регулирующее начало – Божественные истины, религиозная мораль с ее высочайшим уровнем нравственных требований. Это то, что, на протяжении веков, вплоть до начала XX века, слышал неграмотный крестьянин в церкви и что представлял себе в качестве главного регулирующего начала, понимая, что все мы грешны, но надо стремиться к тому, что требовал Господь.

На это обстоятельство обратил внимание еще в середине XIX в. И. В. Киреевский: «...в понятиях русского народа даже самое слово

«закон» и до сих пор еще значительно скорее возбудит в нем мысль о Законе, Богом данном, Законе Церкви, чем о законе, писанном в указах»²⁶.

С. М. Кравчинский, уточнивший свои представления о крестьянах при «хождении в народ» в 70-е годы, позднее писал: «...высокие нравственные устои христианства, обращение к братской любви, к прощению, к самопожертвованию на благо других всегда находили отклик в отзывчивых сердцах наших крестьян»²⁷.

Так и по мнению французского исследователя России второй половины XIX – начала XX вв. А. Леруа-Болье, «...расположение проникаться христианским чувством, как кажется, составляют часть национального гения, зависят от тайного сродства христианской веры с основой русской души». И далее: «Между Евангелием и русской натурой есть какое-то соответствие.., и даже трудно решить, что принадлежит собственно вере и что народному темпераменту»²⁸.

Это находило выражение в обращении крестьян к текстам Св. Писания и часто – к собственной их интерпретации. Ведь для крестьянина начала XX в. «совесть», «правда», «справедливость» – не просто слова; эти понятия лежат в основе мирозерцания и правового сознания, а их содержание определяется Божественным законом. Недаром самое резкое осуждение звучало в словах: «Креста на тебе нет!»; «Ну, и сделал ты, не по-Божески!»

Примененный к бытовой и политической сторонам Божественный Закон требовал справедливости везде – и в соседских, и в семейных, и в межгосударственных отношениях, в праве общинном и наследственном, в основаниях землевладения и землепользования.

Астырев не обращает на обстоятельство никакого внимания. Оно и понятно. Молодежь воспитывалась без нравственного ограничителя. «Не только молодежь считала религию чепухой, а Евангелие собранием мифов и суеверий. Большинство интеллигентов отрицало религию. Людей верующих неохотно достаивали высокого звания интеллигента. Русские, да и не только русские, образованные люди начали штурм небес задолго до организованного воинственного безбожия коммунистов»²⁹, и для большинства цель вполне оправдывала средства.

Обратим внимание на мнение Ивана Сергеевича Аксакова, высказанное в 80-е годы XIX века: «Откинув орудие духовное, т.е. высшее нравственное побуждение к добру, даваемое верою в надземную истину, – такое общество уже не может действовать иначе, как орудием

земным, – как внешним, хотя бы и узаконенным *насилием*. Но христианин не может просто перестать быть христианином; он то и дело будет бороться с своим бывшим Богом, и в себе самом и вокруг себя; он не перестанет вечно бунтовать против начала, которым проникнуто все существо исторических современных обществ, бунтовать – непременно озлобленно – везде и всюду, попирает все, что этим, началом освящалось в мире. Поэтому окончательный удел всякого христианского, отрекшегося от Христа общества – бунт или революция»³⁰. Последующие события не показали ли правоту такого утверждения...?

Именно волостной суд, в лице судей-крестьян утверждал в деревенских взаимоотношениях, с их противоречиями в гражданской сфере, драками, бранью, мелким воровством, пьянством и другими грешками, те нормы общежития, в которых отражались крестьянские представления о правде и принимались решения, восхищавшие посторонних наблюдателей. С точки зрения последних в деятельности волостной юстиции были очевидны положительные стороны. Н. Н. Страхов в письме Н. Я. Данилевскому от 23 сентября 1879 г. писал о своем знакомстве с Л. Н. Толстым: «Были мы с ним также на волостном суде, часа три слушали, и я вынес оттуда величайшее уважение к этому делу, тогда как из суда над Засулич вынес глубокое омерзение»³¹.

Приведем интереснейшую оценку России и русского народа, представленную В. Г. Короленко в письме жене из Нью-Йорка от 6 (18) августа 1893 года, во время его поездки в Америку: «Бог с нами, с Европами и Америками! Пусть себе процветают на здоровье, а у нас лучше! Когда мы ехали вначале, – все отмечали, что лучше у других народов. А теперь все ищем, что лучше у нас. И много у нас лучше. Лучше русского человека, ей-Богу, нет человека на свете! И за что его, бедного держат в черном теле!»³².

Подобного типа утверждения серьезно отличаются от описаний Н. М. Астырева. Понятно: ему надо было показать такой народ и его положение, которые должны были стать основанием для революционных преобразований.

Таким образом, обычное право являлось тем явлением, в котором с наибольшей полнотой должны были проявляться христианские ценности в коллективной жизни великорусского крестьянства и что никак не обозначил Астырев.

В современных условиях, когда четко формулируется задача сохранения идентичности народа в историческом процессе³³, мы обязаны обращать внимание на сохранение тех ценностей, которые хранились в народной душе. Сейчас требуется активная проповедь нравственных ценностей, наиболее полно сформулированных в Священном Писании, среди современной молодежи, за которой будущее нашего Отечества.

¹ Одним из первых наблюдение из лиц чиновных о «правовом убеждении», определявшем поведение крестьянства, высказал И. Ф. Цызырев, анализируя материал крестьянских волнений в Полтавской и Харьковской губерниях: *Цызырев И. Ф.* Предисловие // Крестьянские движения 1902 г. Москва ; Петербург, 1923. С. 10.

² *Н. В.* Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41; *Лугинин С.* Волостные суды // Там же. 1864. Т. 50; *Мещерский В. П.* Еще о волостных судах // Там же. 1864. Т. 51; *Пестржецкий А.* О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Журнал Министерства юстиции. 1861. № 7; *Геннади Г.* Кое-что о волостных судах // День. 1862. № 20; О волостных судах // Русское слово. 1864. № 6; *Зарудный М. И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. С.-Петербург, 1874; *Его же.* Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский суд) // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1874. Кн. 3; *Оршанский И.* Народный суд и народное право. С.-Петербург, 1879; *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Обычное право. Москва, 2011. Первое издание: Москва, 1884; *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I–II. С.-Петербург, 1877–1879; *Чепурный К. Ф.* К вопросу о юридических обычаях : устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии // Киевские университетские известия. 1874. Сентябрь, октябрь, ноябрь; *Скоробогатый П.* Устройство крестьянских волостных судов // Юридический вестник. 1880. № 6, 7 (и отдельное издание – Москва, 1880); *Его же.* Очерки крестьянского суда. Москва, 1882; *Бразоль Г. Е.* Об упразднении волостных и сельских судов. Харьков, 1886; *Дашкевич Г. А.* О волостном суде и его реформе. Вильна, 1885; *Колюпанов И.* Вопрос о крестьянском самосуде // Беседа. 1874. № 6; *Сергеевич В.* Опыт исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. № 1; *Кистяковский А.* Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Т. VI. С.-Петербург, 1872; *Птицын В.* Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. С.-Петербург, 1886; *Д. Д.* Мысли сельского хозяина // Русский вестник. 1883. № 4; *Тютрюмов И.* К вопросу о реформе крестьянского суда // Юридический вестник. 1886. Кн. 3 (ноябрь); Крестьянский суд // Отечественные записки. 1874. № 1; *Веригин И.* Начала народного права и судопроизводства // Русская

речь. 1879. № 3; *Н. В.* Юридические воззрения народа и отношение к ним культурных людей // Дело. 1883. № 6; *Шраг И.* Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний // Юридический вестник. 1877. № 3–6; *Калачов Н. В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880; *Леонтьев А. А.* В поисках за обычным правом // Русское богатство. 1894. № 11; *Его же.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. С.-Петербург, 1895; *Его же.* Законодательство о крестьянах после реформы // Великая реформа. Т. VI. Москва, 1911; и мн. др.

³ *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России. Москва, 1984. С. 17.

⁴ *Громыко М. М.* Мир русской деревни. Москва, 1991. С. 244.

⁵ Программа для собирания народных юридических обычаев. Издание Комиссии собирания народных юридических обычаев, состоящей при отделении этнографии Императорского Русского Географического общества. С.-Петербург, 1889. С. V.

⁶ *Громыко М. М.* Указ. соч. С. 244.

⁷ *Богшиич В. В.* О научной разработке истории славянского права. Вступительное чтение в «Историю славянских законодательств». С.-Петербург, 1870. С. 18–19. *Богшиич В. В.* (1834–1908) – хорватский ученый, профессор Новороссийского университета (1869–1870), министр юстиции Черногории (1893–1899). Припомним известное высказывание М. И. Глинки: «музыку создает народ, мы ее только аранжируем».

⁸ Необходимо отличать «обычай» от «норм» обычного права. Не все часто повторяемые явления крестьянского быта (например – побои женщин) входят в обычно-правовые ценности.

⁹ *Тарабанова Т. А.* Состав волостных судов // Вестник Московского университета. Сер. 8. 1993. № 2; *Ее же.* Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. Вып. 2. Москва, 1993; *Ее же.* Правовая культура пореформенного крестьянства (волостное судопроизводство) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 74–80 и др.; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1–2. С.-Петербург, 1999; *Шатковская Т. В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов-на-Дону, 2009; *Ее же.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11–12; *Ее же.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века : опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000; *Вронский О. Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв. : структура управления, поземельные отношения, правопорядок. Москва, 1999; *Его же.* Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. Москва, 1999; *Васев И. Н., Синкин К. А., Васильев А. А.* Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX в.) Москва, 2019; *Безгин В. Б.* Обычное право русской деревни (вторая половина XIX –

начало XX вв.). Тамбов, 2000; *Его же*. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века. Москва ; Тамбов, 2004; *Его же*. Крестьянский суд и семейная расправа (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2005. № 3; *Его же*. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 2000; *Его же*. Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов, 1914; *Его же*. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. Москва, 2017; *Его же*. Повседневный быт русской крестьянки периода поздней империи. Москва, 2017; *Земцов Л. И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. Воронеж, 2002; *Его же*. Крестьянский самосуд. Правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007; и др.

¹⁰ См.: *Миронов Б. Н.* Российская модернизация и революция. С.-Петербург, 2019.

¹¹ *Розанов В. В.* Что такое народ теперь? // Мимолетное. Москва, 1994. С. 355. Первая публикация : Новое время. 1917. 20 апреля.

¹² *Земцов Л. И.* Волостной суд в России. С. 64–386. Копированы решения суда по Воейковской волости Данковского уезда Рязанской губернии (ГАЛО. Ф. 206).

¹³ *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. Воронеж, 2016. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся указанием страниц в тексте, в круглых скобках.

¹⁴ *Карпачев М. Д.* Жизнь воронежской деревни конца XIX века глазами писателя-демократа // *Астырев Н. М.* Указ. соч.; *Ласунский О. Г.* Исследователь народной жизни // Там же; Многое из биографии Н. М. Астырева представлено также в статье: *Курышов А. М.* Николай Михайлович Астырев : от писателя до ученого // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 4.

¹⁵ *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Москва, 1886.

¹⁶ *Чернов В. М.* Перед бурей : Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 40.

¹⁷ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Ст. 93–94 // Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. Москва, 1954. С. 60–62.

¹⁸ См.: *Земцов Л. И., Шевченко И. А.* Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне на рубеже XIX–XX веков. Липецк, 2018.

¹⁹ *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. Петроград, 1915. С. 66. Возможно, автор не исключает выпивок на личные деньги (угощения) членов схода для решения дела в свою пользу.

²⁰ *Энгельгардт А. Н.* Письма из деревни. Москва, 1987. С. 70.

²¹ *Матвеев С.* От Николы вешнего до Николы зимнего // Ежемесячный журнал. 1915. № 2. С. 55.

²² *Митрополит Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох. Москва, 1994. С. 70.

²³ Общее Положение. Ст. 123.

²⁴ Общее Положение. Ст. 124.

²⁵ *Гиляров-Платонов Н. П.* По поводу будущего суда присяжных // *Гиляров-Платонов Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...». Москва, 2008. С. 402.

²⁶ См.: *Киреевский И. В.* Записка об отношении русского народа к царской власти // *Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни. Москва, 2007. С. 61.

²⁷ *Кравчинский С. М.* Русское крестьянство // *Кравчинский С. М.* В лондонской эмиграции. Москва, 1968. С. 126.

²⁸ Цит. по: *Катков М. Н.* Два отзыва о русском народе // *Катков М. Н.* Имперское слово. Москва, 2002. С. 483.

²⁹ *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. Москва, 2007. С. 94.

³⁰ *Аксаков И. С.* Речь, произнесенная в Петербургском Славянском обществе 22 марта 1881 года // *Аксаков И. С.* Соч. Т. 5. Москва, 1887. С. 33.

³¹ См.: Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // *Русский вестник.* 1901. № 1. С. 133.

³² *Короленко В. Г.* Письмо жене, А. С. Короленко // *Короленко В. Г.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 10. Письма. Москва, 1956. С. 197.

³³ *Панарин А. С.* Реванш истории. Российская историческая инициатива в XXI веке. Москва, 2005. С. 52.

Воронежское земство: нереализованные планы

Земские учреждения в России за пятьдесят лет своего существования накопили положительный опыт работы в сфере «местных хозяйственных польз и нужд» и, выйдя за рамки обозначенной законом сферы деятельности, они внесли достойный вклад в социально-культурное развитие российской провинции. Контролируемые царской администрацией и обособленные друг от друга территориями уездов и губерний, земские деятели полагали, что органы местного самоуправления способны в полной мере раскрыть свои возможности при условии наличия у земства «фундамента» (волостных земств) и «крыши» (привлечения земств к участию в общегосударственном представительном органе). Эти два элемента составляли «земскую идею», на основе которой формировалась земско-либеральная оппозиция, отстаивавшая право земских учреждений на политическую деятельность. Цель данной статьи – показать на примере Воронежского земства, почему воплощение на практике «земской идеи» во время революционных событий 1917 г. завершилось ликвидацией института земства.

Февральская революция привела в движение все сословия и классы, стремившиеся поддержать демократические преобразования в губернии. Представители кооперативов, обществ народных университетов и больницы кассы, железнодорожники, преподаватели учебных заведений, вольнонаемные земские служащие, рабочие, солдаты и гласные Воронежской городской думы начали объединяться в общественные организации. 1 марта 1917 г. они создали единый комитет общественных организаций и учреждений (далее КООУ), который 2 марта на совместном заседании с городской думой образовал совещательный продовольственный орган. В состав последнего вошли 10 гласных городской думы, 2 члена городской управы и 12 членов, представлявших общественные организации в г. Воронеже¹. 4 марта 1917 г. КООУ сформировал городской «Исполнительный комитет общественного спокойствия» (далее ИКОС) в составе трех гласных городской думы (М. Н. Литвинов, С. Ф. Романихин, В. Г. Веселовский), члена Воронежской уездной земской управы С. Н. Крашенинникова и представителей общественных организаций. ИКОС учредил должность начальника гражданской милиции г. Воронежа и избрал на нее

гласного городской думы И. В. Шаурова. Председателем ИКОС был единогласно избран М. Н. Литвинов, товарищем его – С. Ф. Романихин. Все начальники воинских частей заявили о присоединении к ИКОС. Городская милиция разоружила и арестовала членов местной полиции и жандармерии: нижние чины содержались под арестом в трамвайном парке, высшие чины – под домашним арестом. Начальник воронежского гарнизона генерал К. Д. Тимковский по постановлению ИКОС был отстранен от должности, которая была передана командиру 59-го полка полковнику В. Д. Языкову.

Подобная общественная активность не осталась незамеченной Временным правительством, которое предложило создать в губерниях и уездах общественные комитеты, членами которых должны стать представители созданных организаций. 4 марта 1917 г. на заседании очередной сессии губернского земского собрания 1916 г. был учрежден губернский исполнительный комитет, который должен был объединить представителей различных общественных организаций и функционировать как орган губернской власти до образования правительством на местах новой исполнительной власти. В состав губернского исполнительного комитета были избраны от губернского земства В. Н. Томановский, от земского союза М. Ф. Чертков, от отдела земского союза по снабжению армии – П. Я. Ростовцев². Первым председателем губернского исполнительного комитета стал Ростовцев³. 5 марта губернский исполнительный комитет в связи с беспорядками в Острогожске сделал по телеграфу распоряжение председателям уездных земских управ о немедленной организации комитетов для поддержания безопасности и спокойствия, в которые необходимо ввести председателя уездной земской управы, по одному члену от городского самоуправления, от кредитных товариществ, от больничных касс, гласных от крестьян и от рабочих. Созданные в уездах комитеты избрали исполнительные комитеты, в волостях были организованы волостные комитеты и избраны волостные исполнительные комитеты.

4 марта 1917 г. по распоряжению Временного правительства губернская земская управа приступила к формированию губернского продовольственного комитета из представителей местных общественных организаций. В ведение губернского продовольственного комитета было передано общее руководство продовольственным делом губернии и исполнение нарядов центральной власти по реквизиции хлеба для нужд армии и населения⁴. Окончательно губернский

продовольственный комитет был сформирован в мае 1917 г. под председательством Ростовцева⁵. Он же возглавил губернскую продовольственную управу, как исполнительный орган названного комитета, и сложил с себя полномочия председателя губернского исполнительного комитета. В уездах, городах и волостях Воронежской губернии были образованы соответствующие продовольственные комитеты на широких демократических началах.

4 марта 1917 г. в г. Воронеже был избран Совет рабочих депутатов. Выборы проходили на 20 заводских и фабричных собраниях из расчета один делегат от 300 рабочих. Избирательное право было предоставлено женщинам. В Совет были введены представители профсоюзов. 8 марта к Совету присоединились солдаты и офицеры воинских частей, дислоцированных в г. Воронеже, и он стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов⁶. Совет рабочих и солдатских депутатов включал 146 человек. В апреле Совет пополнился представителями крестьянских Советов. Местом постоянного размещения КООУ, ИКОС, губернского исполнительного комитета и Совета рабочих и солдатских депутатов стал дом губернатора, получивший название «Дом народных организаций»⁷. В Воронеже действовали партийные организации октябристов, кадетов, эсеров, социал-демократов (большевиков и меньшевиков). Партийная принадлежность имела значение в борьбе за государственную власть.

Временное правительство рассматривало земские учреждения как главное звено в системе местного аппарата государственного управления. Чтобы укрепить политическое влияние земства, оно назначило председателей земских управ губернскими и уездными комиссарами Временного правительства. 6 марта 1917 г. исправлявший должность воронежского губернатора М. Д. Ершов передал управление губернией губернскому комиссару В. Н. Томановскому, председателю Воронежской губернской земской управы. Председатели уездных земских управ стали уездными комиссарами. Губернский комиссар должен был осуществлять руководство губернией посредством неперменного члена по земским и городским делам присутствия, через губернаторскую канцелярию и губернское правление, руководствуясь циркулярной телеграммой № 1993 от 1 марта 1917 г. товарища министра внутренних дел Д. Щепкина. При совмещении должностей земские органы самоуправления приобретали политический статус.

13 марта 1917 г. на очередном заседании КООУ было решено реорганизовать ИКОС на основе четырех семерок: 7 представителей от

городского самоуправления, 7 – от КООУ, 7 – от Совета рабочих депутатов, 7 – от Совета солдатских депутатов. 14 марта городская дума в целях демократизации своего состава ввела в состав гласных представителей общественных организаций: 26 представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов, 14 – от КООУ, 3 – от губернского исполнительного комитета и 2 – от ИКОС. Высокая политическая активность общественных организаций заставила Временное правительство конкретизировать обязанности губернских и уездных комиссаров, чтобы сохранить губернии и уезды в сфере правительственного влияния⁸. Телеграмма министра-председателя Г. Е. Львова от 1 апреля 1917 г. объявила губернских комиссаров носителями власти Временного правительства в губерниях. Им были присвоены права и обязанности, ранее возлагавшиеся на губернаторов. Уездные комиссары должны были назначаться министерством внутренних дел из числа лиц, представленных губернскими комиссарами, или рекомендованных, или избранных уездными комитетами. Уездные комиссары представляли Временное правительство в уездах. Управление волостью возлагалось на образованные в волостях комитеты, деятельность которых объединяли и направляли уездные комиссары. Увольнение уездных комиссаров могло иметь место исключительно по постановлению правительства на основании представления губернского комиссара при условии одновременного представления кандидата для замены. Надзор за законностью деятельности всех лиц и мест Временное правительство возложило на губернских и уездных комиссаров. Начальники милиции должны были исполнять предложения комиссаров, направленные к охране государственного порядка и безопасности личности и имущества граждан.

Сосредоточение политической и экономической власти в земских управах не устраивало местное сообщество. «Воронежские губернские ведомости» отмечают факты смещения в апреле – июле 1917 г. председателей уездных земских управ с должностей уездных комиссаров в 9 из 12 уездов Воронежской губернии⁹. Председатель Коротоякской уездной земской управы В. Н. Ровнев 17 апреля уступил должность уездного комиссара заведующему отделом народного образования Коротоякского земства Александру Никаноровичу Яковлеву; председатель Павловской уездной земской управы И. Д. Тушнев 29 апреля – Стефану Яковлевичу Склобовскому; председатель Землянской уездной земской управы Е. А. Пушечников 16 мая – Якову Ивановичу Алехину; председатель Нижнедевицкой уездной земской

управы А. Н. Харкеевич 16 мая – Михаилу Павловичу Бочарову; председатель Задонской уездной земской управы Б. В. Савельев 16 мая – городскому судье Степану Александровичу Данкову; бывший председатель Воронежской уездной земской управы Н. А. Александров 23 мая – отставному генерал-майору Сергею Николаевичу Крашенинникову; председатель Бирюченской уездной земской управы Д. М. Гревс – преподавателю местной женской гимназии Мануилу Васильевичу Котловскому; председатель Валуйской уездной земской управы К. Д. Блинов 5 июля – Александру Ивановичу Пеленкину. В Бобровском уезде к июлю 1917 г. уездный комиссар был смещен дважды: после отстранения председателя уездной земской управы В. А. Павлова должность уездного комиссара занял И. Н. Завадский, после которого был назначен лесничий Леон Адамович Козловский.

Отчетливо прослеживается размежевание между цензовыми земцами и «третьим элементом», объединившимся в губернский Союз земских служащих, который вошел в состав Всероссийского союза земских работников¹⁰. Это была профессионально-правовая организация земских работников, которую возглавил Делегатский Совет и Исполнительное бюро (комитет). Делегатский Совет был сформирован из делегатов, избранных от каждых 10 служащих губернского земства обоего пола, достигших 18 лет и без различия профессий. Каждое уездное земство Воронежской губернии по аналогии учредило профессионально-правовую организацию, распорядительным и исполнительным органами которой являлись общее собрание и правление¹¹.

Губернский Союз земских служащих объединил 13 Союзов на учредительном собрании 16–17 апреля 1917 г., где присутствовало 180 делегатов уездных Союзов за исключением Богучарского Союза (его делегаты не могли приехать в Воронеж из-за отсутствия поездов). Текущую работу губернского Союза земских служащих осуществляли Делегатский Совет и Исполнительное бюро (комитет). В состав Исполнительного бюро на учредительном собрании 17 апреля 1917 г. были избраны А. К. Кузнецов (председатель), И. А. Кожевников, А. А. Лютовский, А. И. Белозоров и Комарова. Эти лица известны нам по деятельности в КООУ, где, например, Кожевников был губернским агрономом, Кузнецов – помощником старшего ветеринарного врача, Лютовский – статистиком.

Отложившийся в архивном деле устав Союза служащих Воронежского уездного земства устанавливал следующие цели организации: 1) усовершенствование земского дела на широких демократиче-

ских началах, 2) защита правовых и профессиональных интересов служащих, 3) содействие умственному и профессиональному развитию членов, 4) оказание материальной помощи членам, 5) разрешение вопросов этики, как профессиональной, так и общей. Один из пунктов устава запрещал вступление членов земской управы в Союз.

На учредительном собрании 16–17 апреля 1917 г. вопрос о взаимоотношениях населения деревни и «третьего элемента» был признан «в высокой степени важным» ввиду недоверия крестьян к земству вообще. Народ не видел различия между выборными и вольнонаемными земскими служащими – все они в представлении крестьян являлись «господами». Причины недоверия земцы видели в темноте народа, политике царского правительства, сеявшего рознь между земскими служащими и народом; а также в промахах и недочетах, допускавшихся в прошлом земскими работниками. «Взаимному непониманию и недоверию немало способствует и деятельность тех темных лиц, которые появляются при всякой смуте и стремятся вносить рознь в отношения различных слоев населения, как ради достижения личных выгод, так и в тайне жалея о прошлом и не смея заявить об этом открыто, а надеясь на возвращение его при помощи неурядиц»¹², – говорилось в принятой на съезде резолюции. Земцы выражали надежду, что существовавшее недоверие будет преодолено, если они отдадут все свои силы на служение народу, а местные жители вспомнят все доброе, что дошло до него через руки земских работников.

Составы исполкомов общественных организаций постоянно изменялись. В июне 1917 г. наибольшее влияние среди общественных организаций г. Воронежа приобрел губернский исполнительный комитет. При создании собственной канцелярии губернский исполнительный комитет использовал аппарат чиновников губернского правления и губернаторской канцелярии, мотивируя данное действие тем, что губернский исполнительный комитет – это «орган, выдвинутый волей революционного народа и представляющий интересы широких слоев населения»¹³. Согласно полученному указанию Временного правительства, губернский комиссар должен был при решении вопросов по укреплению начал нового государственного строя, по поддержанию общественной безопасности и по борьбе с правонарушениями опираться на авторитет и поддержку губернского исполнительного комитета, как на «высший в губернии, руководящий ее общественно-политической жизнью, орган».

Председателем губернского исполнительного комитета был избран народный социалист, профессор сельскохозяйственного института Б. А. Келлер. 24 июня 1917 г. состав правления (президиума) губернского исполнительного комитета был переизбран. Председателем правления стал эсер В. П. Кобытченко (20 июня 1917 г. он сложил полномочия председателя Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), должность товарища председателя занял Келлер. Вновь избранное правление губернского исполнительного комитета было представлено 6-ю эсерами, 2-мя народными социалистами и 1 меньшевиком. Именно по инициативе названного комитета был смещен губернский комиссар В. Н. Томановский. В принятом постановлении записано: «считать необходимым выдвинуть на пост губернского комиссара лицо, отвечающее интересам и взглядам демократических слоев населения, и назначить для избрания такого лица соединенное заседание исполнительных комитетов: губернского, городского и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁴.

25 июня 1917 г. на соединенном заседании исполнительных комитетов 52-мя голосами при двух воздержавшихся Томановский был отстранен от должности губернского комиссара. На эту должность был избран Келлер. Председатель соединенного собрания Кобытченко телеграфировал Временному правительству о причинах выбора нового губернского комиссара и просьбу немедленно утвердить Келлера в должности. Томановский не выполнил требования собрания о передаче дел новому комиссару и продолжил выполнение возложенных на него правительством обязанностей¹⁵. 8 июля 1917 г. «Воронежские губернские ведомости» сообщили, что губернский комиссар Томановский уехал в Петроград по вызову министра внутренних дел. 14 июля 1917 г. Томановский был освобожден от обязанностей губернского комиссара, и 15 июля по распоряжению Временного правительства в должность вступил Келлер. Сложив полномочия губернского комиссара, Томановский сохранил должность председателя.

Осознавая необходимость реорганизации земств, чтобы сохранить земские учреждения в качестве политических центров губерний, в мае–июне 1917 г. Временное правительство приняло законы и разработало инструкции, определившие содержание земской реформы, в соответствии с которой должны быть избраны волостные земства и произведены перевыборы уездных и губернских земских гласных на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Право участия в выборах получили все граждане

обою пола, всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет. Крестьянские сословные учреждения после выборов упразднились¹⁶. Однако выборы мелкой земской единицы не встретили сочувствия со стороны крестьян Воронежской губернии. Во-первых, недоумение крестьян вызвала пропорциональная система выборов. Она соответствовала всеобщему принципу, поэтому те группы населения, которые не являлись членами сельского общества (помещики, хуторяне, отрубщики, купцы, земские служащие, интеллигенция, священники) и не имели право голоса на сельском сходе, были заинтересованы в данной системе голосования. Крестьяне, наоборот, поддерживали мажоритарный принцип избрания, позволявший им действовать сословно (сельским сходом и общиной) и влиять на результаты голосования. Во-вторых, стремление крестьян избирать гласных открытым голосованием в соответствии с традициями сельских сходов вызывали конфликты между членами избирательных комиссий и местным населением, прекращавшим участие в избирательной кампании. В-третьих, довыборы и повторные выборы укрепляли недоверие сельских и волостных обществ к выборам, что отодвигало избирательные процедуры на более поздние сроки.

139 волостей Воронежской губернии из 246 (56,5%) представили в министерство внутренних дел сведения о социальном составе волостных земских гласных, где крестьяне составляли 77,4% от общего количества избранных гласных, земские служащие – 0,4%¹⁷, что подтверждает разногласия между этими социальными группами. Даже избрав волостные земства, сельские и волостные сходы не прекращали своей деятельности, как того требовало правительство. В отчете председателя Нижнедевицкой уездной земской управы о выборах волостных земств подчеркивалась мысль о том, что крестьяне «не могут отрешиться от необходимости параллельного с земством функционирования общественных сходов»¹⁸. Очевидно, что происходившие события и перемены крестьяне оценивали по тому влиянию, которое они оказывали на жизнь деревни. Вводя волостные земства, правительство через эти установления подчиняло крестьян уездным земским управам и устанавливало дополнительный земский налог, не отвечавший крестьянским интересам. Выборы волостных и впоследствии уездных земских гласных осуществлялись в Воронежской губернии одновременно из-за указанных выше причин. Поэтому одни уезды, проведя выборы волостных земств, приступали к выбору

уездных земских собраний, другие, преодолевая противодействие сельских и волостных обществ, продлевали сроки волостных выборов, и в итоге избирательная кампания продолжалась с августа по декабрь 1917 г.¹⁹

Октябрьская революция не была принята воронежскими правительственными учреждениями и общественными организациями²⁰. Поэтому большевики, возглавив Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, были вынуждены создать военно-революционный комитет во главе с А. С. Моисеевым и 30 октября при поддержке 3 тыс. солдат воронежского гарнизона взять власть в Воронеже вооруженным путем. Но установление Советской власти на территории губернии завершилось только в марте 1918 г. Все это время большевики в союзе с левыми эсерами постепенно обновляли состав Совета рабочих и солдатских депутатов (эсеры, контролировавшие крестьянские Советы, отказались ввести своих представителей в Совет). Они подчинили Советской власти местные Казначейство и Государственный банк, как и Временное правительство они направляли в учреждения комиссаров, чтобы установить контроль над ними. Мероприятия большевиков саботировали стачки и забастовки служащих правительственных учреждений и земских служащих, которых поддерживала городская дума во главе с городским головой Н. Г. Андреевым. Общее собрание Союза земских служащих приняло резолюцию, объявлявшую власть большевиков преступной и органы городского самоуправления единственно правомочной властью. Съезд земской, земельной и продовольственной управ Воронежского уезда призвал к образованию министерства из представителей всех социалистических партий за исключением большевиков. Третий губернский крестьянский съезд под председательством эсера В. П. Кобытченко 450 голосами из 552-х не признал легитимность Советской власти. Второй делегатский съезд мастеровых, рабочих и служащих Юго-Восточной железной дороги, отправляя делегатов на Всероссийский съезд железнодорожников, дал им наказ сплотиться вокруг Учредительного собрания и требовать освобождения арестованных делегатов Учредительного собрания от кадетов.

Только 23 декабря 1917 г. коллегия комиссаров Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов сместила губернского комиссара в делах управления губернией. В коллегия комиссаров входили В. Н. Люблин и Н. Н. Рабичев (большевики), А. М. Абрамов и Н. И. Григорьев (левые эсеры). Предложение беспартийного И. А. Хо-

хочева пополнить коллегию двумя представителями от крестьянского Совета не было принято, так как правые эсеры вели агитацию против Советской власти и поддерживали контрреволюционные элементы. В знак протеста служащие губернского комиссариата прекратили работу и покинули помещение. Длительное противостояние политических сил в Воронежской губернии объясняется результатами выборов в Учредительное собрание, созыв которого в отличие от Временного правительства большевики не стали откладывать. В Воронеже кадеты получили 51% голосов избирателей, эсеры и меньшевики – 27,8%, большевики и левые эсеры – 18,2%; в целом по Воронежской губернии кадетов поддержали 0,03% избирателей, эсеров и меньшевиков – 81%, большевиков и левых эсеров – 14,9%²¹. Противники большевиков надеялись на Учредительное собрание, созванное 5 января 1918 г. Но отказ большинства депутатов Учредительного собрания признать Советскую власть и принятые Советами декреты привели к закрытию Учредительного собрания. Большевики действовали по примеру П. А. Столыпина, убедившего царя распустить первую и вторую Государственные думы по причине политической целесообразности, которая должна взять верх над формальной законностью.

Закрытие Учредительного собрания не привело к политической катастрофе. Идея Советов оказалась предпочтительнее идеи представительной демократии в аграрной России. Надо отдать должное партии эсеров, которая приложила огромные усилия по объединению крестьян в Советы в общегосударственном масштабе. Эсеровская программа социализации земли отвечала крестьянским интересам, поэтому сельское население голосовало за эсеров на выборах в Учредительное собрание. Вместо Учредительного собрания большевики провели III Всероссийский съезд Советов (10 января 1918 г.). Из 1046 делегатов съезда большевики составляли 60%. Съезд объединил Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в один Совет, чтобы усилить влияние большевиков на крестьянские массы; одобрил политику и деятельность ВЦИК и Совнаркома; ввел в действие принятые декреты, в том числе эсеровский закон о социализации земли, основанный на принципе уравнительного землепользования.

16–23 января 1918 году в г. Воронеже состоялось последнее губернское земское собрание воронежского земства. На собрании присутствовали только 76 губернских земских гласных (из 96) и члены «старой» губернской земской управы: В. Н. Томановский (председатель), В. И. Раевский, В. И. Змеев, М. Ф. Чертков, В. В. Савостьянов

и М. П. Паренаго. Среди 76 губернских земских гласных значится фамилия П. Я. Ростовцева – единственного представителя губернских земских гласных цензовых составов. Вновь избранные гласные принадлежали к политическим партиям кадетов (А. И. Белозоров, П. Я. Ростовцев), народных социалистов (Б. А. Келлер, Н. В. Чехов), эсеров (В. П. Кобытченко, Арсений Михайлов, Н. Г. Андреев) и меньшевиков (А. Н. Татарчуков). Они представляли разные социальные группы населения: купцов (П. Я. Ростовцев), интеллигенции (профессор Б. А. Келлер, Н. В. Чехов, И. А. Крутиков, П. И. Ястребов), служащих кредитных товариществ и потребительных обществ (В. А. Еремин, А. В. Юркевский, А. И. Капленко), «третий элемент» земства (Е. М. Гершман, И. Е. Дмитр(и)енко, С. К. Чаянов, А. И. Белозоров, Г. С. Лордкипанидзе и Г. В. Дахно). В числе губернских земских гласных были председатели уездных земских управ Н. С. Разумный (Бобровский уезд), Г. С. Лордкипанидзе (Валуйский уезд) и И. А. Крутиков (Землянский уезд), уездный комиссар Я. И. Алехин (Землянский уезд), бывший губернский комиссар (и одновременно председатель правления губернского исполнительного комитета) Б. А. Келлер и его помощник (член правления губернского исполнительного комитета) Н. Г. Андреев²².

Б. А. Келлер, избранный председателем собрания, назвал губернское земское собрание истинным представителем народа; М. П. Иванов (от имени Союза служащих губернского земства) – новым хозяином земли Воронежской. Таким образом, они противопоставили земство Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые пока еще не утвердили свою власть на территории всей Воронежской губернии. Порядок ведения собрания и обсуждения стоявших на очереди вопросов соответствовал сформировавшимся традициям сословного земства. 23 января были произведены выборы нового состава губернской земской управы посредством закрытой баллотировки шарами. Председателем губернской земской управы был избран В. П. Кобытченко, заместителем председателя – А. П. Иосифов, членами управы – П. Г. Алимов, А. В. Юркевский, С. И. Соколов, А. А. Житный. Н. В. Чехов согласился войти в состав управы только на правах уполномоченного (без жалования) в помощь управе по народному образованию²³.

Примечательно выступление В. Н. Томановского, которое диссонировало деловому настрою демократически избранных гласных и их приветственно-одобрительным аплодисментам. Он отметил, что

дело тяжелое, время смутное, земские обстоятельства запутанные; и новой управе предстоит выполнить большой объем работы. Далее идет не вполне ясно запротоколированное высказывание Томановского. Тем не менее, оно дает нам основание полагать, что он имел ввиду следующее: земское дело, чтобы быть успешным, должно иметь опору, которая на тот момент у земства отсутствовала. Томановский, возглавлявший 10 лет губернскую земскую управу, избравшийся членом Государственного совета и исполнявший обязанности губернского комиссара, больше, чем кто бы то ни был в зале собрания, осознавал шаткое положение земства в противостоянии с Советами. Земские учреждения, наделенные Временным правительством властными полномочиями, не смогли отстоять приобретенный ими статус в борьбе с теми политическими силами, которые на данный момент, используя земскую платформу, пытались оспорить право Советов на государственную власть.

Воронежская губернская земская управа вступила в управление делами земства 6 (19 – по юлианскому календарю) февраля 1918 г. В марте 1918 г. при неустановленных обстоятельствах руководство Воронежским губернским земством стала осуществлять Коллегия ответственных работников, сотрудничавшая с рабоче-крестьянской властью. Председателем правления Коллегии являлся секретарь губернской земской управы Н. И. Кузнецов. Коллегия ответственных работников выполняла свои функции в сотрудничестве с Союзом служащих губернского земства. Они совместно разработали должностные оклады для штатных служащих канцелярии, отделов и отделений губернской земской управы, в силу указания отдела труда при Воронежском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 28 февраля (по юлианскому календарю) 1918 г., и направили во все подразделения управы распоряжение о том, чтобы служащие в семидневный срок представили свои соображения о размере месячного содержания должностей, имевшихся в подразделении²⁴. Отложившиеся в архиве требовательные ведомости на выдачу жалования служащим губернского земства и протоколы совещания служащих отдела народного образования, экономического отдела и педагогических курсов с результатами распределения служащих по категориям (по характеру и ответственности работ) и установление им соответствующих окладов жалования подтверждают, что распоряжение Коллегии и Союза служащих губернского земства было выполнено.

Руководящая роль Коллегии была непродолжительной. В марте 1918 г. в губернскую земскую управу были направлены комиссары, составившие губернский комиссариат, который издавал постановления и выдавал удостоверения личности от имени губернской земской управы²⁵. По отношению к комиссариату употреблялись названия «комиссариат Воронежской губернской земской управы», «комиссариат губернской земской управы», «комиссариат губернского земства». Комиссариат сотрудничал с Коллегией и Союзом земских служащих. По соглашению с правлением Союза служащих губернского земства комиссариат принял постановление о выдаче из средств губернского земства за март 1918 г. пособия семьям земских служащих, призванных по мобилизации на действительную военную службу. Комиссариат заключил с Союзом земских служащих договор, согласно которому прием и увольнение служащих губернского земства производился только с ведома и согласия Совета Союза. В апреле 1918 г. Коллегия ответственных работников курировала вопрос о служебных командировках и размере оплаты суточных и разъездных. Союз служащих губернского земства распределял талонные книжки на денатурированный спирт.

Комиссариат был представлен пятью комиссарами: Петром Дмитриевичем Смирновым (председатель), Иваном Антоновичем Павленко, Вацлавом Вацловичем Жаак, Анной Алексеевной Кардашевой, Ильей Федотовичем Юровым²⁶ – они представляли интересы партии большевиков. При комиссариате продолжали функционировать канцелярия во главе с секретарем Н. И. Кузнецовым, отделы и отделения бывшей губернской земской управы. Постановление комиссариата Воронежского губернского земства от 24 мая 1918 г. регламентировало «занятия в Воронежской губернской земской управе» по субботам с 25 мая по 1 сентября 1918 г., установив рабочий день с 10 часов утра до часа дня. Постановление комиссариата Воронежской губернской земской управы от 29 мая 1918 г. изменило в соответствии с декретом Совнаркома выдачу жалования служащим губернского земства, предписав отделам составлять требовательные ведомости на выдачу жалования два раза в месяц (15 и 30 числа), начиная с 1 июня 1918 г. Постановление комиссариата от 7 июня 1918 г. устанавливало «занятия в канцелярии Управы и учреждениях губернского земства» с 8 часов утра до 2 часов дня по старому времени и с 10 часов утра до 4 часов дня по новому времени, а также распространяло действие этого постановления и на субботные дни. Постановление комиссариата от

22 июня 1918 г. на основании декрета Совнаркома разрешало служащим губернского земства использовать только двухнедельный отпуск в 1918 г. В июле – сентябре 1918 г. служащие и служители губернского земства по декрету Совнаркома получили дополнительное жалование к окладам за ноябрь – декабрь 1917 г., о чем свидетельствуют их подписи в требовательных ведомостях²⁷.

Губернское земство продолжало работу в марте – августе 1918 г. до принятия губисполкомом решения об упразднении учреждений губернского земства. На деле произошла реорганизация учреждений губернского земства, в том числе канцелярии, отделов и отделений губернской земской управы, в Воронежский губернский совет народного хозяйства, который разместился в помещении губернской земской управы (Вигелевский переулок, 5)²⁸. Подтверждением данного предположения является статья «Народное хозяйство», автор которой скрылся под псевдонимом «А. Ш-ов», напечатанная в первую годовщину Октябрьской революции²⁹. Автор юбилейной статьи констатировал, что организация совнархоза протекала в Воронежской губернии во второй половине августа – октябре 1918 г. и часть отделов совнархоза конструировалась из бывших земских отделов: комитет государственных сооружений, отдел промышленной статистики, хозяйственный отдел «и др.». Действительно, председатель губернского совнархоза Михаил Рошаль отправил в дорожный, гидротехнический, противопожарный отделы и в отделы огнестойкого строительства и гражданских сооружений губернского земства уведомление от 20 августа 1918 г.³⁰, в котором говорилось, что в силу состоявшегося постановления губисполкома о переходе всех технических сооружений бывшего земства в ведение совнархоза названные отделы впредь будут именоваться таковыми отделами комитета государственных сооружений при Воронежском губернском совете народного хозяйства, и все распоряжения по отделу будут скрепляться подписью председателя или его заместителя и заведующего отделом. Заведующий отделом сельского огнестойкого строительства В. В. Богоявленский возглавил отдел сельского и городского строительства губсовнархоза, куда почти в полном составе вошли бывшие земские служащие названных отделов. Делопроизводитель отдела сельского огнестойкого строительства Л. Д. Митрофанов занял должность заведующего канцелярией отдела сельского и городского строительства губсовнархоза³¹.

Отдел производств по снабжению Красной Армии создавался из бывшего земгора, земсоюза и военно-промышленного комитета. Следовательно, большинство земцев, представлявших собой грамотную часть жителей Воронежской губернии, перешло на работу в губернский совнархоз в составе названных подразделений, или были приняты служащими в другие отделы (финансовый, иногородне-информационный, общей канцелярии, кооперативный, отдел учета и распределения продуктов) совнархоза, а также исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов. Например, в декабре 1918 г. В. Н. Томановский занимал должность заведующего административно-фискальным подотделом финансового отдела Воронежского губисполкома, председателем которого являлся М. Альский³². В августе 1918 г. В. Ф. Кирсанов, заведующий отделом народного образования при губернской земской управе, состоял заведующим школьным подотделом отдела народного образования исполкома Воронежского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов³³. В июле 1918 г. заведующий педагогическими курсами губернского земства Н. В. Чехов также продолжал исполнение названных обязанностей в отделе народного образования губисполкома³⁴. Заведующий санитарным отделением А. И. Веревкин руководил ветеринарным отделом губисполкома. Аналогичная ситуация прослеживается и на уездном уровне³⁵.

Во время революционных событий 1917 г. были созданы условия для реализации «земской идеи». Земство выступило в поддержку Временного правительства, благодаря которому земские учреждения приобрели политический статус. Разработанная правительством земская реформа отразила многолетние чаяния передовых земских деятелей о мелкой земской единице, способной углубить земскую работу и установить взаимопонимание с крестьянами. Выборы в органы земского самоуправления были проведены на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, но большинство населения Воронежской губернии, представленное рабочими и крестьянами, проявило равнодушное отношение к земской реформе. Среди политических партий наибольшей популярностью в губернии пользовались эсеры, занявшие ведущее положение в разнообразных общественных организациях. Эсеры использовали все возможности, чтобы возглавить общественные организации или войти в состав исполнительных комитетов и действовавших учреждений. Под давлением эсеров председатели земских управ лишились должностей комиссаров Временного правительства. Губернский исполнительный

комитет возглавил эсер В. П. Кобытченко, губернским комиссаром был избран народный социалист Б. А. Келлер.

Свержение Временного правительства и установление Советской власти выдвинуло на первый план РСДРП(б), представители которой в союзе с левыми эсерами вооруженным путем взяли власть в Воронежской губернии. Правые эсеры, меньшевики и кадеты саботировали мероприятия воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов, из состава которого эсеры вывели представителей крестьянских Советов. Проведенные большевиками выборы в Учредительное собрание дали надежду оппозиционным партиям на отстранение большевиков от власти. Но закрытие Учредительного собрания показало, что Советы как органы власти более популярны среди населения, чем представительная демократия. Первые советские декреты формировали положительное отношение населения к большевикам и левым эсерам. Рост авторитета Советов, недоверие крестьян к земским служащим, непризнание земством новой власти, привели к упразднению органов земского самоуправления.

Формально упраздненные, фактически земские учреждения во второй половине августа – сентябре 1918 г. были реорганизованы в отделы губернского совета народного хозяйства и губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. Данный факт свидетельствовал о значении накопленного опыта работы земскими учреждениями. Земское наследие стало фундаментом, на основе которого Советы продолжили в дальнейшем социально-экономическое и культурное развитие Воронежской губернии.

¹ 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника) / сост. Б. М. Лавыгин. Воронеж, 1928. С. 7–13.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания. Очередной сессии 1916 г. (28 февраля – 4 марта 1917 г.). С приложением (доклады, сметы и пр.). Воронеж, 1917. С. 21.

³ Воронежские губернские ведомости. 1917. 26 апреля.

⁴ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Петроград, 1917. С. 5–7.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). С. 47.

⁶ Революционное движение после свержения самодержавия : Документы и материалы. Москва, 1957. С. 333–336, 762.

⁷ 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). С. 15–17.

⁸ Революционное движение после свержения самодержавия : Документы и материалы. Москва, 1957. С. 448–449.

- ⁹ Воронежские губернские ведомости. 1917. 3 мая, 10 мая, 27 мая, 3 июня, 20 июня, 5 июля, 15 июля.
- ¹⁰ ГАВО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 2. Л. 399.
- ¹¹ Там же. Ф. И-46. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–19.
- ¹² Там же. Л. 19.
- ¹³ Воронежские губернские ведомости. 1917. 22 июля.
- ¹⁴ 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). С. 60, 62–63.
- ¹⁵ Воронежские губернские ведомости. 1917. 8 июля и 19 июля; 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). С. 73.
- ¹⁶ Постановление Временного правительства о волостном земском управлении. Воронеж, 1917. 22 с.
- ¹⁷ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. Москва, 1990. С. 144–145.
- ¹⁸ Цит. по: Там же. С. 141.
- ¹⁹ Там же. С. 150; Воронежские губернские ведомости. 1917. 26 августа, 9 сентября, 11 ноября, 29 ноября, 9 декабря и 13 декабря.
- ²⁰ 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). С. 139, 147–155, 158–159.
- ²¹ Там же. С. 142–143, 157.
- ²² Там же. С. 93, 94, 118; Воронежские губернские ведомости. 1917; Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916.
- ²³ Журналы Воронежского губернского земского собрания. Чрезвычайной сессии 16 января 1918 г. С приложением (докладов Управы и Комиссий и проч.). Воронеж, 1918. С. 47–49.
- ²⁴ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 2. Д. 329. 116 л.; Д. 342. 72 л.; Д. 346. 131 л.
- ²⁵ Там же. Д. 329. Л. 31, 33, 34, 71, 77, 84, 88, 90, 104, 114, 116.
- ²⁶ Там же. Д. 342. Л. 67–68.
- ²⁷ Там же. Д. 315. 55 л.
- ²⁸ Там же. Д. 341. Л. 18; Д. 346. Л. 37, 104–105; Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 16 ноября.
- ²⁹ Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 7 ноября.
- ³⁰ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 2. Д. 346. Л. 111.
- ³¹ Там же. Д. 343. Л. 13–14; Д. 590. Л. 1.
- ³² Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 5 декабря.
- ³³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 2. Д. 287. Л. 24–27.
- ³⁴ Там же. Д. 762. Л. 15–17.
- ³⁶ Там же. Ф. И-46. Оп. 2. Д. 3 а. Л. 84–93; Д. 7. Л. 19–21, 50–51; Д. 9. Л. 26–33, 38.

Чесноков В. Г.

**Деятельность местных органов власти
по созданию нового генерального плана Воронежа
во второй половине XIX – начале XX века**

Генеральный план, созданный в 1774 г. главным архитектором Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы И. Е. Старовым и первым губернским архитектором Н. Н. Иевским, продолжал считаться основным градостроительным документом для Воронежа на протяжении XIX в. Несмотря на то, что к середине столетия территория города выросла примерно в 5 раз, выйдя далеко за очерченные границы.

Губернский центр нуждался в новом генеральном плане, чтобы продолжать свое архитектурно-планировочное развитие в новых социально-экономических условиях. Начатая во второй половине XIX в. работа над созданием этого важного перспективного документа растянулась на 40 лет.

30 ноября 1861 г. Воронежская городская дума одобрила новый генеральный план и направила его на утверждение в столицу¹. Этот план нельзя назвать достаточно подробным. Внутри сетки кварталов отмечены только наиболее значимые кирпичные здания. «Изъяснение» сопровождавшее чертеж перечисляет эти пронумерованные на чертеже крупные административные и общественные строения, церкви и монастыри. Отдельного пункта удостоился недавно установленный памятник Петру I на Большой Дворянской. Из примыкающих к городу слобод на плане изображена одна – Ямская. Характер застройки слободы продолжает регулярную планировку основной городской территории.

Только в июне 1870 г. документ вернулся из С.-Петербурга. Длительное ожидание оказалось напрасным: план не был утвержден².

Возможно, причина заключалась в том, что 11 октября 1861 г., за полтора месяца до отправки генерального плана из Воронежа, были утверждены для исполнения «Правила, принятые в руководство при искусственной отделке проектных городских планов и выкопировок, представляемых на рассмотрение главного управления путей сообщения и публичных зданий министерства внутренних дел и высочайшее утверждение»³. В 27 параграфах этого документа, устанавливались детальные требования к составлению и графическому оформлению

планов текущего расположения города, нивелировки местности, проектного плана, и определялся состав сопровождающей их пояснительной записки.

Другое важное изменение в условиях разработки перспективных планов было подготовлено в Техническо-строительном комитете (далее – ТСК) МВД в год принятия нового Городового положения. 25 февраля 1870 г. была утверждена «Инструкция строительным отделениям губернских и областных правлений для руководства при начертании планов на новую обстройку городов и на изменение существующего Высочайше утвержденного городского регулирования»⁴.

Представленный воронежцами проект не мог отвечать новым требованиям. Теперь по «Инструкции...» при составлении перспективных планов городов требовалось учитывать все постановления из сводов законов и уставов (строительного, городского хозяйства, полицейского, медицинского и пожарного), и кроме того отдельных правил, предписанных МВД. В инструкции был представлен список документов, которые обязательно должны были сопровождать проектные планировки для городов, а также были указаны правила их составления:

а) Высочайше подтвержденный в прежнее время план города (таковой для Воронежа тогда не был найден);

б) план существующего расположения города, с профилями нивелировки местности, как под существующим городом, так и под частями, предназначенными под его развитие, т.е. фиксационный чертеж с анализом рельефа всей территории, которую в перспективе должен занять город;

в) план проектируемого расположения города, на котором должны были быть показаны: городская черта, городской выгон, сады, огороды, леса, поля, пашни, пески, дороги, реки, ручьи, озера, болота, разливы вод и т.п. Кроме того на чертеже требовалось обозначить имеющиеся в городе «каменные» и «деревянные» кварталы с показом частных дворовых участков и зданий, а также указать существующие и предполагаемые к застройке участки под казенные и общественные сооружения.

г) ведомость о числе дворовых участков, находящихся в них домов и о числе жителей обоего пола в городе;

д) подробное топографическое описание местности, отходящей под проектируемый город, а также окружающих его угодий, на расстоянии от 250 сажень до 1 версты.

В примечании к этому документу власти указывали, что первичный контроль над составлением проектов перед их отправкой в министерство должны осуществлять строительные отделения губернских правлений.

Тщательно выполненные чертежи позволяли принимать обоснованные решения о пространственном развитии города, а также улаживать сложные вопросы, связанные с компенсацией материальных потерь в случае пожаров и стихийных бедствий. В августе 1870 г. правление «Русского страхового от огня общества» подало в МВД вскоре утвержденное представление о необходимости снятия копий подробных планов губернских и уездных городов Российской империи, хранящихся в архиве ТСК министерства⁵.

Однако представленный проект из Воронежа был недостаточно подробным и не мог служить ни перспективным, ни качественным фиксационным документом, который бы мог дать исчерпывающее представление о застройке города.

4 декабря 1871 г. в ТСК МВД был утвержден новый состав и порядок работы над проектной документацией представленных на утверждение планов городов, на которые «до сих пор таких Высочайше утвержденных документов не имелось»⁶. По формальным признакам Воронеж попадал именно в эту категорию.

Работа над составлением перспективного плана Воронежа была продолжена с использованием перечисленных распоряжений. Ход работ в период с 1870 по 1900 гг. зафиксирован в объемном деле (475 л.), которое хранится в фонде Воронежской городской управы⁷.

Управы, созданные в ходе Городской реформы 1870 г., имели широкие полномочия по контролю вопросов развития города, строительства, землепользования и коммунального хозяйства. Во взаимодействии с городской думой, они формировали систему городского самоуправления в пореформенный период.

В указанном деле среди материалов о разработке плана Воронежа, в частности, имеются ведомости, содержащие информацию: о числе жителей Воронежа с делением по сословиям и полу; о молитвенных и о прочих зданиях (жилых, магазинах и лавках, театрах и даже полицейских будках) с указанием количества каменных и деревянных. Под комплектом документов подписались следующие чиновники: возглавлявший строительное отделение губернский инженер Ю. И. Волтатис, губернский архитектор В. А. Сербин и городской архитектор А. А. Кюи⁸. Эти данные, приобщенные к делу,

демонстрируют тщательную предпроектную подготовку к созданию нового генерального плана.

В документацию кроме прочего была включена пояснительная записка от 1871 г., которая специально оговаривала застройку кварталов у железной дороги. Наряду с вышеназванными должностными лицами ее подписал губернатор князь В. А. Трубецкой⁹. Городские власти уделяли повышенное внимание развитию этой активно осваиваемой территории.

Городской архитектор Д. С. Максимов, представил новый проектный план в городскую думу 6 февраля 1873 г. Основной чертеж содержал информацию о том, где следует строить каменные, а где деревянные дома. Здесь же можно было увидеть предложение продлить Мало-Дворянскую улицу (ул. Ф. Энгельса) на участке от современной улицы Мира до улицы Кольцовской, что было предусмотрено еще планом 1774 г. Однако, в конце 1840-х годов, после расширения территории комплекса зданий приказа общественного призрения здесь образовался тупик. Вновь открытая часть улицы проходила мимо городского сада и прорезала больничный двор. Это стало возможным после передачи больницы в ведение земства¹⁰.

Так как муниципалитеты были ответственны за регулирование городской застройки и благоустройство, 23 июня 1875 г. была образована комиссия для рассмотрения плана Воронежа в составе гласных: Д. С. Максимова, И. Е. Вьюнникова, И. М. Тихомирова и других¹¹.

По мнению комиссии, этот план можно было использовать в случае возникновения споров о границах земельных участков или об их использовании. Однако, в заключении комиссия не смогла рекомендовать представленный документ для перспективного планирования города¹².

27 декабря 1876 г. в своем обращении к городской думе губернатор князь М. А. Оболенский напомнил, что план развития города Воронежа так и не был составлен. В ответ муниципальные власти в очередной раз возобновили попытки создания данного градостроительного документа¹³.

В начале 1877 г. частный землемер А. Я. Разуваев выразил желание разработать проектный план для Воронежа, однако городские власти отказались воспользоваться его услугами. В соответствии с решением городской думы от 18 января 1877 г., задача составить проектный план Воронежа в срок до июня 1877 г. была возложена на городского архитектора Д. С. Максимова¹⁴. Сроки не были соблюдены.

Работу он начал в апреле 1877 г. и, поэтому завершил проект только в самом конце этого года.

Готовый проект Максимова не содержал обязательные приложения, которые были предусмотрены инструкцией 1870 г. Вследствие чего, в мае 1879 г. было принято решение заново составить «проектный план на город Воронеж» и подыскать «сведущие лица» для исполнения этой задачи¹⁵. Городская дума внесла свое предложение по распределению бюджета, посоветовав городской управе пригласить не двух специалистов, а одного городского архитектора с жалованием в 1500 рублей годовых. При этом сэкономленную сумму в 400 руб. рекомендовалось добавить «к ассигнованным по этой же смете 210 руб. на составление проектного на город Воронеж плана»¹⁶.

В 1881 г. хозяйственный департамент МВД потребовал представить из губернских строительных отделений подлинные высочайше утвержденные планы городов¹⁷. Вероятно, это требование стало причиной нового неожиданного оживления в затянувшемся процессе разработки генерального плана для Воронежа.

Вот перечень тех, кто в период с января по май 1881 г. предлагал муниципалитету свои услуги составлению современного и всеобъемлющего генерального плана: военные топографы, поручики Яковлев и Ванюрский; межевой инженер, помощник губернского землемера С. Романов; гражданский инженер И. М. Тихомиров; инженер-архитектор С. Л. Мысловский; землемер из Богемии Ф. Р. Кениг; губернский землемер Н. А. Попов. Тем не менее, по неясным причинам эти кандидатуры были отвергнуты. В итоге 18 июня 1881 г. был заключен контракт с землемером А. Я. Разуваевым.

Контракт требовал выполнения плана Воронежа в течение трех лет при бюджете в 6000 рублей. В августе 1882 г. А. Я. Разуваев составил черновой план, который был передан на проверку гражданскому инженеру, тогдашнему городскому архитектору, А. П. Багалдину-Таишеву, и инженеру Р. А. Михайлову. После изучения плана Разуваева они представили городской думе список обнаруженных неточностей по расположению домов и разметке улиц. В результате контракт с ним был расторгнут в декабре 1884 г., что снова затормозило разработку генерального плана. Несмотря на вложенные ресурсы, необходимый проект так и не был завершен. Позднее, с уже упомянутым Н. А. Поповым, был подписан новый контракт на продолжение работы над генеральным планом, однако по неизвестным причинам губернский землемер так и не приступил к его выполнению¹⁸.

Анализ материалов дела указывает на то, что в последующие годы городская дума активно стремилась получить новый градостроительный план. Многие специалисты предлагали свои услуги по составлению такого документа: в 1885 г. – инженер путей сообщения П. Ю. Майер, частный землемер Г. Г. Вязовой, землемер-таксатор¹⁹ В. Л. Левин; в 1886 г. – частный землемер М. М. Веневитинов; в 1891 г. – военный топограф капитан А. П. Егоров из Гродно; в 1892 г. – военный топограф, воспитатель Михайловского кадетского корпуса, подполковник В. М. Яковлев и штабс-капитан 14-го Можайского полка Ванюрский, землемер М. В. Никольский; в 1893 г. – М. Голинович из Москвы²⁰.

Среди всех претендентов на работу над новым планом были выбраны Яковлев и Ванюрский, поскольку они посчитались наиболее квалифицированными из всех претендентов, и, кроме того, они уже проживали в Воронеже.

В 1893 г. городская дума заключила с ними контракт на разработку нового градостроительного плана, руководствуясь статьями «Городового положения» 1892 г., которые предоставляли думами право рассмотрения предложений об изменении существующих планов и создания новых²¹. При этом состав проектной документации все так же определялся упомянутой указанной выше инструкцией ТСК МВД 1870 г.

Работа над градостроительным планом встретила серьезное препятствие в виде указа Сената от 27 апреля 1893 г., который ограничил полномочия городских дум в области градорегулирования. В указе говорилось, что владельцы земель, которые оказались по городскому плану предназначены под улицы, площади и другие общественные нужды, имеют право распоряжаться ими по своему усмотрению, пока эти земли не будут выкуплены городским управлением на законном основании²². Отчуждение земельных участков требовало значительных финансов, превышавших любые доступные городской думе бюджеты. Проектировщики были вынуждены считаться с этим ограничением.

В ноябре 1896 г. инженер-землемер Харламов проверил промежуточные результаты работы: проведенную геодезическую съемку и составленный по ее результатам черновой план. Проверка не нашла серьезных недостатков, после чего работа была возобновлена.

Для ускорения процесса в феврале 1902 г. В. М. Яковлев нанял капитана И. К. Струевича в качестве чертежника, а в 1905 г. –

студентов Московского инженерного училища В. Р. Трушковского и И. П. Трунова²³. Результатом этого продолжительной работы стали два фиксационных плана Воронежа – один составленный в 1902 г., а другой в 1910 г.

В конце XIX – начале XX в., как указывают архивные документы, возникли дискуссии относительно того, должен ли город поручать разработку градостроительных планов частным фирмам и при каких условиях это возможно. Также обсуждался вопрос о покупке точного плана Воронежа, составленного Яковлевым. В архивах ГАВО найдена обширная переписка по этому вопросу. Согласно договору, заключенному между городской управой и полковником В. М. Яковлевым от 6 апреля 1911 г. выполненный им план Воронежа с указанными «нивелировочными профилями местности» был приобретен управой. Кроме того, на чертеже были отражены все данные по перспективному урегулированию территории города, которые составителю, по-видимому, предоставил городской архитектор²⁴.

Исполненный Яковлевым «План города Воронежа с показанием казенных и общественных зданий, церквей и садов», стал широко известен благодаря тому, что получил цветное издание крупного формата и был отпечатан большим тиражом. Этот план является наиболее подробным среди дореволюционных. К нему прилагалась книжечка с описаниями всех указанных на чертеже городских объектов, сгруппированных по функционально-типологическому принципу.

Для историков и архитекторов этот план является ценным источником информации, поскольку он позволяет определить расположение всех значимых построек Воронежа и даже определить форму плана многих зданий. Чертеж Яковлева позволяет проанализировать характер застройки и планировки, а также восстановить прежние названия практически всех старых улиц города.

В отличие от предыдущих планов, на этом чертеже можно заметить изменения в планировке слобод. Не входя в состав города официально, они фактически стали его частью. Именно здесь наблюдался рост количества и изменение характера застройки. Например, Ямская слобода прирастает упорядоченными кварталами, осваивая территорию к северо-западу от нового храма Св. Владимира. Такую же регулярную планировку получила часть территории Троицкой слободы, расположенная за площадью Старый Бег.

В 1903–1905 гг. оба эти участка были признаны городской думой чрезвычайно перспективными для города²⁵. Это было обусловлено

двумя факторами: непосредственной близостью к железной дороге и наличием свободных участков. Последний фактор в условиях частной собственности на землю был крайне важен для размещения необходимых городу объектов.

В тоже время следует обратить внимание, на сохранение структуры центральной части города. Здесь все еще существовало множество не застроенных участков, которые занимают усадебные сады и городские парки. Эти зеленые зоны образовывали непрерывный массив, начиная от современного Первомайского сада и до улицы Комиссаржевской. Согласно подсчетам статистика И. К. Воронова, в 1899 г. сады занимали 27% городской территории²⁶.

В плане Яковлева отсутствуют проектные предложения по освоению новых пригодных для расширения Воронежа территорий. Это в некоторой степени можно объяснить тем, что когда работа по генеральному плану двигалась к завершению, 7 октября 1909 г. был опубликован указ сената, в котором были уточнены полномочия местных самоуправлений при разработке градорегулирующих документов. В нем, в частности, говорилось: «Хотя городским думам и предоставлено рассмотрение предложений об изменениях в плане города или о составлении новых планов, однако такие изменения могут касаться лишь внутреннего в пределах городской черты расположения кварталов, площадей, улиц и т.п. Поэтому городским думам не может быть присвоено право изменять самые пределы или направление этой черты путем включения в нее земель, до сих пор находившихся в уезде... В тех же случаях, когда к сему представится необходимость, городские управления могут лишь возбуждать ходатайства по сему предмету перед высшим Правительством»²⁷. Без предварительного согласования в столице городские власти не могли просить проектировщика выйти за установленные городские границы.

Своеобразной попыткой решить накопившиеся проблемы, связанные с дальнейшим развитием планировочной структуры Воронежа, стал доклад Н. А. Клочкова городской думе под названием «Задачи городского самоуправления»²⁸. Он был представлен в начале 1908 г., а предлагаемая программа издана в виде отдельной брошюры на 161 стр.²⁹ Клочков, опираясь на свой более чем 30-летний опыт работы в думе, предлагал свое видение использования земель и зданий, принадлежащих городу, а также обосновывал необходимость перестройки существующих и строительства новых объектов. В перечне мероприятий, которые планировалось реализовать в период

с 1908 по 1914 гг., было включено строительство двух крытых капитальных рынков на Щепной площади, новых торговых рядов на Митрофановской площади возле монастыря, нового рынка на части свободной от застройки площади Старый бег, нового здания для цирка и двух новых приходских училищ. Кроме того, предлагалось перестроить общественные торговые галереи на Соборной площади, а также здания 2-го и 3-го городских приходских училищ.

В программе Ключкова были предусмотрены и более радикальные изменения в размещении важных городских учреждений. Одно из таких изменений предполагало снос здания Московской полицейской части. На его месте планировалось возведение трехэтажного здания, которое предназначалось для размещения магазинов, городской лечебницы и городской торговой школы.

Новую Московскую полицейскую часть с сыскным отделением предусматривалось перенести в специально спроектированное двухэтажное здание рядом, а пожарную часть сделать самостоятельной и перенести ее ближе к новому храму св. Владимира. На территории, которая находилась за храмом, в районе нынешней улицы Революции 1905 года, планировалось создание нового городского сада и возведение в будущем учебных и других общественных зданий.

Такая же участь ожидала и Дворянскую полицейскую часть. Ее предлагалось устроить на новом месте, переместив ближе к началу Большой Дворянской улицы, заняв казарму Арнольди, где на тот момент располагался 141-й пехотный полк (нынешний адрес – пр. Революции, д. 5). Рядом с новым расположением полицейской части планировалось возведение пожарной каланчи.

На освободившейся территории проектировалось большое трехэтажное общественное здание. В нем на первом этаже предлагалось разместить магазины, на втором – Воронежскую публичную библиотеку, а на третьем – Народный университет, включающий губернский музей и рисовальную школу. За этим зданием, вдоль Большой Богоявленской улицы, предлагалось построить 2-ю женскую гимназию.

Предложенные мероприятия должны были способствовать усовершенствованию городской инфраструктуры и созданию более благоприятных условий для повседневной жизни горожан.

Ключков приложил к печатному докладу иллюстрации, содержащие проектные чертежи известных архитекторов А. М. Баранова и М. Н. Замятина, которых можно справедливо считать соавторами Ключкова. Без их профессионального участия, этот амбициозный

проект городского самоуправления, призывающий к более рациональному использованию городских территорий, не был бы так убедителен.

Что касается экономического аспекта данного проекта, автором доклада было предложено взять займ на сумму 1750000 руб., из которых на строительство предполагалось использовать 1 миллион. Однако из-за опасений относительно увеличения долгов Воронежа, предложение о займе не получило необходимого большинства голосов гласных в феврале 1909 г. Только со второй попытки, предпринятой в марте того же года, предложение о займе было одобрено³⁰. Однако этот кредит, срок погашения которого был рассчитан на 49 лет, так и не был получен городом.

Из-за ограниченности финансов и недостатка свободных территорий, большая часть запланированных мероприятий по улучшению планировочной структуры Воронежа не была осуществлена. Средств хватало лишь на решение основных проблем, связанных с благоустройством города и упорядочиванием его окраин. По этой же причине за фиксацией на плане сложившихся к началу XX в. градостроительных изменений не последовал следующий шаг – создание перспективного проектного плана Воронежа.

Что нам сообщают перечисленные факты? В первую очередь можно сделать вывод, что сама центральная власть перестала считать себя ответственной за строгое регулирование и финансовую поддержку градостроительных проектов. Вместо этого, ее роль сводилась к надзору за соблюдением установленных «Строительным уставом» технических норм и правил. Реформы 1860-х годов оказали значительное влияние на городское самоуправление и привели к появлению новых механизмов регулирования городской среды. В существенных вопросах городского развития, таких как планирование строительства и использование принадлежащих городу территорий инициатива оказалась на стороне городской думы. Однако реализация задач городского планирования требовала значительных финансовых ресурсов. Нехватка средств, с которой сталкивались органы самоуправления не только в уездных, но и в губернских городах, таких как Воронеж, определяла неспешность в решении этих стратегических вопросов. Приоритетным в таких условиях всегда оставалось решение насущных вопросов городского хозяйства.

¹ Этот план был литографирован и воспроизведен в печати в виде приложения к «Памятной книжке Воронежской губернии на 1861 год» (С. 194).

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

- ³ *Кириченко Е. И., Нащокина М. В.* Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века : в 3 кн. Кн. 1. Общая характеристика и теоретические проблемы. Москва, 2001. С. 240.
- ⁴ Устав Строительный (Издание 1900 г.). С.-Петербург, 1901. С. 202.
- ⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 2. Д. 270.
- ⁶ Там же. Д. 256.
- ⁷ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46.
- ⁸ Там же. Л. 7, 7 об., 8, 9.
- ⁹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 10 и 10 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 242. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Д. 46. Л. 20–24.
- ¹² Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1877 г. Воронеж, 1877. С. 105–108.
- ¹³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 34, 35.
- ¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 54.
- ¹⁵ Там же. Д. 46. Л. 36, 44, 51.
- ¹⁶ Там же. Д. 1126. Л. 1.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 2537. 181 л.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 64, 70, 71, 84, 85, 87, 114, 121, 141–145.
- ¹⁹ Землемер-таксатор – техник губернской чертежной, определявший точные границы земельных участков, а также занимавшийся оценкой их стоимости.
- ²⁰ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 207, 208, 210, 211, 251, 284, 287, 288, 321.
- ²¹ ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 12. С.-Петербург, 1895. № 8708. Это положение вошло в новую редакцию Устава Строительного (1900 г.) в виде статьи под № 178.
- ²² Устав строительный : (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г.) : с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства внутренних дел, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя : издание неофициальное. С.-Петербург, 1902. С. 198.
- ²³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 331, 395, 399.
- ²⁴ Там же. Л. 438–443.
- ²⁵ *Попов П. А.* Городское самоуправление Воронежа. 1870–1918. Воронеж, 2006. С. 230.
- ²⁶ *Воронов И. К.* Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ. Воронеж, 1903. С. 72.
- ²⁷ Устав строительный. С. 194.
- ²⁸ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2398.
- ²⁹ Задачи благоустройства г. Воронежа : доклад в Воронежскую городскую думу гласного Н. А. Ключкова. Воронеж, 1908.
- ³⁰ *Попов П. А.* Указ. соч. С. 247.

**Руководящий состав жандармского управления
Воронежской губернии в XIX веке:
формирование и эволюция**

Местный аппарат политической полиции в Российской империи складывается одновременно с формированием в 1827 г. Корпуса жандармов, как исполнительного органа III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Дореформенный период функционирования жандармерии в Воронежской губернии, в отличие от более поздней эпохи, до настоящего времени остается слабоизученным из-за отсутствия достаточной источниковой базы на местном уровне. Государственный архив Воронежской области располагает лишь несколькими формулярными списками о службе и достоинстве жандармских офицеров, а также данными о персональном составе местной жандармской команды за 1850 г. Это, несмотря на в целом достаточно богатый фонд губернской жандармерии, который насчитывает более 3 тыс. единиц хранения. Однако большей частью эти документы относятся к концу XIX – началу XX в. Поиск других материалов по данной тематике требует обращения к фондам федеральных архивохранилищ.

Корпус жандармов в николаевскую эпоху, несмотря на скромный численный состав, имел весьма громоздкую структуру: помимо штаба, размещавшегося в Петербурге, он делился на округа, которые в свою очередь делились на отделения, объединявшие в своем составе одну или несколько губерний. Округом руководил генерал, отделением – штаб-офицер в чине от майора до полковника. Первоначально на территории Европейской России были созданы 5 жандармских округов. Воронежская губерния была отнесена ко 2-му (Московскому) округу, объединившему в своем составе черноземные и нечерноземные регионы Центральной России. В 1830-е годы количество округов увеличилось до 8-ми, включив в орбиту жандармского надзора Царство Польское, Закавказье и Сибирь. С появлением новых округов изменению подверглась не только общая нумерация, но и расписание губерний, входивших в их состав. Как следствие, Воронежская губерния оказалась приписанной к Казанскому округу, имевшему 6-й, позднее 7-й порядковый номер.

Жандармский штаб-офицер в Воронеж был назначен вскоре после введения в апреле 1827 г. «Положения о Корпусе жандармов». Им стал бывший кишиневский комендант подполковник Александр Григорьевич Волков 10-й. «По предписанию Вашего Превосходительства с № 169 назначен в город Воронеж для исполнения моей обязанности; – писал он шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу в рапорте от 2 марта 1827 г. – по личному ж Вашего Превосходительства дозволению, нахожусь ныне в городе Орле, где ожидаю дальнейшего приказания к вступлению должности моей»¹. Первое донесение подполковника Волкова 10-го из Воронежа в III Отделение датировано 27 июня 1827 г.² Под политическим надзором А. Г. Волкова оказались в том числе соседние губернии³.

Также по документам федерального архива установлено, что весной 1830 г. на должности жандармского штаб-офицера в Воронежской губернии состоял подполковник Вепрейский (инициалы выявить не удалось), которого вскоре сменил майор Петр Дормидонтович Лезнев⁴.

На начальной стадии формирования политической полиции в регионе руководящий состав был подвержен довольно частой ротации. В частности, анализ эпистолярного наследия периода воронежской ссылки поляка М. Ю. Ромера позволяет убедиться, что в 1831–1832 гг. жандармским штаб-офицером в Воронеже являлся уже другой человек – полковник Никифор Харлампиевич Коптев⁵. Участник Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов русской армии и взятия Парижа в 1814 г. Н. Х. Коптев с 1819 г. служил в Воронежском внутреннем гарнизонном батальоне, с 1830 г. – в Корпусе жандармов⁶. На польский манер Ромер называет Коптева «паном», сопровождая обращение к нему эпитетами «вельможный», «ясновельможный». В силу служебного положения Коптев представлял весомую фигуру в местном обществе. Ромер неоднократно наносил ему визиты, а также регулярно встречал его в кругу высших должностных лиц губернии. Ссылный поляк, насколько видно из текста его писем, был хорошо осведомлен о личной жизни «пана полковника» – о вступлении им во второй брак, приобретении на конном заводе в с. Хреновом четырех породистых жеребцов, предназначенных для участия в рысистых бегах и пр. Ромер также не преминул возможностью познакомиться с «милыми, красивыми» детьми Коптева от первого брака, о котором узнаем некоторые подробности: «Полковник Коптев имеет в доме, где он живет, католическую часовню,

устроенную для бывшей его жены и старшей дочери того же вероисповедания. А ксендза он привозил каждый Великий пост за несколько сот верст из Саратова»⁷.

В Воронеже Коптев, судя по всему, служил до конца 1834 г. В январе 1835 г. в чине генерал-майора его назначили гродненским губернатором.

В июле 1836 г. с учетом накопленного опыта было принято новое «Положение о Корпусе жандармов», по которому прежние отделения подлежали ликвидации, а штаб-офицер отныне назначался в каждую губернию, где возглавлял специально созданное Управление. Самый ранний послужной список, сохранившийся в ГАВО, принадлежит подполковнику Арсению Федоровичу Козлову, возглавившему жандармерию в феврале 1843 г. На этом основании некоторые исследователи пришли к ошибочному заключению, что до 1843 г. штаб-офицера в Воронеже не было⁸. Штат Управления штаб-офицера Корпуса жандармов в Воронежской губернии, включал также адъютанта и двух нестроевых писарей из кантонистов⁹. В разные годы штаб-офицерами Корпуса жандармов в Воронежской губернии являлись Алексей Павлович Каверин (1850–1854), Феликс Титович Загорский (1854 – после 1859), Николай Петрович Скачилов (1861–1864), Дмитрий Михайлович Ковалинский (1865–1867).

С 1836 г. Управлению штаб-офицера Корпуса жандармов в Воронежской губернии подчинялась местная жандармская команда, размещавшаяся казарменно в одном из городских зданий. В воронежской городской топонимике известно название «Жандармская гора» – часть улицы Большой Смоленской, располагавшейся на возвышенности и примыкавшей к Большой Дворянской (ныне ул. Коммунаров). На плане города 1842 г. видно, что на одном углу перекрестка с центральной улицей стояли конюшни жандармского ведомства, на другом – жандармские казармы. Под казармы в то время была занята усадьба нынешнего дома № 5 по проспекту Революции¹⁰. В этом же районе должны были находиться сараи и кузница, а также где-то неподалеку открытый манеж.

Воронежская жандармская команда (ВЖК) была создана еще при Александре I, в контексте появления в России в 1817 г. жандармских частей, призванных обеспечивать порядок в городах. Эти части вошли в учрежденный Отдельный корпус внутренней стражи. По сути, жандармская команда представляла собой военизированную конную городскую полицию. По данным на июль 1826 г. ВЖК входила в

7-й округ Корпуса внутренней стражи и состояла из 1 обер-офицера, 4 унтер-офицеров, 24 рядовых, 29 лошадей¹¹.

Идея привлечения жандармов к деятельности политической полиции принадлежала А. Х. Бенкендорфу, реализовавшему ее в 1827 г., когда по его инициативе был создан Корпус жандармов, и местные жандармские команды вошли в его состав. Вместе с тем, компетенция начальников губернских жандармских команд, получивших новое назначение, не претерпела существенных изменений в сравнении с временем Александра I¹². Жандармские команды оставались в распоряжении губернаторов и батальонных командиров Корпуса внутренней стражи, а сфера их деятельности была по-прежнему широка, начиная от подавления бунтов и заканчивая обеспечением порядка при театрах и на ярмарках. Ее чины политической надзор практически не осуществляли, выполняя лишь отдельные секретные поручения gubernского жандармского штаб-офицера, занимавшие в общем объеме деятельности незначительное место. Таким образом, взаимодействие между штаб-офицером и чинами жандармской команды по линии политической полиции было минимальным. Такое положение дел сохранялось вплоть до эпохи Великих реформ.

В 1819–1837 гг. Воронежскую жандармскую команду возглавлял поручик А. М. Шаганов, в 1837–1849 гг. – капитан М. А. Веселовский, в 1849–1852 гг. – капитан Ф. Г. Павлов, в 1852 – после 1863 г. – штабс-капитан В. П. Павлов.

По сохранившимся данным за 1850 г. состав ВЖК насчитывал 33 чел., из которых один был обер-офицером (начальник команды), 5 унтер-офицеров, 24 рядовых (20 конных и 4 пеших) и 3 нестроевых чина: кузнец, коновал и писарь в унтер-офицерском звании. Также в распоряжении команды находились 25 строевых лошадей и одна подъемная, предназначавшаяся для перевозки обоза¹³.

Серьезная реорганизация Корпуса жандармов происходит в эпоху Великих реформ. Их инициатором стал шеф жандармов (1866–1874) граф П. А. Шувалов, а своего рода катализаторами преобразований послужили восстание в Царстве Польском 1863–1864 гг., а также покушения на Александра II Д. Каракозова (1866) и А. Березовского (1867). П. А. Шувалов был политиком консервативным взглядов и противником Великих реформ. Усиление роли жандармской полиции в системе государственных органов власти отвечало задачам его политической программы, о наличии которой говорили и современники, и некоторые исследователи.

В сентябре 1867 г. было утверждено новое «Положение о Корпусе жандармов», в неизменном виде просуществовавшее до 1917 г. Ликвидировались жандармские округа. Управление штаб-офицера Корпуса жандармов в Воронежской губернии осенью 1867 г. упразднилось. На его базе создавалась принципиально новая структура местного аппарата политической полиции – губернское жандармское управление (ГЖУ), которое было призвано усилить надзор за населением, распространив его по территории губернии в целом.

Воронежская жандармская команда 1 декабря 1867 г. была также упразднена. Вместо нее сформировали Наблюдательный состав КЖ в Воронежской губернии (с 1870 г. переименованный в дополнительный штат Воронежского ГЖУ), состоявший из 16 нижних чинов в унтер-офицерском звании, находившихся на сверхсрочной службе. В их обязанности теперь входило осуществление политического надзора, для удобства осуществления которого они размещались на казенных квартирах частично в Воронеже, частично по территории губернии. Часть чинов бывшей ВЖК вошла в новое жандармское подразделение. Дополнительный штат возглавляли один или несколько обер-офицеров – помощников начальника ГЖУ.

Период второй половины XIX – начала XX в. задокументирован несравненно лучше дореформенного. Имеющаяся в Государственном архиве Воронежской области коллекция формулярных списков (с начала 1860-х гг. они стали называться послужными) позволила составить коллективный служебный портрет руководителей воронежской жандармерии и вместе с тем проследить его эволюцию во времени, сравнив две эпохи, водоразделом между которыми стали Великие реформы императора Александра II¹⁴.

Одним из главных изменений стало ужесточение правил отбора в Корпус жандармов. Это было вызвано рядом причин. В частности, после подавления очередного польского восстания 1863–1864 гг. доступ в Корпус был окончательно закрыт католикам и женатым на католичках. Как следствие, во второй половине XIX – начале XX в. мы не увидим в Воронеже ни одного начальника-католика. А в дореформенный период таким был Ф. Т. Загорский (1854–1861).

В годы Великих реформ повышается образовательный ценз. От желающих перейти на службу в жандармерию требовалось не только общее образование (гимназии, реальные училища или кадетские корпуса), но и среднее специальное, которое давали военные и юнкерские училища. В силу ряда обстоятельств высшее образование среди

жандармских офицеров должного развития не получило. Лишь один начальник Воронежского ГЖУ – Константин Хартулари – имел высшее военное образование, окончив Михайловскую артиллерийскую академию, за что был удостоен соответствующего знака отличия.

Хотя тяга к знаниям была не чуждой для отдельных представителей жандармерии. Бывали случаи, когда современникам даже удавалось увидеть жандарма на студенческой скамье, но, как правило, это носило единичный характер и не получило дальнейшего распространения. Например, мемуарист Л. Ф. Пантелеев, описывавший университетскую атмосферу Петербурга весной 1861 г., отмечал, что в то время «университет как-то сам собой открылся для всех желающих; даже не надо было записываться в вольнослушатели, а просто – приходи и слушай. <...> Помню даже одного жандармского офицера, довольно регулярно посещавшего лекции М. М. Стасюлевича и, кажется [Н. И.] Костомарова, что, по-видимому, нисколько не стесняло лекторов и нимало не смущало остальных слушателей»¹⁵. Однако уже в 1862 г. столь радужную картину омрачили начавшиеся студенческие волнения и столичные пожары.

Тем не менее, по уровню образования жандармские офицеры во многом превосходили чиновников среднего звена, особенно полицейских служащих. О высокой степени образованности говорит тот факт, что среди начальников жандармского управления двое в свое время были связаны с педагогической деятельностью в учебных заведениях закрытого типа. В частности, подполковник Николай Скачилов (1861–1864) прослужил почти полтора десятка лет в Михайловском Воронежском кадетском корпусе с самого его основания в 1845 г., где обучал кадет географии; полковник Михаил Завьялов (1885–1891) преподавал математику и эволюцию в штурманском полуэкипаже – среднем военно-техническом учебном заведении, находившемся в Кронштадте, которое он сам когда-то окончил. Помимо преподавания и Скачилов, и Завьялов осуществляли функции офицеров-воспитателей.

Повышение образовательного ценза среди жандармов было связано с новой профессиональной ролью, которую им предстояло играть в эпоху Великих реформ. Как известно, по закону от 19 мая 1871 г. на жандармов были возложены обязательства осуществления дознаний по государственным преступлениям, тем самым, жандармы из сторонних наблюдателей превращались в следователей. Это требовало в том числе специальной подготовки, что вызвало учреждение при

штабе Корпуса жандармов в Петербурге подготовительных курсов. Их организация была личной инициативой шефа жандармов графа П. А. Шувалова. В мае 1871 г. для чтения лекций по уголовному праву армейским офицерам, желающим перейти на службу в жандармерию, был приглашен слушатель старшего выпускного класса Военно-юридической академии Н. П. Хитрово. В течение двух месяцев им были прочитаны 30 лекций, каждая из которых оплачивалась пятью рублями. После успешного сданного всеми слушателями экзамена комиссии, возглавлял которую лично Шувалов, капитану Хитрово в качестве вознаграждения был назначен годовой оклад жалованья, а также поступило предложение самому перейти на службу в Корпус жандармов. Однако данное предложение им было отклонено¹⁶.

Вообще, документы, отложившиеся в архивных фондах штаба Корпуса жандармов и Департамента полиции МВД (ГАРФ, г. Москва), в частности, различного рода отчеты и рапорты, поступавшие с мест и составлявшиеся жандармскими офицерами – подлинная энциклопедия русской дореволюционной жизни. Отражая многочисленные аспекты общественно-политической и социально-экономической действительности, данный вид документов актуален для большого количества историков, в центре внимания которых находятся совершенно разные тематические интересы.

В силу новых профессиональных обязанностей и более активной роли принимались ограничения по возрасту для перевода на службу в жандармерию. Рамки возрастного коридора составляли от 24 до 33 лет. И если нижняя граница была обозначена с самого момента учреждения жандармского корпуса при графе А. Х. Бенкендорфе (во избежание попадания в ряды ведомства людей недостаточно нравственно сформированных), то верхняя граница официально была закреплена лишь в начале XX в., в контексте новой редакции правил о приеме в жандармерию (1913). Однако, в реальной практике пореформенной эпохи ведомственные нормативные акты предусматривали возможность перевода в Корпус жандармов офицеров в чине не старше капитана, средний возраст которых редко превышал 35 лет. Как следствие, в рассматриваемый период времени не стало, как в дореформенное время, вступающих в жандармы в зрелом возрасте – 42, 46 и даже старше 50 лет. В результате жандармские кадры существенно помолодели.

Отметим, что, начиная с 1870-х гг., комплектование Корпуса жандармов осуществлялось исключительно армейскими строевыми

офицерами, а не как ранее, из отставных чинов или других видов служб. Окончательная милитаризация Корпуса по понятным причинам вызывала крайнее неудовольствие Военного ведомства. В пореформенный и поздний имперский периоды именно армия стала «колыбелью» жандармских кадров. В условиях снижения престижности строевой службы (в том числе из-за ряда военных неудач), недостаточности денежного содержания младшего и среднего офицерского состава, крайне медленного чинопроизводства, русская армия столкнулась с оттоком молодых офицеров из своих рядов, искавших лучшей доли и, как следствие, неукомплектованностью личного состава. Служба в Корпусе жандармов, на которую многие молодые офицеры смотрели как на достойную альтернативу рутинному армейскому быту, не могла вызывать у руководства Военного ведомства никаких других чувств, кроме зависти, раздражения и неприкрытой враждебности.

Милитаризация Корпуса жандармов в поздний имперский период станет ахиллесовой пятой этого государственного института, поскольку вчерашние армейские офицеры в большинстве своем скептически относились к новым методам политического сыска (в частности, внутренней агентуре), активно внедряемым со стороны Департамента полиции МВД, не поспевали за ними и при возможности противодействовали. Осознавая это, самодержавная власть, тем не менее, по-прежнему делала ставку на военных людей, политическая благонадежность которых не вызывала сомнений. Видимо, это качество в жандармах ценилось больше, чем их профессиональная эффективность. Как справедливо подметил в свое время Ю. Лотман, «нерассуждающий, исполнительный офицер представлялся им (русским императорам. – *А. П.*) наиболее надежной и психологически понятной фигурой»¹⁷.

Наряду с ужесточением требований к кандидатам, наблюдается демократизация личного состава офицерского жандармского корпуса. Жандармы по своему происхождению становятся менее аристократичными. Уже не встречается среди начальников Воронежского ГЖУ выпускников, например, Пажеского корпуса или Царскосельского лицея, какими были подполковник Арсений Козлов (1843–1850) и полковник Алексей Каверин (1850–1854) соответственно. Существенно меньше становится представителей гвардии. Это связано с общим увеличением численности Корпуса жандармов, а также тем, что отныне на первый план выходят такие качества, как образование и

профессионализм, в то время как богатство, знатность рода, протекция постепенно отходят на второй план.

Среди жандармских офицеров в пореформенный период уже не все принадлежали к дворянскому сословию. К примеру, хорошую карьеру благодаря службе в жандармерии мог сделать сын священника из Пензенской губернии. Таким был Дмитрий Померанцев, в 1880-е гг. начинавший службу адъютантом ГЖУ в Воронеже, позднее здесь же служивший помощником начальника, а завершивший ее в 1916 г. генерал-майором во главе Московского ГЖУ – одного из главного и престижного подразделения во всем ведомстве. Таким образом, для этой категории разночинцев Корпус жандармов выступал в качестве не только профессиональной, но и социальной лестницы.

Анализ послужных списков говорит и о повсеместном обеднении жандармов в пореформенную эпоху. Получаемое на службе содержание становится для них единственным источником дохода. Нет собственности в виде заводов, земель и крестьянских душ. К тому же, приобретению собственности (например, дома), помимо общей нехватки средств, препятствовал и сам характер служебной деятельности, связанный с постоянной ротацией личного состава и перемещением по разным губерниям. Еще в 1830-е гг. было взято за правило не назначать офицера в ту губернию, уроженцем которой он являлся, дабы не смешивать личные интересы с государственными. Ведь по долгу службы жандарм – сторонний наблюдатель.

В пореформенный период прослеживается складывание жандармских династий, когда в Корпусе служили сначала отец, а затем сын (на примере Воронеже – это семьи Ковалинских и Завьяловых) или одновременно братья (Панфиловы), что позволяет говорить об определенной престижности жандармской профессии.

Изучение служебной биографии руководящего состава жандармских управлений Воронежской губернии за разные годы позволило реконструировать их социальный и профессиональный облик. Кроме того, благодаря наличию в архивных фондах послужных (формулярных) списков стали возможными анализ и обобщение изменений, происходивших в местном аппарате политической полиции в рамках исторического контекста.

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 21. Л. 12.

² Там же. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 1140.

³ В частности, в путеводителе по фондам Государственного архива Тамбовской области в исторической справке к фонду местной жандармерии указано,

что Тамбовская жандармская часть с 1827 по 1836 г. входила в состав 6-го жандармского отделения (Воронеж) 2-го жандармского округа. См.: Государственный архив Тамбовской области. Путеводитель Тамбов, 2006. С. 79.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 134.

⁵ См.: *Ромер М.* Письма из Воронежа (1831–1832) / Пер. с польского. Воронеж, 2013.

⁶ РГИА. Ф. 1343 Оп. 51 Д. 163 Л. 213; «За строкой архивных документов : дворяне Курской губернии – участники Отечественной войны» // URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Kursk/kursk2012-069-079.pdf>. (дата обращения: 12.05.2023).

⁷ *Ромер М.* Указ. соч. С. 9.

⁸ См., напр.: *Шамаев В. Г.* На страже государственной безопасности: из истории Воронежского губернского жандармского управления. Воронеж, 2005. С. 200.

⁹ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XI-2. Штаты и таблицы. С.-Петербург, 1837. С. 339. № 9355.

¹⁰ См.: *Попов П. А.* Воронеж : История города в названиях улиц. Воронеж, 2003. С. 149.

¹¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 2. Л. 22–22 об.

¹² *Бибииков Г. Н. А. Х.* Бенкендорф и политика императора Николая I. Москва, 2009. С. 152.

¹³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 373.

¹⁴ Подробнее см.: *Страхов Л. В., Перегудов А. В.* Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019.

¹⁵ *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. Москва, 2015. С. 202–203.

¹⁶ *Хитрово Н. П.* Мои отношения к штабу Отдельного корпуса жандармов в 1871 году, шефу жандармов графу Шувалову и известному публицисту славянофилу Аксакову // Русская старина. 1914. Т. 158. № 4–6. С. 383–384, 390.

¹⁷ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С.-Петербург, 2018. С. 36.

Сельскохозяйственное просвещение в Воронежской губернии в конце XIX – начале XX века

В конце XIX в. заметным явлением социально-экономической жизни российского общества стало сельскохозяйственное просвещение. Его задачи были обусловлены проблемой, возникшей после проведения либеральных реформ – падением доходности аграрного сектора экономики.

Урожайность в Воронежском крае, как и во всем центрально-черноземном регионе, сильно зависела от природных условий. Компенсатором тяжелых условий хозяйствования была община, поддерживавшая минимальный уровень потребления. Однако, поддерживая слабых, община не создавала условий для модернизации аграрного производства. Большинство воронежских крестьян пользовалось, как и в прежние времена, сохой и деревянным плугом, что влекло за собой некачественную обработку почвы и плохую заделку семян, удобрения не использовало, возделывало в основном неприхотливую рожь. Картину дополняло нерациональное землеустройство и ограниченные финансовые возможности крестьянского двора.

Проявлением неблагополучия было периодическое обострение продовольственного вопроса, что ослабляло общество экономически и создавало социальную напряженность. Будучи волостным писарем в одном из сел Воронежской губернии, народник Н. М. Астырев писал о том, что в крестьянском сообществе была популярна мысль о коренном переделе земли. Видный лидер партии кадетов, земский врач А. И. Шингарев, наблюдая за жизнью воронежских крестьян, также отметил, что селяне надеялись на перераспределение земельных ресурсов, т.е. на «черный передел». Деревенские жители не понимали, зачем закупать мудреные машины, если проще «давить» на помещиков.

Часть чиновников и представителей местного самоуправления признавала, что альтернативой идеям «черного передела» могло стать приобщение сельских масс к современным технологиям с помощью сельскохозяйственного просвещения. В 1902 г. в докладе Богучарского уездного земства отмечалось, что в неэффективности земледелия «виновата наша некультурность, отсутствие техники, системы в сельском хозяйстве»¹. Российский экономист, юрист,

общественно-политический деятель и публицист Н. Бржеский в книге «Очерки аграрного быта крестьян» одну из своих глав так и назвал – «Некультурность сельского населения и его неподготовленность к новым условиям хозяйственного быта»². В процессе аграрно-просветительской деятельности предстояло изменить менталитет земледельцев, рационализировать традиционные деревенские представления.

Началом перехода к активной фазе трансляции аграрно-научного знания стали события 1891–1892 гг. Речь идет о крайне остром обострении продовольственной проблемы, которое современники называли «царь-голод». Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона в 1891 г. голодало 29 губерний³. А. С. Ермолов (министр земледелия государственных имуществ в 1894–1905) сообщал о 17 нуждающихся губерниях⁴, А. Н. Куломзин (управляющий делами Комитета министров в 1883–1902) – о 19⁵. В Воронежской губернии, наряду с Казанской и Самарской, было много уездов с «полным неурожаем»⁶. На фоне общеимперской ситуации (голодало 30–35 млн. чел.⁷), положение Воронежской губернии выглядело достаточно серьезно – 1206747 голодающих (без учета детей до года)⁸. М. Д. Карпачев полагает, что из-за болезней, плохого питания и снижения рождаемости в 1892 г. население Воронежской губернии сократилось на 30 тыс. чел.⁹

Голод выявил всю глубину аграрного кризиса, способствовал мобилизации общественного мнения, потрясенного неспособностью властей предложить способы решения этой проблемы. Так, Л. Н. Толстой писал, что голод происходит «от причин экономических... Земля истощена; способы хозяйничанья остаются теми же первобытными»¹⁰. Архаичность крестьянского хозяйства активно обсуждалась в прессе: «бедность, беспомощность и темнота населения» (издание «Родной край»); «несомненно, сельское хозяйство в России стоит на очень низкой ступени развития» (издание «Наша газета»)¹¹. С этими характеристиками совпадали оценки государственных сановников. Председатель Комитета министров Н. Х. Бунге полагал, что «положение крестьян... стало бедственным»¹². Высокопоставленные чиновники констатировали, что неурожай и голод привели к упадку скотоводства, ухудшению земледелия «при первобытных способах обработки и недостатке удобрения»¹³. По итогам работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. воронежские участники сообщали о депрессивном состоянии крестьянских

хозяйств¹⁴. «Оскудение» земледельческого центра России публично признал П. А. Столыпин¹⁵.

Реалии пореформенной жизни поставили на повестку дня модернизацию аграрного производства с помощью внедрения в производственную практику современных технологий и орудий труда. Сельскохозяйственное просвещение – своеобразная улица с двусторонним движением. С одной стороны – организаторы этого процесса: агрономы, ученые, представители интеллигенции, энтузиасты, верящие в силу научного знания. С другой стороны – малограмотное крестьянское население, психологически не готовое к переменам. Два этих потока должны были найти общий язык. Пиком аграрного просвещения (или, в терминах того времени, агрономической помощи) стала Столыпинская реформа. С момента начала реформы и до 1 января 1917 г. в Воронежской губернии вышло из общины и укрепило землю в собственность свыше 81 тыс. домохозяев, имевшие свыше 482 тыс. дес. земли. К общему числу дворов это составляло 21 % или около 13 % земельной площади крестьян¹⁶. Селяне, перешедшие к частной собственности, нуждались в повышении эффективности своего хозяйства путем применения интенсивных методов обработки земли.

Работу по просвещению сельских производителей возглавило Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ), с 1905 г. Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). В ГУЗиЗ аграрно-просветительской деятельностью занимался Департамент земледелия. Правительство создало законодательные основы для участия в этой работе различных субъектов, выделило финансовые потоки, готовило квалифицированные кадры. В 1894 г. МЗиГИ начало формировать сеть государственных опытных учреждений, призванных разработать научные основы земледелия для каждого экономического района и сделать их доступными для крестьян. Что касается центрально-черноземного района, то именно здесь власть впервые приступила к решению задачи борьбы с засухой, организовав в 1882–1895 гг. экспедиции видного ученого В. В. Докучаева. Для проведения исследований в разных местах степной полосы юга России отобраны три наиболее характерных участка. Один из них – Хреновской (на водоразделе Волга-Дон), находился в Бобровском уезде Воронежской губернии. В него входили: степной участок «Каменная Степь» и два леса – Хреновской бор (сосновый лес) и Шипов лес, дубрава. В 1911 г. по итогам экспедиций в Каменной

степи была организована опытная станция. Перед ней поставлена задача отобрать засухоустойчивые культуры и сорта, пригодные для возделывания в степных условиях.

Государство финансировало работу правительственных специалистов, которые состояли в непосредственном распоряжении уполномоченных по сельскохозяйственной части (или инспекторов сельского хозяйства) и работали на местах. К таким должностным лицам относились агрономы, специалисты по отраслям сельского хозяйства, сельскохозяйственные старосты, инструкторы, заведующие складами, заведующие опытными и показательными учреждениями. Члены землеустроительных комиссий также занимались распространением научных знаний. По их отчетам можно судить об отношении сельских жителей губернии к той информации, которую несли им квалифицированные специалисты. Проиллюстрируем эту мысль выдержкой из отчета за 1910–1911 гг. агронома при Нижнедевицкой землеустроительной комиссии И. Е. Дмитренко: «Сомнением, недоверием и удивлением встречают наши крестьяне вообще всякое нововведение»¹⁷.

Кропотливую массовую работу развернули воронежские земцы. Мероприятия проводились в рамках губернской агрономической организации, вопрос о создании которой был поднят еще в 1892 г. Как отмечал заведующий Справочно-издательским бюро при Департаменте земледелия В. В. Морачевский, воронежским губернским собранием была создана агрономическая организация, подобие своеобразного «союза уездных земств». Он отнес воронежскую агрономическую организацию к промежуточному типу¹⁸. Организация выполняла роль координатора агрономических мероприятий в уездах: учреждала местные районные опытные поля, осуществляла научные исследования, организовывала аграрно-просветительную деятельность. Положение о Воронежской общегубернской агрономической организации принято в 1909 г., с этого времени можно говорить о полноценной аграрно-просветительской работе¹⁹. Примечательно, что земцы, в отличие от правительственных должностных лиц, считали необходимым оказывать помощь в равной мере и фермерам, и общинникам

В конце XIX – начале XX вв. в уезды приглашены агрономы: в 1894 г. в Валуйский, в 1898 г. в Бобровский, в 1901 г. в Богучарский, в 1901 г. в Воронежский, в 1904 г. в Нижнедевицкий, в 1905 г. в Коротояжский. Процесс шел неравномерно, с откатами назад: в 1906 г.

в Воронежском уезде должность агронома упразднена, в Коротоякском уезде она просуществовала всего 9 месяцев²⁰. Уездные агрономы стояли наиболее близко к крестьянам и передавали им информацию в доходчивой форме. Должность правительственного агронома появилась в 1903 г., долгое время ее занимал К. К. Фохт. Его обязанности состояли в изучении природных условий края, разработке проекта практических мер по усовершенствованию земледелия, оказании сельскохозяйственного консультирования, проведении показательных мероприятий.

При земских управах создавались агрономические и экономические советы, впервые они созданы в 1894 г. в Бобровском и Богучарском уездах. Членами экономического совета при губернской земской управе (учрежден в 1901 г.) были: А. И. Урсул, В. А. Кильчевский, В. И. Колубакин, К. К. Шуринов, С. И. Коломенкин, Н. А. Перрен-Синельников. В деятельности агрономической организации активно участвовали С. К. Чаянов, Н. П. Макаров, А. Н. Минин, Ю. Е. Макаренко²¹. Сельскохозяйственное просвещение стало важнейшим направлением реформы. Земцы отмечали своевременность сельскохозяйственного просвещения: «просветительская агрономическая деятельность крестьянскому населению со стороны земства приобретает весьма важное государственное значение и является безусловно необходимой»²². В рамках агрономической организации воронежские земцы обязались финансировать работу уездных специалистов, деятельность 2 опытных и более 100 показательных полей, организовать зерноочистительные, прокатные, случные пункты, семенные и контрольные станции, просветительские мероприятия. Уездные земства выделили средства на устройство курсов для взрослого населения²³.

Центром сельскохозяйственного просвещения стала участковая агрономия, принципы деятельности которой разработаны представителями организационно-производственного направления А. В. Чаяновым, А. Н. Челинцевым, Н. П. Макаровым и др. К 1911 г. в Воронежской губернии действовало около 60 участковых агрономов²⁴. С появлением участковой агрономии чтения и беседы приблизились к земледельцам территориально. В 1911 г. пресса сообщала о деятельности участковых агрономов в Воронежской губернии: «Пятью агрономами, инструктором по пчеловодству и инструктором по молочному хозяйству было устроено 36 чтений и бесед. Главное внимание уделялось вопросам обработки почвы, а также разведению кормовых растений»²⁵.

Постепенно просветительская инициатива в Воронежской губернии переместилась от правительственных структур к земским. Это касается и финансирования, и масштабов проведения мероприятий. Если в 1899 г. земские расходы составили 32,7 тыс. руб., то в 1910 г. – уже 300,8 тыс. руб., т.е. увеличились в 9,2 раза²⁶. В 1912 г. организаторами чтений выступили земства (63%), ведомство (25%), сельскохозяйственные общества (12%)²⁷. К 1 января 1914 г. на агрономической службе в Воронежской губернии состояло 174 чел., из них – 129 содержались на средства земских учреждений²⁸.

Аграрные специалисты проводили чтения, беседы, курсы, выставки, показательные мероприятия, организовывали библиотеки, распространяли бесплатный инвентарь, книги, семена, внедряли травосеяние, правильные севообороты, занимались племенной работой. Чтения длились 1–2 часа и представляли собой общение лектора с небольшим количеством земледельцев, примерно, около 30 человек. В отчетах Департамента земледелия Воронежская губерния называлась в числе лидеров по охвату крестьян сельскохозяйственными чтениями²⁹, например, в 1912 г. в них участвовало 64568 чел. – 2 место среди европейских губерний³⁰.

Воронежские организаторы на деле смогли убедиться в пользе чтений и курсов, о чем свидетельствовала их обеспокоенность дефицитом наглядных материалов. Они выступили с инициативой открыть «при министерстве центральной мастерской по изготовлению пособий для народных чтений по сельскому хозяйству»³¹. На курсах обучалось взрослое крестьянское население, а также инструкторы-общественники. Курсы по подготовке инструкторов по различным отраслям сельского хозяйства помогали решать проблему дефицита кадров.

Проводниками аграрных знаний в крестьянскую среду были сельские интеллигенты – педагоги, для которых с 1889 г. проводились курсы на базе Воронежского помологического питомника. Департамент земледелия выделил средства, на которые были закуплены учебные пособия, необходимые приборы и инвентарь, приглашены лекторы³². Обучение учителей регламентировалось актом от 23 апреля 1890 г. «Об устройстве при некоторых сельскохозяйственных учреждениях специальных курсов для народных учителей»³³.

Чтения и курсы часто совмещались с посещением показательных полей. В Воронежской губернии успешно демонстрировали четырехпольный севооборот, рядовой и ленточные посевы, раннюю

обработку пара на Богучарском показательном поле, Валуйском, Ксезинском, Зварыкинском полях Валуйского уезда, а также на полях Коротояжского, Новохоперского, Острогожского уездов³⁴. Так, крестьян с. Попасное Богучарского уезда очень удивило, что урожай на показательном поле оказался в 1,5 раза больше, чем в обычных хозяйствах. «Агроном научил хозяина этого поля правильно разрабатывать и засеивать землю, правильно распределять на ней растения (ввел четырехпольный оборот) и завел травы на пару и в отдельном клину»³⁵. В 1909 г. показательный участок в с. Казначеевка крестьянина У. Чурая (Валуйский уезд) с использованием органического удобрения дал урожай 141 пуд 10 фунтов, а контрольная делянка – всего 51 пуд 30 фунтов. На хуторе Яковка (Валуйский уезд) крестьянин И. Лебедев использовал золу и собрал 167 пудов пшеницы с десятины; обычное поле дало 76 пудов. Внедрив ранний пар и внесение суперфосфата, хорошие результаты получили земледельцы А. Посохов, В. Павлюков, И. Болдырев, Ф. Колубелов³⁶.

Со временем крестьяне оценили усилия агрономов. В 1909 г. в с. Коршеве (Бобровский уезд) благодарные слушатели выразили агроному «глубокую признательность за устройство курсов по сельскому хозяйству, которые они признали весьма полезными для себя»³⁷, что свидетельствовало о результативности мероприятия. Отчеты Департамента земледелия регулярно фиксировали рост интереса к сельскохозяйственным курсам. Так, в отчете ГУЗиЗ за 1912 г. отмечалось, что «пробудившаяся... мысль земледельца ищет для разрешения вопросов, выдвигаемых в процессе хозяйственной жизни, более серьезных и глубоких знаний, и курсы являются в данном случае лучшим к тому средством»³⁸.

К интересной форме агропропаганды можно отнести экскурсии крестьян в западные области Российской империи, Чехию и Германию, которые, начиная с 1909 г., организовывал помощник воронежского губернского агронома Ю. Е. Макаренко³⁹. После такой поездки крестьянин Богучарского уезда И. С. Кублов сделал вывод: «чтобы избавиться нам от бедности и неурядиц... нам нужно забросить старинную, т.е. дедовскую обработку своих полей, а приниматься за новую»⁴⁰.

Все упомянутые способы трансляции научного знания относились к внешкольному образованию, были малобюджетны, учитывали отсутствие у слушателей базовой подготовки. Систематические же научные знания давали профессиональные школы аграрной

направленности. К осени 1914 г. в Воронежской губернии работали Конь-Колодезное низшее училище, образовано в 1889; Верхнеозерское низшее училище, 1908; начальные сельскохозяйственные школы: Боевская, 1914; Ивановская, 1914; Красноженовская, 1914; Запрудская, 1914; Усманская, 1912; Ширяевская, 1914; Русановская школа садоводства I разряда, 1909; Воронежская практическая школа садоводства, 1910⁴¹.

Старейшее Конь-Колодезное училище Задонского уезда учреждено Воронежским губернским земством в 1889 г., в нем, наряду с общеобразовательными предметами, изучались в 1 классе – огородничество, пчеловодство, земледелие, птицеводство, во 2 классе – садоводство, огородничество, пчеловодство, скотоводство, геодезия, в 3 классе – законоведение, скотоводство, земледелие⁴². Учебное заведение поддерживало тесный контакт с местными деятелями и агрономами, которые вели занятия и участвовали в аттестации выпускников⁴³. Губернский агроном К. К. Фохт «в целях ознакомления учеников старших классов с задачами общественной агрономии» регулярно читал им лекции. В 1910 г. Фохт рекомендовал включить в учебную программу новые курсы: технологию выращивания озимой пшеницы и кормовых растений, травосеяние; организовать краткосрочные курсы общественной агрономии и ознакомить учеников с научными достижениями южнорусских опытных полей⁴⁴. Экзаменационная комиссия была достаточно внушительной: уездный предводитель дворянства А. А. Савельев, член уездного съезда Задонского уезда Л. Н. Гаршин и другие представители общественности⁴⁵. Преподавание велось опытными педагогами. Так, первый руководитель Конь-Колодезной школы А. Н. Терский – выпускник Московской сельскохозяйственной академии, второй – Д. Н. Троицкий (с 1903) окончил другой авторитетный вуз – Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства.

Поскольку школы располагали квалифицированными кадрами и хорошей материально-технической базой, они часто становились местом проведения сельскохозяйственных выставок. Регулярно проводили выставки Конь-Колодезное сельскохозяйственное училище⁴⁶, другие учебные заведения аграрного профиля⁴⁷. Особой известностью пользовалась Березовская сельскохозяйственная выставка, которая проводилась на базе Русановской им. Кавериных школы садоводства, огородничества и пчеловодства в селе Березово (Воронежский уезд)⁴⁸.

Увеличение масштабов сельскохозяйственного просвещения и дефицит кадров для этой работы привели к учреждению в Воронеже в 1912 г. сельскохозяйственного института, на который возлагалась задача подготовки специалистов высшего звена – квалифицированных популяризаторов научных знаний.

В просветительную работу включились и общества сельского хозяйства. Они оказывали агрономическую помощь селянам, приглашали персонал, поддерживали сельскохозяйственную науку, финансировали научные исследования, издавали периодическую печать, устраивали выставки, конкурсы, организовывали съезды⁴⁹. Примечательно, что в состав обществ входили крестьяне, даже неграмотные. Согласно статистике В. В. Морачевского, в волостных обществах было 5–15% неграмотных⁵⁰. Общества не только распространяли аграрные знания, но и оказывали практическую помощь, имея в наличии механизированные орудия обработки земли. Например, созданное в 1904 г. Ладомирское сельскохозяйственное общество (Валуйский уезд) объединяло 86 крестьян, располагало прокатным пунктом с рядовой сеялкой, сортировкой и двумя плугами⁵¹. В 1911 г. в Воронежской губернии работало 36 обществ сельского хозяйства, в 1915 – уже 85, т.е. количество увеличилось в 2,4 раза⁵².

Плодотворная аграрно-просветительная работа была бы невозможна без личной инициативы отдельных энтузиастов. Например, возникновение в 1910 г. Русановской имени Кавериных низшей школы садоводства, огородничества и пчеловодства I разряда было обязано помещице В. Ф. Русановой. Она завещала свою землю, барский дом, сад, огород, хозяйственные постройки Воронежскому земству с конкретной целью – создать аграрную школу для бесплатного обучения крестьянских детей. Принц П. А. Ольденбургский в 1895 г. с целью воздействовать «на окрестных крестьян, в смысле улучшения их хозяйства путем наглядного ознакомления с более совершенную сельскохозяйственную технику, принятую в хозяйстве опытного поля», открыл Рамонское опытное поле Воронежского уезда⁵³. Земцы Валуйского и Богучарского уездов обратились в 1909 г. к воронежскому губернскому земскому собранию с ходатайством о создании в юго-восточном и в юго-западном районах губернии опытных полей. Решение этого вопроса стало возможным в 1912 г., когда земство получило в дар от графини С. В. Паниной 200 дес. удобной пахотной земли из своего Вейделевского имения в Валуйском уезде под опытное поле и селекционную станцию⁵⁴. Профессор К. Д. Глинка,

сотрудники СХИ А. М. Панков, К. Ф. Маляревский, заведующий геоботаническими исследованиями губернии В. А. Дубянский признали участок подходящим для научных изысканий, это поддержали К. К. Фохт и заведующий Воронежским опытным полем С. К. Чайнов. Первым заведующим полем в 1914 г. назначен учёный агроном Б. М. Вельбель⁵⁵. Вейделевское опытное поле занималось ведущими культурами юго-западной части Воронежской губернии: яровой пшеницей, подсолнечником, ячменём и озимой рожью.

Помимо Вейделевского поля и опытной станции им. гр. С. В. Паниной, в начале XX в. в Воронежской губернии распространением передовой информации занимались Острогжское опытное поле (Острогжский уезд, создано в 1902), 6 опытных полей Богучарского уездного земства (Богучарский уезд, 1906), Воронежская контрольная станция (г. Воронеж), Валуйское опытное поле (Валуйский уезд, 1908), Воронежское опытное поле (Воронежский уезд, 1911), Каменно-Степная опытная станция им. В. В. Докучаева (ст. Таловая, 1911), Воронежское отделение Бюро по прикладной ботанике (ст. Таловая, 1911), Бобровское опытное поле (Бобровский уезд), Рамонское поле (Воронежский уезд, 1903)⁵⁶. В создании сети опытных учреждений Воронежской губернии участвовали ученые Воронежского сельскохозяйственного института профессора К. Д. Глинка, Б. А. Келлер, И. Ф. Сиома, А. В. Думанский и др.⁵⁷

Постепенно менялась картина мира сельских жителей, шире использовались современные орудия земледелия, новые технологии. Об отдельных результатах аграрных преобразований в воронежской деревне свидетельствуют статистические данные. Так, в 1907 г. сбор хлеба в губернии составил порядка 76 млн. пудов, из них около 50,5 млн. пудов собрано крестьянскими домохозяйствами⁵⁸. В 1914–1915 гг. урожай хлеба составил от 110 до 150 млн. пудов. Урожайность у крестьян-собственников был значительно выше, чем у крестьян-общинников (в среднем сам-5,7 – у собственников, сам-3,6 – у общинников)⁵⁹. «Позитивные сдвиги продолжали набирать обороты вплоть до начала первой мировой войны»⁶⁰.

Итак, цель аграрно-просветительной работы среди крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. – перевод сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Организаторами аграрного просвещения были правительственные структуры, земства, научные общества, опытные учреждения и отдельные энтузиасты. Спектр мероприятий, направленных на распространение научных знаний и

передового опыта, был достаточно широк – чтения, беседы, индивидуальные консультации, курсы, выставки, прокат орудий, экскурсии, показательные мероприятия и т.д.

Успехи в деле распространения научных знаний в Воронежской губернии достигнуты благодаря усилиям и кропотливой работе губернского земского агронома К. К. Фохта, его помощника Ю. Е. Макаренко, членов земской управы В. И. Раевского и М. Ф. Черткова, инспектора сельского хозяйства по Воронежской губернии Н. Н. Марфина, заведующего Воронежским опытным полем и сельскохозяйственным делом губернии С. К. Чайнова, заведующего Каменно-Степной опытной станцией им. В. В. Докучаева Р. Г. Зеленского, заведующего Бобровским опытным полем М. Ю. Марченко, заведующего Вейделевским опытным полем Б. М. Вельбеля, специалистов по животноводству С. Н. Ковалевского и М. И. Дахно, уездных агрономов В. Г. Франковского (Валуйский уезд), Г. М. Соколова (Богучарский уезд)⁶¹ и других активных организаторов аграрного просвещения.

¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 3201. Л. 116.

² *Бржеский Н.* Очерки аграрного быта крестьян. I. Земледельческий центр России и его оскудение. С.-Петербург, 1908. С. 38.

³ Новый энциклопедический словарь. Т. 14. С.-Петербург, 1913. С. 41.

⁴ *Ермолов А. С.* Неурожай и народное бедствие. С.-Петербург, 1892. С. 20–21.

⁵ *Куломзин А. Н.* Пережитое. Воспоминания. Москва, 2016. С. 373.

⁶ Новый энциклопедический словарь. Т. 14. С.-Петербург, 1913. С. 41.

⁷ Продовольственный вопрос в 1897–1898 гг. С.-Петербург, 1898. С. 6.

⁸ Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 г. Воронеж, 1893. С. 27.

⁹ *Карпачев М. Д.* «Царь-голод» 1891–1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. Москва ; Брянск, 2018. С. 113.

¹⁰ *Толстой Л. Н.* В голодные года (записки и статьи). Москва, 1900. С. 178–179.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 114. Л. 32 об.–33.

¹² *Бунге Н. Х.* Записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 132–143.

¹³ *Куломзин А. Н.* Указ. соч. С. 851.

¹⁴ Доклад Воронежского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Штутгарт, 1902.

¹⁵ *Столыпин П. А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. Москва, 1991. С. 133–134.

- ¹⁶ *Карпачев М. Д.* Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI–XX вв. : сб. науч. тр.* Воронеж, 1995. С. 169.
- ¹⁷ Отчет о деятельности правительственной агрономической организации при землеустройстве в Воронежской губернии за 1911 год. Воронеж, 1912. С. 131.
- ¹⁸ Агрономическая помощь в России. Петроград, 1914. С. 147.
- ¹⁹ Систематический свод постановлений Воронежского губернского земского собрания. 1898–1913. Воронеж, 1916. С. 1220.
- ²⁰ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2318. Л. 78, 79; Д. 3201. Л. 103, 103 об.
- ²¹ Воронежская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2008.
- ²² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7328. Л. 19.
- ²³ Там же. Л. 28–29.
- ²⁴ Воронежская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2008. С. 21.
- ²⁵ Южнорусская сельскохозяйственная газета. 1912. № 23. С. 7.
- ²⁶ Расчет наш по данным: Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1910 год) : Отт. ч. 1 (Общего обзора), Вып. 12. С.-Петербург, 1912. С. 10.
- ²⁷ Расчет наш по данным: Агрономическая помощь в России. Петроград, 1914. С. 333.
- ²⁸ Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г. : [5-й г. изд.] : справ. Петроград, 1914. С. 512.
- ²⁹ Агрономическая помощь в районах землеустройства в 1913 год. Петроград, 1915. С. 25, 334.
- ³⁰ Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1913. Год седьмой. Петроград, 1914. С. XIV.
- ³¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7327. Л. 79.
- ³² *Шнейдер В. В.* Распространение низшего сельскохозяйственного образования посредством учебных заведений и внешкольным путем в Германии, во Франции, в Италии, в Бельгии и в России. С.-Петербург, 1911. С. 97.
- ³³ Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. III. Постановления по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1836–1899. С.-Петербург, 1900. С. 308–309.
- ³⁴ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9. Л. 28; Д. 7. Л. 12; Д. 8. Л. 17.
- ³⁵ Цит по: *Карпачев М. Д.* Новые веяния в экономике Воронежской деревни в годы проведения столыпинской аграрной реформы // *Из истории Воронежского края : сб. статей.* Вып. 12. Воронеж, 2004. С. 176.
- ³⁶ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1682. Л. 66–67.
- ³⁷ Там же. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7328. Л. 34.
- ³⁸ Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1913. Год седьмой. Петроград, 1914. С. XV.
- ³⁹ *Карпачев М. Д.* Экономическая деятельность воронежского земства в конце XIX – начале XX вв. (по архивным материалам) // *Воронежский вестник архивиста.* Вып. 2. Воронеж, 2002. С. 66–67.

- ⁴⁰ Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы. Переписка. Материалы. Москва, 2003. С. 424.
- ⁴¹ *Книга М. Д.* Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России (90-е годы XIX в. – 1917 г.) : дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2018. Прил. 21. С. 528–529.
- ⁴² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7854. Л. 20.
- ⁴³ Там же. Л. 20–30.
- ⁴⁴ Там же. Л. 186 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 34.
- ⁴⁶ Там же. Д. 1925; Д. 2974; Д. 3160.
- ⁴⁷ Там же. Д. 2318. Л. 76; Д. 3201. Л. 103, 106.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1838. Л. 7, 8.
- ⁴⁹ *Елина О. Ю.* Местные сельскохозяйственные общества : на пути аграрной модернизации России // История биологии. 2021. Т. 4. № 3. С. 35–45.
- ⁵⁰ *Агрономическая помощь в России.* Петроград, 1914. С. 203.
- ⁵¹ *Тотомיאну В.* Кооперация в русской деревне. Москва, 1912. С. 77.
- ⁵² *Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах. Год первый. Часть I. Адрес-календарные сведения к весне 1911 г. С.-Петербург, 1911. Табл. I. С. XXXII–XXXIII; Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по состоянию на 1915 г. Петроград, 1916. С. 6.*
- ⁵³ *Ежегодник русских опытных учреждений. Вып. I. С.-Петербург, 1901. С. 428.*
- ⁵⁴ *Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1911 г. (8–23 января 1912 г.) Отдел X, № 54. Воронеж, 1912. С. 252.*
- ⁵⁵ *Труды губернской комиссии по опытному делу. Журналы и доклады заседания 21–22 декабря 1914 года. Воронеж, 1915. С. 59–72.*
- ⁵⁶ *Елина О. Ю.* Становление системы сельскохозяйственных опытных учреждений в России, XVIII – 20-е гг. XX в. : дис. ... докт. ист. наук. Москва, 2009. Прил. II. С. 534–536.
- ⁵⁷ *Труды губернской комиссии по опытному делу. Журналы и доклады заседания 23–24 апреля 1915 года. Воронеж, 1915. С. 4–5.*
- ⁵⁸ *Обзор Воронежской губернии за 1907 г. : приложение ко Всеподданнейшему отчету. Воронеж, 1908. С. 34.*
- ⁵⁹ *Обзор Воронежской губернии за 1915 г. : приложение ко Всеподданнейшему отчету. Воронеж, 1916. С. 6.*
- ⁶⁰ *Карпачев М. Д.* Столыпинские аграрные реформы в восприятии воронежского крестьянства // Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та. Вып 1. Воронеж, 1996. С. 78.
- ⁶¹ *Труды комиссии по опытному делу. Журналы и доклады с приложениями. Вып. IV. Воронеж, 1913. 83 с.; Труды губернской комиссии по опытному делу. Журналы и доклады заседания 23–24 апреля 1915 года. Воронеж, 1915. С. 4–5.*

«Торжество воли народной»: история учреждения Воронежского сельскохозяйственного института

Общепризнанным критерием высокого уровня социально-экономического развития и благополучия государства является качество высшего образования. Со времен средневековья университеты рассматривались как своего рода символ успеха и процветания европейских стран. Это неудивительно, ведь в стенах высших учебных заведений концентрируются наиболее образованные, деятельные и творческие люди – те, кто не только обладает большим объемом информации, но и создает новое знание, а значит, вносит весомый вклад в развитие общества.

Традиционно университеты действовали и как учреждения для подготовки профессиональных кадров, и как интеллектуальные центры развития человеческого капитала. Известный английский философ XIX века Дж. Милль в трактате «Об университетском воспитании» писал: «Цель их (университетов. – С. И.) состоит не в том, чтобы приготовить искусных юристов, медиков или инженеров, а чтобы приготовить способные и образованные человеческие существа»¹.

Становление России как цивилизованного и сильного государства также во многом обусловлено достижениями в области развития науки и высшего образования. Успехи практически в каждой отрасли хозяйства сопровождались кропотливой работой ученых, квалифицированных специалистов. Не исключением является и аграрный сектор. Сельскохозяйственная наука в нашей стране имеет глубокие корни, связанные с географическими и экономическими особенностями ее становления.

Исторически Россия – государство с огромными территориями, где земля традиционно представляла собой большую ценность. В конце XIX – начале XX века крестьяне составляли 84 % населения империи². По объему производства зерна страна занимала первое место в мире и была основной мировой житницей.

Между тем, несмотря на то что подавляющее большинство населения работало на земле, а объем сельскохозяйственного производства был очень значительным, в Российской империи наблюдалась нехватка подготовленных профессиональных кадров.

В 1860–1870-е гг. правительство Александра II инициировало проведение серии внутривластных изменений с целью масштабной модернизации России. Важным аспектом преобразований стала реформа в области образования. В империи создавалась сеть гимназий, земских и церковно-приходских школ. Отдельное внимание уделялось высшему образованию, особенно сельскохозяйственному. Было признано совершенно недопустимым в стране с преимущественно аграрным укладом экономики, где на долю сельского хозяйства приходилось 57 % чистого национального продукта, иметь лишь несколько специализированных высших учебных заведений.

В 1816 г. в предместье Варшавы указом Александра I был основан Новоалександровский институт сельского хозяйства и лесоводства, а в 1865 г. в Москве высочайшим повелением Александра II учреждена Петровская земледельческая и лесная академия (ныне – Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева). Еще несколько высших сельскохозяйственных курсов действовали при российских политехнических институтах. Безусловно, этого было крайне недостаточно. Уровень грамотности сельского населения оставлял желать лучшего.

В марте 1880 г. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел провел обследование состояния народных школ шестидесяти губерний Российской империи. Результаты оказались неутешительными. По состоянию на 20 марта 1880 г. число народных училищ всех ведомств простиралось до 22770, в них обучалось 1140915 учащихся обоего пола (904918 мальчиков и 235997 девочек), обязанности учителей исполняло 36 956 человек (12566 законоучителей, 19512 учителей и 4878 учительниц). В том же году детей обоего пола в пригодном для учебы возрасте (Центральный статистический комитет считал таковым возраст от 7 до 14 лет) числилось 12837850. Из 100 мальчиков школу посещало 13, из 100 девочек – 3. Таким образом, в 1880 г. школы посещало лишь 8,9 % детей пригодного для обучения возраста³.

Среди крестьян распространялись самые нелепые поверья и предрассудки, в том числе связанные с обработкой земли. Редким агрономам, нечасто появлявшимся в глухой сельской местности, крестьяне предпочитали не доверять, стараясь руководствоваться собственным житейским опытом.

Неудивительно, что сельское хозяйство в дореволюционной России отличалось низкой урожайностью, преобладала трехпольная система

земледелия, современные орудия и методы применялись очень редко. Большой проблемой являлись значительные колебания объемов собираемого урожая, связанные с климатическими условиями развития территорий. Последствия подобных колебаний в России были заметнее, чем в других европейских государствах. К примеру, соотношение максимального и минимального уровней урожая ржи в 1901–1910 гг. составляло в России 1,67, тогда как во Франции – 1,28, в Германии – 1,18⁴. Подобные колебания приводили к неурожаю и, как следствие, к голоду в стране.

Следует заметить, что во второй половине XIX – начале XX века в европейской части Российской империи число неурожайных лет стремительно росло. Так, например, в 1867–1890 гг. случаев неурожая насчитывалось 130, в 1891–1908 гг. – 256⁵.

Особенно тяжелым для центра России стал голод 1891–1892 гг., получивший в отечественной историографии название «царь-голод». Население центрально-черноземных губерний страны охватила в то время настоящая паника, справиться с которой было очень сложно⁶.

После страшного голода 1891–1892 гг. земские учреждения, в том числе Воронежской губернии, все чаще стали обсуждать необходимость расширения сети сельскохозяйственных учебных заведений, которые бы могли кардинально улучшить ситуацию с подготовкой высококвалифицированных кадров для аграрной отрасли.

Некоторое время царское правительство ограничивалось созданием специальных агрономических отделений при уже действовавших высших учебных заведениях, к примеру, технологических институтов. Однако покрыть нужды земледельческих регионов страны в подготовленных кадрах такие отделения не могли.

С новой силой вопрос о расширении сети сельскохозяйственных институтов возник в начале XX века, особенно после учреждения российского парламента. Именно на заседаниях Государственной думы депутаты от различных губерний пытались донести до правительства давно назревшую необходимость открытия институтов в их регионах. Достаточно громко звучал голос представителей Полтавской губернии. Последние пытались аргументировано доказать, что именно Полтава, ввиду своего географического положения, – в наибольшей степени подходящее место для открытия сельскохозяйственного института. Назвать предполагаемое к открытию учебное заведение, по мысли депутатов, следовало в честь первого императора

Петра I, так как именно в Полтаве под его руководством произошла важнейшая для отечественной истории битва, изменившая ход Северной войны со Швецией.

В ответ на заявления представителей Полтавской губернии воронежские депутаты, в особенности Е. П. Ковалевский и С. И. Шидловский, в 1909 г. на заседаниях Государственной думы III созыва выступили с предложением открыть сельскохозяйственный институт не в Полтаве, а в Воронеже. Во-первых, географическое положение Воронежа, по их мнению, представлялось более выгодным. Во-вторых, имя Петра I в равной, если не в большей степени, было связано именно с городом Воронежем. Здесь царь-преобразователь в общей сложности провел более 300 дней своей жизни, заложил начала военно-морского флота, принял многие ключевые государственные решения, определившие дальнейшее развитие страны. Создание в Воронеже сельскохозяйственного института, посвященного имени первого русского императора, имело вполне серьезное историческое обоснование.

Помимо чисто исторических причин Воронеж как никакой другой город центрально-черноземного региона Российской империи подходил для учреждения высшего образовательного учреждения и по вполне прагматичным соображениям. Об этом воронежскому губернатору С. И. Голикову в записке от 24 сентября 1909 г. писали члены Воронежской губернской земской управы во главе с председателем В. Н. Томановским. В документе аргументировано обосновывалось выгодное географическое расположение Воронежа, логистически соединяющего остальные города Центрального Черноземья. Губерния являлась крупным продовольственным и узловым центром. Преимущественно крестьянское население жило обработкой земли. Создание аграрного вуза, безусловно, способствовало бы повышению продуктивности сельского хозяйства в регионе.

К тому же Воронеж имел богатые культурные и духовные традиции, которые выгодно отличали город от других региональных центров. «В этом отношении Воронеж по справедливости занимает первое место среди остальных городов черноземной полосы России. Так, Воронеж, благодаря почивающим в нем мощам сподвижника императора Петра I святителя Митрофана, а также благодаря близости мощей другого святителя Воронежа – Тихона Задонского, является религиозным народным центром, первым после Киева и Москвы, привлекающим к себе десятки тысяч богомольцев. Что Воронеж

является в тоже время и культурным центром черноземного района, видно из того, что он является родиной для целого ряда поэтов, художников, ученых и проч. В этом отношении достаточно указать на имена поэтов Никитина, Кольцова, художников – Крамского, Шмарова, Пономарева и др., историка и географа Болховитинова, известного общественного деятеля Станкевича и зоологов Северцова, Богданова и историка Костомарова и проч.», – писали члены Воронежской губернской земской управы в докладе губернатору⁷.

Правительство, проанализировав доводы земского собрания и губернатора, посчитало вполне обоснованным создать сельскохозяйственный вуз именно в Воронеже.

9 июня 1912 г. император Николай II подписал закон об учреждении в городе Воронеже сельскохозяйственного института⁸. До выработки собственного положения и устава для нового высшего учебного заведения предполагалось использовать Положение о Московском сельскохозяйственном институте, утвержденное 6 июня 1894 г. На сооружение и постройку института в Воронеже отводилась солидная по тем временам сумма – 3744289 руб.⁹

Институту предоставлялось право беспошлинно выписывать из-за границы необходимые учебные пособия, сельскохозяйственные машины и оборудование. Книги и издания, которые новый вуз получал возможность выписывать из-за рубежа, освобождались от рассмотрения комитета иностранной цензуры.

На содержание вуза отпускались довольно приличные суммы. Ниже в таблице приведены данные из Временного штата института.

Временный штат
Воронежского сельскохозяйственного института императора
Петра I¹⁰

Личный состав (по учебной части)	Оклад содержания за год (в руб.)						
	Жалова- нье	Столо- вые	Квар- тирные	Все- го	Прибавки		Пол- ный оклад
					I	II	
Директор ¹¹	-	-	-	2500	-	-	-
Помощник директора	-	-	-	1000	-	-	-
Секретарь совета	-	-	-	600	-	-	-

Профессор богословия	3000	750	-	3750	750	750	5250
Ординарный профессор	3000	750	750	4500	750	750	6000
Экстраординарный профессор	2000	500	500	3000	500	500	4000
Доцент	1200	300	300	1800	300	300	2400
Лектор	-	-	-	800	-	-	-
Библиотекарь	1500	250	250	2000	300	300	2600
Главный садовник	1440	360	-	1800	300	300	2400

Как видно из приведенной таблицы, полный оклад жалованья ординарного профессора достигал 6000 руб. Для сравнения оклад учителя земской школы в рассматриваемый период составлял 300–400 руб., врача около 1000–1200 руб.¹²

Следует заметить, что дореволюционное время ознаменовано значительными достижениями в развитии Воронежского СХИ. Были сформированы научные школы, построены корпуса, создана библиотека, привлечены крупные ученые и успешно организован учебный процесс. Однако в советской историографии ввиду политической и идеологической ангажированности было принято описывать начальный этап существования сельскохозяйственного института в Воронеже как наименее удачное время в его становлении. Так, в подготовленном Комиссией Воронежского Обкома ВКП(б) издании, посвященном победе в Гражданской войне, дореволюционный этап работы вуза характеризовался следующим образом: «В старой, царской России агрономическая наука была в загоне... До революции сельскохозяйственный институт был провинциальным захудалым институтом, насчитывающим всего 95 студентов, в большинстве – детей помещиков, торговцев и кулаков»¹³.

Приблизительно такая же оценка встречается в юбилейном издании, посвященном 75-летию вуза: «Он был основан в 1913 году, но его настоящее становление и развитие началось лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁴.

С подобными оценками сложно согласиться, ведь именно до революции были заложены фундаментальные основы для будущего развития Воронежского СХИ. Правительство уделяло большое внимание снабжению вуза всем необходимым, обеспечением

высококвалифицированными кадрами из числа виднейших ученых страны.

Сразу же после принятия решения об открытии института в Воронеже, началась подготовка к постройке учебных помещений. Для создания главного корпуса из столицы пригласили знаменитого архитектора, директора Санкт-Петербургского института гражданских инженеров А. И. Дитриха. Последний подошел к разработке проекта главного корпуса института самым ответственным образом. В 1911 г. была организована поездка за границу для ознакомления с лучшими образцами архитектурных ансамблей зарубежных вузов, в том числе Берлина, Вены, Будапешта и др.¹⁵

Закладка фундамента главного корпуса состоялась 23 июня 1913 г. В качестве архитектурного образца выступил один из наиболее известных памятников петровского барокко – здание Кунсткамеры в Санкт-Петербурге.

Несмотря на то, что главный корпус СХИ только начал строиться, было принято решения организовать занятия уже в 1913 г., приурочив открытие вуза к 300-летию Дома Романовых. Для временного размещения института в центре Воронежа отводились помещения гимназии Морозовой¹⁶.

Торжественное открытие Воронежского сельскохозяйственного института состоялось 14 сентября 1913 г. В праздничном мероприятии приняло участие множество высокопоставленных лиц, в том числе представители царствующего Дома Романовых. На церемонии присутствовали родная сестра императора Николая II великая княгиня Ольга Александровна с супругом Петром Александровичем, заместитель главноуправляющего земледелием и землеустройством граф П. Н. Игнатьев (будущий министр народного просвещения Российской империи), депутаты Государственной думы IV созыва от Воронежской губернии Е. П. Ковалевский и А. И. Звегинцов и другие именитые лица. Торжественную речь произнес известный воронежский священник, профессор богословия, депутат Государственной думы IV созыва Тихон Попов. Клирик подчеркнул огромное значение вуза для города, охарактеризовав его открытие как «торжество воли народной»: «Воронежу выпал счастливый жребий и еще раз вспомнишь Великого Преобразователя России и его изречение, выбитое в память появления первого русского флота «Незабываемое бывает» <...> Воронежский сельскохозяйственный института – это дар Божий Воронежскому краю с одной стороны и с другой стороны

<...> новый храм науки. Новое святилище полезных человеческих знаний. Новый рассадник высшей агрономической культуры России»¹⁷.

Первоначально вуз был небольшой. Наборы первых лет составляли около 100 человек на один курс. Численность студентов планировалось увеличивать постепенно, ведь вузу необходимо было нарастить мощности, организовать учебный процесс и научную работу.

Преподавательский состав первоначально также не отличался многочисленностью, однако был представлен именами видных деятелей науки. В частности, первым директором вуза являлся известный почвовед К. Д. Глинка, биологию преподавал профессор Б. А. Келлер (один из основоположников российской геоботаники), химию – А. В. Думанский (крупнейший специалист в области коллоидной химии, будущий основатель химического факультета Воронежского государственного университета), физику и метеорологию – А. А. Добиаш, статистику – Н. П. Макаров, зоологию – В. П. Поспелов (один из виднейших отечественных этномологов), богословие – священник Т. Д. Попов (будущий ректор Московской духовной академии). Неоценимый вклад в дело создания библиотеки института и пополнения фондов внес ее первый библиограф В. Я. Закс.

Для организации практических работ при институте организовали ферму, а также опытное поле. Должность управляющего занимал М. Е. Полещук¹⁸.

С первых же дней после открытия вуза началась активная научная деятельность. Профессор К. Д. Глинка вместе с другими учеными приступил к созданию почвенной карты губернии. Специалисты вместе со студентами выезжали в уезды и занимались составлением геоботанических описаний местности. К концу 1916 г. масштабное научное исследование было практически завершено.

Первые годы работы ознаменованы становлением собственной научной базы: студенты привлекались к работе на опытном поле, ферме, метеорологической станции и в ботаническом саду. Организация ботанического сада, проводившаяся под руководством профессора Б. А. Келлера, имела большое значение для Российской империи. В годы Первой мировой войны проявилась зависимость страны от иностранных лекарственных средств. Из-за боевых действий поставки в Россию прекратились. Возникла необходимость в создании собственного отечественного производства. В Ботаническом саду при

Воронежском СХИ появилось собственное отделение лекарственных растений. Местные ученые занимались разведением лекарственных трав, число видов которых уже в первые годы превысило сотню¹⁹.

Большое внимание обеспечению учебного процесса и поддержке студентов уделяли органы местного самоуправления. Так, в 1916 г. Воронежское губернское земское собрание учредило стипендии для наиболее талантливых студентов в память о выдающихся земских деятелях А. И. Звегинцове, В. И. Коллюбакине, И. А. Лисаневиче. Также земство координировало строительство главного корпуса института, занимаясь не только организацией, но и непосредственным финансированием проекта²⁰. Значительные объемы работ удалось завершить уже к 1916 г.

Таким образом, до революции правительством, местными властями и администрацией вуза было сделано самое главное – заложены фундаментальные основы для будущего успешного развития и деятельности сельскохозяйственного института. Вуз стал визитной карточкой города, символом его развития и процветания.

¹ Милль Дж. С. Речь об университетском воспитании // Новейшее образование : его истинные цели и требования. С.-Петербург, 1867. С. 6.

² Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. С.-Петербург, 1995. С. 219.

³ Иконников С. А. Пастыри церкви : служение и материальное обеспечение приходского духовенства Центрально-Черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж, 2019. С. 115–116.

⁴ Чистяков Ю. Ф. Продовольственный экспорт Российской империи в XIX – начале XX вв. и социально-экономическое развитие страны : уроки для современной России // Российское предпринимательство. 2015. № 2 (272). С. 297.

⁵ Там же.

⁶ Карначев М. Д. «Царь-голод» 1891–1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 103–116.

⁷ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7314. Л. 18.

⁸ ПСЗРИ. Собрание 3-е (1881–1913). Т. 32. Ч. 1. С.-Петербург, 1912. С. 630. № 37242.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2228. Л. 25.

¹¹ Оклад содержания по должностям директора, помощника директора и секретаря совета указан помимо доходов за преподавательскую деятельность.

¹² Иконников С. А. Указ. соч. С. 503.

¹² Борьба за Воронеж. Под ред. Комиссии Обкома ВКП(б) : Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд. Воронеж, 1939. С. 207.

¹⁴ Воронежский сельскохозяйственный институт имени К. Д. Глинки. Краткий социально-исторический очерк. Воронеж, 1988. С. 4.

¹⁵ Отчет о командировке заведующего строительной частью Главного управления землеустройства и земледелия А. И. Дитриха по собиранию материалов для составления проектов построек Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I. С.-Петербург, 1911.

¹⁶ Адрес-календарь // Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж, 1914. Отд. 3. С. 53.

¹⁷ Торжественное открытие сельскохозяйственного института // Воронежский телеграф. 1913. №. 209. 15 сентября.

¹⁸ Там же. С. 53–54.

¹⁹ Первый вуз Центрального Черноземья России. К 90-летию Воронежского государственного аграрного университета им. К. Д. Глинки. Воронеж, 2002. С. 50.

²⁰ Журналы Воронежского губернского земского собрания. Чрезвычайной сессии 10 сентября 1912 года. Воронеж, 1912. С. 13.

Раздел III

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Страхов Л. В.

Воронежское губернское жандармское управление в борьбе с революционным движением конца XIX – начала XX века

Годы царствования Николая II стали особенно напряженным временем для правоохранительных органов Российской империи. В стране с невиданной силой разгорается революционная борьба, образуются радикальные революционные партии, на улицах снова звучат выстрелы и раздаются взрывы адских машин террористов. Настоящее исследование рассматривает усилия властей Воронежской губернии, прежде всего, местной политической полиции, по поддержанию внутриполитической стабильности в это беспокойное время.

Воронежское губернское жандармское управление (ВГЖУ) было образовано по «Положению о Корпусе жандармов» 9 сентября 1867 г. С момента своего создания и вплоть до упразднения в 1917 г. ВГЖУ рассматривалось столичным руководством как одно из провинциальных учреждений, действующих в относительно спокойном регионе. Поэтому здесь не было образовано охранное отделение и жандармерия оставалась единственным подразделением политической полиции.

В период с 1906 по 1914 г. Воронежская губерния входила в сферу компетенции Юго-Восточного Районного охранного отделения, находившегося в Харькове. Туда же включались Харьковская, Курская, Тамбовская, Черноморская, Екатеринославская губернии и Донская область¹.

Определенные функции политической полиции в регионе исполняло образованное в 1873 г., упраздненное в 1887 г. и воссозданное заново в 1897 г.² Воронежское жандармское полицейское управление железных дорог, а также отделения железнодорожной полиции других регионов. Деятельность этих структур не будет рассматриваться в настоящем исследовании.

За 50 лет своего существования ВГЖУ поменяло несколько адресов. Управление располагалось на ул. Нееловской (дом Рощупкиной № 7), на углу Большой Девицкой и 1-й Острогской (дом № 38), на Мясной площади (дом № 12), Большой Богоявленской (дом Степанова № 12), Большой Девицкой (дом Черемисиновой № 54), Кольцовской (дом Томилина № 50). На момент начала Февральской революции ГЖУ снимало дом № 26 на Большой Девицкой³.

Законы требовали, чтобы жандармское управление находилось на неоживленной улице, но поблизости к основным административным учреждениям. Площадь канцелярии ГЖУ не могла быть меньше 20 квадратных саженей (90 м²)⁴. Обычно управление арендовало двухэтажный частный дом, второй этаж которого отводился под квартиру начальника ГЖУ с семьей. Под служебную канцелярию отводился первый этаж – традиционно 3-4 комнаты. Начальнику жандармского управления не запрещалось снимать под свою квартиру отдельное помещение. Например, начальник Воронежского ГЖУ в 1904–1913 гг. полковник, а затем генерал-майор В. З. Тархов в здании канцелярии управления не проживал⁵.

В офицерский состав ВГЖУ до 1898 г. входил начальник управления, его помощник и адъютант⁶. В 1898 г. штат пополнился второй ставкой помощника начальника⁷. В 1906 г. офицерский состав был усилен должностью третьего помощника начальника по городу Воронежу⁸.

Нижние чины воронежской жандармерии входили в наблюдательный состав (28 августа 1870 г. переименован в дополнительный штат) управления, который насчитывал на 11 мая 1868 г. 16 унтер-офицеров и двух вольнонаемных писарей⁹. С 1898 по 1906 г. в ВГЖУ служили трое вахмистров (ставки учреждены в 1885 г.) и 23 унтер-офицера¹⁰. В 1906 г. дополнительный штат усилился четырьмя унтер-офицерскими ставками¹¹. Таким образом, до упразднения ВГЖУ его личный состав не превышал 5 офицеров и 30 нижних чинов, а также вольнонаемных писарей, инструкторов и ночных сторожей¹². В официальные штаты жандармских управлений не входили филеры – агенты наружного наблюдения – и секретные сотрудники. О количестве этих полицейских агентов будет сказано ниже.

Незначительные штаты жандармских управлений не позволяли сотрудникам политической полиции выполнять свои служебные обязанности по наблюдению за обстановкой в регионе и по расследованию государственных преступлений без тесного сотрудничества

с администрацией губернатора и содействия общей полиции. Главам регионов ГЖУ не подчинялись, но во многом зависели от губернаторов, поэтому начальники управлений стремились поддерживать с ними хорошие отношения.

Дислокация ВГЖУ за годы существования управления неоднократно менялась. Наиболее продуманной выглядела организация службы управления при ее предпоследнем начальнике – Михаиле Александровиче Конисском, занимавшем свое место с 30 марта 1913 г. по весну 1915 г., когда из-за болезни он был вынужден сначала просить отпуск, а в августе того же года написать прошение об отставке¹³.

Конисский разделил всю территорию Воронежской губернии на три района наблюдения, распределив их между своими помощниками. В канцелярии ГЖУ в Воронеже находились начальник, адъютант управления, офицер, отвечавший за губернский центр и Воронежский уезд, а также помощник начальника ГЖУ в Задонском, Землянском, Нижнедевицком, Коротоякском, Бобровском и Новохоперском уездах. В Острогожске действовал жандармский офицерский пункт по наблюдению за Острогожским, Валуйским, Бирюченским, Павловским и Богучарским уездами. В Воронеже служили 2 вахмистра и 12 унтер-офицеров. В Острогожске находился вахмистр и 2 унтер-офицера. Остальные нижние чины распределялись по уездным унтер-офицерским пунктам¹⁴.

Воронежское ГЖУ имело три отдела.

Служащие агентурного отдела занимались перепиской по агентурному розыску и наружному наблюдению. В состав отдела входили старший филер и заведующий филерской командой. Команда агентов наружного наблюдения состояла из 10 чел. На тот момент двое из этих филеров постоянно дежурили на железнодорожном вокзале, один находился в имении Ольгино Воронежского уезда, когда там отдыхали Высочайшие особы, и охранял их покой. Остальные агенты выполняли текущие задания. Также в канцелярии отдела служили филер, ведущий агентурную переписку, унтер-офицер – наборщик на печатающей машинке и унтер-офицер, собирающий справки в городских полицейских управлениях.

В справочно-секретном отделе трудились 6 унтер-офицеров: один наводил справки, трое вели канцелярию, двое заведовали архивом управления. Эти шесть сотрудников ежегодно составляли около 15 тыс. документов и справок.

В строевом и хозяйственном отделе служили унтер-офицер, унтер-офицер – машинист, два нестроевых писаря и вахмистр, который заведовал строевой частью команды нижних чинов, отоплением, освещением и исполнял различные другие хозяйственные поручения.

По мнению Конисского, продуктивность работы унтер-офицеров и отсюда количество их в канцелярии находились в прямой зависимости от «степени интеллигентности унтер-офицеров и знания ими грамоты». Но в этом отношении в ВГЖУ «чувствуется ущерб». «Унтер-офицеры в большинстве недостаточно грамотны, как вообще все полковые строевые унтер-офицеры, к канцелярской работе особой способности они не имеют и малограмотны»¹⁵.

Важное представление о работе жандармского управления дает анализ социального портрета его служащих. За всю историю ВГЖУ его возглавляли 13 штаб-офицеров Отдельного корпуса жандармов в звании полковника или генерал-майора. Типичный начальник управления – потомственный дворянин православного вероисповедания. Средний возраст вступления в должность – 45 лет¹⁶.

По Положению о Корпусе жандармов помощники начальников ГЖУ и адъютанты управлений пользовались правами эскадронных командиров. При этом адъютанты, заведовавшие канцелярией управлений, выполняли обязанности начальников ГЖУ и их помощников в случае отсутствия офицеров на местах¹⁷. С 1880-х по 1917 г. средний возраст помощников начальника ВГЖУ насчитывал 35 лет¹⁸. Средний возраст адъютантов ВГЖУ за этот же период равнялся 30 годам¹⁹. Так что, несмотря на то, что данная должность рассматривалась в качестве начала офицерской карьеры в Корпусе жандармов, ее занимали уже далеко не юнцы.

Денежное содержание жандармских управлений и их личного состава обеспечивалось Военным министерством и Министерством внутренних дел. Последнее компенсировало расходы на наружное наблюдение и организацию секретной агентуры, проведение экспертиз, фотографирование арестованных и прочие полицейские нужды.

Содержание жандармских офицеров согласно общим для военных правилам состояло из трех основных выплат: жалованья (по званию), столовых денег (по занимаемой должности) и квартирного довольствия (в зависимости от чина, города и семейного положения), а также из множества иных видов выплат и компенсаций²⁰.

В 1902 г. годовое жалование начальника ВГЖУ (без учета квартирных денег) составило 3695 руб. В эту сумму вошли не менявшиеся

в течение XX в. 1200 руб. жалования по званию и 2100 руб. столовых денег. В 1912 г. начальник ВГЖУ получил 4181 руб. годового жалования: 1200 руб. оклада по званию, 2100 руб. столовых денег, 689 руб. квартирных, 192 руб. на наем прислуги²¹.

Нижние чины ГЖУ получали годовые оклады, им выплачивались провиантские и приварочные деньги, они имели большое количество иных надбавок и льгот²². После приказа по ОКЖ от 8 мая 1906 г. годовое жалование жандармского вахмистра достигло 540 руб., а унтер-офицеры в зависимости от разряда стали получать по 300, 360 и 420 руб. в год²³.

Офицеры и нижние чины ГЖУ вооружались револьверами систем Смит-Вессона и Нагана, а также драгунскими шашками. В 1906–1910 гг. в связи с частыми нападениями на полицейских и крестьянскими беспорядками жандармам выдавались трехлинейные винтовки Мосина. Позже револьверы старались заменить автоматическими Браунингами²⁴.

Расходы на агентурные розыски и наружное наблюдение по делам о государственных преступлениях, на служебные телеграммы, снятие фотографических карточек, наем извозчиков, конвоирование и кормовое довольствие арестованных возмещались из отпускаемого Департаментом полиции МВД аванса²⁵. С течением времени данный список пополнялся иными пунктами, связанными с секретным наблюдением и расследованием политических преступлений.

В 1896–1905 гг. выделяемый ВГЖУ аванс составлял около 3500 руб. в год²⁶. Секретные расходы управления в 1905 г. составили 1005 руб. 20 коп. (не включая 110 руб., выданных филерам на летнее и зимнее статское платье) на наружное наблюдение и 1042 руб. 50 коп. на секретную агентуру²⁷.

После 1905 г. суммы аванса стали резко возрастать. По смете 1913 г. воронежским жандармам было выделено 12000 руб. Бюджет на агентуру составил 4800 руб., на наружное наблюдение – 2160 руб., на наем конспиративных квартир выделялось 600 руб., 864 руб. – на покупку статского платья филерам, 300 руб. – на разъезды офицеров и унтер-офицеров по делам розыска, 900 руб. – на дополнительные канцелярские средства и служебные помещения, 2376 руб. – на телеграф, фотографирование, экспертизы и прочие дополнительные расходы²⁸.

Расходы ВГЖУ за 1913 г. едва превысили половину выделенного аванса, составив 6763 руб. Из них 2138 руб. 75 коп. (44.5% суммы,

заложенной на данную статью расходов) составили агентурные расходы, 1770 руб. 76 коп. (82%) ушло на наружное наблюдение²⁹.

До 1906 г. обязанности агентов наружного наблюдения в воронежском управлении выполняли вольнонаемные стражники управления³⁰. Каждый из них получал по 10 руб. в месяц³¹.

В 1909 – 1910 гг. в Воронежском управлении служило от 10 до 13 унтер-офицеров, исполнявших филерские обязанности³². В январе 1914 г. циркуляр Департамента полиции МВД потребовал снять строевых чинов с наружного наблюдения, объясняя это отсутствием необходимых умений и нежеланием выполнять данную работу у большинства унтер-офицеров ГЖУ.

С 1914 г. жандармам было предложено набирать штат вольнонаемных агентов наружного наблюдения с окладом 65 руб. в месяц³³. Штат отряда филеров ВГЖУ составил 8 ставок³⁴. Однако к 1 октября 1914 г. в управлении числилось лишь четыре агента: отставной унтер-офицер Васильев, бывшие околоточные надзиратели Устинов, Коваль и Кобылев³⁵. Недобор сотрудников был связан с низким жалованием, тяжелыми условиями и неблагодарностью филерской работы. Многие сотрудники покинули службу наружного наблюдения и ушли на фронт в Первую мировую войну.

По подсчетам З. И. Перегудовой, общее количество постоянных секретных агентов политической полиции, которые получали ежемесячное жалование в период с октября 1916 по январь 1917 г., составило 1579 чел.³⁶ Эти цифры подтверждают вывод Ч. Рууда и С. А. Степанова о том, что в последние несколько лет до падения самодержавия количество агентов насчитывало от 1500 до 2000 чел.³⁷

С середины 1890-х гг. и до 1901 г. услуги воронежским жандармам оказывали всего два осведомителя, получавших за это 25 и 50 руб. в месяц соответственно³⁸. В 1903–1905 гг. количество одновременно действующих секретных сотрудников ВГЖУ не превышало 2–4 чел. В документах за период с 1907 по 1912 г. содержится информация о 139 агентах, содействовавших в разное время жандармам³⁹.

В 1907 г. только военная агентура ВГЖУ насчитывала 10 чел. Например, в воронежском дисциплинарном батальоне сведения жандармерии предоставлял командир I роты капитан Давыдов⁴⁰. Благодаря донесениям мещанина Е. Е. Пеля (псевдоним «Петр Семенов») жандармам удалось разгромить воронежскую военную организацию РСДРП в 1906 г., целью которой являлась подготовка массового солдатского мятежа в регионе. 22 декабря 1906 г. Е. Е. Пель был

убит революционерами, уличившими его в сотрудничестве с жандармами⁴¹.

К 1 июня 1908 г. агентура ВГЖУ составляла 35 чел., из которых 14 действовали в Воронеже, а остальные – в уездах. Половина воронежских и все уездные агенты освещали эсеровские группы и крестьянские братства⁴².

В течение 1915 г. информацию Воронежского ГЖУ предоставляли 47 агентов. Агентура ВГЖУ освещала положение на оборонных и железнодорожных заводах, настроения студенчества, рост цен и деятельность спекулянтов. С февраля 1916 г. и до последних дней существования Воронежского ГЖУ агентура управления насчитывала всего 17 чел.⁴³

В начале XX в. после убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина 2 апреля 1902 г. в России начинается новый подъем революционного движения. Нарастание внутривластного кризиса, всплеском которого стала революция 1905–1907 гг., имело под собой глубокие социальные корни.

Таковы были силы и средства ВГЖУ. Далее будет рассмотрена деятельность управления в период царствования Николая II. Начиная с конца XIX века в отчетах жандармской полиции отмечалось, что находящиеся в регионах ссыльные интеллигенты, даже находясь под надзором полиции, продолжают заниматься революционной пропагандой и формируют антиправительственные кружки.

В августе 1897 г. кружок под руководством А. О. Сыцянка принимал в Воронеже съезд южных организаций социалистов-революционеров. Одним из принятых решений стало составление программного документа будущей партии. Сыцянка был арестован в ночь с 8 на 9 декабря 1897 г. Вместе с ним под стражей оказались 22 чел. – местная антиправительственная организация была разгромлена жандармами. Проведенный обыск обнаружил одну из первых редакций программы эсеров⁴⁴. Позже, 8 февраля 1898 г., Сыцянка покончил с собой в воронежской тюрьме. С 5 по 13 января 1899 г. в Воронеже было арестовано пятеро социал-демократов⁴⁵.

О незаурядном характере крупной жандармской операции указала в своих воспоминаниях В. И. Дмитриева. По ее впечатлениям, «переполох был страшный, в жандармское управление потянулись жены, матери, невесты заключенных, около тюрьмы стояли очереди с передачами, теплыми вещами, подушками. Как всегда, шли разговоры о предателях и провокаторах»⁴⁶.

По итогам проведенной ликвидации полковник Н. В. Васильев отметил, что революционно настроенные лица проникли во все сферы общественной жизни Воронежа и не собираются отречься от своих взглядов, хотя последняя полицейская кампания и послужила для них уроком⁴⁷.

Жандармские офицеры замечали и иные тревожные тенденции. В обзоре за 1900 г. помощник начальника Воронежского ГЖУ в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах подполковник Д. С. Померанцев зафиксировал ропот крестьян на малоземелье и притеснения со стороны помещиков. Замечалось, что население все более склонно обвинять в своих бедствиях «правительство и его распоряжения». Также подполковник сообщил о единственном в зоне его наблюдения, но весьма опасном случае рабочей забастовки на стеклянном заводе Когана в Задонском уезде, которая была вызвана отказом администрации выплачивать заработную плату рабочим за дни вынужденного из-за отсутствия сырья простоя. «Приведенный случай на заводе Когана, – указывал Д. С. Померанцев, – хотя и не имел, благодаря своевременному вмешательству чинов полиции и фабричной инспекции, серьезных последствий, тем не менее он указывает, что общепринятый в настоящее время способ борьбы фабричных и заводских рабочих с предпринимателями – забастовка не безызвестен даже и в таком захолустье, как деревня Благодатная Землянского уезда»⁴⁸.

Всего в 1900 г. ВГЖУ провело 14 дознаний, по которым проходило 14 обвиняемых, по ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства и расследовало одно дело с 5 обвиняемыми в порядке Положения о государственной охране от 14 августа 1881 г. Под постоянным негласным жандармским надзором находилось 59 неблагонадежных, 26 чел. – под временным наблюдением⁴⁹.

В 1904 г. ВГЖУ провело 52 дознания по политическим делам в порядке ст. 1035 Устава... и расследовало 3 дела в порядке «Положения...» 14 августа 1881 г.⁵⁰ Около 120 чел. стали объектами наружного наблюдения⁵¹.

Принятая на вооружение российской полицией начала XX в. тактика борьбы с революционными организациями подразумевала скорейшую ликвидацию подпольной ячейки практически сразу после ее выявления. Руководство политическим розыском предлагало разрешать дела по политическим преступлениям административным путем с тем, чтобы выслать обвиняемых из своей губернии и этим

нарушить работу революционного кружка. Тем не менее, эта временная мера давала лишь небольшую передышку властям, так как, возвращаясь из ссылки, подпольщики вновь приступали к антиправительственной деятельности, а ссыльные быстро находили себе соратников по борьбе с самодержавием и тем самым укрепляли межрегиональные связи революционных кружков.

Во время массовых выступлений 1905–1907 гг. государственная полиция при том же штате сотрудников, материальном и финансовом обеспечении столкнулась с резким возрастанием объемов работы. Исполняя в этих тяжелых условиях наблюдательные функции, жандармы стремились смягчить рост общественного напряжения.

Отслеживая настроения рабочих Воронежского механического завода Столля в июне 1906 г., полковник В. З. Тархов признал, что «при настоящих нищенских окладах и возрастающей дороговизне» лишь существенное повышение оплаты труда может предотвратить всеобщую забастовку и указывал на необходимость повышения расценок рабочим и конторщикам минимум на 20 %, а не на 5 %, как сделало правление завода. По сведениям жандармов, это минимальное повышение было воспринято в качестве насмешки и вызвало общее негодование⁵².

В 1905–1907 гг. Воронежская губерния являлась одним из лидеров по числу аграрных выступлений⁵³. Отслеживая ситуацию в уездах, жандармы указывали на склонность крестьян к самоуправству – к потравам, выпасу скота на частных лугах, незаконной вырубке леса. Фиксировалось общее возбуждение среди народа, которое подогревалось революционной агитацией⁵⁴. Жандармы не имели должных ресурсов для предотвращения или подавления крестьянских беспорядков. Эту работу выполняли сотрудники уездной полицейской стражи и воинские команды по запросу администрации губернатора. Усилия офицеров ГЖУ были направлены на выявление среди сельского населения агитаторов от революционных партий.

С особым вниманием органы политической полиции отслеживали настроения в воинских частях. Армия выступала главной опорой в подавлении беспорядков, поддержание ее лояльности самодержавию являлось стратегической задачей правительства.

Поведение воронежских частей в годы революции неоднократно вызывало беспокойство у сотрудников ГЖУ. В. З. Тархов сообщал о проникновении в казармы агитаторов, о посещении революционных сходок нижними чинами и офицерами, что происходило

беспрепятственно в виду «отсутствия должного наблюдения со стороны войскового начальства за окрестностями лагерного и казарменного расположения полков и батарей»⁵⁵. Жандарм предупреждал, что воронежские полки все больше и больше подпадают под влияние революционной пропаганды и в случае беспорядков могут перейти на сторону бунтовщиков⁵⁶.

В целом в течение 1905 г. ежемесячно у жандармов под следствием находилось по 50 70 чел.⁵⁷ В 1906 г. ГЖУ провело 136 дознаний в порядке ст. 1035 Устава... и 219 переписок на основании Положения 14 августа 1881 г.⁵⁸ Тархов отмечал, что «успешность производства дознаний парализуется малочисленностью состава чинов жандармского управления и недостатком лиц прокурорского надзора, наблюдающих за производством этих дознаний»⁵⁹. В течение 1907 г. в среднем ежемесячно по делам ГЖУ проходило 45 арестованных за крестьянские беспорядки и по политическим преступлениям. Особенно большое количество обвиняемых содержалось под арестом в октябре – 88 чел., ноябре – 142 чел. и в декабре 1907 г. – 76 чел.⁶⁰

23 апреля 1908 г. произошло покушение на воронежского губернатора М. М. Бибикова. Его совершила учительница из Области Войска Донского эсерка М. М. Федорова⁶¹. Губернатор и его супруга получили ранения. Также тяжелораненую террористку арестовали на месте преступления и казнили 14 июля 1908 г.⁶² В распоряжении ВГЖУ не было никаких данных, с помощью которых это покушение можно было бы предотвратить⁶³. Громкое политическое преступление, хотя и вызвало широкий резонанс, все же стало одним из последних проявлений революционной борьбы в регионе. В 1908–1910 гг. жандармы ликвидировали региональные ячейки революционных партий.

Характеризуя состояние антиправительственного подполья губернии, секретный сотрудник ВГЖУ «Кротов» (Н. И. Ларионова) сообщала в агентурном донесении от 25 сентября 1913 г., что в Воронеже отсутствует какая-либо партийная работа. «Имеются лишь отдельные лица крайнего направления. Почти все эти лица по убеждениям социал-демократы. Много их в губернской земской управе, много их среди представителей либеральных профессий, но все эти лица на почве какого-либо партийного дела не объединены»⁶⁴. В целом вплоть до 1917 г. сотрудники воронежского ГЖУ отмечали стагнацию социал-демократического подполья в губернии.

После 1907 г. продолжалась активность воронежских анархистов. Они занимались экспроприациями на территории губернии. Вероятно,

именно анархистами была организована объединявшая более двух десятков учеников фельдшерской школы молодежная группа «Лига красного шнура», которая в начале 1908 г. провела ряд экспроприаций. В уставе «Лиги» ее цели определялись следующим образом: «...преследуя свое личное благосостояние, мы попутно с этим вносим деморализацию в существующий государственный строй, не разбираясь в средствах, стремимся к его ниспровержению»⁶⁵.

Эта организация была раскрыта с помощью агентуры и наружного наблюдения в феврале 1908 г.⁶⁶. Непосредственно после ликвидации «Лиги» В. З. Тархов указал в донесении ДП МВД, что на ближайшее время революционеры в Воронежской губернии полностью разгромлены⁶⁷.

В целом в 1908 г. Воронежское ГЖУ провело 46 дознаний (108 обвиняемых) по 1035 ст. Устава... и расследовало 105 дел (156 обвиняемых) по Положению от 14 августа 1881 г. Было произведено 57 отдельных следственных действий (по ним проходили 14 обвиняемых) по запросу других ведомств государственной полиции. Поток документации по следственной части за это время составил 20600 входящих и 24117 исходящих бумаг⁶⁸.

В 1909 г. в Воронежской губернии было совершено 74 государственных преступлений: 15 дел по 102 ст. (94 обвиняемых), 35 по 103 ст. (35 обвиняемых), 2 по 125 ст. (2 обвиняемых), 13 по 129 ст. (13 обвиняемых), 1 по 130 ст. (1 обвиняемый) и 8 по 132 ст. (8 обвиняемых)⁶⁹.

Новые заботы жандармской полиции добавило наступление Первой мировой войны. На спецслужбы возложили обязанности по наблюдению за мобилизацией, борьбе со шпионажем, выявлению дезертиров и беглых военнопленных. Жандармы фиксировали рост общественного недовольства вздорожанием цен, дефицитом товаров, неудачами на фронтах, большими человеческими потерями.

Офицеры Воронежского ГЖУ отсылали в столицу ежемесячные сводки по деятельности на территории губернии ПСР, РСДРП и по «разным организациям». В этих отчетах воронежские жандармы констатировали отсутствие в губернии следов деятельности революционных партий и лишь указывали на проявления отдельных неблагонадежных элементов⁷⁰.

Наблюдая положение в деревне, сотрудники ВГЖУ указывали на ухудшения условий жизни, связанные с тяготами военного времени. Отмечалось, что в крупных семьях мужчины ушли на фронт, а это

лишило деревню свободных рук и резко сократило объемы аренды земель у помещиков. По той же причине семьи лишились свободных денег, которые крестьяне ранее зарабатывали в городах. В то же время в этих тяжелых условиях сами помещики сильно подняли арендную плату на землю, желая компенсировать понесенные издержки, что в свою очередь еще больше усугубило кризисную ситуацию⁷¹.

Донесением 19 ноября 1914 г. начальник воронежского ГЖУ Ко-нисский проинформировал ДП МВД о распространяемых слухах среди крестьян Задонского и Землянского уездов о том, что после войны им якобы прирежут земли помещиков. Следов антиправительственных агитаторов государственная полиция не обнаружила, поэтому был сделан вывод, что данную информацию распространяют сами крестьяне. Подобные слухи касались и земель немецких помещиков, живущих в России. Над землевладельцами с «немецкой» фамилией нависла угроза погромов, поэтому они вынуждены были обращаться к властям за помощью⁷².

К концу 1916 г. тон жандармских донесений стал более тревожным. В рапорте своему начальнику от 23 ноября 1916 г. помощник в Острогжском и др. уездах ротмистр В. А. Малюгин указывал, что «отсутствие в городах и крупных населенных местах муки, керосину и пр., непомерное их вздорожание и отсутствие надзора по наблюдению за ценами на них везде и в каждую минуту могут вызвать народные беспорядки и погром торговцев»⁷³.

Гораздо хуже, считал офицер, то, что очень многие люди винят в своих бедах не только купцов, но и местные власти, не способные или не желающие принять жесткие меры против торговых злоупотреблений. Причем среди администраторов особенно подозревались лица с немецкими фамилиями. В очередном докладе в ДП МВД от 29 ноября 1916 г. В. И. Дацевич доносил, что у многих воронежцев «осталась только надежда на Государственную думу, которая урегулирует и улучшит неустройство в тылу, уменьшит дороговизну и искоренит немцев. В связи с этим крестьяне и рабочие стали проявлять интерес к Государственной думе, читать газеты и интересоваться ныне происходящими событиями»⁷⁴.

В декабре 1916 г. унтер-офицеры ВГЖУ обнаружили распространение слухов о том, что якобы помещики и полиция готовят пулеметы для подавления возможных беспорядков из-за дороговизны цен. Определенное недовольство вызывали задержки выплат компенсаций за реквизиции скота, долгая выдача пайков за мобилизованных в

армию, властям даже ставили в вину то, что земства слишком гуманны к военнопленным⁷⁵.

В одном из последних донесений жандармского ротмистра Малюгина – от 28 февраля 1917 г. сообщалось о ситуации в Валуйском уезде. Там, получив на волостных сходах разъяснения о необходимости доставки хлеба для нужд фронта по твердой цене 1 руб. 90 коп. за пуд пшеницы, «многие из крестьян пошли навстречу этому и стали возить хлеб, другие же противились этому и задержали хлеб у себя. Случилось затем так, что откликнувшиеся на предложение властей не успели еще получить деньги за поставленный хлеб, как услышали, что твердая цена на пшеницу поднялась с 1 руб. 90 коп. до 2 руб. 50 коп. Таким образом, более патриотично настроенные крестьяне получают за хлеб меньше, чем те, которые попридержали его у себя. Теперь среди крестьян царит такое убеждение, что чем больше задерживать у себя хлеб, тем больше правительство будет увеличивать твердые цены, а земским начальникам не нужно верить, так как они только обманывают народ»⁷⁶.

Во время мировой войны сотрудничество жандармов и военных приобрело более интенсивный характер. Наличие в губернии запасных и тыловых частей требовало от полиции следить за политической благонадежностью нижних чинов и офицеров, а также не допускать попадания и дальнейшего распространения в воинских частях антиправительственной литературы⁷⁷.

В 1914 г. воронежские жандармы провели 15 дознаний по 103 ст. Уголовного уложения, по которым проходили 15 обвиняемых⁷⁸. В 1915 г. ВГЖУ провело 26 дознаний⁷⁹. Таким образом, статистика следственной деятельности ВГЖУ не отражает существенного роста политической преступности в годы Первой мировой войны.

С момента образования жандармских управлений и до последних лет их существования они постоянно получали дополнительные полномочия и новые обязанности. «Положением о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г. ГЖУ были задуманы как наблюдательные органы, негласно контролирующие обстановку в регионах. В дальнейшем функции жандармерии были скорректированы в сторону приобретения всей полноты полицейских полномочий по делам о государственных преступлениях. На эффективность жандармского наблюдения влияло распыление внимания «спецслужб» на слишком широкий круг вопросов. Это отвлекало и так ограниченные ресурсы жандармерии от главной задачи – поиска и нейтрализации террористов и

радикалов, стремящихся к насильственному свержению действующей власти.

Все годы своего существования ВГЖУ вело наблюдение за населением губернии: особенно пристальное внимание уделялось настроению крестьянства, рабочих, студенчества, служащих земских органов. Выводы в отчетах и донесениях по этому направлению работы свидетельствуют о том, что многие жандармы обладали достаточным кругозором, чтобы глубоко анализировать явления общественной жизни и изменение народных настроений. Однако падение самодержавия оказалось неожиданным событием для чинов Воронежского ГЖУ, как и в целом для политической полиции, которая так и не смогла выполнить свою главную историческую задачу – предотвратить революцию и распад Российской империи.

¹ Положение о районных охранных отделениях. Хронос: [сайт]. – URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19061214polic.html (дата обращения: 22.04.2023).

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8515. Л. 1–8.

³ *Перегудов А. В.* Воронежское губернское жандармское управление : структура, численность, кадровый состав // Из истории Воронежского края : сб. ст. Вып. 20. Воронеж, 2013. С. 148.

⁴ *Перегудов А. В.* Об образовании Воронежского губернского жандармского управления и его первом руководителе // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 146.

⁵ *Перегудов А. В.* Воронежское губернское жандармское управление. С. 148.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 11–34.

⁷ Там же. Д. 4. Л. 5 об.

⁸ Там же. Д. 51. Л. 6 об., 7.

⁹ *Перегудов А. В.* Воронежское губернское жандармское управление. С. 147.

¹⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 81. Л. 18, 19; Д. 206. Л. 69.

¹¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 104. Л. 26 об.

¹² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1242. Л. 32.

¹³ *Страхов Л. В., Перегудов А. В.* Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019. С. 251.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 112. Л. 108.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 8–13.

¹⁶ *Страхов Л. В., Перегудов А. В.* Указ. соч. С. 218–219.

¹⁷ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 42. Ч. 2. С.-Петербург, 1871. № 44956.

¹⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 11 об., 12; Д. 10. Л. 32 об., 33; Д. 51. Л. 6 об., 7.

¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 20; Д. 5. Л. 10; Д. 7. Л. 42; Д. 85. Л. 2 об., 3.

²⁰ Подробнее см.: *Перегудов А. В.* Материальное положение чинов Отдельного корпуса жандармов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2021. Т. 66. Вып. 2.

- ²¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 26. Л. 1 об., 2; Д. 820. Л. 24.
- ²² *Страхов Л. В., Перегудов А. В.* Указ. соч. С. 45–60.
- ²³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 103. Л. 40.
- ²⁴ *Бакиит Д. А.* Енисейское губернское жандармское управление : организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2015. С. 134.
- ²⁵ Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. С.-Петербург, 1903. С. 387, 391.
- ²⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 12 об., 31 об., 61, 70 об., 81–97, 106 об., 137, 218.
- ²⁷ Там же. Л. 7, 12, 16, 20, 26, 30, 34, 37, 42, 45, 51, 61.
- ²⁸ Там же. Л. 24.
- ²⁹ Там же. Д. 1216. Л. 17, 26, 41, 55, 69, 82, 92, 98, 108, 116, 128, 136.
- ³⁰ Там же. Д. 32. Л. 12 об., 31 об., 61, 70 об.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 16, ч. 7. Л. 2.
- ³² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 573. Л. 10, 11, 107, 250.
- ³³ Там же. Л. 223.
- ³⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 224.
- ³⁵ Там же. Оп. 3. Д. 56. Л. 6.
- ³⁶ *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). Москва, 2013. С. 251.
- ³⁷ *Рууд Ч. А., Степанов С. А.* Фонтанка, 16 : Политический сыск при царях. Москва, 1993. С. 104.
- ³⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 12 об., 31 об., 61, 70 об., 81–97, 106 об., 137, 218–219 об.
- ³⁹ Там же. Оп. 3. Д. 52. Л. 1–31.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 395, ч. 27 (1898 год). Л. 20.
- ⁴¹ *Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю.* Воронежская губерния в первой российской революции (1905–1907 гг.). Воронеж, 2006. С. 131.
- ⁴² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 63. Л. 111, 111 об.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1, ч. 16 л. Д. (1915 год). Л. 3–9, 60–107.
- ⁴⁴ *Куцеволов А. А.* Эсеры в Воронежской губернии. От зарождения партии до 1905 г. // Общественное движение и культурная жизнь центральной России. Воронеж, 2006. С. 234.
- ⁴⁵ *Курсанова А. В.* Искровские организации и искровцы в Воронеже. Воронеж, 1966. С. 20.
- ⁴⁶ *Дмитриева В. И.* Так было. (Путь моей жизни). Воронеж, 2015. С. 194.
- ⁴⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 193–194.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 82. Л. 99–102.
- ⁴⁹ Там же. Д. 81. Л. 16–17.
- ⁵⁰ Там же. Д. 173. Л. 96–97.

- ⁵¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 523. Л. 8–46.
- ⁵² Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 92.
- ⁵³ См.: *Перепелицын А. В., Кудинова Ю. В.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в годы первой русской революции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. № 8 (151). Т. 26. 2013. С. 121; *Очерки истории Воронежского края. Т. 1.* Воронеж, 1961. С. 367–368.
- ⁵⁴ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 171.
- ⁵⁵ Там же. Л. 84, 109.
- ⁵⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 30, 32.
- ⁵⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 725. Л. 1–101.
- ⁵⁸ Там же. Д. 980. Л. 42 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 571. Л. 230.
- ⁶⁰ Там же. Д. 868. Л. 1–33 об.; Д. 980. Л. 25–169 об.
- ⁶¹ См.: *Квасов О. Н.* Мария Федорова – террористка и жертва террора // *Новый исторический вестник.* 2011. № 27.
- ⁶² *Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : Историко-биографические очерки.* Воронеж, 2015. С. 364.
- ⁶³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 997. Л. 33–34.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1303. Л. 21 об.
- ⁶⁵ *Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю.* Указ. соч. С. 156, 157.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–2, 4.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 116. Д. 108, ч. 10. Л. 1–15, 31, 31 об.
- ⁶⁸ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 588. Л. 10.
- ⁶⁹ *Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Отд. 2.* Воронеж, 1911. С. 118.
- ⁷⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1558. Л. 1–12.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14, ч. 1. Л. 2.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ *Карпачев М. Д.* Архивные свидетельства о настроении населения Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // *Воронежский вестник архивиста.* Вып. 7. 2009. С. 127.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1249. Л. 1, 6–7, 10.
- ⁷⁶ *Карпачев М. Д.* Указ. соч. С. 128.
- ⁷⁷ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1371. Л. 77, 95.
- ⁷⁸ См.: *Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Отд. 2.* Воронеж, 1916. С. XXVIII.
- ⁷⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1532. Л. 1–12.

Террористическая деятельность Воронежского комитета партии социалистов-революционеров

События российских революционных потрясений и гражданской войны начала XX в. устойчиво вызывают пристальное внимание у историков и краеведов¹. Не ослабевает общественный интерес к вопросам функционирования государственного аппарата, развитию и деятельности политических организаций, работе силовых структур последних десятилетий Российской империи. Этот интерес естественен – события отечественной истории могут в определенной мере способствовать пониманию современных процессов. Одной из таких актуальных страниц революционного прошлого Воронежского края является и террористическая деятельность партии социалистов-революционеров.

Несмотря на то, что воронежские эсеры являлись одной из первых групп в России и были инициаторами создания общероссийской организации, «собственно же комитет ПСР был создан в 1903 г. и вплоть до революции продолжал скрытно существовать»². Активностью в осуществлении террористической деятельности, не в пример общероссийским тенденциям неонароднических организаций, воронежские эсеры длительное время не отличались.

Боевой отряд при Воронежском комитете партии социалистов-революционеров возник летом 1906 г. Это была общепартийная эсеровская реакция на неудачные действия боевых дружин в декабре 1905 г. по всей России. Только в некоторых городах революционные комитеты организовали вооруженное противостояние царской власти, а там, где это удалось, выступления были хоть и кроваво, но подавлены. В большей части российских городов, боевые революционные силы оказались не способны к массовому выступлению. В Воронеже ситуация сложилась следующим образом.

Боевые силы революционного Воронежа в декабре 1905 г. насчитывали около 300 дружинников при 200 револьверах и 20 винтовках. Состояли они из городской дружины самообороны, боевой дружины при железнодорожных мастерских, общестуденческой боевой дружины и двух партийных – эсеровской и социал-демократической. Формирования имели возможность несколько раз проявить себя, однако ни во время черносотенного погрома 21–22 октября, ни во время восстания

дисциплинарного батальона 18 ноября, они себя не показали. Со вступлением в Воронеж 17 декабря карательной экспедиции генерала Н. К. фон Клавера, инициативы дружинников хватило только на повреждение железнодорожной водопроводной системы и уничтожение телеграфного сообщения со станцией Отрожка³.

Реакцией эсеров на боевую слабость партии становятся решения I съезда ПСР (29.12.1905–04.01.1906) о воссоздании Боевой организации, деятельность которой была после манифеста 17 октября 1905 г. приостановлена, и возобновление террористической деятельности⁴.

Создавая боевой отряд, губернские комитеты учитывали разворачивающуюся революционно-террористическую кампанию в стране и пытались оформить ее проявления в приемлемой для губернской организации форме. К середине 1906 г. в военно-боевой структуре эсеров уже сложилось несколько типов экстремистских формирований, имевших специализацию в прямой связи с поставленными партией задачами. Таковых типов можно выделить четыре: Боевая организация ПСР, выполняющая распоряжения ЦК партии по осуществлению центрального террора; аналогичные формирования, но на уровне областных комитетов партии и осуществляющие террористические операции в пределах региона; стационарные боевые группы губернского и уездного подчинения; партизанские группы, в своей деятельности стиравшие границы между террористическими, диверсионными и коллективными боевыми действиями.

Каких-либо иллюзий на счет продуктивности террора у местных эсеров не было. Член губернского комитета И. Д. Смирнов, вспоминал: «Боевая деятельность стояла на заднем плане, рассматривалась комитетом как работа подсобная, содействующая общей задаче»⁵.

Первоначально в отряд вошли В. М. Перегудов, И. Богданов, ученики железнодорожных мастерских С. Саломахин и М. Колодяжный, семинарист Н. А. Архангельский и реалисты И. А. Корякин и А. Костин. Во главе отряда стоял бывший десятник дружины Воронежского Делегатского совета А. П. Галай, представителем Воронежского комитета при отряде был назначен И. Д. Смирнов. С самого начала деятельности у отряда начались трения с комитетом. Боевики требовали своего представительства в губернском руководстве партии. Комитет отвечал категорическим отказом, аргументируя тем, что состав руководящих партийных органов выбирался губернским

съездом, отряд себя еще не проявил и такое взаимодействие террористических и партийных структур осуждалось по конспиративным и тактическим соображениям. В итоге, длительное время отряд практически никакой деятельности не проявлял.

Однако дальнейшее обострение политической ситуации в стране заставило эсеров менять тактику. Роспуск Государственной думы (08.07.1906) и летняя волна крестьянских погромов прокатившаяся в стране, подвигли партию склониться на точку зрения «аграрных террористов» и преступить к организации боевых дружин при уездных комитетах и крестьянских братствах, что те предлагали сделать еще в декабре 1904 г. Недавняя настороженная позиция ЦК ПСР по отношению к крестьянским разгромам, сменяется рекомендацией перейти к планомерности и систематичности проявлений «аграрного террора» и крестьянского политического экстремизма. Эти же события заставляют активизироваться и Боевой отряд.

В декабре 1906 г. было проведено первое боевое предприятие. Максим Колодяжный расправился с провокатором Е. Е. Пелем, по вине которого было арестовано несколько человек в местных революционных организациях. В газете Воронежского комитета ПСР по этому поводу было напечатано извещение: «В ночь на 22 декабря 1906 г. Боевым отрядом при Воронежском губернском комитете ПСР казнен Пель за шпионство и провокацию. Следствие, произведенное комитетом, дало несомненные указания того, что 1) Пель состоял на службе при сыскном отделении и доставлял туда все сведения из партийной жизни; 2) по его указанию арестовано несколько товарищей; и 3) что Пель, предлагая за деньги оружие, добивался проникновения в организацию и собирался выдать известных ему лиц»⁶.

Следующее выступление было осуществлено только 7 апреля 1907 г. Организованное Василием Перегудовым и исполненное Степаном Саломахиным и «рабочим Антоном», покушение на вахмистра железнодорожного жандармского управления И. И. Снурникова окончилось гибелью этого «крайне вредного лица для освободительного движения». Объясняя действия боевиков, местная эсеровская газета, обобщила все грехи вахмистра – «самодур и деспот в своей семье и с своими подчиненными – жандармами, взяточник и вор – Снурников без сожаления давил и расправлялся с железнодорожными тружениками. После него осталось несколько домов и 20 тысяч денег»⁷.

Хотя и имелись два успешных акта, деятельность отряда не оправдывала ожидания комитета. Параллельно ему организуется Боевой

летучий отряд при Воронежском крестьянском союзе ПСР. Членом этого отряда, крестьянином Ю. Т. Ключанцовым 27 мая 1907 г. был убит за «чересчур энергичную деятельность по искоренению “крамолы” среди крестьянства» урядник села Перлевки Землянского уезда П. Л. Бородкин. Аргументация этого преступления была более проста: «Живя безвыездно в Перлевке около 20 лет, он знал всех и каждого и, являясь ярким сторонником реакции, преследовал и давил всякую живую мысль у пробуждающегося крестьянства. По его указанию арестовано до нескольких десятков крестьян»⁸.

Согласуясь с решением ЦК партии, летом 1907 г. Воронежский комитет расширяет террористическую кампанию с целью активизировать революционные выступления. С санкции губернского съезда (10–12.06.1907) увеличиваются денежные поступления на группу, из Киева прибывает партийный военный инструктор И. П. Тайницкий, под руководством М. А. Курисько налаживается в частном доме в Ямской слободе производство взрывчатых веществ. В отряд вливаются уже проявившие себя в экстремистских выступлениях новохоперские боевики: Х. Шабанов, И. Зюзин, М. Шамов, И. Белкин. Во главе отряда, на место Галая, вынужденного уехать из Воронежа по конспиративным причинам, встает М. И. Портянников. Однако смена отношения к группе со стороны руководства не изменила ее ограниченной функциональности. Как вспоминал И. Д. Смирнов: «Группа занялась изысканием средств с целью устроить несколько мелких казенных экспроприаций, так как на ее содержание шло больше того, что она добыла»⁹. Так, 27 июля было ограблено на 768 руб. почтово-телеграфное отделение в с. Еланском Колене, Новохоперского уезда. 8 октября с целью ограбления 700 руб. совершенно вооруженное нападение на ехавших с торгов двух служащих Теллермановского лесничества, которые от полученных ран скончались. В результате этого нападения погиб выдающийся ученый-лесовод Г. А. Корнаковский.

Отсутствие активной деятельности деморализующе сказывалось на боевиках и до этого не отличавшихся партийной дисциплиной. Начинаются несанкционированные комитетом выступления, которые логично вписываются в «постреволюционный синдром терроризма». Волна грабежей казенных учреждений и вымогательств у частных лиц, захватившая в этот период губернию и всю страну, прокатилась под громкими революционными лозунгами, однако ее содержание для общестественности носило преимущественно уголовный, а не политический

характер. При этом, ряд идейных боевиков, критикующих «пассивность» комитета, бросаются в другую крайность, совершая отчаянные, но бессмысленные террористические акты.

Для объективной оценки деятельности Боевого отряда необходимо учитывать сложившийся, тяжелый характер взаимоотношений комитета и боевиков. Во многом причиной этого было недостаточное материальное обеспечение самой боевой деятельности. Из материальной отчетности местного комитета видно, что на оружие, боевые предприятия и технику за период с мая 1906 г. по январь 1907 г. было потрачено 46 руб. 50 коп.¹⁰ Судя по тому, что в этот период воронежские эсеры предприняли неудачную попытку силой отобрать боевой склад местной социал-демократической организации, хранившийся в доме одного из членов партии, этого было явно недостаточно¹¹. Содержание боевой сферы комитета возросло летом-осенью 1907 г., за август уже 271 руб. 75 коп., сентябрь – 128 руб. 85 коп., октябрь – 639 руб. 25 коп., ноябрь – 62 руб. 73 коп. Резкое падение вновь отмечается с декабря 1907 г., всего 12 руб. 50 коп.¹²

Нестабильным было и материальное содержание самих боевиков. К примеру, воронежский социал-демократ П. Н. Караваев вспоминал, что ему как нелегалу, приходилось неделями питаться хлебом и чаем на 10–12 рублей в месяц, причем из них 7 рублей он строго платил за комнату¹³. Не лучшим было и положение воронежских боевиков. Известно, что они буквально выпрашивали деньги в долг у однопартийцев. При этом, содержание террористов центрального звена партии было несколько иным. Один из лидеров партии эсеров М. А. Натансон, критически оценивая деятельность БО ПСР, вспоминал, что «некоторые члены Боевой организации тратили на себя 400 и даже 500 рублей в месяц, а средний боевик тратил лишь около 60–70 рублей»¹⁴. Таким образом, нет ничего удивительного, что воронежские боевики при материальных затруднениях предпочитали самодеятельные грабежи, а не голодное прозябание.

Крупная боевая операция все же комитетом была спланирована. Ее сложный механизм, разделение дружины на три отряда, большое использование взрывных устройств, предопределили неудачу предприятия. Попытка 30 октября 1907 г. ограбить поезд с почтовым вагоном, перевозившем более 80 тыс. руб., на станции Абрамовка (ЮВЖД) завершилась полным конфузом. Две бомбы, брошенные под вагон поезда, не взорвались. Третья бомба не была использована из-за трусости ее метальщика. Боевикам пришлось отступить. Вспоминая

о тех событиях, И. Д. Смирнов писал: «При выяснении причин неудачи обнаружился ряд поступков недопустимых для членов партии: легкомыслие, нарушение дисциплины, невыполнение приказаний комитета (проверка бомб) и, наконец, был обнаружен заговор: часть боевиков помышляла о захвате в свои руки денег. По постановлению губернского комитета, Смирнов и М. И. Портянников предложили боевикам сдать оружие. Они отказались. После этого вся группа: В. Перегудов, И. Зюзин, И. Белкин, Х. Шабанов, М. Шамов – были объявлены исключенными из партии»¹⁵. Примечательно, но это выясниться только два десятилетия спустя, в это время в составе боевого отряда было два агента Юго-Восточного районного охранного отделения А. И. Жданов и И. П. Тайницкий¹⁶.

Учитывая, что ранее, 15 августа 1907 г. жандармами были арестованы А. Костин, Н. Архангельский и «рабочий Антон», а И. Богданов попался в руки жандармов во время покушения 9 октября 1907 г. на городского Хонякина, это означало практически ликвидацию отряда.

Однако, с роспуском Боевого отряда Воронежского комитета ПСР, террористические выступления эсеров в губернии не прекратились. Напротив, на конец 1907 г. приходится их наибольший рост и связано это с двумя причинами, во-первых, неудачной попыткой комитета поднять массовое крестьянское движение с помощью активизации вооруженной борьбы и, во-вторых, в связи с процессами вульгаризации революционного насилия.

Так, на роспуск Государственной думы (03.06.1907) эсеры отреагировали решениями (I-я конференция и IV Совет ПСР) возобновить в полном объеме террористическую деятельность. Революционные партии имели основание рассчитывать на взрыв общественного негодования по поводу роспуска Думы и планировали это возмущение спровоцировать всеми возможными способами и, в первую очередь, вооруженными выступлениями. Извещение ЦК ПСР по вопросу о задачах партии в деревне сообщало: «...партия должна быть готова к тому, чтобы вмешаться во всякое стихийно возникающее широкое народное выступление против современного строя с целью внесения в него организованности и планомерности. С этой целью во всех тех местах, где настроение крестьянских масс делает вероятным такое выступление, партийные организации должны принять все меры к тому, чтобы обеспечить этому выступлению, поддержку других слоев местного трудового населения и хоть части войска»¹⁷. Передовая статья центрального органа эсеров в августе 1907 г. так призывно

и называлась «Наши партийные организации должны выдвигать, поддерживать и развивать партизанскую борьбу крестьянства»¹⁸. Однако, третьеиюньский переворот оказался основной массой русского общества незамеченным. Революция закончилась, чего нельзя было сказать о террористической деятельности. Вторая половина 1907 и начало 1908 гг. представляли собой кульминацию краха тактических надежд эсеровских комитетов и отчаянную безысходность революционного боевизма.

Партизанскую борьбу эсеры постарались усовершенствовать и приспособить к сложившейся политической ситуации и крестьянской партийной организации. В извещении ЦК ПСР предлагалось организовывать партизанские отряды двух типов. Партизанские дружины первого типа рекомендовалось формировать «...из крестьян-землеладельцев, ведущих обычную трудовую жизнь и мобилизующихся лишь для определенных действий, по совершении которых они опять возвращаются к своей обычной жизни. ...Для некоторых более крупных предприятий губернский комитет может соединять несколько отрядов вместе, под командой начальника дружины»¹⁹. Такие отряды, под названием боевых дружин крестьянских братств, имелись во многих селениях.

Под вторым типом дружин подразумевались «...настоящие партизанские отряды, ведущие непрерывную войну с местными правительственными силами, только не иначе, как по решению местных органов партии: губернских и областных съездов, признавших для такой партизанской войны наличие необходимого настроения в массах. Такие постоянные отряды в своих военных действиях подчиняются общим партийным директивам и решениям местных областных съездов, а в вопросах стратегии действуют вполне автономно. Боевые дружины берут на себя и террористическую борьбу с теми агентами власти, которые выдвинулись своими насилиями над местным населением. В этой своей деятельности они подчиняются указаниям Областного комитета»²⁰. Хотя в извещении прямо оговаривается применение террористической деятельности партизанами, стоит учитывать, что в сложившихся условиях партизанские отряды второго типа могли применять только диверсионные формы борьбы. Важным является указанное обстоятельство для организации таких отрядов – «наличие необходимого настроения в массах», при его же отсутствии, такие партизанские отряды очевидно должны были превращаться в уголовные банды.

На территории Воронежской и пограничных с ней Тамбовской и Курской губерний в 1907–1908 гг. действовали партизанские отряды Д. К. Грачева, И. С. Бабайцева, И. С. Белкина²¹. Деятельность этих агрессивных отрядов в составе 5–10 вооруженных боевиков свелась к постоянному передвижению по территории нескольких соседних уездов. Готовые к мелким экспроприациям и убийствам местных чинов правопорядка и представителей власти, отзывчивые к просьбам местных активистов в совершении терактов, такие отряды наводили страх на местных администраторов, помещиков, полицию, но какого-либо общественно-политического значения не приобрели. И, несмотря на ряд резонансных акций, партизанское движение в Воронежской губернии фактически самоликвидировалось после лета 1908 г.

Вульгаризация революционного насилия ярко проявилась в деятельности выступавшего теперь от имени анархистов или максималистов бывшего члена Боевого отряда комитета ПСР Х. Шабанова. Вернувшись в Новохоперский уезд, он создал группу из нескольких человек непостоянного состава и стал «вольно практикующим боевиком». Из наиболее громких дел Шабанова в конце 1907 г. известны следующие: 4 ноября с десятью товарищами он ограбил Лысогорский женский монастырь; 10 ноября – Алферовское волостное правление; 5 декабря – правление Третьяковского ссудо-сберегательного товарищества. 8 января 1908 г. Шабанов совместно с И. Зюзиным и С. Лабькиным совершает свое последнее преступление – ограбление на 600 руб. кассы железнодорожной станции Колено. 15 февраля 1908 г. Шабанов будет арестован. Особенно не затягивая следственный процесс и судебное разбирательство, военно-окружные суды Воронежа и Тамбова инкриминировали Х. Шабанову 3 убийства, 10 грабежей, несколько вооруженных столкновений с полицией и ряд поджогов. 17 июля 1908 г. он был повешен в стенах Тамбовской губернской тюрьмы²².

Несмотря на вышесказанное, наиболее известным эпизодом террористической деятельности воронежских эсеров станет покушение на начальника губернии, совершенное уже после основных революционных событий в стране. Весной 1908 г. по рекомендации ЦК ПСР и с санкции Воронежского комитета эсеров за жестокие меры подавления крестьянских выступлений и, в частности, за казнь восьми членов Туровского крестьянского братства было предпринято покушение на губернатора.

Так как после роспуска Боевого отряда Воронежский комитет эсеров не стал восстанавливать террористическую группу, это сильно затруднило осуществление терактов в отношении губернатора. Своими силами воронежские эсеры осуществить покушение не смогли – комитет оказался без компетентных организаторов и исполнителей террористической деятельности. На заседании комитета осуществление приговора партии решено было предложить желающим членам организации. Но таковых не нашлось ни среди комитетчиков, ни среди рядовых эсеров. Стали предлагать персонально. Симптоматично, что одним из первых такое предложение получил и отказался от него осведомитель охранного отделения А. И. Жданов. В конечном итоге, бомбу, изготовленную Курисько, 23 апреля 1908 г. в губернаторскую карету М. М. Бибикова бросила, специально прибывшая по этому поводу в Воронеж, член Летучего отряда Поволжской области ПСР М. М. Федорова²³. Но, кроме самой террористки, получившей тяжелые ранения и сразу арестованной, от взрыва серьезно никто не пострадал.

Немного поправившись от ранения террористку ждал военно-окружной суд, который состоялся 20 мая. 14 июня 1908 г. Федорова была повешена во дворе тюрьмы и там же похоронена. Революционный публицист Саул Ушеревич в известной книге о политических казнях утверждает, что начальник воронежской тюрьмы «собственноручно повесил террористку Федорову»²⁴. Вероятно, так оно и было, с чем и связана подготовка местными эсерами покушения на начальника тюрьмы И. А. Дикарева.

Для нового покушения, пришлось объединить усилия с максималистами, к которым перешли изгнанные из отряда террористы. Но возможности осуществить покушение не представилось совсем – согласившиеся сделать это Л. Микулина и В. Перегудов «не смогли выбрать удобного момента» для нападения на осторожного Дикарева²⁵. Революционная Фурия достанет его только в 1928 г., – он и несколько прежних служащих губернской тюрьмы будут проходить в Воронеже по «процессу тюремщиков» и вкусят в полной мере уже не революционного, а советского мщения.

Последующие повальные аресты воронежских эсеров, постепенное успокоение в стране и губернии, общий развал в партии, определили конец всяких иллюзий в отношении революционного террора²⁶.

Развитие террористической деятельности Воронежского комитета ПСР дает основание отметить ряд следующих важных фактов. Во-

первых, вышеперечисленными экстремистскими эксцессами революционный террор в Воронежской губернии не ограничивался – помимо эсеров, террористические акции осуществляли различные максималистские группировки, анархисты, социал-демократы и псевдореволюционные группы; во-вторых, партийный террор эсеров организовывался в условиях неблагоприятного, сдержанного к нему отношения со стороны комитета. В-третьих, губернское руководство партии для усиления подконтрольности боевиков часто использовало материальные рычаги. В условиях слабой партийной дисциплины и роста самодеятельности, это привело к потере партийной и организационной дисциплины боевиков и вылилось в многочисленные случаи несанкционированных грабежей, а в дальнейшем и прямое предательство нескольких боевиков. В-четвертых, попытки активизировать общественные протесты в условиях упадка массового движения с помощью экстремистских действий партизанских групп закончились полным провалом.

¹ *Савченко В. Л.* Возникновение воронежской эсеровской организации, ее структура и деятельность на начальном этапе: вторая половина 1890-х годов – 1904 г. // Страницы истории и историографии Отечества. Вып. 2. Воронеж, 1999; *Салтык Г. А.* Неонародническое движение Черноземного Центра России. 1901–1923 гг. Москва, 2002; *Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю.* Воронежская губерния в первой российской революции (1905–1907 гг.). Воронеж, 2006.

² *Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю.* Указ. соч. С. 136.

³ *Смирнов И. Д.* Первый совет 1905 г. в Воронеже // Вестник ЮВЖД. 1925. № 5. С. 15.

⁴ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. С.-Петербург, 1906. С. 314.

⁵ ЦДНИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 200.

⁶ Борьба и жизнь. Издание Воронежского комитета ПСР. 1907. № 1. 16 мая. С. 18.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ ЦДНИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 202.

¹⁰ Там же. Л. 73 об.

¹¹ 1905 год в Воронежской губернии. Иллюстрированный сборник. Воронеж, 1926. С. 84.

¹² Борьба и жизнь. 1907. № 2. 30 октября.

¹³ *Караваяев П. Н.* В дооктябрьские годы. Москва, 1953. С. 81.

¹⁴ *Городницкий Р. А.* Боевая организация ПСР в 1901–1911 гг. Москва, 1998. С. 124.

- ¹⁵ ЦДНИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 202.
- ¹⁶ ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 353. Т. 1. Ч. 1.
- ¹⁷ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 5. Л. 196–197. Циркуляр ДП ОО № 134943 от 17.09.1907.
- ¹⁸ Знамя труда. 1907. 30 августа.
- ¹⁹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 95. Л. 196–197.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Квасов О. Н.* Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.). Воронеж, 2022. С. 156–157.
- ²² *Квасов О. Н.* Революционный боевик Харитон Шабанов // Вестник воронежского архивиста. Вып. 17. Воронеж, 2019. С. 34–40.
- ²³ *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Петроград, 1918. С. 430; *Квасов О. Н.* Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27).
- ²⁴ *Ушеревич С.* Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. Харьков, 1933. С. 134.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 47. Д. 127. Л. 95 об.
- ²⁶ *Перегудов А. В., Страхов Л. В.* Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019; *Морозов К. Н.* Борис Савинков : опыт научной биографии. Москва ; С.-Петербург, 2022.

Баранова Н. О.

Социал-демократические организации Воронежской губернии в 1907–1913 гг.

История российской общественно-политической мысли всегда остается актуальной темой для исследования. В статье анализируется деятельность социал-демократических организаций Воронежской губернии после завершения революции 1905–1907 гг. и до начала Первой мировой войны.

Роспуск II Государственной Думы традиционно рассматривается как окончание первой российской революции. Эта дата стала рубежной и для деятельности многих политических партий, в том числе РСДРП. Марксизм в одночасье растерял многих своих приверженцев. Революционные методы борьбы вместо прежнего восхищения вызывали обратную реакцию. В пролетарской среде чувствовались усталость, разочарование в былых героях¹. РСДРП пребывала теперь в глубоком идейном, политическом и организационном кризисе. В Европу эмигрировали практически все ее ведущие лидеры. По «наводке» секретных агентов и осведомителей полиция производила массовые аресты партийных активистов и функционеров, конфискацию революционной литературы и документов, была в курсе основных событий внутрипартийной жизни от местных организаций до фракции в Государственной думе и ЦК².

Кризис, поразивший партию после 1907 г. отразился и на деятельности воронежской социал-демократии. При наличии крупных обобщающих трудов по истории местной организации РСДРП, период 1907–1913 гг. в деятельности воронежских социал-демократов освещен очень скупо. Советские историки замалчивали или до предела минимизировали потери и реальное положение дел в воронежской организации РСДРП, ограничиваясь скухими фразами: «Годы реакции для всей партии, и в том числе для воронежских большевиков, были самыми трудными... сохранившиеся партийные кадры вынуждены были уйти в подполье и оттуда продолжать работу среди рабочих. Они успешно сочетали легальные формы борьбы с нелегальными, установили связь с большевистским центром»³. Как указывают источники, такие оценки представляют лишь бледное отражение подлинной картины в среде местных социал-демократов.

Представители всех воронежских радикальных партий довольно вяло отреагировали на роспуск Государственной Думы. По секретным сообщениям агента Воронежского губернского жандармского управления (далее – ВГЖУ) ночью 8 июля 1907 г. за городом около леса «Кругленького» состоялось собрание социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов (всего около 100 человек)... На организованном митинге было произнесено несколько речей на тему борьбы народа с правительством и о неизбежности вооруженного столкновения в недалеком будущем⁴. 9 июля 1907 г. на городских предприятиях было разбросано большое количество прокламаций Воронежского объединенного комитета РСДРП и его военной группы⁵. 22 ноября, в день судебного разбирательства о бывших членах II Государственной Думы, принадлежащих к социал-демократической фракции, Воронежскому комитету (далее – ВК) РСДРП удалось организовать однодневную забастовку на местных чугунно-литейных заводах⁶. Ее главными инициаторами оказались представители воронежских меньшевиков Косарев, Срывкин, Сазонов, Водопьянов, Громов⁷.

Положение в среде местных социал-демократов после завершения революционных событий 1905–1907 гг. четко прослеживается в серии писем второй половины 1907 – начала 1908 гг., отправленных из Воронежа и перехваченных ВГЖУ. В письме от «Варюши» к А. Н. Татарчукову в Одессу (вероятно, В. Н. Аносова – член местного кружка социал-демократов, служащая в Воронежской публичной библиотеке⁸), датированным 2 июля 1907 г. отмечалось: «Настроение в арьергарде сегодня не важное: ни на что и глядеть не охота... У меня один план на зиму. Если не устраюсь в Питере или Москве, то на зиму поеду в Армавир Кубанской области...ведь сидеть зиму в Воронеже не очень-то интересно»⁹. Наиболее информативно письмо от «Ефима» (по-видимому, большевика. – Н. Б.), отправленное 9 февраля 1908 г. в табачный магазин Жукова в Москве: «...городской районный комитет, выбранный тому назад 8 месяцев, не разу не собирался; и вообще единственной ячейкой организации является Воронежский комитет, ...если не считать одного кружка высшего типа. Теперь воронежские союзы распадаются под влиянием политических репрессий и от всей... работы, т.к. остается в городе менее 70 членов политической организации, но и это цифра очень неважного качества»¹⁰. Далее автор продолжает: «В округе работа идет чрезвычайно плохо в силу отсутствия квартир для собраний и товарищей, способных быть

ответственными работниками... Пока же мы поддерживаем связь с ними письменно»¹¹. Есть несколько замечаний о связи местных социал-демократов с ЦК партии: «Резолюцию из Комитета о профессиональных союзах получили, и лично испытал большое удовлетворение, т.к. это резолюция совершенно тождественна по смыслу с проектной резолюцией т. В. И., и за которую было подано всего 3 голоса, в том числе и мой... Что вообще делает ЦК? Неужели вы не можете аккуратно доставлять партийные известия и текущую нелегальную литературу, конечно комитетчики сами ничего не знают. Так работать почти невозможно»¹².

В 1908 г. в ВК РСДРП произошли перевыборы, но кардинально ситуацию общего упадка это не изменило. Это подтверждает письмо «Лизы» от 17 марта 1908 г. в Москву к М. М. Подтынникову (Елизавета Алексеевна Никитина – дочь священника, бывшая воспитанница 8 класса Воронежской Алисовской гимназии, член воронежской группы учащихся РСДРП¹³): «Послушай, что творится у нас в Воронеже. Работы серьезной и живой..., о которой я мечтала, у нас нет. После перевыборов Воронежского комитета, он ни разу еще не соби­рался в полном составе; кружки идут убийственно; квартир нет. Литературы у нас никакой... нет, и на запросы мои... ЦК... ничего не отвечает... В округе у нас вовсе тишина. В Новохоперске после провала работа совсем замерла; из других мест даже известий нет... На последнем заседании, например, голосовали за две резолюции, совершенно противоположенные друг другу»¹⁴. Тот же пессимизм характерен и для письма от «Михаила» (26 марта 1908 г.) в Киев Исааку Каганову: «Меня страшно мучает сознание, что тратится столько сил, здоровья и времени совершенно непроизводительно. Военной организации нет, и всякая мысль о создании таковой должна считаться пустой фантазией... полная изолированность от всех и от всего...»¹⁵.

Воронежская организация РСДРП, в первую очередь, понесла существенные количественные потери. «Ефим» в письме, оценивая численность организации, называет цифру – менее 70 человек. Но главное, до предела обострилась самая главная проблема ВК – отсутствие ярких, предприимчивых личностей, профессиональных революционеров. Как отмечает в своем письме Е. А. Никитина: «В Комитете только и есть два дельных, развитых человека, в остальном – грусть одна»¹⁶.

Изменилось ли все в дальнейшем? Насколько удары 1906, а особенно 1907 г., коснувшиеся воронежских социал-демократов, были болезненными, показывает статья, опубликованная в газете «Правда» № 4 от 14 июня 1909 г. (орган Украинского союза «Спилка» РСДРП) под заголовком «Воронеж (письмо с дороги)». Здесь все тот же пессимизм, характерный для писем периода 1907–1908 гг.: «Не минуло и нас – Воронеж и Воронежскую губернию – глухая полоса безвременья, полоса затишья и почти полного отсутствия партийной работы... только кое-где, как исключение уцелели кружки, остатки прежних групп, да чисто случайная, чисто кустарническая работа отдельных интеллигентов и городских рабочих. Стройных партийных организаций и не слышно... Как велика нужда в литературе... наш пролетарский праздник... прошел в Воронеже тускло, бесцветно. Кажется, только на одном заводе провели праздничную забастовку и то после 2-х часовой работы...»¹⁷.

С 1908 г. вплоть до Февральской революции 1917 г. для Особого отдела Департамента полиции стали регулярно составляться ежемесячные отчеты ВГЖУ, содержащие агентурные сведения, результаты наружного наблюдения за самыми видными членами местной организации РСДРП. 12 октября 1910 г. Департамент полиции в циркуляре начальнику ВГЖУ требовал предоставлять данные по местной организации РСДРП независимо от того производилось или нет наружное наблюдение¹⁸. Отчеты должны были содержать четыре формы: А – разная переписка, Б – агентурные сведения, В – наружное наблюдение, Г – литература.

В отчете за 1909 г. отмечено, что социал-демократическая организация за неимением видных деятелей почти бездействует, типографии нет, а литературы очень мало¹⁹. Форма по литературе была заполнена всего один раз – в 1910 г., а форма А – практически не содержала никакой существенной информации²⁰. Наружное наблюдение велось не периодически: иногда по причине недостатка сотрудников, но чаще ввиду полного бездействия представителей РСДРП в Воронеже²¹.

Конечно, тяжелые времена, которые переживала воронежская социал-демократия, были связаны не только с противодействием органов власти, но и с общей усталостью значительной части населения от нескольких лет социальных потрясений. В этом ключе знаковой может стать обнаруженная жандармами при обыске рукопись статьи некого Н. Ф. Артеменко под кратким, но выразительным заголовком:

«Надоело» (зима 1908 г.). Автор восклицает: «Ах, как надоела эта ужасная политика..! Слышишь и удивляешься, ...что это говорит русское общество..., которое только что начало свободно мыслить и бесконтрольно действовать»²².

Удары, нанесенные всем радикальным партиям, вынуждали революционеров, оставшихся на свободе, забывать прошлые разногласия и искать взаимную поддержку. Из циркуляра начальнику Харьковского районного охранного отделения: «...означенная организация [РСДРП] в Воронежской губернии, по-видимому, вошла в блок с наблюдаемой партией социалистов-революционеров, почему самостоятельно своей деятельности не проявляет»²³. Косвенно это находит подтверждение в воспоминаниях эсера А. Дружинина: «В 1908 г. я был арестован и пришит к делу группы социалистов-революционеров; в действительности, в этой группе, в количестве 41 человека, были и социал-демократы, и социалисты-революционеры, максималисты, анархисты...»²⁴.

Из года в год в ежемесячных отчетах ВГЖУ дублировалась одна и та же фраза о деятельности воронежских социал-демократов: «Местная организация РСДРП возникла в 1902 г. В течение означенного месяца ни в чем в своей деятельности не проявила. Издание или распространения преступных воззваний не замечалось. На существование боевой организации указаний не имеется»²⁵. Со временем это краткая информация и вовсе была заменена на скупую формулировку: «В виду полного бездействия социал-демократов в Воронежской губернии, агентурных сведений не поступало»²⁶. А в отчете за 1913 г. констатировалось: местной организации РСДРП нет, «имеются лишь отдельные лица – члены означенной партии, активной деятельности в целях таковой не проявляющие»²⁷. Таким образом, можно говорить о глубоком упадке социал-демократического движения в Воронеже вплоть до начала Мировой войны.

О деструктивных моментах в работе ВК РСДРП говорит весьма показательный факт: в октябре 1907 г. должность секретаря была занята членом ученической социал-демократической организации Е. А. Никитиной²⁸. Ее избрание на столь ответственный пост, который в недалеком прошлом всегда занимали только революционеры со значительным партийным стажем, свидетельствовало о нехватке профессиональных работников.

После революции 1905–1907 гг. в деятельности воронежской социал-демократии четко выделяются две характерные тенденции:

незначительная активность профессиональных партийных революционеров, которым удалось избежать арестов, и увеличение роли ученических социал-демократических кружков. В начале 1908 г. секретарем ВК также стал представитель группы учащихся М. И. Лызлов (большевик). В его доме на углу Кольцовской и Средне-Московской находилась явка, проводились подпольные собрания, через него велась связь с Москвой²⁹. В руководящее звено ВК по воспоминаниям Лызлова входили большевики И. В. Орловский, Максим (приезжий организатор из Москвы, фамилия которого осталась неизвестной), железнодорожный рабочий; из меньшевиков – Г. Водопьянов и М. Виттенберг и кто-то третий, фамилию которого Лызлов забыл³⁰, т.е. организация включала представителей обеих партийных фракций. По мере возможности продолжалась кружковая работа на местных предприятиях. Особенно на заводе Столя, где очень конспиративно вел свою деятельность вышедший из тюрьмы меньшевик З. Н. Косарев³¹. 25 мая 1908 г. группа социал-демократов была ликвидирована полицией. При обыске обнаружено около 200 экземпляров нелегальных брошюр, компрометирующая переписка, охотничье ружье без разрешения и гильзы у Лызлова. Лызлов вспоминает: «Имевшиеся у меня большой архив, печать Воронежского комитета и целый ряд военных документов я успел выбросить в соседнюю квартиру, и жандармы забрали кое-какую литературу (полулегальную) и только немного нелегальщины. Я уже думал, что удалось вывернуться, но, оказывается, дело было не так просто. В Москве жандармами было захвачено письмо, в котором имелись сведения о членах воронежской организации»³². Лызлов был арестован и после восьмимесячного тюремного заключения в начале 1909 г. выслан в Вологодскую губернию, затем в Усть-Цильму Архангельской губернии, где он пробыл до 1912 г. Эти события привели к разрыву связей внутри организации и фактическому развалу ВК РСДРП.

С лета 1908 г. активность местных социал-демократов практически сходит на нет. После ареста Лызлова работу продолжили М. Г. Попов, П. Н. Герасимов и С. А. Васильев. Начальник ВГЖУ докладывал в Департамент полиции, что «день 1 мая в г. Воронеже, так ровно и в уездах Воронежской губернии прошел спокойно. Никаких выступлений со стороны рабочих не наблюдалось...». Единственным исключением стали рабочие завода Столя, которые хоть и пришли на работу к ней не приступили, а собравшись в товарном цехе под руководством модельщика Громова, слесарей Сазонова и Евсеева, кузнеца

Мишина, принесли красный флаг, пели революционные песни и раздавали прокламации с подписью «Воронежский комитет РСДРП»³³. 8 июля 1909 г. местными социал-демократами была организована загородная массовка, присутствовало до 50 человек³⁴.

О том, насколько ослабленной оказались воронежские социал-демократы свидетельствует и то, что на состоявшуюся в ноябре 1908 г. партийную конференцию Центрально-промышленной области Воронежская организация так и не прислала своего делегата, хотя о ее созыве была оповещена письменно.

В городе и в губернии еще остались те, кто разделял основные положения революционного марксизма: пропаганду социал-демократических идей среди учеников вел учитель реального училища в Валуйском уезде П. П. Иванов; убежденными социал-демократами были присяжный поверенный Воронежского окружного суда К. А. Шубин, писарь канцелярии управления воинского начальника в Воронеже Ключанский³⁵. В отчетах ВГЖУ, отправляемых в Департамент полиции, появлялись сведения о присылке жителям губернии центральных изданий РСДРП: газеты «Голос социал-демократа» – органа меньшевиков, большевистских – «Социал-демократ», «Рабочей газеты»³⁶. Существовали отдельные немногочисленные кружки, но разветвленной организации периода 1904–1906 гг. уже не было.

Стремления возобновить работу, конечно, предпринимались. В 1908 г. в письме Е. А. Никитиной есть упоминание о попытке восстановить работу типографии: «...Станок, валик, касса заказаны. Нам как-то социалисты-революционеры предлагали три кассы со шрифтом... за 21 рубль, но потом замолчали; так мы и не добились от них толку...»³⁷. Она же добивалась восстановления связи с Московским областным бюро и ЦК партии. Одновременно с выполнением обязанности секретаря комитета Никитина работала в полулегальных профсоюзах, в вечерней школе для рабочих, в «Красном кресте», созданном для оказания помощи заключенным и их семьям³⁸.

Несмотря на отсутствие хорошей техники, выпуск прокламаций не был прекращен. Листки с печатью ВК РСДРП, отпечатанные на пишущей машинке и воспроизведенные на мимеографе, распространялись в августе 1908 г. на заводе Столя; там же 1 мая 1909 г. раздавались рабочим листки ВК РСДРП, изготовленные на гектографе³⁹.

Последние упоминания о существовании ВК РСДРП относятся к весне-лету 1909 г., в связи с выяснением мнения местных организаций о возможности созыва очередного съезда партии. В печатном органе

ЦК РСДРП «Социал-демократ» в мае 1909 г. были опубликованы материалы из Воронежа. В статье воронежцы активно поддержали идею центральных органов партии о необходимости съезда, предлагая провести его осенью, чтобы иметь время к нему подготовиться. На нем ВК считал необходимым обсудить политическую обстановку в стране и задачи партии; работу Государственной Думы и социал-демократической фракции; принять резолюции об отношении к земельной реформе П. А. Столыпина, об участии в органах местного самоуправления, о культурно-просветительской деятельности партии; решить организационный вопрос⁴⁰.

Воронежские социал-демократы, за неимением возможности развернуть широкую нелегальную деятельность, принимали посильное участие в работе местных профессиональных союзов. 20 февраля 1908 г. проходило общее собрание Воронежского профессионального общества рабочих механических заводов и мастерских, председателем на котором был З. Н. Косарев, секретарем – Г. П. Водопьянов (оба меньшевики)⁴¹. Агентурные сведения весны 1909 г.: «местной РСДРП» руководят Н. Н. Дмитриев и А. И. Михайловский – оба слесари завода Столля, входившие в профсоюз железнодорожных и механических мастерских. Дмитриев получал от Михайловского литературу и распространял на заводе⁴².

Еще одним легальным направлением была работа в библиотеке приказчиков – В. Н. Аносова распространяла среди ее читателей книги Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Каутского «Аграрный вопрос» и др.; здесь же работала Е. Д. Манкова. 12 января 1912 г. полиция провела обыск в библиотеке и изъяла 133 книги, которые были уничтожены, а Аносову уволили с работы и привлекли к ответственности⁴³.

Зимой 1907 г. в городе было открыто Общество народных университетов (ОНУ). Инициатором его создания выступила воронежская земская комиссия по народному образованию. По уставу оно преследовало исключительно просветительские цели (устройство образовательных и профессиональных курсов, лекций, открытие библиотек и др.)⁴⁴. По данным ВГЖУ, социал-демократы совместно с кадетами и социалистами-революционерами входили в его правление⁴⁵. 27 апреля 1908 г. состоялось его очередное собрание, на котором новым членом правления стал социал-демократ И. Э. Россоловский, секретарем была В. И. Дмитриева⁴⁶. Но, по-видимому, с течением времени их участие в этой организации стало сходить на нет. По словам И. А. Павленко, руководившего марксистским кружком

в Воронежском коммерческом училище, в 1913 г. он посещал ОНУ, но «связей тогда не нашел»⁴⁷.

Воронежскими революционерами не были оставлены без внимания избирательные кампании в III и IV Государственные Думы. Во время выборов в III Государственную Думу осенью 1908 г. воронежские социал-демократы распространяли в городе прокламацию ЦК РСДРП «Избирательная платформа РСДРП». На предприятиях Воронежа проводились собрания по выбору уполномоченных для участия в избрании выборщиков⁴⁸. Были избраны С. И. Косарев – рабочий завода Столя, поддерживающий большевиков и С. П. Колосов – рабочий железнодорожных мастерских⁴⁹.

В целом, в период 1907–1913 гг. легальная работа заметно преваляровала в деятельности воронежских социал-демократов. Это находит подтверждение и в отчетах секретных сотрудников ВГЖУ: «Кто-то на днях был у доктора [В. И.] Колюбакина на квартире, которому рассказывал о выборах в Государственную Думу 4-го созыва... говорил, что, по мнению старых народников, социалистов-демократов, невозможно вести в настоящее время подпольную работу, а можно лишь работать под видом крайней легальной партии, ...что лучше было бы провести в Думу социал-демократа, но такового в Воронеже нет»⁵⁰.

Нелегальная деятельность также не была оставлена, но велась вяло. Одна из агентурных квартир размещалась в доме № 12 на Большой Дворянской улице. Периодически там собирались члены воронежского профсоюза железнодорожных и механических мастерских, которые одновременно руководили воронежской организацией РСДРП. А на пасхальной неделе весной 1909 г. социал-демократы предполагали устроить первое загородное собрание⁵¹. По вечерам в здание синаматографа на Большой Дворянской улице, к Федору Архипову, служащему там в качестве машиниста, под видом просмотра картин приходила группа рабочих в составе пяти человек⁵². По тем же скупым агентурным данным от 16 июля 1910 г.: в Воронеже планировался местный съезд социал-демократов, который не состоялся. Но 12 июля в село Хреновое Воронежской губернии съехалось 23 социал-демократа, «положение которых в партии определить не возможно, но, по-видимому, они играют... видную роль». Было принято решение вести всеми силами агитацию в рабочей среде, материально помогать политическим ссыльным⁵³.

Слабо, но велась работа в войсках. Главным организатором собраний и сходов нижних воинских чинов была Варвара Никифоровна Гусева (дочь меньшевика П. Н. Гусева), которая в мае 1909 г. уехала в Петербург⁵⁴.

Несмотря на многочисленные аресты, продолжала свою деятельность группа учащихся РСДРП. По данным ВГЖУ, которое с января 1908 г. вело за ней наблюдение, организатором группы был Давид Маркович Куманов – воспитанник Воронежского реального училища, его ближайшим помощником – тоже бывший воспитанник реального училища – Павел Моисеевич Бирштейн⁵⁵.

После окончания революции 1905–1907 гг. прекратили существование все уездные социал-демократические организации: одни распались сами, другие были ликвидированы полицией. Единственным исключением стала деятельность Острогожской группы⁵⁶. В начале 1909 г. бывший студент Сергей Дмитриевич Турчанинов – член РСДРП – организовал рабочий кружок, имевший даже свою библиотеку⁵⁷. С 1910 г. агентурные сведения ВГЖУ фиксируют возрождение социал-демократических кружков в Задонске и Новохоперске⁵⁸.

Оживление и обострение политической ситуации в стране, начавшиеся с 1912 г., казалось, никак не отражалось на активизации деятельности воронежских социал-демократов. Из циркуляра начальнику Харьковского ГЖУ от 25 сентября 1913 г.: «В Воронеже все абсолютно спокойно и никакой партийной работы нет. Имеются лишь отдельные лица крайнего направления. Почти все... по убеждению социал-демократы. Много их в Губернской земской управе..., среди представителей либеральных профессий, но все эти лица на почве какого-либо партийного дела не объединены»⁵⁹. В среде «учащейся молодежи никакого абсолютно движения нет. Прежде были кружки, организации среднеучебных заведений, но теперь ничего подобного нет»⁶⁰. Только 1 мая 1912 г. за городом было организовано празднование пролетарского праздника. В нем приняли участие железнодорожные рабочие, пекари с хлебзавода и школьный учитель, дважды побывавший в ссылке. По воспоминаниям одного из его юных участников рабочего А. Федорчука: «...залихватски играла гармоника. Все было похоже на веселую гулянку»⁶¹.

Кардинально изменить ситуацию не могли даже революционеры из других городов. В 1912 г. в Воронеж вернулся М. И. Лызлов, правда, попав под пристальное внимание ВГЖУ, вынужден был вскоре уехать и вновь появился в городе только в 1913 г. В конце

1913 г. из ссылки прибыл активный деятель революции 1905–1907 г. В. И. Невский и его жена Л. И. Кривобокова. В Воронеже он устроился на работу в порайонный комитет по перевозке грузов и одновременно работал в редакции газеты «Воронежский телеграф». Его жена Кривобокова служила в Губернской земской управе в качестве писца и одновременно училась в фельдшерской женской школе⁶². В городе проживали М. А. Савельев (член Петербургского комитета РСДРП, бывший редактор журнала «Просвещение», один из редакторов «Правды») и Е. В. Нагурская⁶³. Но ВГЖУ указывало, что эти «лица партийной работы в Воронеже не ведут, хотя поддерживают между собой постоянные сношения»⁶⁴. М. И. Лызлов вспоминал: «Вернувшись в Воронеж по этапу в начале 1913 г. (после ареста в Петрограде) я не нахожу почти никого из старых товарищей, с кем прежде приходилось работать»⁶⁵.

Неизменной осталась лишь традиция празднования 1 мая. В 1914 г. вновь, как и в прежние годы, на заводе Столля был организован митинг, а затем 415 человек с революционными песнями покинули завод и прошли по городу. 12 июля 1914 г. столлевские рабочие организовали однодневную забастовку в знак солидарности с бастующими рабочими Москвы, Петербурга и других городов. Одним из руководителей считался П. Н. Герасимов, который затем был арестован и выслан в Царицын на три года⁶⁶.

В целом, послереволюционный период для социал-демократического движения в Воронежской губернии оказался весьма тяжелым. Фракционные разногласия, успешные действия полиции, отсутствие весомой поддержки в обществе, уставшем от социальных потрясений времен революции, привели к тому, что даже самая влиятельная из всех организаций – Воронежский комитет РСДРП – фактически прекратила свое существование, оставив после себя несколько немногочисленных рабочих кружков, самый стабильный из которых действовал благодаря меньшевикам на заводе Столля. Именно в эти кризисные годы на первый план выдвинулась социал-демократическая группа учащихся, не игравшая значительной роли в годы революции 1905–1907 гг.

¹ Драма российской истории. Большевики и революция. Москва, 2002. С. 92.

² Там же.

³ Очерки истории воронежской организации КПСС. Воронеж, 1979. С. 89.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Воронежское губернское жандармское управление. Оп. 2. Д. 370. Л. 305–305 об.

- ⁵ ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции. Особый отдел. 1907. Оп. 237. Д. 5. ч. 11. 1 отд. Л. 28.
- ⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 370. Л. 563.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1907. Оп. 237. Д. 5. ч. 11. 2 отд. Л. 9 об.
- ⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1151. Л. 9 об.
- ⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Истпартотдел Воронежского губкома, Центрально-Черноземного обкома, Воронежского обкома ВКП(б) за 1850–1939 гг. Оп. 1. Д. 248. Л. 29–30.
- ¹⁰ Там же. Л. 62.
- ¹¹ Там же. Л. 62–63.
- ¹² Там же. 63–64.
- ¹³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1061. Л. 4 об.; Д. 1181. Л. 25.
- ¹⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 248. Л. 66–67.
- ¹⁵ Там же. Л. 70.
- ¹⁶ Там же. Л. 67.
- ¹⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1046. Л. 35–36 об.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1910. Оп. 240. Д. 5. ч. 16. л. В. Л. 16.
- ¹⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1059. Л. 1а об.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1910. Оп. 240. Д. 5. ч. 16. л. Г. Л. 1; 1914. Оп. 244. Д. 5 ч. 16. л. А. Л. 1–4.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1911. Оп. 241. Д. 5. ч. 16. л. В. Л. 12 об.; Ф. 102. ДП. ОО. 1913. Оп. 243. Д. 5. ч. 16. л. В. Л. 1 об.
- ²² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 31–31 об.
- ²³ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 995. Л. 12.
- ²⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 1.
- ²⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1105. Л. 23; Д. 1150. Л. 3.
- ²⁶ Там же. Д. 1151. Л. 2 об.; Д. 1217. Л. 1; Д. 1302. Л. 1–8.
- ²⁷ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1302. Л. 15.
- ²⁸ Воронежские большевики в трех революциях. Воронеж, 1985. С. 51.
- ²⁹ ГАВО. Ф. И-6. Канцелярия воронежского губернатора. Оп. 1. Д. 1349. Л. 6–6 об.
- ³⁰ 1905 год в Воронежской губернии. Воронеж, 1926. С. 78.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1907. Оп. 237. Д. 5. ч. 11. 2 отд. Л. 8 об.
- ³² 1905 год в Воронежской губернии. С. 78.
- ³³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1524. Л. 27–27 об.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1909. Оп. 239. Д. 5. ч. 11. Л. 48 об.
- ³⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1104. Л. 112 об., 258, 349 об.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1909. Оп. 239. Д. 5. ч. 11. л. А. Л. 1, 9; 1910. Оп. 240. Д. 5. ч. 16. л. А. Л. 1; 1911. Оп. 241. Д. 5. ч. 16. л. А. Л. 1–2; Д. 5. ч. 16. л. Б. Л. 5, 8.
- ³⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 248. Л. 69.
- ³⁸ Воронежские большевики в трех революциях. С. 51.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1908. Оп. 238. Д. 5. ч. 11. 2 отд. Л. 29; 1909. Оп. 239. Д. 5. ч. 11. Л. 25.

- ⁴⁰ Социал-демократ. 1909. 6 мая. С. 9.
- ⁴¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 468. Л. 172.
- ⁴² Там же. Оп. 1. Д. 1059. Л. 7 об.
- ⁴³ Очерки истории воронежской организации КПСС. С. 74.
- ⁴⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 466. Л. 1а, 1г; *Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю.* Воронежская губерния в первой российской революции. Воронеж, 2006. С. 195.
- ⁴⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1104. Л. 215.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 468. Л. 431, 433.
- ⁴⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 5297. Партийный архив Воронежского обкома КПСС. Оп. 4. Д. 70. Л. 6.
- ⁴⁸ Очерки истории воронежской организации КПСС. С. 66.
- ⁴⁹ Воронежские большевики в трех революциях. С. 53.
- ⁵⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 916. Л. 364 об.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 1059. Л. 7 об.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1910. Оп. 240. Д. 5. ч. 16. л. Б. Л. 16 об.
- ⁵³ Там же. Л. 1–1 об.; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1104. Л. 133 об.
- ⁵⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1046. Л. 20.
- ⁵⁵ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 995. Л. 22, 24–24 об.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1908. Оп. 238. Д. 5. ч. 11. 2 отд. Л. 11 об.
- ⁵⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1046. Л. 1–2.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1910. Оп. 240. Д. 5. ч. 16. л. Б. Л. 16 об., 23 об.–24.
- ⁵⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1303. Л. 21 об.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1913. Оп. 243. Д. 5. ч. 16. л. Б. Л. 22 об.
- ⁶¹ *Федорчук А.* Непрошенный гость (маевка 1912 г.) // Молодой коммунары. 1971. 11 сентября.
- ⁶² Воронежские большевики в трех революциях. С. 67–68.
- ⁶³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1303. Л. 32 об.–24.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1914. Оп. 244. Д. 5. ч. 16. Л. 1.
- ⁶⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 5497. Оп. 4. Д. 68. Л. 12.
- ⁶⁶ Очерки истории воронежской организации КПСС. С. 74.

Рылов В. Ю.

Правое движение в Воронежской губернии в 1903–1917 гг.

Историей правого движения автор статьи начал заниматься еще в 1990-е гг., будучи студентом исторического факультета ВГУ. В те годы она находилась на периферии исторических исследований. Но как впоследствии оказалось, данная тема имеет большой научный потенциал и политическую актуальность.

В 1993 г. М. Д. Карпачев предложил написать курсовую работу о Манифесте 17 октября. Собственно эта тема и подтолкнула автора к изучению правых партий. Дело в том, что указанный либеральный манифест и другие подобные акты периода революции 1905–1907 гг. позволили правым партиям легализоваться и полноправно выйти на политическую арену. Именно Манифест 17 октября открыл новый этап в истории российской государственности, связанный с изменениями политического строя дореволюционной России¹.

В изображении советских историков правые партии выглядели как противники либеральных преобразований правительства Николая II. Но непредвзятое изучение источников, ставших доступным для историков 1990-х гг., показало, что это глубоко ошибочное суждение, что впоследствии было признано большинством исследователей революции 1905–1907 гг. и периода «думской монархии».

В 1996 г. автор защитил под руководством Карпачева дипломную работу «Правомонархические партии в Воронежской губернии (1905–1917 гг.)». Работа с архивными и другими источниками, с которых недавно был снят режим спецхрана, открыли целый пласт неизвестных ранее фактов, позволяющих под другим углом посмотреть на дореволюционную общественно-политическую жизнь Воронежской губернии.

Результатами дальнейшей работы автора явились кандидатская диссертация, защищенная в 2000 г.² и монография по материалам диссертации³. Указанные работы были одними из первых исследований истории правого движения начала XX в. на региональном уровне. Напомним, что в советской историографии изучение непролетарских партий, тем более «контрреволюционно-монархических», особенно в рамках истории отдельной губернии, казалось слишком

мелкой и недостойной внимания темой. Однако развитие современной исторической науки доказало обратное.

Дальнейшие исследования указанной проблематики привели уже к созданию обобщающих работ по истории правого движения, где обобщаются материалы не только по отдельным правым партиям, но целым крупным регионам; правые партии также изучаются в контексте развития всего консервативного направления общественной мысли⁴. Кроме того, правое движение стало рассматриваться в том числе, в контексте первой российской революции, как специфическое проявление революционной активности масс⁵, что нашло отражение в принципиально новом взгляде на революцию 1905–1907 гг. в Воронежской губернии⁶.

Правое движение – весьма значимый сегмент политической жизни как России в целом, так и Воронежской губернии в частности. В начале XX в. оно было реакцией различных слоев населения на развитие революционного и либерального движений, а также на модернизационные процессы, проходившие в российском обществе.

Правое движение представляло собой как бы пирамиду, состоявшую из двух уровней – высшего и низшего. К первому относились царь, двор, официальное правительство. Ко второму – различные правые партии и организации, представлявшие собой основу правого движения. Несмотря на фактический переход части правых в стан оппозиции в годы Первой мировой войны, многие правые оставались верны самодержавию вплоть до его свержения. В вертикальном срезе правое движение объединяло царя, двор, власть в целом, а также широкие слои населения, поддерживавшие самодержавие. «Беспартийный монархизм» являлся весьма существенным сегментом дореволюционной партийно-политической жизни.

Рассматриваемое нами движение получило название от правых партий, возникших в 1905–1906 гг. Правыми партиями называют консервативно-монархические партии умеренного и крайнего толка, которые отстаивали существовавшие в России политические, экономические, социальные, духовные, религиозные, бытовые устои общественной жизни. В самой общей форме их идеологию можно выразить так: православие, самодержавие и первенство русского народа⁷.

К правому движению прежде всего относят такие крайне правые партии, как «Союз русского народа» (СРН), «Всероссийский Дубровинский СРН» (ВДСРН), «Русский народный союз имени Михаила

Архангела» (СМА), «Русское собрание» (РС), «Русскую монархическую партию» и умеренно правые партии – «Партию правового порядка» (ППП), «Всероссийский национальный союз» (ВНС) и др. В период революции 1905–1907 гг. весьма близким к правым по своим установкам оказывался праволиберальный «Союз 17 октября».

Обычно крайние правые партии называют «черносотенными», «черной сотней». Этот термин уходит корнями в Московскую Русь, когда податное население, т.е. платившее налоги и несшее повинности называли «черным». Ближе к XX в. «черными сотнями» называли «простой» народ – крестьян, рабочих, мещан. Черносотенцы не случайно согласились с этим как бы обидным прозвищем, желая подчеркнуть то, что они представляют интересы простого русского народа.

Первой достоверно известной правой политической организацией в Воронежской губернии был «Воронежский комитет борьбы против социализма», возникший в августе 1903 г. Об указанном комитете свидетельствуют несколько сохранившихся листовок. Предположительно организация возникла по инициативе начальника Воронежского технического железнодорожного училища Н. Н. Пантелеевского. Скорее всего, он и был автором указанных листовок. Дело в том, текст листовок совпадает с его нашумевшей тогда же речью, в которой он публично изложил свои консервативные взгляды и призвал бороться с революционным и либеральным движением среди учащихся и молодежи⁸. Во время революции 1905–1907 гг., когда происходила активизация правых сил, Пантелеевский был секретарем Воронежского отдела СРН, став одним из видных деятелей правого движения губернии.

Воронежский отдел СРН был открыт 22 октября 1906 г. в день Казанской иконы Божьей Матери, при открытии организация черносотенцев насчитывала 231 чел. и значительное число сочувствующих. Председателем отдела стал купец Р. М. Карцев. Воронежские либералы саркастически комментировали образование отдела черносотенной партии: «не стая воронов слетелась на груды тлеющих костей»⁹. В 1908 г. численность отдела достигла 300 чел. В 1907–1913 гг. в Воронежской губернии существовало не менее 9 отделов СРН в различных населенных пунктах, в которых в 1908 г. состояло около 680 чел. До 1913 г. численность организации продолжала расти, но в годы Первой мировой войны сократилась до 46 чел. в 1915 г.

После раскола центральной организации на сторонников Н. Е. Маркова и А. И. Дубровина, большая часть воронежских союзников оказалась дубровинцами. Воронежский отдел СРН просуществовал до конца 1911 г. В 1912 г. отдел был реорганизован в самостоятельную организацию «Митрофано-Георгиевский Воронежский Союз русского народа», действовавшую на правах отдела ВДСРН. Руководителями партии остались Р. М. Карцев и Н. Н. Пантелеевский.

Результатом первого раскола СРН стало появление в 1908 г. СМА, партии, которую возглавил В. М. Пуришкевич, ставший в 1906 г. товарищем председателя (заместителем) А. И. Дубровина по СРН. Несмотря на то, что сторонников Пуришкевича в губернии было довольно много, да и сам он был известной фигурой и одним из самых популярных депутатов Думы, СМА обязывался не открывать новые отделы там, где уже были отделы СРН. Поэтому отдел СМА появился лишь в Валуйском уезде Воронежской губернии. Лидером организации выступил местный помещик Г. А. Рябинин. Организация просуществовала до 1917 г.

Кроме СРН, в Воронежской губернии были и другие правые партии, которые занимали более умеренные позиции. К ним относятся «Партия правового порядка», «Русская народная партия» (РНП) и «Всероссийский национальный союз». ППП возникла в Воронеже в конце 1905 – начале 1906 г. и довольно быстро сошла с политической сцены, разделившись в конечном итоге на сторонников «Союза 17 октября» и СРН. Приемником ППП стала РНП. Воронежский отдел РНП был создан 17 октября 1907 г. в годовщину Манифеста 17 октября, что подчеркивало одну из главных установок партии – признание «гражданских и политических свобод, дарованных Государем». Численный состав партии – около 100 чел., хотя списочный состав указывался в 1362 чел., но многие члены партии были только «на бумаге». Указанная партия пользовалась поддержкой губернской администрации, полиции и духовенства. Лидер партии В. А. Бернов – чиновник губернского воинского присутствия. В 1907–1912 гг. был издателем и фактическим редактором газеты «Живое слово», которая стала крупнейшей региональным изданием правого направления¹⁰.

В 1908 г. РНП была распущена, а на ее базе был образован Воронежский отдел ВНС. Существовал также Воронежский национальный клуб и Союз русских женщин, объединявшие верхи консервативного общества Воронежской губернии. В 1912 г. во время предвыборной кампании в III Государственную думу в ВНС состояло

порядка 1 тыс. чел., имелись отделы в губернии. После предвыборной кампании деятельность организации затухает, а Бернов покидает Воронеж.

К правому движению примыкало и спортивно-гимнастическое общество Сокол, которое было изначально организацией чешских националистов в Австрийской империи. Несмотря на свои некоторые либеральные установки, соколы пользовались поддержкой правых. В Воронеже отставной полковник В. М. Сергеев организовал сокольское общество, в котором состояло несколько десятков человек, занимавшихся спортивной подготовкой.

В советской литературе часто говорилось о том, что антисемитизм, присущий черносотенцам, приводил к кровавым еврейским погромам. Утверждалось даже, что Воронежский отдел СРН прямо организовал еврейский погром в Воронеже в октябре 1905 г. Тут сразу надо отметить несколько существенных нюансов. Во-первых, главная организация СРН в Петербурге возникла в ноябре 1905 г., месяц спустя после основной вспышки погромов в октябре 1905 г. К тому же воронежский СРН возник вообще через год после погромов. Во-вторых, конкретно в Воронеже погром неверно было бы называть чисто еврейским. Тогда имели место столкновения на улицах города сторонников и противников Манифеста 17 октября, приведшие к беспорядкам, но грабежи и погромы были делом рук не манифестантов, а деклассированных элементов, которые в часы безвластия занялись грабежом, причем страдали не только евреи, но все те, кто оказался на пути бесчинствующей толпы. Единственным убитым во время погрома в Воронеже был студент Николай Таранченко – крещеный еврей, сын бывшего кантониста. Но, строго говоря, он не был жертвой погрома, т.к. погиб во время столкновений на улицах города между революционерами и «патриотическими манифестантами». Молодой человек был затоптан насмерть толпой, потому что стрелял или хотел стрелять в портрет царя во время манифестации в поддержку Манифеста 17 октября. В честь Таранченко уже в советское время была переименована Вознесенская улица в центре Воронежа, названная по церкви, в которой отпевали покойного¹¹.

Имел также место случай и разграбления местными крестьянами склада на железнодорожной станции Курбатово в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии, принадлежавшего еврею Розову. Разумеется, ни Союз русского народа, которого тогда еще не было, ни консерваторы-монархисты к этому никакого отношения не имели.

Говоря о тактике правых, следует опровергнуть существовавшее в советское время представление, будто бы они ничем кроме драк с рабочими, избиениями интеллигентов и еврейскими погромами не занимались. В действительности, правые использовали весь спектр приемов легальной политической борьбы, – от массовых мероприятий, участия в выборах, до культурно-просветительской и агитационной работы. Специфическим же приемом политической работы была «телеграфная деятельность», заключающаяся в посылке телеграмм в различные инстанции, в том числе на имя царя, министров с целью оказания давления на власть и общество. А всевозможные эксцессы, акты насилия были лишь незначительными эпизодами, которые, к тому же прекратились, когда спало массовое движение и окончилась революция.

Основную массу членов черносотенных союзов в городах составляли рабочие и мещане, в руководстве преобладали дворяне и отставные чиновники. Очень часто в отделах монархических партий состояли люди традиционных слоев – священники, торговцы, домовладельцы, крестьяне. Что касается сельских отделов и подотделов черносотенных партий, то часто они оказывались почти поголовно крестьянскими.

Правые партии участвовали в избирательных кампаниях в Государственную думу. Особенно удачно им удалось провести ряд право-консервативных депутатов в III и IV Думы. Однако участие в избирательном процессе оказывалось для них довольно скромным. Правые организации занимались агитационной работой среди населения, сбором средств на различные культурно-просветительские программы. В частности правые активно участвовали в Полтавских торжествах 1909 г. по случаю 200-летия Полтавской битвы, в 1911 г. торжественно отмечалось 50-летие отмены крепостного права, в 1912 г. – столетие войны 1812 г., а в 1913 г. – 300-летие Дома Романовых. К этим и другим юбилеям, круглым датам проводились шествия, крестные ходы, читались лекции на разнообразные темы от истории до аграрной проблематики и т.п.¹²

В первые дни марта 1917 г. организации черносотенцев были запрещены, организации были распущены архивы канцелярий уничтожены. Весной 1917 г. имели место аресты и допросы черносотенцев новыми властями. Таковые были в Воронеже и Валуйках. Достоверное известно, что в конце 1920-х гг. Р. Карцев был репрессирован по делу «буевцев», репрессии коснулись и других членов правых

партий. В годы гражданской войны и позднее появление правых партий в Воронежской губернии не выявлено, но известно, что черносотенные листовки распространялись и в 1930-х гг.¹³

Так закончилась история правого движения в Воронежской губернии, сыгравшего важную роль в становлении партийно-политической системы дореволюционной России.

Необходимо сказать и об актуальности изучения консерватизма с точки зрения текущей политики. Вопрос о консерваторах, на первый взгляд, может показаться чем-то необычным. Уже говорилось о том, что консерватизм еще лет пятнадцать назад представлялся ученым и общественным кругам как нечто одиозное, обанкротившееся направление российской политики. В настоящее время о своей консервативной политической ориентации заявляют различные политические партии, общественные организации. Кроме того, в конце XX – начале XXI в. наблюдается очевидный рост российского национального самосознания, который выражается в интересе к различным сюжетам российской истории, религии, культуры и т. д. Некоторые важнейшие установки правых начала XX в. весьма актуальны для политической, социально-экономической жизни современной России. Перечислим только некоторые из них: признание принципа единства и неделимости (целостности страны), отрицание революционных путей общественного переустройства, неприятие социальной розни, признание значимости духовно-нравственных приоритетов в жизни отдельной личности, общества и государства, установка на поддержку «отечественного товаропроизводителя» (преодоление сырьевой ориентации российской экономики), отстаивание принципа неотъемлемости частной собственности и др. Все эти вопросы не потеряли своей актуальности и в настоящее время; они остаются такими же значимыми для российского общества, каковыми были в начале XX в. Другими словами, вольно или невольно власть и общество постсоветской России пытаются вернуться «к истокам», имея в виду не столько советский опыт, сколько ряд «вечных», во многом бесспорных с точки зрения пользы для России установок консерваторов.

¹ Рылов В. Ю. Консерватизм в российской провинции : правое движение в губерниях Центрально-Земледельческого района. 1903–1917. Воронеж, 2016. С. 580.

² Рылов В. Ю. Правомонархическое движение в Воронежской губернии (1903–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000.

³ Рылов В. Ю. Правое движение в Воронежской губернии (1903–1917). Воронеж, 2002.

⁴ См., напр.: Степанов С. А. Черная сотня... Что они сделали для величия России? Москва, 2013; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. Москва, 2001; Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006; Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. Москва, 2007.

⁵ См. об этом: Беляев Н. М., Липатова Н. В. Консервативная стихия первой русской революции // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 356–364.

⁶ См. об этом: Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Воронежская губерния в первой российской революции (1905–1907 гг.). Воронеж, 2007.

⁷ Иванов А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты : дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4.

⁸ См.: Рылов В. Ю. Предыстория правого движения в Воронежской губернии в 1903 г. : по материалам Государственного архива Воронежской области // Воронежский вестник архивиста. 2007. № 5.

⁹ Рылов В. Ю. Консерватизм в российской провинции. С. 374.

¹⁰ Там же. С. 282.

¹¹ Там же. С. 93–97.

¹² Там же. С. 215–217.

¹³ См. об этом: Рылов В. Ю. Чистка государственного аппарата и репрессии против монархистов в 1917 году // Вестник ВГУ. Сер. История, Политология. Социология. 2018. № 1.

Михалев О. Ю.

Воронежская организация конституционно-демократической партии в период после Февральской революции (март-июль 1917 г.)

В Воронежской губернии процесс восстановления кадетской партийной структуры, фактически не подававшей признаков жизни в предыдущие годы, начался с некоторым опозданием, возможно, связанным с тем, что ведущие деятели партии в первые недели марта оказались всецело поглощены заботами об организации губернских и городских органов власти. Первое за много лет открытое общегородское партийное собрание было назначено только на 17 марта. Завоеванная кадетами репутация непримиримых противников свергнутого режима, их определяющее положение во Временном правительстве обусловили огромный интерес к мероприятию со стороны горожан. По отзывам прессы, «успех превзошел все ожидания»: зал уездной земской управы, где должно было состояться собрание, не вместил и четверти желающих присутствовать на нем членов партии и сочувствующих ей лиц. Ввиду того, что даже лестницу на второй этаж целиком заполнили сторонники кадетов, организаторам собрания пришлось ограничиться кратким сообщением о произошедших в положении партии изменениях и перенести встречу на более поздний срок в другое помещение¹.

По-видимому, подавляющее большинство пришедших на собрание 17 марта составляли представители местной интеллигенции, традиционно ориентированной на кадетов. Во всяком случае, имеется указание, что там присутствовало до 300 инженеров, готовившихся к проведению своего профессионального съезда. Их объединение в союз произошло на следующий день, 18 марта, причем кадеты не сомневались, что «жизнь этого нового общества пойдет под флагом» их партии. В эти же дни состоялся губернский съезд учителей низших учебных заведений, часть которых под влиянием кадетской агитации также могла посетить собрание². Разумеется, далеко не все из пришедших разделяли взгляды партии кадетов и стремились стать ее членами. Многими проводимое мероприятие воспринималось просто как очередной митинг, которыми были так насыщены первые месяцы после Февральской революции. Собственно, повторно устроенное кадетами 19 марта собрание и напоминало митинг, на котором

организационная работа потонула в буре восторгов по поводу наступления свободы. Зал заседаний городской думы и на этот раз оказался переполнен. С речами выступили как широко известные в Воронеже члены партии, остававшиеся ей верными даже в период наибольших на нее гонений – С. П. Буренин, С. А. Петровский, так и неофиты, примкнувшие к кадетам под влиянием революционных событий. В частности, И. Т. Алисов заявил, что он, бывший монархист, теперь присоединяется к партии народной свободы и поддерживает лозунг демократической республики. Вообще же республиканские настроения превалировали среди собравшихся, поэтому в принятой резолюции наряду с выражением поддержки Временному правительству в борьбе с внешним врагом и призывом отложить все внутренние разногласия ради победы подчеркивалось, что лучшей формой государственного устройства России является республика. Определив тем самым свою позицию по наиболее актуальным вопросам политической жизни страны, собрание также избрало делегатов на предстоящий в Петрограде VII всероссийский съезд кадетской партии³.

Однако заметное полевение в сравнении с предыдущим периодом все же не помогло кадетам изменить сложившийся в глазах масс их имидж «буржуазной» партии. Кадетская агитация еще находила известный отклик в привычной социальной среде (интеллигенция, средние городские слои, часть буржуазии и помещиков), но солдаты, крестьяне и рабочие оставались к ней глухи. Поэтому, несмотря на призывы к сотрудничеству всех демократических сил, воронежским кадетам довольно скоро пришлось столкнуться с откровенно враждебными действиями местных представителей левых партий. Первый серьезный конфликт произошел на созванном в начале апреля 1917 г. по инициативе эсеров губернском крестьянском съезде. Воронежские кадеты, конечно, не могли остаться в стороне от этого события и поручили нескольким членам своей партии принять участие в его работе. Однако попытка вести агитацию среди крестьян завершилась полным провалом. Выступивший от имени кадетской партии с приветственным словом преподаватель сельскохозяйственного института И. Л. Ямзин с трудом смог довести свою речь до конца. Оратор постоянно прерывался и высмеивался председательствующим на съезде эсером В. П. Кобытченко. Подобный же прием встретили и другие докладчики, чья точка зрения расходилась с позицией эсеров. Из-за создавшейся враждебной атмосферы кадет И. Е. Гребенник, который должен был выступить с докладом по аграрному вопросу,

отказался брать слово. Во многом под влиянием такого агрессивного ведения съезда крестьяне без лишних дебатов одобрили все предложенные эсерами резолюции. Вместе с тем было бы неверным, как это пытался сделать по завершении съезда Ямзин, возлагать всю вину за провал кадетов на выходки председателя. Подавляющее большинство собравшихся крестьян относились к партии народной свободы с неприязнью. И без усилий Кобытченко выступление Ямзина вызвало среди них негативную реакцию. Сразу же после речи последнего один из крестьян призвал «не верить некоторым партиям, прикрывающим красивыми словами пустоту и половинчатость своей программы». Эти слова были встречены бурными аплодисментами⁴.

Конфликт на крестьянском съезде послужил поводом к серьезному разговору на очередном заседании воронежской кадетской группы, состоявшемся 12 апреля⁵. Отчеты Ямзина и Гребенника вынудили признать, что партийной организации необходимо коренным образом перестраивать свою работу. Выступивший на собрании Л. А. Пуле подчеркнул, что интеллигенция чрезмерно идеализирует крестьян, уделяя недостаточно внимания «просвещению их сознания». Этим умело пользуются социалисты: «царское самодержавие сменилось самодержавием крайних левых течений». Для усиления кадетского влияния в массах нужно более активно «нести в народ знания»: в частности, «привлечь в свою среду членов из демократических слоев населения, развить широкую издательскую деятельность, всякими способами пропагандировать свою программу». Между тем, заключал Пуле, партия кадетов «спит глубоким сном»⁶. Замечания оратора были поддержаны большинством из 50 присутствовавших на собрании членов группы. Правда, мнения относительно причин слабости влияния партии среди широких слоев населения губернии разделились. С. П. Буренин утверждал, что бездействует не кадетская партия в целом, а лишь ее воронежский отдел, в связи с чем местным кадетам необходимо «проснуться и развить энергичную пропагандистскую деятельность». По мнению же Ямзина, непопулярность партии среди народных масс в значительной степени вызвана недостатками самой партийной программы. К ее слабым местам он отнес «неразработанность и неопределенность» аграрной части программы, а также «невыясненность отношения партии к социализму, ставшему лозунгом народных масс». Ямзин предлагал, учитывая общественные настроения, как можно скорее на местах определиться в названных вопросах, а затем проработать их на предстоящем партийном съезде. Обсудив

проблемы усиления влияния партии, собрание попыталось разрешить также вопрос о руководящем органе группы. Впервые с 1906 г. состоялись перевыборы городского комитета. Однако с первой попытки избрать его состав не удалось. Необходимое количество голосов набрали только пять предложенных кандидатур: П. Я. Ростовцев, С. П. Буренин, С. А. Петровский, И. Л. Ямзин и И. Е. Гребенник. Довыборы было решено провести на следующем собрании⁷.

Несмотря на то, что на собрании 12 апреля воронежские кадеты сумели выявить упущения в своей работе в массах и наметить основные пути ее совершенствования, изменить ситуацию в свою пользу им не позволил целый ряд факторов. Прежде всего, партии народной свободы не удалось сделать свои принципы привлекательными для широких слоев населения. И дело даже не в программных требованиях. С учетом изменений, внесенных на VIII съезде (9–12 мая), кадетская программа была достаточно демократичной для того, чтобы на равных соперничать с предлагаемыми социалистическими партиями мерами решения назревших проблем. Однако простой крестьянин или солдат вряд ли вникал в тонкости выписываемых партиями рецептов. Большее значение имел тот стереотип, который складывался в обществе по отношению к той или иной партии, какие социальные слои считали ее выразительницей своих интересов. Кадеты, несмотря на все усилия, демократизировать свой имидж не смогли. Как признавал один из видных кадетов Д. С. Пасманик, «кадетская партия, будучи по программе своей демократична, по психологии своей – барская, господская»⁸. Если в 1905–1907 гг., в период складывания партии, кадеты еще могли претендовать на надклассовость, то за разделявшие две революции 10 лет их место в политической системе государства окончательно определилось. Сложилась социальная база партии, ее постоянный электорат, состоящий главным образом из цензовых городских элементов. Прочно войдя в Государственную Думу, местное самоуправление, общественные организации, кадеты, хотя и не являлись легализованной партией, стали неотъемлемой частью власти, которую свергла революция. Поэтому в глазах масс они во многом ассоциировались со старым строем. Изменить этот стереотип можно было только путем полного отказа от партийных традиций – путем, для партии заведомо неприемлемым.

Не способствовали росту популярности в Воронежской губернии партии народной свободы и недостаточно активные действия местной кадетской организации. Сказанные на собрании 12 апреля слова

о необходимости более широкой агитации в массах не были претворены в жизнь. В частности, воронежские кадеты на протяжении всего 1917 г. так и не сумели наладить выпуск собственной газеты, тогда как и эсеры, и социал-демократы организовали издание своих печатных органов уже в конце марта – начале апреля⁹. Единственным источником, откуда обыватель мог почерпнуть сведения о жизни местной партийной группы, оставался внепартийный «Воронежский телеграф», но и там подробные поначалу отчеты о ее заседаниях уже с начала мая сменились краткими заметками. Популяризация же партийной программы через эту газету была и вовсе проблематична – кадетам удалось опубликовать в ней лишь несколько передовых статей И. Л. Ямзина. Безусловно, изданию кадетского печатного органа препятствовал ряд объективных трудностей: занятость лидеров группы в органах местного самоуправления, финансовые и материальные проблемы, возможные конфликты с рабочими-печатниками. Однако главным все же представляется препятствие субъективное – сформировавшаяся за десять лет привычка к работе в традиционной для кадетов социальной среде. Являясь отделением партии парламентского типа, воронежская группа кадетов была не готова действовать в условиях революции. Выражая на словах намерение усилить пропагандистскую работу в массах, кадеты фактически всячески этого избегали. Памятуя об уроках губернского крестьянского съезда, они не пытались устраивать многолюдные митинги и даже открытые партийные собрания строили в форме малопривлекательных для городских низов поленаучных докладов-лекций¹⁰.

Кроме того, намерению демократизировать состав партии явно препятствовал размер членских взносов, установленный на чрезмерно высоком уровне – 6 руб. Не вызывает поэтому удивления, что численность воронежской кадетской группы весной 1917 г. оказалась ниже, чем в первой половине 1906 г., когда только в губернском центре в нее записалось порядка 300 чел. В 1917 г. к середине апреля в партийной организации насчитывалось лишь около 120 членов¹¹. Еще хуже обстояло дело с посещаемостью собраний. Первое собрание группы 17–19 марта, вызвавшее огромный интерес публики и привлекавшее массу посторонних людей, оказалось исключением из правил. Когда немного улеглись митинговые страсти, выяснилось, что реально готовы работать в интересах партии всего несколько десятков человек. Последующие заседания не становились заметным событием в жизни города, собирая от 50 до 80 членов местной

партийной организации¹². Только когда началась подготовка к выборам в городскую думу на основе всеобщего избирательного права, воронежские кадеты решились пойти на облегчение доступа в партию представителям низов. 28 апреля на очередном собрании П. Я. Ростовцев поставил вопрос о снижении размера членского взноса, мотивируя это тем, что «некоторые лица, разделяющие программу кадетов, не могут примкнуть к местной группе партии». Собрание, «признав приток демократических элементов в группу безусловно желательным», постановило снизить взнос до 2 руб.¹³ К сожалению, отсутствие в источниках сведений о динамике роста воронежской кадетской организации в последующие месяцы 1917 г. не позволяет с цифрами в руках показать, как отразилась эта мера на ее численности и социальном составе. По-видимому, приток в группу новых членов продолжился, но вряд ли он был весьма значительным. Можно также думать, что нередко имели место и выходы из партии. Во всяком случае, уже в июне из состава городского комитета по разным причинам выбыли два его члена¹⁴. Непостоянство состава организации обуславливалось прежде всего быстро меняющейся обстановкой, вовлекавшей в политическую борьбу зачастую неподготовленных, слабо разбиравшихся в партийных программах лиц.

Что касается социальной структуры воронежской кадетской организации, то обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Большая часть из упоминаемых в источниках в составе кадетской партии в 1917 г. лиц – 36 из 53 – никогда ранее к кадетам не причислялись. Но, несмотря на значительно обновленный состав группы, доминирующую роль в ней по-прежнему играли служащие (главным образом местного самоуправления) и интеллигенция. Доля представителей этих двух категорий достигала 70–80%, что даже превышает соответствующий показатель 1906 г. Как и в целом по стране, невелик был удельный вес выходцев из низших слоев общества – рабочих, ремесленников, приказчиков и крестьян. По-видимому, по сравнению с периодом первой русской революции он еще более снизился. Во всяком случае, среди лиц руководящего звена кадетских организаций Воронежской губернии привлеченные источники только одного называют ремесленником – казначея Острогжского уездного отдела партии А. В. Рогожкина, являвшегося одновременно членом Острогжской городской управы¹⁵.

Но если отсутствие интереса к кадетской партии в народных массах объяснимо, то слабое участие в работе ее организаций представителей

имущих слоев противоречит точке зрения на кадетов как на опору для всех реакционных сил. В Воронежской губернии кадеты, по крайней мере, до осени 1917 г. не стали использоваться консервативными кругами как сила для борьбы с революцией. Процесс консолидации правых шел вяло, и кадеты не стремились его ускорить. Тон в воронежской кадетской группе задавали выходцы из средних городских слоев, традиционно ориентированных на либералов, а правый и левый фланги общества по-прежнему не считали партию выразительницей своих интересов. Поэтому такого изменения социальной базы партии кадетов, которое повлияло бы на ее ценности, идеалы и тактику, в Воронежской губернии не произошло.

Период воссоздания воронежского отдела кадетской партии и ее организационного оформления занял два месяца – до конца апреля 1917 г. Завершило этот период собрание 28 апреля, рубежный характер которого предопределили два рассмотренных на нем блока принципиальных вопросов. Во-первых, была окончательно утверждена организационная структура группы. Кроме принятия упомянутого выше решения о снижении размера членских взносов с 6 до 2 рублей, собрание закончило формирование состава городского комитета партии. В дополнение к 5 членам, избранным на предыдущем собрании, в него вошли еще 8 человек. Почти все они (кроме служащих губернского акцизного управления Л. А. Пуле и И. Л. Свищева), в отличие от избранных ранее членов комитета, представляли новую волну в партии – до 1917 г. в ее составе не упоминались¹⁶. Во-вторых, собранием 28 апреля воронежские кадеты вступили в избирательную кампанию по выборам в городскую думу. Как известно, постановление о проведении муниципальных выборов на основе всеобщего избирательного права было издано Временным правительством 15 апреля 1917 г. Для кадетов открывавшаяся кампания приобретала особое значение. Они рассматривали ее не только как пробу сил партии перед выборами в Учредительное собрание, но и как способ создать на местах реальный противовес усиливавшимся советам.

Однако представляется, что усиление влияния социалистов в местных органах власти было для кадетской партии лишь частью проблемы. Зная господствовавшие в обществе настроения, не приходилось рассчитывать на то, что она вернет утраченные позиции. Но кадеты надеялись, что выборы сработают на реализацию идеи, которая летом 1917 г. становится у них главной – идеи укрепления государственной власти. Как в центре противостояние с Петроградским советом

расшатывало авторитет Временного правительства, так и в провинции неоднократная перестройка структуры властных учреждений, партийные склоки в них подрывали престиж новых органов власти. Деятельность созданных после революции организаций только мешала работе местного самоуправления, усугубляла хозяйственные трудности. В результате, как отмечала свидетельница происходящего воронежская писательница В. И. Дмитриева, «цензовая дума... совершенно расхлябалась, и «отцы города», по-видимому, только и думали о том, как бы свалить со своих плеч непосильное бремя городского хозяйства. Денег у них не было, были одни долги, а городские рабочие по обслуживанию электрической станции, водопровода, бойни и др. становились все требовательнее и чуть не каждый день грозили стачкой»¹⁷. Кадеты полагали, что избранная на основе всеобщего избирательного права городская дума будет иметь достаточную легитимность в глазах масс, чтобы при исполнении своих функций не оглядываться на советы и другие общественные организации. Для придания работе будущей думы такого направления в ней необходимо было создать влиятельную кадетскую фракцию, и к осуществлению этой задачи воронежская кадетская организация подошла со всей ответственностью.

Старт избирательной кампании кадетов был дан С. А. Петровским, который на собрании 28 апреля посвятил предстоящим выборам обширный доклад. Характеризуя специфику начинающейся кампании, он отметил, что если раньше круг избирателей городской думы чрезмерно ограничивался, то изданное Временным правительством постановление дает право на участие в выборах «слишком неограниченному кругу лиц» – например, войскам местных гарнизонов. Поэтому, считал Петровский, от кадетской партии требуется особенное деятельное ведение предвыборной кампании. По его предложению собрание поручило каждому члену партии представить в комитет список желательных кандидатов в гласные городской думы для составления общего партийного списка. Также было решено просить думу пополнить состав комиссии по подготовке выборов двумя представителями от каждой из действовавших в Воронеже политических партий, как это имело место в Москве¹⁸. Тема предстоящих выборов стала главной и на очередном собрании группы, состоявшемся 7 мая. Помимо членов партии на него приглашались все желающие. Для них, кроме информации об избирательных системах в разных странах, один из членов комитета сделал откровенно

агитационный доклад под названием «Как и кого надо выбирать в новую городскую думу»¹⁹.

Хорошей поддержкой местным кадетам в начавшейся избирательной кампании послужил приезд министра земледелия Временного правительства, члена ЦК партии кадетов и выходца из Воронежа А. И. Шингарева. Посетив город в ходе поездки по югу России, Шингарев преследовал прежде всего цель добиться улучшения поставок продовольствия. Но в условиях распада механизмов власти единственное, что он мог сделать, это провести ряд пропагандистских мероприятий с тем, чтобы «побудить население к сознательному выполнению своего долга – доставке хлеба»²⁰. Поэтому многочисленные выступления министра носили агитационный характер и были направлены на популяризацию деятельности правительства и программы кадетской партии. Четыре дня визита прошли в чрезвычайно плотном графике. В день приезда, 11 мая, Шингарев выступил на устроенном воронежской кадетской группой митинге. Прибытие популярного политика привлекло к кадетскому мероприятию, как и в первые дни после Февральской революции, массу сочувствующей публики. В частности, собралось много учителей, проводивших в это время в Воронеже очередной губернский съезд. Свое выступление Шингарев посвятил продовольственному и финансовому вопросам. Оно было встречено вполне сочувственно: как сообщал «Воронежский телеграф», «речь министра, произнесенная с подкупающей искренностью и огромным подъемом, произвела на публику необычайное впечатление. Его призыв к единению, к исполнению гражданского долга всем и каждым вызвал бурю аплодисментов, перешедших в овацию». Ответы Шингарева на поступавшие вопросы по поводу затронутых в его речи тем затянули митинг до глубокой ночи²¹.

Центральным мероприятием следующего дня стало выступление министра на заседании совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предполагалось, что оно состоится во враждебной кадетам среде, но собравшиеся были настроены к Шингареву очень доброжелательно. Заседание объявили публичным, поэтому здание народных организаций наполнилось до отказа: «в него хлынула такая масса народа, что заполнила целиком залы, лестницу, коридор и даже окна и подоконники... Перед домом собралась масса народа, запрудившего улицу»²². Появление Шингарева и на улице, и в зале было встречено аплодисментами. Однако эсеровское руководство совета во главе с В. П. Кобытченко, видимо, не ожидая такого приема

«министра-капиталиста», продемонстрировало резко негативное к нему отношение. В. И. Дмитриева вспоминала: «На публику кричали «молчать!», грозили кулаками, обзывали хулиганами, буржуями, министерскими лакеями, наконец, закрыли заседание и потребовали очистить залу. Но так как никто не тронулся с места, а гул толпы на улице все усиливался, то пришлось вернуть уже уходившего Шингарева и дать ему слово»²³. Речь Шингарева вновь была посвящена продовольственному вопросу, по ее окончании он вышел на балкон и говорил перед собравшейся у дома толпой, предупреждая об опасности надвигающегося голода, безденежья и безработицы. В ходе пребывания в Воронеже министр также принял участие в заседании губернского продовольственного комитета, выступил на собрании служащих кредитных учреждений, съезде народных учителей, в Государственном банке, перед рабочими железнодорожных мастерских и служащими ЮВЖД и т.д. Везде, в том числе среди рабочих, он находил самый благожелательный прием, а его слова о стоящих перед страной трудностях и путях их преодоления неизменно поддерживались слушателями²⁴. Пропагандистский эффект визита был, безусловно, велик, но практической пользы он принес немного. Может быть, выступления Шингарева и добавили кадетской партии сторонников, но не помогли достигнуть главной цели поездки – организация продовольственного дела в губернии не улучшилась.

К концу июня была подготовлена предвыборная муниципальная платформа, опубликованная и расклеенная по всему городу²⁵. Конечно, по части обещаний кадеты не могли выдержать соперничества с социалистами, поэтому в муниципальных кампаниях они обычно делали упор на то, что в запущенном городском хозяйстве способны разобраться только специалисты, имеющие дореволюционный опыт работы. Однако летом 1917 г. тонкости решения коммунальных проблем мало волновали рядового избирателя. Поэтому в основу своей предвыборной кампании воронежским кадетам все равно пришлось положить лозунг общеполитический. В нем уже вполне отразился тот поворот, что сделала партия летом 1917 г., в особенности после событий 3–5 июля в Петрограде.

Идя на выборы, кадеты обещали прежде всего наведение порядка. В их воззвании говорилось: «Граждане! Если вы признаете необходимость общественного порядка, при котором не будет никакого насилия и каждый человек будет действительно свободен, голосуйте за список № 1»²⁶.

В начале июля избирательная кампания вступила в завершающую стадию. Кадеты организовали несколько предвыборных собраний, где члены комитета А. И. Белозоров, П. Я. Ростовцев, Л. И. Розенблатт, С. П. Буренин, Л. А. Пуле выступили с докладами на темы: «О муниципальной программе партии», «Очередные задачи городских самоуправлений», «О выборах в городскую думу» и т.д.²⁷ Кроме кадетов в борьбе за места в городской думе приняли участие еще 9 избирательных объединений. Основным соперником партии народной свободы стал социалистический блок, в который вошли местные организации партии эсеров, национальных социалистических групп (еврейской, польской и литовской), социал-демократов-меньшевиков и центральное бюро профессиональных союзов. Блок организовал и наиболее энергичную агитацию, ежедневно устраивая митинги и предвыборные собрания среди рабочих²⁸. Отдельный список на выборы выставили большевики. Остальные списки принадлежали непартийным объединениям, из которых обращает на себя внимание союз домовладельцев. Само его существование подтверждает вывод о том, что буржуазные круги Воронежа не спешили идти на соглашение с кадетской партией. Союз домовладельцев как раз и составили представители имущих классов, среди которых находились даже ранее причислявшие себя к кадетам И. Т. Алисов и В. Г. Веселовский. Все избирательные объединения действовали достаточно активно. Как вспоминала В. И. Дмитриева, «агитация шла самая энергичная. Каждая партия имела своих агентов, которые со списками своих кандидатов и бюллетенями носились по городу, собирали летучие митинги, говорили речи и информировали избирателей о порядке выборов и, конечно, о достоинствах своей партии, которая единственно только и может устроить благополучие горожан»²⁹.

Выборы состоялись 16 июля. Напряженная предвыборная борьба способствовала относительно высокой явке избирателей, большинство из которых получили право голоса впервые. Из 60 тыс. внесенных в списки лиц воспользовались этим правом 20840, то есть одна треть. Как можно было предположить, победа досталась социалистическому блоку – ему отдали свои голоса 10973 человека. Кадеты получили намного меньше – 4023 голоса, но, тем не менее, заняли второе место. Сумел найти своего избирателя и союз домовладельцев, собравший 1698 голосов и оставивший позади блок беспартийных организаций (в него входили союзы инженеров и техников, квартирномателев, конторских служащих и др.) – 1537 голосов. Большевики

вынуждены были удовольствоваться 640 голосами. В соответствии с результатами выборов в число 89 гласных думы вошли 47 представителей социалистического блока, 17 кадетов, 7 членов союза домовладельцев, 6 представителей блока беспартийных организаций и 3 большевика. От остальных списков попали в думу по 1–2 чел.³⁰ Это позволило с началом работы новой городской думы сформироваться трем крупным фракциям – эсеров (25–30 чел.), кадетов (20–25 чел.) и меньшевиков (17 чел.). На первом же заседании кадеты выступили с заявлением о том, что «принцип солидарности является краеугольным камнем нашей муниципальной программы», по сути, предлагая меньшевикам и эсерам заключение союза. Соглашение фракций состоялось, позволив без особых проблем избрать городского голову (эсер Н. Г. Андреев), 5 членов городской управы (из них 2 кадет – В. К. Коваев и А. Н. Крашенинников) и президиум думы³¹.

Несмотря на то, что воронежским кадетам удалось сформировать в городской думе вторую по численности фракцию и создать блок, направленный главным образом против большевиков, итоги выборов для них все же можно расценить как неутешительные. Даже в губернском центре, где влияние партии народной свободы было наибольшим, ее список получил лишь 19,3% голосов избирателей. Накануне выборов в Учредительное собрание, учитывая, что в уездах кадеты могли собрать еще меньшее число сторонников, такой результат выглядел чрезвычайно тревожным симптомом. Демократизация избирательной системы, которую так настойчиво добивались кадеты, сыграла против них. Безусловно, в абсолютном исчислении партия увеличила количество своих сторонников по сравнению с выборами в Государственные Думы, но этого было недостаточно, чтобы компенсировать рост популярности левых партий. Итоги муниципальной кампании лета 1917 г. стали одной из главных причин, вызвавших появление в кадетской среде симпатий к генералу Л. Г. Корнилову.

¹ Речь. 1917. 31 марта.

² Там же.

³ Воронежский телеграф. 1917. 21 марта. На партийном съезде Воронеж было поручено представлять П. Я. Ростовцеву, С. П. Буренину, С. А. Петровскому, И. М. Непомнящему и И. Т. Алисову. Выступить там довелось только последнему, который на заключительном заседании в краткой речи выразил глубочайшую признательность Государственной Думе, а также рабочим и солдатам за завоеванную свободу. См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. Москва, 2000. С. 491.

- ⁴ Воронежский телеграф. 1917. 15, 25 апреля.
- ⁵ Это было третье по счету собрание со времени революции. Второе состоялось 7 апреля, где вернувшиеся из Петрограда делегаты осведомили членов группы о ходе работ VII партийного съезда. См.: Воронежский телеграф. 1917. 15 апреля.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Цит. по: *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Москва, 1997. С. 294.
- ⁹ Воронежский телеграф. 1917. 7 апреля.
- ¹⁰ Там же. 6 мая, 1 и 6 июня.
- ¹¹ Там же. 15 апреля.
- ¹² Там же. 15 апреля, 3 мая.
- ¹³ Там же. 3 мая.
- ¹⁴ Там же. 14, 16 июня.
- ¹⁵ Вестник партии народной свободы. 1917. № 3. С. 15.
- ¹⁶ Воронежский телеграф. 1917. 3 мая.
- ¹⁷ ОРФ ГЛМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 179. Л. 31.
- ¹⁸ Воронежский телеграф. 1917. 3 мая.
- ¹⁹ Там же. 6 мая.
- ²⁰ *Хрущов А. Г.* Андрей Иванович Шингарев : его жизнь и деятельность. Москва, 1918. С. 100.
- ²¹ Воронежский телеграф. 1917. 13 мая; *Хрущов А. Г.* Указ. соч. С. 101.
- ²² Там же. С. 102.
- ²³ Воронежский телеграф. 1918. 18 января.
- ²⁴ Там же. 1917. 13, 16 мая; *Хрущов А. Г.* Указ. соч. С. 101–102.
- ²⁵ Воронежский телеграф. 1917. 6, 25 июня.
- ²⁶ Там же. 16 июля. Список кадетов на выборах в воронежскую городскую думу был зарегистрирован под № 1.
- ²⁷ Воронежский телеграф. 1917. 6, 9, 13 июля.
- ²⁸ Там же. 2 июня, 13 июля.
- ²⁹ ОРФ ГЛМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 179. Л. 32.
- ³⁰ Воронежский телеграф. 1917. 19, 20 июля.
- ³¹ Там же. 29 июля; 9, 12 августа.

Зверков Е. А.

Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 г.: от Февраля к Октябрю

К 1917 г. экономика Воронежской губернии носила ярко выраженный аграрный характер, что было следствием преобладания крестьян в социальной структуре населения. Основа материального благосостояния крестьян состояла из размера земельного надела и возможности его обработки. И здесь крылась одна из главных проблем, которой суждено было стать лейтмотивом всей революции 1917 г. – земельное оскудение крестьян. Основная причина сокращения среднедушевого надела – бурный демографический рост, отмеченный в России в пореформенную эпоху. Население Воронежской губернии с 1862 по 1914 гг. выросло в 2 раза – с 1,8 млн. чел. до 3,7 млн.¹ Темпы роста земельного фонда, тем временем, были минимальны, вследствие чего среднедушевой надел сократился с 4 дес. в 1860 г. до 2,8 в 1905 г. и примерно 1,7–2 дес. к началу революции². Проблема малоземелья заставляла крестьян искать дополнительные источники заработка и уходить на промыслы в города. Вместе с тем, одной из главных причин невысокого уровня материальной обеспеченности сельского населения профессор М. Д. Карпачевым справедливо указывается низкий уровень доходности крестьянских хозяйств³.

К тому времени Воронеж представлял собой среднестатистический губернский город. Война застала город в состоянии постепенной «крестьянизации», при этом большинство пришедших крестьян обживали малоустроенные городские окраины.

Перед революцией среди воронежцев были популярны либеральные партии. Например, среди дворян и земства пользовались симпатиями октябристы. Вне городов господствовали эсеры. Долгое время они оставались самой популярной в деревне партией. На то было несколько причин: долгая и кропотливая работа в деревнях, привлекательная земельная программа, созданный ореол смелых борцов с самодержавием.

В Воронеже эсеры работали при Обществе народных университетов, где издавали журнал «Вопросы жизни», в больничных кассах, на некоторых заводах, в железнодорожных мастерских⁴. Организационного оформления ПСР в Воронеже до революции получить не смогла. Отсутствовали прочные связи между эсерами, жившими в Воронеже,

и их единомышленниками из уездов. Не располагали собственной организацией и социал-демократы. Общее число воронежских большевиков, по самым оптимистичным оценкам, не превышало 50 чел. Многие из них даже не знали друг друга⁵.

Впрочем, вплоть до февраля 1917 г. общая политическая ситуация не вызывала опасений властей. В деревне было относительно спокойно, рабочие выступления носили единичный характер, социалистическая интеллигенция казалась слабой и находящейся под полным контролем полиции. Не было ни рабочих, ни профессиональных организаций.

Начавшаяся Февральская революция застала власти врасплох. Общество, интеллигенция, земство, армия и даже церковь отвернулись от царского правительства.

Последний воронежский губернатор М. Д. Ершов мог положиться только на полицию. Поэтому именно на нее 2 марта 1917 г. он возложил охрану государственных объектов в городе. Ершов, как и большинство губернаторов, выбрал выжидательную позицию. В газете «Воронежский телеграф» им было опубликовано обращение к населению губернии, где он призвал население к порядку и продолжению напряженного труда во имя сохранения империи и победы над врагом⁶.

Тем временем страсти в городе накалялись, а общественность, не имея достоверных сведений о происходящем в Петрограде и опасаясь, что революция в столице будет подавлена, все же приступила к формированию новых органов самоуправления. Точку поставило прибытие в Воронеж центральных газет. Об отречении Николая II от престола воронежцы узнали вечером 3 марта, тоже с опозданием (из-за снежных заносов).

Население губернии положительно отнеслось к отречению, а пресса разразилась серией разоблачающих статей в адрес царского правительства. Город стал свидетелем серии праздничных митингов с участием представителей городского самоуправления, политических партий, армии.

Начался демонтаж имперских правительственных структур и увольнение высших чиновников: губернатора, вице-губернатора, начальника военного гарнизона, полиции. В соответствии с распоряжением Временного правительства, на учрежденную вместо «губернатора» должность «губернского комиссара» был утвержден председатель губернской земской управы – В. Н. Томановский. Исполнительная власть в уездах на правах уездных комиссаров перешла к

представителям местных земских управ. Уездные исполнительные комитеты являлись исполнительными органами при комиссаре и состояли из членов земского самоуправления, представителей кредитных товариществ, землевладельцев и представителей волостей. Функции упраздненных земских начальников частично передавались уездным комитетам, частично – временным судьям. Изменился состав воронежской городской Думы. В результате перевыборов Дума значительно полевела, а в ее составе впервые оказались представители ПСР и РСДРП.

1 марта представителями воронежской интеллигенции создается Комитет объединенных общественных учреждений (КООУ), который должен был объединить существующие общественные организации Воронежа. В общей сложности, в созданный на основе КООУ «Комитет общественных организаций» вошли представители 101 учреждения и учебных заведений⁷. Вскоре, однако, члены комитета потеряли интерес к проекту и активность организации сошла на нет.

Изменения коснулись и правоохранительной сферы. Вместо полиции 4 марта городская Дума в спешном порядке приступила к учреждению «Исполнительного Комитета Общественного Спокойствия» (ИКОС)⁸, также включившего в себя представителей различных организаций.

Вместо губернского правления был образован Губернский исполнительный комитет. В состав комитета вошли представители Думы, КООУ, Совета. Временное правительство указало губернскому комиссару на необходимость опираться на губисполком как на «высший в губернии...орган»⁹. Первым руководителем комитета стал кадет П. Я. Ростовцев.

История 1917 г. и Гражданской войны неразрывно связана с Советами. В Воронеже Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов был образован 4 марта по инициативе и под руководством меньшевиков. Создание Совета произошло вследствие выделения в особую группу части рабочих, пришедших на заседание КООУ. Таким образом, не рабочие, а интеллигенция стала инициатором расширения революции.

Совет как общественная организация на протяжении всего 1917 г. испытывал множество сложностей: отсутствие реальных рычагов власти, недостаток денежных средств, неспособность претворять в жизнь собственные резолюции. Именно «общественной организацией», а не органом власти, называл себя и сам Совет. Воронежский

Совет не только неоднократно выступал в поддержку правительства, но даже считал недопустимыми выступления против него.

Первые же перевыборы в Совет с участием всех городских рабочих показали политическое господство партии эсеров среди рабочих. Эсеры получили две трети мест в новом Исполкоме. Вместе с тем, большинство новых депутатов Совета продолжали оставаться беспартийными. С учетом новых пропорций представительства, сменилось руководство Совета: председателем избрали эсера В. П. Кобытченко.

Позиция Совета по многим вопросам оказалась неожиданно сдержанной. Эсеры выступили за продолжение войны, призывали рабочих к легальной защите своих экономических интересов. Осторожная позиция Совета вызвала волну критики в его адрес. Значительное место в работе организации занимало решение бытовых вопросов горожан – от невыплаты заработной платы до отношений внутри семейной пары.

Заметным событием в жизни города стал приезд министра земледелия Временного правительства кадета А. И. Шингарева, 11–12 мая поочередно выступившего на митинге кадетов¹⁰ и в Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К удивлению и негодованию В. П. Кобытченко, публика довольно тепло приняла буржуазного министра. Министр говорил об экономических проблемах, угрозе тяжелых последствий нарушения товарооборота между городом и деревне¹¹. Самого Кобытченко Андрей Иванович описал как «демагога» и «пугало воронежских взрослых детей»¹².

Сдержанная позиция проявлена эсерами в решении земельного вопроса. Они выступили против самовольных земельных захватов, многократно признавали подобные действия на местах незаконными, призывали дождаться решения вопроса на Учредительном собрании.

Во многом, Воронежский Совет РСКД оставался организацией не губернского, а городского масштаба. Губернской советской структуры на протяжении 1917 г. не сложилось. Уездные Советы образовывались с большим опозданием и не во всех уездах, нередко – всего из нескольких человек. Образованный, например, в июне 1917 г. Совет в Богучаре включал всего двоих работников. Воронежский Совет оставался для уездов не более чем координационным центром. Одновременно сходило на нет влияние кадетов.

Во многом ключевым эпизодом в жизни воронежской большевистской организации стали июльские события в Петрограде, когда, скрываясь от следствия, проводившегося в отношении большевиков

по обвинению в организации беспорядков с целью государственного переворота, в Воронеж приехали В. И. Невский, И. Я. Жилин, А. С. Моисеев. Однако если Невский и Жилин город вскоре покинули, то Моисеев, межрайонец (сторонник Л. Д. Троцкого), довольно быстро освоился в новом для себя городе, занял одно из ведущих мест в большевистской партии.

Что касается политической программы их главных оппонентов – эсеров, то она во многом оказалась схожей с программой кадетов: и те и другие выступали за республиканскую форму правления, распределение земли по едокам (у кадетов – по трудовой норме), бесплатное образование и медицину, прогрессивный налог и охрану труда. Среди отличий – признание эсерами права народов на самоопределение, требование отмены делений на сословия, передача власти Учредительному собранию. Высокая популярность ПСР отразилась в быстром росте членов партии. По их собственным оценкам, к октябрю 1917 г. в рядах ПСР состояли около 100 тыс. чел. (по всей видимости, завышенным или учитывавшим членов проэсеровского Крестьянского союза)¹³.

Довольно сдержанной, на первых порах, была позиция местных социал-демократов (вплоть до 3 мая большевики и меньшевики формально состояли в одной партии), также признававших необходимость решения основных вопросов Учредительным собранием.

Партийная работа большевиков сопровождалась многочисленными сложностями – не было налажено взаимодействие с уездами, не оправдала себя ставка на городской пролетариат, оказавшийся под влиянием ПСР. Крестьянское происхождение и работа на мелких предприятиях, по мнению большевика С. Д. Турчанинова, следует рассматривать как важный фактор популярности эсеров не только среди крестьян губернии, но и среди рабочих¹⁴.

В деревню волна революции пришла с небольшим опозданием. Первые известия об отречении Николая II стали проникать в крестьянскую среду примерно через две-три недели и, поначалу, вызвали недоверие – ведь слухи об отречении царя уже циркулировали в годы Первой русской революции.

В первые недели революции, вопреки устоявшемуся мнению, крестьянские выступления носили единичный характер. Вместе с тем, уже в марте отмечено агрессивное отношение сельских общинников не только к частным землевладельцам, но и священнослужителям.

«Общинная война» надвигалась постепенно и, поначалу, проявилась в отказе от уплаты налогов – в частности, недоимок и земских сборов. Крестьянские выступления имели такие формы как захват пахотных земель и сенокосных угодий, снятие рабочих с имений, отказ от уплаты арендной платы, выпас скота на помещичьих землях, захват скота, инвентаря и хлеба, захват земель хуторян, а также частновладельческих лугов, аресты помещиков и их управляющих, захват церковных земель, захват или разгром (иногда все вместе) имений, обложение помещиков штрафами.

Среди причин, лежащих в основе начавшейся аграрной войны, выделяют, в первую очередь, крестьянское малоземелье. С другой стороны, нельзя не отметить такой мотив как стремление к мести. Причинами, ее вызвавшими, могли стать как участие помещиков в подавлении крестьянского движения в годы Первой русской революции, так и жестокое отношение, или намеренное вредительство – например, запрет прогона скота от деревни к лугам по грунтовой дороге, отделявшей домовладения от угодий и формально принадлежавшей помещику, что заставляло арендовать ее по завышенной цене¹⁵. Вместе с тем, уместно вспомнить замечание М. Д. Карпачева – доля помещичьих площадей неуклонно сокращалась еще до начала революции 1917 г.¹⁶ – однако проблемы малоземелья это никак не решало.

Не последнюю роль в мотивации аграрных переделов сыграло чувство несправедливости. Помещичью землю крестьяне рассматривали как нажитую обманом, а потому считали правильным вернуть ее тому, кто непосредственно на ней работает. Кроме того, говоря о разгроме имений, нельзя сбрасывать со счетов тягу к легкой наживе. Удару подверглись как помещики, так и отрубщики. Обращения землевладельцев за помощью в Воронеж в подавляющем большинстве случаев оставались без ответа.

Ситуацию усугубляли возвращавшиеся с фронта солдаты, становившиеся застрельщиками новых погромов. К примеру, в Новохоперском уезде солдаты и матросы не только помогали крестьянам нападать на имения, но даже снабжали их оружием. Губернские власти признавали свое бессилие¹⁷.

Несмотря на все свое влияние, в том числе на крестьянских съездах и образованном 20 апреля Совете крестьянских депутатов, эсерам так и не удалось заставить крестьян отказаться от самовольных захватов и дождаться решения земельного вопроса Учредительным собранием. Неудивительно, что помещичьи хозяйства оказались в беззащитном

состоянии. Губернский исполнительный комитет был завален письмами с просьбами о помощи.

В то время как общинная война охватила всю губернию, рабочие, большинство из которых сами являлись вчерашними крестьянами, к массовому насилию не прибегли, пытаясь решить свои проблемы через взаимодействие с администрациями предприятий, Советом или фабрично-заводскими комитетами.

Надежды рабочих на быстрое изменение материального состояния быстро потерпели крушение. На некоторых предприятиях рабочие не просто получили открытый отказ, но и подверглись угрозе локаута. Совет, на который рабочими возлагались большие надежды, придерживался сдержанных позиций и нередко отказывал рабочим в поддержке требований о повышении заработной платы. Локаут на Трубочном заводе, одном из крупнейших в городе, привел 25 июня к крупной демонстрации городских рабочих на кадетском плацу¹⁸.

Пассивность профсоюзов и Совета вынуждала рабочих выдвигать свои требования напрямую заводской администрации. Всего с марта по октябрь отмечено 215 коллективных выступлений рабочих¹⁹. По мере ухудшения материального положения все меньше симпатий вызывало Временное правительство. Падение популярности Временного правительства не было случайно – только за лето 1917 г. армию безработных пополнили 4 тыс. воронежских рабочих. При этом большинство рабочих оставались беспартийны, отдавая свои предпочтения либо эсерам (преимущественно, левым), либо большевикам. Чем сложнее становилась ситуация, тем большей популярностью пользовались последние. Все более частыми осенью 1917 г. стали требования перехода власти к Советам.

Основными формами участия рабочих в общественной жизни можно выделить их работу в Совете, создание профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов.

Бедность и безработица нависли реальной угрозой над рабочими. К сентябрю в городе было закрыто порядка 40 предприятий, а количество безработных достигло 5 тыс. чел. Беспомощность властей гневно критиковалась большевиками, постепенно добивавшихся успехов в рабочей среде.

Более яркий, но куда как более неоднозначный след в истории революционного 1917 г. в Воронеже оставили военные. По разным оценкам, к началу Февральской революции в губернии размещалось от 60 до 70 тыс. солдат и офицеров²⁰. Войска гарнизона с удовлетворением

встретили известие о революции. К сожалению, служебная дисциплина в среде солдат рухнула в течение нескольких недель.

Военные быстро включились в общественную жизнь. 7 марта солдаты впервые приняли участие в заседании Совета вопреки требованию генерала Тимковского. Политика, впрочем, отнюдь не была господствующей темой деятельности образованной 22 апреля самостоятельной военной секции Совета²¹. Гораздо большее внимание уделялось хозяйственно-бытовым нуждам солдат гарнизона – от проблемы обмундирования до требования дать солдатам право проходить вне очереди за хлебом.

Большинство делегатов отмечали себя в протоколах собраний как беспартийных. А из тех, кто имел (или мог иметь) партийную принадлежность, многие вплоть до осени позиционировали себя эсерами.

Катастрофой для гарнизона стали т.н. «птенцы Керенского» – так иронично называли преступников, вышедших по амнистии на свободу вскоре после Февральской революции. Часть преступников были зачислены в состав гарнизона и в кратчайшее время не только способствовали разложению полков, но и смогли привлечь солдат к грабежам, разбою и даже нападению на милиционеров и бывших чинов уголовного сыска. В норму вошли самовольное покидание расположения полка, массовое посещение публичных домов, пьянство, дебоши на улицах и железнодорожных станциях.

Воронежские власти, в свою очередь, беспокоились не о моральном разложении гарнизона, а о растущем влиянии большевиков, в связи с чем наиболее большевизированные части отправлялись на фронт. Успех большевиков базировался на простых и понятных солдатам вещах – немедленный мир и выборное военное начальство. Впрочем, даже это не гарантировало успеха – большевики владели ситуацией далеко не во всех соединениях гарнизона.

В отличие от солдат, чувствовавших себя настоящими хозяевами города, положение духовенства оставалось крайне напряженным – как в Воронеже, так и в уездах. Можно выделить несколько причин негативного отношения мирян к клиру: отождествление церкви с царским режимом, факты сотрудничества церкви с жандармами, претензии общинников на земли клира, высокие, по мнению крестьян, цены за проведение религиозных обрядов – крещения, венчания, отпевания²². Задолго до революции священники, часто находившиеся в том же материальном положении, что и крестьяне, становились предметом едких насмешек и оскорблений. Сразу после революции

священники стали жаловаться не только на пренебрежение, но и открытую «злобу и ненависть прихожан»²³.

Руководство Воронежской епархии безоговорочно приняло Февральскую революцию, выдав свое бывшее сотрудничество с царской семьей за вынужденный шаг²⁴. Отречение от монархии, однако, не помогло преодолеть враждебности мирян.

Оставшаяся беззащитной церковь подверглась нападкам со стороны Воронежского Совета. Наиболее известным эпизодом стал арест и временная высылка архиепископа Тихона (Никанорова), обвиненного в контрреволюции²⁵. Губернские власти пассивно наблюдали за происходящим. К слову, негативную оценку деятельности архиепископа, вернувшегося, вопреки желанию лидеров Совета в город, 6 июля дал II губернский крестьянский съезд²⁶.

Оказалась расколота сама церковь. Во время отсутствия Тихона в Воронеже состоялся второй съезд духовенства и мирян, принявший решение о создании Воронежского церковно-епархиального совета, в который, по замыслу, вошли бы и священнослужители и миряне. Сложилось подобие церковного двоевластия. ВЦЕС активно вмешивался в дела епархиального управления и откровенно подрывал авторитет архиепископа.

Напряженной оставалась обстановка на местах – священники в ряде уездов подвергались «арестам» со стороны крестьян. Сельские общества насильно отнимали пахотную землю, принадлежащие клиру. Резко снизилось число крестьян, посещавших храмы.

Общественно-политическая жизнь в Воронеже в течение лета отмечена завидной активностью. Значительные перемены пришли в политическую жизнь города в июле. Большевики, едва вставшие на ноги, испытали серьезные проблемы в связи с июльским кризисом. Обвинения в попытке государственного переворота в Петрограде и сотрудничестве с немцами нанесли им внушительные репутационные потери. Выступления стали прерываться агрессивным поведением рабочих. Полной неудачей обернулось участие во Втором губернском крестьянском съезде.

К июню социалистами контролировались и Советы, и губернская власть. Значительное место в работе Совета занимала охрана труда (часто осторожная и неэффективная) и борьба за усиление дисциплины внутри самой организации. Не только делегаты Совета, но даже многие члены Исполкома не посещали своего рабочего места. Постоянным спутником организации оставалась нехватка денег.

Воронежский Совет так и не смог создать централизованной губернской советской вертикали. Малое бюро Советов, собранное в июне 1917 г. на губернском съезде Советов, осталось формальной организацией, а сам съезд больше запомнился серией конфликтов между эсерами и большевиками.

Вскоре Воронеж всколыхнули известия об июльской демонстрации в Петрограде, за которой последовала мощная антибольшевистская кампания. На волне обвинений большевиков в сотрудничестве с немцами был переизбран Совет. Даже в рабочей секции большевикам удалось собрать всего 25%, а крестьянская полностью оказалась в руках ПСР. Всего одним человеком – И. Врачевым, был представлен исполнительный комитет военной секции. Ухудшившаяся ситуация заставила большевиков сплотиться – если ранее в Совете они действовали индивидуально, то теперь объединились во фракцию.

Впрочем, никакой тотальной войны против РСДРП(б) со стороны эсеров не было. Их деятельность не пресекалась, арестов не следовало, большевистская пресса свободно распространялась.

Это, однако, не мешало эсерам провести ряд мер, направленных на ослабление большевистского влияния. К примеру, заподозренные в симпатии большевикам солдаты 201-го полка, стоявшего в Коротояке, были отправлены на фронт, в результате чего местная большевистская организация распалась. То же самое произошло в Алексеевке Бирюченского уезда.

14 августа 1917 г. состоялось первое заседание вновь избранного Совета, на котором сформировали новый президиум из 8 чел. К. С. Буревоего на посту председателя Президиума сменил другой эсер – М. Л. Коган-Бернштейн²⁷.

Таким образом, в 1917 г. в Совете РСЖД основная борьба развернулась между эсерами и большевиками, в исполнительной власти – между эсерами и народными социалистами, представленными местной интеллигенцией во главе с профессором СХИ Б. А. Келлером и редактором «Воронежского телеграфа» Н. В. Чеховым. Противостояние эсеров и энесов завершилось компромиссом – В. П. Кобытченко, ранее оказавшийся не у дел в Совете, 24 июня стал председателем губернского исполнительного комитета, а 25 июня губернскому комиссару В. Н. Томановскому губиполкомом, горисполкомом и исполкомом Воронежского Совета РСЖД был вынесен вотум недоверия. Уволенного Томановского 21 августа заменил народный социалист Келлер. Впрочем, уже 21 августа Келлеру удалось совместить в своих

руках и пост губернского комиссара²⁸, став единственным правомочным представителем центральной власти в губернии.

Тем временем, 16 июля состоялись выборы в Воронежскую городскую Думу. Победу одержали представители социалистического блока (в него вошли эсеры, меньшевики, еврейские партии, польские социалисты, Бунд, социалистические партии Литвы и Центральное бюро профсоюзов), получившие 52.7% голосов²⁹.

Ситуацию в городе несколько поменяло выступление генерала Л. Г. Корнилова. Воронежская губерния на юге граничила с казачьими землями, где находился сторонник Корнилова атаман А. М. Каледин. Образ прямолинейного и консервативного генерала Корнилова в качестве диктатора оказался пугающим, угрожающим для «завоеванной российской демократии». Воронежская пресса жестко и категорично выступила против «изменника» Корнилова³⁰. Военские части, находившиеся на территории губернии, были приведены в полную боевую готовность. В городе росла нервозность. Особое подозрение вызывали казаки. Постоянно шли митинги. 30 августа Каледин попытался связаться с Корниловым по прямому проводу через Воронеж, но потерпел неудачу³¹. Однако главным победителем в корниловской эпопее стали большевики, которые смогли реабилитироваться в глазах общественности как решительные и способные организаторы. Значительно усилилось влияние большевиков среди солдат гарнизона. К тому же, во время корниловского выступления ими были организованы боевые рабочие дружины (порядка 600 чел.).

В этих условиях представляет интерес заметка корреспондента газеты «Воронежский телеграф», согласно которой среди горожан в повседневных разговорах проскальзывали нотки сочувствия Корнилову. Автор отметил, что «отправная точка сочувствующих генералу – желание порядка, от кого бы и какими путями он не пришел»²⁸.

Развитие событий, установка В. И. Ленина на осуществление государственного переворота создавали напряженность как в столице, так и на местах. Примечательно, что воронежские большевики изначально сделали ставку на взятие власти в губернии легальным путем. Впрочем, эти попытки не принесли никакого успеха. Единственной возможностью для них оставалось построение новой, собственной вертикали власти, основанной на Советах. Однако и здесь, несмотря на сложившееся шаткое положение, вплоть до самого переворота сохранялось эсеровское преимущество. При этом необходимо отметить, что это преимущество уже не отражало реальных настроений

городских рабочих: постепенная большевизация Совета, основанная на недовольстве непрекращаемым бардаком в губернии и ухудшавшимся экономическим положением.

Смогли бы большевики получить в большинство в Совете или нет, мы уже не узнаем, т.к. свершился переворот в Петрограде. В основу военного переворота легла популярность большевиков среди солдат города, особенно – в пятом пулеметном полку. Важной силой стали военизированные рабочие дружины, большинство из которых находились под влиянием левых эсеров, имевших тесные связи с воронежским комитетом РСДРП(б). На сторону большевиков стали рабочие ряда заводов города, обеспокоенные новой волной закрытия заводов в начале осени и прогрессирующим ухудшением материального положения.

Благоприятное влияние на ход Октябрьских событий оказал раскол среди социалистов-революционеров. Левые эсеры под руководством Е. Ф. Муравьева стали важным союзником большевиков. К тому времени они имели в своих рядах около 1200 чел. и пользовались поддержкой многих городских рабочих. Столько же было у большевиков.

Тем временем, крестьяне губернии контролировали порядка двух третей имений губернии. Во многом, именно благодаря большевикам в моду вошел лозунг о передаче всей земли крестьянам.

По мере роста напряженности в столице, к противоборству стали готовиться и в Воронеже. 12 октября эсерами сформирован «Воронежский революционный комитет по охране города при Совете РСКрД», а 25 октября губкомом большевиков – военно-революционный комитет, ставший, по существу, штабом мятежа. Основной силой восстания стали пятый пулеметный полк под руководством Н. К. Шалаева и городская рабочая дружина под руководством левого эсера М. А. Чернышева. Фактическое руководство мятежом осуществлялось А. С. Моисеевым.

Разрозненность и нерешительность эсеров, народных социалистов и гласных городской Думы предвосхитила успешный ход переворота. Предложения полковника Вознесенского арестовать накануне переворота наиболее видных большевиков получила отказ как со стороны губкома ПСР, так и со стороны городской Думы.

Накануне переворота большевики получили поддержку солдат на общем собрании Совета. 28 октября на стороне большевиков выступил гарнизон в Острогжске. Рабочие вагоноремонтных мастерских

и завода Столля отозвали делегатов-эсеров из Совета. 29 октября большевиков поддержали на митинге рабочих в «Ампире», а также на ряде фабрик и заводов.

Тем не менее, воронежский губком большевиков серьезно сомневался в необходимости вооруженного выступления и не имел по этому поводу единого мнения. Наиболее убежденным сторонником переворота стал А. С. Моисеев. По словам И. Врачева, одного из активных участников переворота, после упомянутого собрания губкома большевиков с ним встретился представитель 682-й дружины, который сообщил о ее разоружении и поделился соображениями о том, что это может быть началом общего разоружения пробольшевистских частей³³. Напряжение в частях вынудило основную массу офицеров покинуть соединения, готовые выступить на стороне большевиков.

Руководство переворотом осуществлял Военно-революционный комитет во главе с А. С. Моисеевым. Пятый пулеметный полк стал основной ударной силой восстания. В то время как солдаты вступили в перестрелку с офицерами, рабочие дружины, ведомые левыми эсерами, занялись захватом ключевых городских зданий – в частности, Дома народных организаций. К часу дня члены ревкома овладели помещением президиума Совета. Спустя день, 31 октября, ВРК издал обращение к населению, в котором объявлял о переходе власти в городе к Военно-революционному комитету и предупреждал, что «все преступления против общественного спокойствия и личной безопасности граждан будут наказываться со всей строгостью революционного времени». Общественные и государственные учреждения призывались «продолжать нормально свою работу»³⁴.

Объясняя причины переворота, большевики обвинили Временное правительство в затягивании войны, нерешенности земельного вопроса, повышении цен на хлеб и затягивании созыва Учредительного собрания. Более того, в сознании общества отложилась идея, что сам большевистский переворот будет существовать только до начала работы парламента. Кроме того, большевики обвинили эсеров в создании препятствий к переизбранию делегатов в Совет, которые не производились с июля. На заседании городской Думы А. С. Моисеев объявил переворот превентивной мерой, заявив о намерениях полковника Вознесенского расстрелять из артиллерии 5-й пулеметный полк.

После известий о перевороте в Воронеже, Советская власть была сразу установлена в Боброве и Новохоперске. Однако в ряде уездов этот процесс затянулся до февраля 1918 г.

Категорически осудила переворот крестьянская секция Совета, оценившая переворот как «предательство революции и срыв Учредительного собрания»³⁵, а К. С. Буревой призвал крестьян губернии устроить хлебную блокаду Воронежа.

Почему же эсеры не взяли на себя организацию вооруженной борьбы против большевиков? Во-первых, предполагалось, что они – фигура временная – только до Учредительного собрания, а во-вторых – что большевистская власть, не имевшая прочной основы даже в самом Воронеже, не распространится дальше города.

Сам по себе захват власти в Совете еще не означал установления власти большевиков в городе – продолжали работу структуры Временного правительства и общественного самоуправления, земские организации. Городские служащие открыто выступили с осуждением переворота. Забастовку большевикам объявили телеграфисты, служащие банков, союз торгово-промышленных служащих, губернская продовольственная управа. 5 декабря, в знак протеста против оказываемого давления, не вышли на работу служащие банка, казначейства, губернской земской и продовольственной управ, промышленно-торговых и других заведений. Продолжали работу земство, единственной легитимной властью в городе считала себя городская Дума. 15 января 1918 г. ВРК взял под контроль суд, в августе было принято решение о ликвидации земства.

Против переворота выступила Крестьянская секция Совета. В то время как эсеры, в знак протеста, решили игнорировать заседания Совета, большевики провели перевыборы и 17 ноября в Совете из 105 делегатов 61 был большевиком и 25 – их союзники левые эсеры. Расколось в оценке переворота воронежское крестьянство. Например, третий губернский крестьянский съезд 21 ноября осудил переворот.

Фактическое безвластие спровоцировало рост масштабов антипомещичьих погромов – от некоторых имений не осталось даже следа. В Задонском уезде уцелело только имение бывшего губернского комиссара В. Н. Томановского.

В сложившихся условиях интерес общества к выборам в Учредительное собрание заметно упал. Тем не менее, выборы в Воронежской губернии состоялись 12–14 ноября и завершились триумфом ПСР. Всего по Воронежу и губернии было подано 1098000 голосов, из них за эсеров – 875000, т.е. 79,7%. РСДРП(б) сумели получить поддержку 151517 избирателей (13,8%). Третье место заняли кадеты, получившие 36488 голосов (3,3%)³⁶.

Эсеры победили во всех уездах губернии. Однако необходимо учитывать низкую явку избирателей. Сторонники большевиков, по всей видимости, уже не считали нужным голосовать, полагая, что Учредительное собрание после переворота потеряло всякий смысл – например, в воронежском гарнизоне в голосовании приняли участие всего 3,5 тыс. чел. В целом по России явка составила порядка 60%, а в Воронеже она оказалась и того ниже – менее 40% избирателей, поэтому говорить об объективности результатов выборов нет никакого смысла. К слову, в Воронеже победителями стали даже не социалисты, а кадеты, получившие 50,3% голосов избирателей.

По итогам выборов, в Учредительное собрание от Воронежской губернии были выбраны 15 чел.³⁷, из них 13 эсеров и двое большевиков.

Таким образом, антивоенная пропаганда большевиков стала ключевым фактором успеха осуществленного ими военного переворота, а выборы в Учредительное собрание не только не изменили хода событий, но, во многом, уже не вызывали интереса пораженного апатией общества, уставшего от безвластия, преступности, войны, разваливавшейся на глазах экономики. Тем не менее, возможности для дальнейшей, мирной эволюции сохранялись. Об этом говорят и неоднозначные данные на выборах в Учредительное собрание, и сравнительно высокий процент беспартийных, принимавших участие в общественно-политическом течении, и двусмысленное отношение к перспективе революции в среде самих большевиков.

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Отд. 2. Воронеж, 1916. С. 39.

² ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 476. Л. 9.

³ *Карпачев М. Д.* Воронежская деревня в начале XX в. : социальный облик в условиях перестройки аграрных отношений // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 8.

⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460. Л. 32.

⁵ *Поливанов А. С.* Революционные события в Воронеже в 1917 году (материал для студентов). Воронеж, 1967. С. 9.

⁶ Воронежский телеграф. 1917. 3 марта.

⁷ *Соболев П. Н.* Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1952. С. 14.

⁸ ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁹ *Филиппова С. В.* Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии (1865–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. С. 157.

¹⁰ Воронежский телеграф. 1917. 14 мая.

¹¹ Подробнее о сюжете: *Карпачев М. Д.* Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 году : социальные истоки и политические последствия // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2013. № 20.

- ¹² *Хрущов А. Г.* Андрей Иванович Шингарев : его жизнь и деятельность. Москва, 1918. С. 101.
- ¹³ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460. Л. 34.
- ¹⁴ Там же. Д. 499. Л. 26.
- ¹⁵ *Воронков И. Г.* Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952. С. 9.
- ¹⁶ *Карпачев М. Д.* Воронежская деревня накануне революции 1917 года : к оценке предварительных итогов столыпинской аграрной политики // Известия Воронежского государственного педагогического института. 2017. № 2 (275). С. 19.
- ¹⁷ *Морев П. Г.* Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции. (Март – окт. 1917 г.). Воронеж, 1961. С. 48.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 11. Л. 295.
- ¹⁹ *Орлова В. Д.* Изменения в политических настроениях рабочих Центрально-Черноземного района в марте-октябре 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. : сб. науч. тр. Ленинград, 1989. С. 113.
- ²⁰ См.: *Соболев П. Н.* Подготовка социалистической революции... С. 81; *Протасов Л. Г.* Революционное движение в гарнизонах Воронежской губернии в 1917 г. (от Февраля к Октябрю) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. 1967. № 250. С. 8.
- ²¹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 1.
- ²² *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. Воронеж, 2016. С. 140.
- ²³ *Карманов Н.* Что же нам делать // Воронежские епархиальные ведомости. 1917. №. 24.
- ²⁴ Православное духовенство и крестьянство в их отношении к строительству государственной жизни на предстоящем Учредительном Собрании // Воронежские епархиальные ведомости. 1917. № 15.
- ²⁵ *Дунаев В. Н.* Выступления крестьян Воронежской губернии против реакционных действий духовенства (март-октябрь 1917 г.) // Сборник работ аспирантов ВГУ. Вып. 1. Воронеж, 1965. С. 145.
- ²⁶ *Лавыгин Б. М.* 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928. С. 83.
- ²⁷ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.
- ²⁸ Там же. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 10. Л. 31
- ²⁹ Воронежский телеграф. 1917. 5 августа.
- ³⁰ *Чехов Н. В.* Долг гражданина // Воронежский телеграф. 1917. 1 сентября.
- ³¹ *Воронков И. Г.* Указ. соч. С. 105.
- ³² Воронеж в тревожные дни // Воронежский телеграф. 1917. 31 августа.
- ³³ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 29.
- ⁴³ *Воронков И. Г.* Указ. соч. С. 63.
- ³⁵ *Лавыгин Б. М.* Указ. соч. С. 124.
- ³⁶ *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание : история рождения и гибели. Москва, 1997. С. 363.
- ³⁷ *Лавыгин Б. М.* Указ. соч. С. 81.

Судьбы неонародников Воронежского края: XX век

Историография эсеровского движения в Воронежском крае представлена большим количеством работ. Отметим, прежде всего, труды В. Л. Савченко, М. Е. Разинькова и А. А. Куцеволова, в которых изучались зарождение, становление и деятельность эсеровских организаций на территории Воронежской губернии¹. Та же тематика затрагивалась и в исследованиях, посвященных истории неонароднических течений на территории Центрального Черноземья².

Историками и краоведами выявлены сотни фамилий революционеров-воронежцев неонароднической направленности, а также восстановлены биографии некоторых из них. Прежде всего, это А. О. Сыщанко³, Я. С. Базарный⁴, К. Буревой (Сопляков)⁵, М. Л. Коган-Бернштейн⁶, а также участник левоэсеровского крестьянского съезда 1917 г. в Валуйках, а позже герой гражданской войны – И. Н. Домнич⁷. В данной статье, опираясь на доступные нам источники информации, мы стараемся расширить этот список.

Прежде всего, это неопубликованные источники. Многие факты из биографий воронежских неонародников можно найти в ГА ВО, в фондах губернского жандармского управления, в воспоминаниях участников революционного движения и Гражданской войны, хранящихся в ГАОПИ ВО, а также в материалах Департамента полиции и Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ГА РФ)⁸.

Некоторые важные сведения о жизни и деятельности воронежских революционеров уже попали в справочные издания. К примеру, в знаменитом словаре «Деятели революционного движения в России» есть информация о Станиславе-Петре Антоновиче Витковиче, который в 1907 г. вошел в состав Воронежской группы партии социалистов-революционеров (ПСР)⁹.

Ценные сведения содержат периодические издания начала XX века, где публиковались биографии кандидатов в члены Государственной Думы Российской империи и Учредительного собрания¹⁰. Данные об активистах эсеровского движения имеются в справочниках, библиографических указателях, протоколах партийных съездов и следственных комиссий, а также в сборниках документов по истории революционного движения¹¹.

Сегодня незаменимым источником информации является также интернет¹². Так, на одном из сайтов нам встретилась информация об Иване Титыче Марковском (партийная кличка «Титыч») – видном воронежском неонароднике. С 1907 г. он входил в воронежскую организацию партии социалистов-революционеров, затем в Боевую группу максималистов. Вскоре Марковский покинул Воронеж и поселился в Чернигове, где создал боевую группу, занимавшуюся экспроприациями. Потом переехал в Киев для организации транспорта оружия в Воронежскую губернию, за и что и был арестован и приговорен Московским военно-окружным судом к 9 годам каторжных работ¹³.

Важные сведения о Марковском были обнаружены в протоколах дознания ВГЖУ по делу об эсеровской организации. В них отмечалось следующее: «Иван Титыч Марковский вступил в Воронежскую организацию ПСР в октябре 1907 г. Занимался пропагандистской деятельностью среди крестьян. В апреле 1908 г. вступил в партию эсеров-максималистов. По заданию комитета ПСР был направлен в Киев для приобретения 50 браунингов. Здесь он установил контакт с Александром Ларионовым и Даниилом Дуниным. В конце июня 1908 г. Ларионов передал Марковскому 3 браунингов и 150 патронов к ним». О том, что оружие попало в Воронеж свидетельствуют результаты обыска в доме Ильиных (г. Воронеж) в ночь на 29 октября 1908 г., во время которого было найдено за шкафом в одной из комнат оболочки и приспособления для изготовления разрывных снарядов. Тогда же, 29 октября во дворе в кирпичной стене было обнаружено «12 аршинов бикфордова шнура и завернутая в платок масса студеня от гектографа, а также 3 подушки мастики, печать каучуковая с буквами ПСР комитета Донского крестьянского братства»¹⁴. Результаты обыска были приложены к протоколу дознания Марковского. По-видимому, его причастность к транспортировке оружия из Киева в Воронеж удалось доказать и «боевик» действительно был осужден на каторжные работы. К сожалению, его дальнейшая судьба неизвестна.

Еще больше информации удалось собрать о руководителе воронежских эсеров – Иване Давыдовиче Смирнове. В Государственном архиве Воронежской области и Центре документации новейшей истории Воронежской области имеются десятки документов, хранящие факты из его биографии. Некоторые сведения о его революционной деятельности мы нашли в фонде КГЖУ ГАКО. Будучи лидером воронежских эсеров, он неоднократно посещал эсеровские комитеты

близлежащих губерний, в том числе и Курской. Во время одного из таких визитов Смирнов был задержан жандармами. Его имя значится в деле о «Курской боевой организации ПСР»¹⁵.

В фоне Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в ГАРФ хранится заявление Смирнова от 10 декабря 1925 г., направленное в Центральный совет этого общества. В нем он пишет о своем желании вступить в ряды членов общества политкаторжан, так как он является «одним из активных участников революционного движения и бывшим политэмигрантом»¹⁶.

К заявлению прилагалась анкета о революционной деятельности Смирнова. В ней говорится о том, что Иван Давыдович Смирнов (подпольная кличка «Иван», «Борис») родился в 1882 г. в г. Воронеже в мещанской семье. После окончания двухклассного училища служил телеграфистом на станции «Воронеж». В свободное время занимался самообразованием и вскоре примкнул к революционерам. Разделял взгляды неонародников. С 1905 г. являлся членом Воронежского губернского комитета ПСР, а также одним из организаторов Всероссийского железнодорожного союза¹⁷.

В период подготовки Всероссийской политической стачки Смирнов вошел в состав Центрального Юго-Восточного комитета, руководил октябрьской и декабрьской забастовкой воронежских рабочих¹⁸. Был редактором газеты «Борьба и жизнь».

В начале 1908 г. на украинском областном съезде ПСР товарищи по партии избрали его в Украинский Областной комитет. Но в том же году в Курске революционер был выдан полиции провокатором «Жоржем», после чего привлечен к делу о курской боевой организации. «Пришили меня, – пишет Смирнов, – к группе В. А. Чайкина»¹⁹. И, несмотря на то, вина Ивана Давыдовича не была доказана, его осудили на 3 года ссылки, которую он должен был отбывать в Тобольской губернии. Однако вскоре Смирнов был привлечен по делу о крестьянских братствах Воронежской губернии. Под следствием находился полтора года. В конце концов, его приговорили к трем годам каторги. Но 23 февраля 1910 г. Смирнов бежал из г. Туринска, чтобы продолжить свою революционную деятельность. После объезда ряда губерний Центральной России проводил активную работу по возрождению областной эсеровской типографии, однако из-за общего развала организации и отхода от работы опытных партийцев его планам не суждено было осуществиться. В том же году покинул Россию и поселился в Париже, где работал в группе содействия ПСР,

вел борьбу с образовавшейся здесь группой «Почин», сотрудничал во всех партийных изданиях, в том числе и в газете «Мысль», которая являлась органом революционеров-интернационалистов. В это время политические взгляды Смирнова заметно поправились. Он встал на позицию отказа от террора и все больше начал поддерживать требования эсеров о пересмотре земельной программы партии. С началом Первой мировой войны уже призывал к гражданскому миру с самодержавием.

В мае 1917 г., оставив жену и дочь в Париже, Смирнов отправился в Россию. В этом ему содействовал «Комитет освобождения», который организовал революционеру бесплатный проезд через Лондон, Норвегию и Финляндию.

По возвращению в Воронеж принял участие в работе губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоял членом его Исполкома. Возглавил губернский комитет ПСР. На съезде партии, который состоялся в Воронеже 24 сентября 1917 г. был выдвинут кандидатом в Учредительное собрание. Принимал участие в ликвидации выступления генерала Краснова на Дону. До 11 мая 1918 г. являлся членом городской управы в Воронеже.

Будучи принципиальным противником Гражданской войны, Смирнов не принимал участия в вооруженной борьбе против коммунистов. В 1919 г. работал в военной кооперации. В 1920–1921 гг. являлся политинструктором. В 1921–1923 гг. работал в сельскохозяйственной кооперации Ростова-на-Дону, был сотрудником Кубанского политехнического института.

В 1920 г. Смирнов вышел из ПСР. Однако в 1923 г. был арестован в Ростове за бывшую принадлежность к «антибольшевистской партии» и постановлением ОГПУ сослан в г. Воронеж. В том же году его арестовали и завербовали на службу в ОГПУ в качестве осведомителя²⁰.

С 1924 г. Смирнов служил инструктором-инспектором Воронежского губфинотдела. Входил в редакцию газеты «Борьба и жизнь», был ее ответственным редактором. 17 января 1924 г. в газете «Известия ВЦИК» было опубликовано письмо Смирнова, в котором говорилось следующее: «Позвольте через посредство вашей газеты заявить о том, что я бывший член Воронежского комитета ПСР с 1901 г., в последние годы не работал в партийной организации, считаю такую работу бесцельной и не разделяю тактику партии, а потому прошу считать меня вышедшим из ее состава. В настоящее время, когда все усилия граждан были направлены на восстановление разрушенного

хозяйства страны, считаю недопустимой борьбу с Советской властью и ее руководящей РКП(б)»²¹.

9 февраля 1926 г. Смирнов получил извещение от Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, в котором указывалось на то, что ему «отказано в приеме в члены общества на основании п. 12 Устава (как неподходящего)».

В последние годы жизни работал в краеведческом музее г. Воронежа. В это время им были написаны воспоминания о революционной деятельности воронежских эсеров, которые хранятся в Центре документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИ ВО). Он также является автором книг «Первый Совет 1905 г. в Воронеже», «1905 год на Юго-Восточной железной дороге»²².

В 1935 г. Смирнова снова арестовали и обвинили в контрреволюционной деятельности (ст. 58-10, 11) и 29 июля 1935 г. приговорили к высылке в г. Тобольск на 3 года. Там он работал в местном краеведческом музее. Спустя два года Смирнова снова арестовали и 7 июля 1937 г. расстреляли в г. Омске. Реабилитирован 7 июля 1957 г.²³

Но вернемся к партийной деятельности Смирнова, когда он являлся лидером воронежских эсеров. Одним из громких дел губернского комитета ПСР было покушение на жизнь воронежского губернатора М. М. Бибикова. Смертельный приговор ему был вынесен комитетом ПСР в составе И. Д. Смирнова, М. Д. Первеевой, М. И. Прядкина, Мещерякова. В заседании комитета принимал участие приехавший в Воронеж представитель областного комитета «Александр Сергеевич» (М. Д. Орехов). Бомбу было поручено бросить члену боевой организации М. М. Федоровой²⁴. Сигнальщиком должен был выступать Михаил Иванович Портянников²⁵.

Покушение на Бибикова было совершено 23 апреля 1908 г. В ГА ВО нами обнаружены материалы расследования этого дела, раскрывающего некоторые его подробности. «Покушение совершила М. М. Федорова, бывшая учительницей в 1905–1906 г. до июля 1907 г. в Министерской народной школе в поселке Зубриловка Николаевской волости. Летом 1906 и 1907 г. Федорова сняла в аренду у помещика Зубрилова сад. В этом саду часто устраивались собрания, на которых стали подбивать крестьян из окрестных сел выгонять скот на помещичьи и арендованные луга. Федорова – крестьянка с. Уварово Борисоглебского уезда. В тюрьме хотела отравиться. Повесили»²⁶.

В июле 1908 г. Воронежский комитет ПСР издал листовку «Памяти Федоровой. Письмо к крестьянам». Приводим ее содержание:

«Родные мои, любимые зубриловцы, песковцы, мокашевцы и все избитые, измученные крестьяне! Из-за вас пошла заплатить губернатору бомбой за все их издевательства. Только сил не хватило ударить так, чтобы она взорвалась сразу... Била я его не только как губернатора, а как наместника царской власти именем которой он чинил всякие беззакония. Я тяжело ранена, терплю от них всякие унижения. Жить мне осталось не долго, но, если вы, родные мои, повольнее вздохнете, да помянете меня добрым словом – с меня и этого довольно. Знайте – не одни вы – много нас таких, готовых отдать жизнь за вас и вытерпеть всякие муки, только бы облегчить жизнь вашу. Не падайте же духом, берите землю и устраивайте справедливые порядки. М. Федорова 11 июля 1908 г.»²⁷.

В воронежском архиве сохранились жуткие подробности казни М. Федоровой. «...В петле висела полчаса. Доктор при казни не был и лишь засвидетельствовал смерть, когда труп был вынут из петли. На кладбище полицейская свора совершила новое надругательство над телом Федоровой: гроб открыли, сняли с ее ран повязки и обыскали ее... Тогда-то и нашли цианистый калий...»²⁸. Эта справка датируется июлем 1908 г.

Среди членов губернского комитета ПСР, принимавших решение о террористическом акте в отношении губернатора М. М. Бибикова была М. Д. Первеева – будущий член Учредительного собрания от Воронежской губернии. Ее биография опубликована в книге Л. Г. Протасова «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи»²⁹. Но некоторые сведения удалось почерпнуть из других источников.

Мария Дмитриевна Первеева родилась 1879 г. в г. Задонске, в крестьянской семье. Окончила Высшие педагогические курсы по специальности учительница. Революционной деятельностью стала активно заниматься с 1894 г., когда вошла в местный кружок самообразования. Привлекалась полицией к дознанию в 1894 и 1901 гг. В 1905 г. вместе с Р. Ю. Будбергом и учителем П. В. Гуковым организовала неонароднический кружок в Валуйском уезде, которым руководил народник А. И. Пеленкин³⁰. Его члены составили костяк одной из самых сильных уездных групп эсеров Воронежской губернии.

В 1906 г. – после ареста лидеров воронежского комитета ПСР – И. А. Прозоровского и С.-П. А. Витковича – М. Д. Первеева вошла в его состав. Ей было поручено одно из главных направлений деятельности комитета – работа среди крестьян. И. Д. Смирнов называл Марию Дмитриевну «...самой энергичной, неутомимой и

беззаветной из крестьянских работников». Она была «маленькой, щупленькой, по словам крестьян – в чем только душа держится»³¹.

Одним из главных деятелей Воронежской группы ПСР называл Первееву и член губернского комитета ПСР С. А. Шамов³²: «...она заведовала всеми делами крестьянского союза, работала в типографии, собирала сведения по сельским и уездным крестьянским организациям, снабжала литературой, собирала членские взносы и посылала его (Шамова) в деревни и села Воронежской губернии для агитации крестьян»³³.

В 1908 г. Первеева была арестована и отправлена в ссылку в Иркутскую губернию, где находилась до февраля 1917 года. Затем она вернулась на родину, где вновь окунулась в революционную деятельность. Осенью 1917 г. стала одним из депутатов Всероссийского Учредительного собрания от Воронежской губернии. В 1930-е годы Первеева вошла в Обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Работала в артели «Политкаторжанин» в поселке Хоста. 27 ноября 1937 г. осуждена тройкой УНКВД Краснодарского края на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирована 12 апреля 1963 г.³⁴

Депутатами Учредительного собрания от Воронежской губернии, кроме М. Д. Первеевой, были избраны социалисты-революционеры К. С. Буревой-Сопляков, М. Л. Коган-Бернштейн, С. П. Постников, Н. Р. Никитин, И. М. Антипин, И. В. Мамкин, Н. П. Огановский, Г. В. Зинин, К. М. Хреновской, Я. Н. Гладких, И. Д. Смирнов, А. П. Близнюк. Нам удалось дополнить некоторые факты из их биографий, впервые собранные и опубликованные Л. Г. Протасовым³⁵.

Так, депутат Иван Васильевич Мамкин при Советской власти отошел от партийной деятельности. В 1920-е годы он стал членом Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Работал в Воронежском облпотребсоюзе. 15 сентября 1930 г. был арестован ОГПУ по ЦЧО по делу «Трудовой крестьянской партии». Приговорен к трем годам высылки в Среднюю Азию. Затем снова вернулся в Воронеж. Работал столяром ветеринарной аптеки Облземуправления. Однако 29 апреля 1935 г. был вновь арестован УНКВД по Воронежской области. Его обвинили в контрреволюционной деятельности и приговорили к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Соловецкой тюрьме. 9 октября 1937 г. особой тройкой УНКВД по Ленинградской области был приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 3 ноября 1937 г.

в урочище Сандормох (Карельская АССР). Реабилитирован по делу 1935 г. 7 июля 1957 г. Военным трибуналом Воронежского военного округа, по делу 1930 г. – 20 июня 1989 г. Прокуратурой Воронежской области³⁶.

Нам также удалось собрать биографические данные о трех десятках рядовых членах крестьянских братств, уездных групп, боевых организаций ПСР, действовавших на территории исследуемого региона. Практически все они в 1920-е годы входили во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Дальнейшая судьба некоторых из них нашла отражение в базе данных Мемориала.

Так, А. М. Князев, Е. В. Князев и Ф. В. Князев, Д. И. Чудинов – уроженцы с. Кочетовка Воронежской губернии входили в крестьянское братство, сформированное эсерами в этом селе. Занимались агитационной работой среди крестьян и участвовали в боевой деятельности эсеров. Так, Андрей Михайлович обезоруживал стражников во время усмирения ими крестьян, Федор Васильевич являлся членом боевой дружины социалистов-революционеров Воронежской губернии. Все они были арестованы в 1907 г. и осуждены на разные сроки: А. М. Князев – на 4 года каторги, которую отбывал в Воронежской тюрьме до 1910 г. и во Владимире до 1912 г., после чего водворен в Коростепскую волость Иркутской губернии, где работал батраком; Ф. В. Князев – на 4 года каторги, которую отбывал в Воронежской тюрьме. Водворен в 1913 г. на поселение в Иркутскую губернию. Февральскую революцию встретил в Баяндайской волости той же губернии; Д. И. Чудинов был осужден на 4 года и отбывал наказание в Воронеже до 1911 г. и во Владимирском центре с 1911 по 1912 гг. На поселение водворен в Бирюльскую волость Иркутской губернии; работал на кирпичном заводе, а также плотником.

Членом крестьянского братства являлся и М. Н. Кузнецов, уроженец с. Яблочного Воронежской губернии, а также Иван Захарович Рыжов (родился в 1887 г. в с. Краснолипы Воронежской губернии). М. Н. Кузнецов несколько раз подвергался арестам. Сидел в Коротоякской тюрьме, затем в 1909 г. – в воронежской тюрьме. Осужден к поселению. Наказание отбывал с 1910 г. в Тасеевской волости Енисейской губернии. В 1914 г. переехал в Минусинский уезд. Работал по найму у крестьян и служил на железной дороге. 12 сентября 1936 г. осужден на 10 лет спецколлекцией Верховного суда СССР за участие в нелегальной эсеровской организации с поражением в правах. Умер 28 февраля 1943 г. в Каргопольском

лагере. Реабилитирован пленумом Верховного суда СССР 16 августа 1961 г.

И. З. Рыжов входил в крестьянское братство Нижнедевицкого уезда. Арестован в начале 1910 г. Осужден в этом же году на 2 года 8 мес. Второй раз осужден за вооруженное сопротивление на 8 лет. И в третий раз за покушение на убийство городского. 26 января 1911 г. по совокупности осужден на 12 лет каторги. Наказание отбывал в 1910–1912 гг. в Воронеже, в 1912–1913 гг. – в Ярославле, в 1913–1915 гг. – на амурской ж/д и в 1915–1917 гг. – в Александровском центре и Бархатовских копах.

Еще одним членом крестьянского братства Нижнедевицкого и Коротоякского уездов являлся Савелий Петрович Битнюков. Он родился 1 октября 1886 г. в с. Яблочном Воронежской губернии в крестьянской семье. В 1905 г. вошел в ПСР, работал пропагандистом и агитатором в «Крестьянском братстве» по Коротоякскому и Нижнедевицкому уездам Воронежской губернии. Арестован в 1907 г. В 1909 г. за принадлежность к крестьянскому братству ПСР в с. Яблочное осужден на 2 года и 8 месяцев каторжных работ. Наказание отбывал в Воронежской губернской тюрьме. На поселение в Карапчанскую волость Иркутской губернии водворен в 1913 г., где пробыл до 1917 г.

Членами Саловского крестьянского братства были К. Е. Романенко³⁷ (1883 г. р.) и Т. Я. Мирошниченко (1888 г. р.). Оба родом из слободы Саловка Воронежской губернии. Мирошниченко состоял в боевой дружине. Арестован в мае 1908 г. и в ноябре 1909 г. осужден по 2-ч. 102 ст. Уголовного уложения за принадлежность к Саловскому братству ПСР к смертной казни. Затем ее заменили бессрочной каторгой. Наказание отбывал в Шлиссельбургской крепости в 1910–1913 гг. и в 1913–1917 гг. – в Харьковской Холодногорской тюрьме. Умер 2 ноября 1926 г. в Воронежской губернии.

Имя А. Б. Прасолова мы находим среди организаторов крестьянского братства ПСР в с. Турово. Он родился 28 октября 1873 г. в семье крестьянина с. Турово Воронежской губернии. Окончил сельскую школу, затем (на военной службе) – фельдшерскую. В 1905 г. был арестован в Амурской области за участие в революционном выступлении и бежал на родину в с. Турово. Здесь в 1906 г. организовал «Крестьянское братство» ПСР. Составлял, печатал и распространял прокламации. Был делегатом на областном съезде

крестьянских братств в 1907 г. Арестован в 1907 г. в Турове, препровожден в Воронеж и 24 июля 1909 г. осужден за принадлежность к ПСР на 4 года каторги по «процессу 97-ми». Наказание отбывал в 1909–1912 гг. в Воронеже, в 1912–1913 гг. – в Александровском центре. На поселение водворен в 1913 г. в Карапчанскую волость Иркутской губернии, где работал плотником до 1917 г. Автор книги «Как туровские крестьяне боролись с самодержавием» (М., 1931).

Среди эсеров-боевиков назовем также А. А. Писарева (член боевой дружины Саловского крестьянского братства), В. П. Новочихина (принимал участие в убийстве помещика Русанова в с. Турово) и А. И. Костина (участник покушения на воронежского губернатора В. В. Бибикова).

В заключении заметим, что в движение эсеров участвовало наибольшее число представителей тогдашней неонароднической интеллигенции. И современным исследователям еще предстоит большая кропотливая работа по составлению биографических данных членов самой популярной политической партий дореволюционной России.

¹ *Савченко В. Л.* Возникновение воронежской эсеровской организации, ее структура и деятельность на начальном этапе : вторая половина 1890-х – 1904 гг. // Страницы истории и историографии отечества. Вып. 2. Воронеж, 1999; *Разиньков М. Е.* Общественное движение в Воронежской губернии в годы первой российской революции (1905–1907 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001; *Куцеволов А. А.* Деятельность партии социалистов-революционеров среди крестьянства Воронежской губернии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Воронеж народниковедческий : сб. ст. Воронеж, 2012.

² *Салтык Г. А.* Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1924 гг. Москва, 2002; *Квасов О. Н.* Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). Воронеж, 2005.

³ *Куцеволов А. А.* Указ. соч. С. 24–30.

⁴ *Леонтьев Я. В., Разиньков М. Е.* Базарный Яков Степанович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. Москва, 2017. С. 185–187.

⁵ *Чубыкин И. В.* Буревой Клим // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. Москва, 1993. С. 51–52.

⁶ *Малышева С. Ю.* Две казни : Судьба М. Л. Коган-Бернштейна // Отечественная история. 1994. № 3.

⁷ *Лаппо Д. Д.* Товарищ Домнич // Герои гражданской войны. Воронеж, 1987.

⁸ См., напр.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2753; ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301.

⁹ Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма : в 5 т. Т. 3. Вып. 1. Москва, 1933. Стб. 604.

¹⁰ См., напр.: И. Д. Смирнов // *Голос труда*. 1917. № 15.

¹¹ Воронеж в документах и материалах. Воронеж, 1987; Революционное движение в Воронежской губернии 1905–1907 гг. Воронеж, 1955; *Лавыгин Б. М.* 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928.

¹² Жертвы политического террора в СССР (база данных) // Мемориал (Воронежское общество). Воронежская область [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 14.06.23).

¹³ Кто делал революции 1917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hrono.ru/biograf/bio_r/rev1917.php (дата обращения: 14.06.23).

¹⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 296. Л. 9.

¹⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 246. Л. 305.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2753. Л. 1–12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 302.

¹⁹ Чайкин Вадим Афанасьевич (1886–1941) – уроженец слободы Старая Ивановка Воронежской губернии. С 1903 г. состоял в ПСР. За революционную деятельность был сослан в Якутию, откуда бежал в 1908 г.

²⁰ См.: *Разиньков М. Е.* Иван Давыдович Смирнов – революционер, историк и провокатор // Из истории Воронежского края. Вып. 25. Воронеж, 2018.

²¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2753. Л. 1–7.

²² Там же. Л. 13.

²³ Жертвы политического террора в СССР (база данных).

²⁴ Мария Матвеевна Федорова – родилась в 1876 г. в с. Уварово Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Работала учительницей в одной из земских школ Саратовской губернии, а также учительницей Закона Божьего в поселке Зубриловке Хоперского округа Области Войска Донского. Являлась членом боевой организации эсеров.

²⁵ М. И. Портянников – крестьянин Новохоперского уезда, бывший матрос. Руководил боевой дружиной, принимал участие во всех ее выступлениях. Пропал без вести. Предположительно был убит при попытке перейти границу Российской империи. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2753. Л. 6.

²⁶ ГАОПИ ВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 997.

²⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 997. Л. 52–57.

²⁸ Там же. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

²⁹ *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания : портрет в интерьере эпохи. Москва, 2008.

³⁰ Пеленкин Александр Иванович (1858–1931). Родился в с. Меловатке Воронежской губернии в семье священника. Учился в Ярославском (Демидовском) юридическом лицее, из которого был исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1904 г. сблизился с воронежскими эсерами и вел пропаганду среди крестьян.

³¹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 302. Л. 26, 87, 102.

³² С. А. Шамо́в родился в 1883 г. в с. Старой Кирсановке, Верхне-Карачанской волости Новохоперского уезда. По профессии слесарь. Член ПСР,

с июля 1907 г. по февраль 1908 г. работал в Воронежском губкоме по делам крестьянского союза. В его обязанности входила пропаганда среди крестьян задач и учений партии эсеров. Наиболее активной деятельностью Шамов занимался в 1908 г. За участие в подготовке терактов и экспроприаций был арестован и приговорен к смертной казни через повешенье. Весной 1909 г. он подает прошение о помиловании и предлагает свое сотрудничество ГЖУ. С 7 мая 1909 г. на службе Тамбовского ГЖУ. В 1920–1921 гг. – один из лидеров крестьянского восстания в Тамбовской губернии.

³³ *Литовский А.* Второстепенные лидеры Тамбовского восстания 1921–1921 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rasskazovo.ru> Главная>Статьи>mainmenu-26/90-1920-21 (дата обращения: 15.06.23).

³⁴ Политическая каторга и ссылка : биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Москва, 1934. С. 494.

³⁵ *Протасов Л. Г.* Указ. соч.

³⁶ ГАОПИ ВО. Д. П-10738 (1935); Д. П-24892 (1931); Мамкин Иван Васильевич (1887). Открытый список [Электронный ресурс]. Режим доступа: ru.open-list.wiki Мамкин_Иван_Васильевич_(1887) (дата обращения: 12.05.2023).

³⁷ Романенко Кузьма Евдокимович – был арестован в январе 1908 г. в Воронеже и осужден на 4 года каторги. Наказание отбывал в Саратове. Водворен на поселение в 1913 г. в Бирюльской волости Иркутской губернии. Февральская революция застала его в Иркутске, где он служил в фирме Громовых. Беспартийный, член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, членский билет № 566.

Бахтин В. В.

**Мифические антисоветские организации
на территории Воронежского края на рубеже
1920–1930-х гг. как продукт деятельности
органов ОГПУ–НКВД**

Репрессии были составной частью советской политической системы. Научное изучение различных аспектов политического террора продолжается уже не один десяток лет, но до сих пор тема является идеологически сложной. Политические репрессии впервые были официально осуждены на XX съезде КПСС, однако критика культа личности была половинчатой. Осуждались репрессии в отношении советско-партийной номенклатуры, в то время как осуждение политических и идеологических противников не обсуждалось.

Объективное исследование репрессий в советский период было невозможно в силу целого ряда причин. В связи с этим исследования проводили или зарубежные историки, или публицисты. С начала перестройки наметился повышенный интерес к ранее запрещенной теме. Издается большое количество мемуарной литературы, а также художественные произведения, оказывавшие огромное влияние на общественное мнение.

Активную роль в изучение темы политических репрессий сыграло Воронежское городское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», созданное в декабре 1988 г. и возглавляемое В. И. Битюцким. Членами «Воронежского мемориала» публиковались многочисленные материалы: «Воронежские сталинские списки»¹, «Политические репрессии в Воронеже»² и др.

С 2014 по 2022 год вышло 5 томов «Книга Памяти жертв политических репрессий Воронежской области», которые позволяют уточнить персональный состав жертв политических репрессий³. Следует также отметить исследования на данную тему А. Н. Акиньшина⁴, В. Г. Глебова⁵ и М. Д. Карпачева⁶.

В тоже время с конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке идет полемика – признавать ли архивно-следственные дела в отношении репрессированных историческим источником? Ведь многие из них были сфабрикованы. В 1920–1930-е гг. средства массовой информации сообщали о многочисленных контрреволюционных и антисоветских организациях, раскрытых органами ОГПУ-НКВД.

А. Ю. Саран предложил использовать для них термин «фантомные общественные объединения», т.к. они «существовали не в самом обществе, а лишь в чьем-либо сознании, но сведения о них были задокументированы»⁷.

Активное появление подобных организаций началось с «военной тревоги» 1927 г. (обострения англо-советских отношений)⁸.

По мере усиления чрезвычайных мер в деревне росло и количество арестов недовольных политикой советской власти. По данным ОГПУ за 1929 г. в деревне были ликвидированы 255 контрреволюционных организаций с 9159 участниками и 6764 контрреволюционных группировок с количеством членов 38405⁹. Таким образом, перед началом сплошной коллективизации в стране насчитывалось 7305 «контрреволюционных» объединений с 95203 членами, большинство которых можно отнести к фантомным.

Воронеж был центром большой Центрально-Черноземной области – административно-территориальной единицы, существовавшей с 1928 по 1934 год. В нее входили территории современных Воронежской, Белгородской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей.

По данным ОГПУ в ЦЧО к 1 февраля 1930 г. было ликвидировано 143 группировки и ни одной контрреволюционной организации¹⁰.

По классификации ОГПУ контрреволюционные организации и группировки подразделялись на: а) повстанческие; б) террористические; в) церковно-поповские; г) сектантские; г) антиколхозные; д) «против перевыборов в Советы»; е) «специального назначения»: «разложения и вредительства внутри колхозов»¹¹.

В справке контрразведывательного отдела ОГПУ «О кулацкой контрреволюционной активности за время с 1 января по 1 мая 1930 г.» предпринята классификация «кулацких» организаций. Из так называемых 6764 «кулацких» группировок было выделено:

а) 5595 «противодействующего типа», которые агитировали против колхозов, противодействовали и срывали советские мероприятия;

б) 490 «террористических», возглавлявших и осуществлявших кулацкий террор, покушения, убийство сельских партийных и советских активистов;

в) 479 «повстанческих», подготавливавших крестьянские выступления;

г) 263 «руководивших массовыми выступлениями».

Контрреволюционные организации разделялись на: а) монархические или монархически-церковные; б) сепаратистские-петлюровские;

в) кулацко-шляхетские; г) казачьи; д) мулльско-шариатские; е) иттихатские; з) мусаватистские; ж) лжекрестьянские-народнические¹².

В ЦЧО преобладали монархические (монархически-церковные) и лжекрестьянские-народнические организации.

В марте 1930 г. областное ОГПУ отчиталось о ликвидации 11 контрреволюционных организаций с 161 членом и 141 группировок с 2662 членами. В целом по СССР ликвидировано 141 организация и 4193 группировок, в которых насчитывалось 36075 участников¹³.

По территориальности «фантомные» антисоветские организации можно классифицировать как: национальные, межрегиональные, региональные и местные.

Национальные «фантомные» организации, имеющие общесоюзный или республиканский характер, были представлены региональными филиалами (отделами). Крупнейшими фантомными организациями национального уровня в Воронеже были: «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», «Трудовая крестьянская партия», «Контрреволюционная офицерская монархическая организация», «Всесоюзный центр церковно-монархической организации «Истинное православие»» и др. «Оформлялись» они в Москве или Ленинграде и затем создавали филиалы в других административно-административных единицах.

Фантомная организация «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» более известна по «Делу краеведов». Арестованных академиков и членов-корреспондентов АН СССР вынудили дать показания о существовании широкой разветвленной организации, имевшей отделения во многих городах СССР и ставившей своей целью восстановление монархической власти при помощи иностранной военной интервенции.

Организатором и руководителем данной фантомной организации сделали академика С. Ф. Платонова¹⁴, а главой ее воронежского филиала – С. Н. Введенского. Общее число привлеченных по воронежскому «Делу краеведов» достигло почти 100 человек¹⁵.

В 1930 г. была сфабрикована контрреволюционная организация «Трудовая крестьянская партия», которая якобы стремилась к свержению советской власти, реставрации капитализма и установлению буржуазно-демократической республики. 23 августа 1930 г. всем полномочным представителям и начальникам областных отделов ОГПУ был направлен циркуляр за № 249. В нем сообщалось, что по результатам проведенного следствия «Трудовая крестьянская

партия» была создана в Москве в 1925 г. и имела разветвленную сеть организаций на периферии, в том числе и в ЦЧО¹⁶.

Филиалы фантомной «Трудовой Крестьянской партии» создавались территориальными органами безопасности строго по указаниям, полученным из центра, как правило, в ходе арестов «старых специалистов» – бывших земских агрономов, землеустроителей, ветеринарных врачей, ученых-аграрников, преподавателей высших учебных заведений и др. Затем выявляли связи местной организации с кем-либо из ЦК «ТКП»: Н. Д. Кондратьевым, А. В. Чайновым, А. Г. Дояренко и др.

В городе Воронеже было сфабриковано дело «областной организации трудовой крестьянской партии» под мнимым руководством профессора Воронежского сельскохозяйственного института А. Н. Минина. Последний сообщил следствию свою версию создания партии. Якобы идея крестьянской партии возникла еще в 1918–1919 гг. В 1922–1924 гг. Кондратьев предложил ему для обсуждения первоначальную наметку программы такой партии, которую Минин одобрил.

Всего по делу трудовой крестьянской партии в ЦЧО прошло 779 чел. По делу ТКП были осуждены и приговорены к различным срокам заключения 541 чел., а 18 чел. к расстрелу¹⁷.

В 1930 г. начались аресты по делу «Весны» или «Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации», охватившие всю страну. По подсчетам исследователей по этому делу и связанным с ним процессам могли проходить от 5 до 10 тыс. чел.¹⁸

В Воронеже под каток репрессий попали преподаватели военных кафедр ВГУ, ВСХИ и Ветеринарного института – в прошлом кадровые офицеры Российской императорской армии. По сведениям Я. Тинченко, на февраль 1931 г. по делу Воронежской контрреволюционной организации было арестовано 17 чел., которые дали обширные показания на ряд бывших офицеров, служивших в 19-й стрелковой дивизии¹⁹. Всего же по этому делу в Воронеже было репрессировано около 50 чел.²⁰

Еще одна фантомная «Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация “Истинно-православная церковь”» отсчитывает свою историю с лета 1931 г. Она объединила весьма разнородные религиозные группы, среди которых особая роль отводилась “имяславцам”». Имяславие – религиозное догматическое и мистическое движение, получившее распространение в начале XX в. среди православных русских монахов на святой горе Афон. В 1931 г. в с. Танцыри Борисоглебского округа была арестована группа «имяславцев» в

количестве 12 чел. во главе с бывшим настоятелем Троицкого женского монастыря В. С. Филипповым (монах Викентий). В селе жили бывшие монахи Афонского монастыря М. И. Елецких, Е. А. Харитонов и Р. П. Долгов, в домах которых и собирались верующие²¹.

В 1931 г. как участники филиала «Всесоюзной Истинно-Православной Церкви» были осуждены 41 житель Землянского района²².

В октябре-ноябре 1932 г. по Воронежской епархии прокатилась вторая волна массовых арестов духовенства и верующих, обвиненных к принадлежности к Воронежскому филиалу упомянутой организации. Эта группа имела 9 опорных пунктов с 40 ячейками. Участниками ее являлись, якобы, скрывшиеся от репрессий и находящиеся в глубоком подполье последователи еп. Алексия, вновь активизировавшиеся в своей контрреволюционной деятельности. Всего их насчитывалось свыше одной тысячи чел.²³

Межрегиональные «фантомные» организации. К их числу относятся организации, которые были представлены кроме ЦЧО и в других административных территориальных объединениях. В данной типологии преобладали организации, в которых состояло православное духовенство и их прихожане, бывшие монахи.

На рубеже 1920–1930-х гг. гонения на Русскую Православную церковь усилились в связи с насильственной политикой ликвидации кулачества как класса. Когда в отдельных населенных пунктах вспыхивали крестьянские бунты, местный религиозный актив арестовывался и их группы объединялись с «кулацким» активом деревни. Так следователи создавали видимость многочисленности монархических и церковно-сектантских организаций, среди которых выделяются «буевцы», «федоровцы» и «Дом Романовых». В обвинительных приговорах по этим делам подчеркивалось, что они имели связи с Украинской ССР, Северо-Кавказским краем и Закавказской СФСР.

«Буевцы» – последователи епископа Уразовского, викария Воронежской епархии Алексея (Буя). 7 мая 1929 г. он был арестован в г. Ельце как «организатор контрреволюционных монархических организаций “Буевцы”». Затем начались аресты священнослужителей, монахов и прихожан. Возникает первое дело «буевцев» по которому было привлечено 492 чел.²⁴ Центрами организации были определены Алексеевский Акатов мужской монастырь, а также Покровский Девичий монастырь в Воронеже. Филиалы организации имелись во всех округах ЦЧО. 28 июля 1930 г. епископ Алексей был приговорен к расстрелу, но исполнение приговора отложили, т.к. Владыка был привлечен по делу Всесоюзного центра «Истинное Православие» –

как «руководитель Воронежского филиала». В итоге Коллегия ОГПУ от 3 сентября 1931 г. приговорила епископа к высшей мере наказания с заменой 10 годами заключения²⁵. Таким образом, фантомная организация «Бувевцы» первоначально позиционировалась как региональная организация в ЦЧО, имевшая связи с Украиной, а затем была трансформирована в филиал Всесоюзной организации.

Из религиозного движения федоровцев были созданы «сектантская организация “Федоровцы”» и «Монархическая повстанческая организация “Дом Романовых”». Движение получило название по имени Федора Рыбалкина, которого считали новым Мессией. В 1925 г. он был арестован и направлен в психиатрическую больницу в поселке Орловка. Дальнейшая судьба Рыбалкина неизвестна. По федоровскому преданию, он был сослан на Соловки, где вознесся на небо. В ноябре 1929 г. в Воронеже состоялся первый суд над федоровцами – 36 чел. обвинялись в антисоветской агитации, монархическом заговоре и поджогах²⁶.

«Дом Романовых» охватывал своим влиянием населенные пункты Россошанского округа ЦЧО и смежных с ним территорий. Особенностью этого движения являлось наличие самозванцев, выдававших себя за детей последнего императора Николая II – Марию, Анастасию и Алексея. По делу «Дом Романовых» прошло 36 чел., 6 из них было приговорено к высшей мере наказания²⁷.

Всего последователей федоровского движения органы ОГПУ определяли в количестве одной тыс. чел.²⁸

При фабрикации фантомных организаций с преобладанием белого и черного духовенства следователи за основу брали группы верующих, имеющие с ними духовную связь. Для придания им характера вредительского и повстанческого характера арестовывались деревенские хулиганы, бывшие участники антибольшевистских движений периода Гражданской войны, бывшие офицеры Российской императорской армии.

Федоровцы в период насильственной коллективизации были отнесены к категории кулаков. В 1930 г. только в Северный край из ЦЧО было выслано 700 семей «федоровцев» в количестве 3500 чел.²⁹

Региональные «фантомные» организации. Примером фантомной региональной организации является «контрреволюционная вредительская организация» мелиораторов ЦЧО во главе с А. П. Платоновым.

После осуществления мелиоративных работ в Россошанском округе началось заболачивание поймы Черная Калитва. В 1928 г.

мелиораторы были арестованы. Их обвинили во вредительстве и дело из Россоши передали в областное управление ОГПУ. Всего по нему проходило 28 чел. Приговор был внесен 23 июля 1930 г. Интересно, что «руководитель» организации, бывший губернский мелиоратор Андрей Платонов не был арестован. На тот момент он проживал в Москве, и следователи проверяли связи писателя с руководителями Наркомата земледелия на предмет фабрикации дела о контрреволюционной организации в ЦЧО. Фамилии председателя Технического Комитета Наркомзема РСФСР профессора Р. П. Спарро и ученого секретаря Технической Комиссии того же наркомата А. А. Прозорова, с которыми по делам службы общались воронежские мелиораторы, неоднократно упоминались на страницах этого дела³⁰.

В тот же период шло следствие по делу Ленинградской контрреволюционной вредительской организации в системе ирригации и мелиорации. А буквально через месяц после вынесения приговора было заведено дело Московской контрреволюционной вредительской организации в системе ирригации и мелиорации, где в числе арестованных оказались Р. П. Спарро и А. А. Прозоров. В обвинение им было предъявлено то, что они проводили широкую вредительскую деятельность, направленную к срыву и дезорганизации ирригационного и мелиоративного строительства и облегчению условий для интервенции (осушка приграничных болот)³¹.

Местные «фантомные» организации. К ним относятся организации и группы в рамках одного населенного пункта или района (районов). Они многочисленны и разнообразны, например, «Крестьянская партия народной свободы», «Партия Дубинина», «Крестовый поход», «Фанатики» и др.³²

Так, в 1931 г. в 18 населенных пунктах Нижнедевицкого и Горшеченского районов ЦЧО была обнаружена «Зеленая армия» – повстанческая организация, насчитавшая 139 чел.³³ В том же году в городе Воронеже выявлена контрреволюционная террористическая группировка студентов Землеустроительного института под руководством Н. В. Федоренко. В своих показаниях он сообщил о планировании членами группы терактов против представителей советской власти и партии (по примеру народовольцев) и попытках приобретения с этой целью оружия³⁴.

Мифические антисоветские организации как инструмент политических репрессий возникали и в последующие годы³⁵. Часто за их основу брались профессиональные корпорации, деловые круги, клубы интересов и т.д. В результате фальсификации обвинений фабриковались

многочисленные контрреволюционные организации и группы. В последующем их участники были реабилитированы, что также позволяет нам классифицировать их как фантомные.

¹ Воронежские сталинские списки : Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области : в 2-х т. Воронеж, 2006–2007.

² Политические репрессии в Воронеже : путеводитель. Красноярск, 2011.

³ Книга Памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Т. 1–6. Воронеж, 2014–2022.

⁴ *Акинъшин А. Н.* Дело «краеведов» Центрального Черноземья // Отечество. 1990. № 1; *Его же.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6–7; *Его же.* Церковь и власть в Воронеже в 1920–1930-е годы (процессы Петра Зверева и Алексея Буя) // Церковь и ее деятели в истории России : Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1993.

⁵ *Глебов В. Г.* Кровавый песок Дубовки – воронежцы в тисках НКВД. Воронеж, 2004; *Его же.* Тайны воронежского управления НКВД : (По следам раскопок под Дубовкой). Воронеж, 2004.

⁶ *Карпачев М. Д.* Трагическая страница в истории края : дело об «Офицерской контрреволюционной монархической организации» (1930–1931) // Из истории Воронежского края. Вып. 25. Воронеж, 2018; *Его же.* Три ректора – три вехи в истории Воронежского университета // Подъем. 2018. № 11.

⁷ *Саран А. Ю.* Фантомные общественные организации как инструмент репрессий в Центральном Черноземье 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. История России. 2017. № 1.

⁸ *Бахтин В. В.* Военная тревога 1927 г. и радикализация политического сознания населения (на примере Воронежской губернии) // Берегиня. 777. Сова. 2010. № 3.

⁹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 : Документы и материалы : в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. Москва, 2003. С. 331.

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Там же. С. 590.

¹² Там же. С. 121–122.

¹³ Там же.

¹⁴ Академическое дело 1929–1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Ч. 1. С.-Петербург, 2015. С. 126.

¹⁵ *Акинъшин А. Н.* Дело «краеведов» Центрального Черноземья. С. 56–66.

¹⁶ *Мозохин О. Б.* История фальсификации следствия дела ЦК «Трудовой Крестьянской партии» (по письмам Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1.

¹⁷ *Плаксин В. Н.* Дело Трудовой Крестьянской партии // Воронежская энциклопедия ВЭ : в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2008. С. 245; *Подлесных С. Н.* Крестьянская утопия (Дело «Трудовой Крестьянской партии в Центрально-черноземной области») // Подъем. 2010. № 12. С. 189–200.

¹⁸ Ганин А. В. Комплекс документов по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» 1930–1931 гг. как источник по истории русского офицерства послереволюционного периода // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 227.

¹⁹ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. Москва, 2000. С. 241.

²⁰ Карпачев М. Д. Воронежский университет : вехи истории. 1918–2003. Воронеж, 2003. С. 172–175; Первый вуз Центрального Черноземья. Первые 100 лет. Воронеж, 2012. С. 86–87.

²¹ «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : Сб. док. : в 10 т. Т. 8, Ч. 2, 1930 г. Москва, 2008. С. 111.

²² Шурыгин Н. Н., Асташова А. Н. Особенности истинно-православного движения в Воронежской области // Новые исторические перспективы : от Балтики до Тихого океана. 2016. № 1. С. 59.

²³ Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...» : Гонения на Истинно-Православную Церковь (по материалам следственных и лагерных дел заключенных). Москва, 1998. С. 104–114.

²⁴ «Совершенно секретно». Т. 8, Ч. 2. С. 1458–1503.

²⁵ Шкаровский М. В. Истинно православные в Воронежской епархии // Минувшее. Вып. 19. 1996. С. 320–356.

²⁶ Ряполов В. Н. Секта «Федоровцев» – сто лет в одиночестве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5-1. С. 128–131.

²⁷ «Совершенно секретно». Т. 8, Ч. 2. С. 1458–1503.

²⁸ Там же.

²⁹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. Москва, 2004. С. 118.

³⁰ Аристов С., Чепрасов А. Рядом с Андреем Платоновым : До сих пор непонятно, почему знаменитый советский писатель не был привлечен по «Делу о мелиораторах», обещавшему стать самым крупным «вредительским» делом после Шахтинского // Знание-сила. 2002. № 11.

³¹ Осипов И. Мой прадед никого не сдал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bessmertnybarak.ru/article/prad-ded_nikogo_ne_sdal (дата обращения: 1.08.2023).

³² Саран А. Ю. Указ. соч. С. 65; «Совершенно секретно». Т. 8, Ч. 2. С. 1458–1503.

³³ «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 9. Москва, 2013. С. 399–430.

³⁴ Там же.

³⁵ Бахтин В. В. Массовые политические репрессии на территории Воронежской области в 1930-е гг. // Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой отечественной войны. Брянск, 2018. С. 6–15.

Тимошечкина Е. М.

«Прекратить раскулачивать!», «Не дадим никого арестовывать!»: о массовых волнениях крестьян в селе Новая Чигла в феврале 1930 г.

В январе 1930 г. в Центрально-Черноземной области, как и в других зерновых районах страны, началась крупномасштабная государственная кампания по ликвидации кулачества как класса. Согласно директивам центральной власти к кулакам применялись репрессивные меры: аресты, конфискация имущества, выселение в отдаленные края страны, переселение на специально отведенные им участки¹.

Проведение сплошной коллективизации и раскулачивания нередко сопровождалось упорным сопротивлением властям не только тех, кого раскулачивали, но и широких слоев крестьянства. В ряде мест оно доходило до массовых выступлений. С декабря 1929 г. по 14 февраля 1930 г. по области было зарегистрировано 38 массовых выступлений, в которых участвовало 25,2 тыс. чел. При этом подавляющее большинство массовых выступлений произошло «на почве коллективизации и раскулачивания»². «В отдельных местах толпы выступающих, – докладывал в ЦК ВКП(б) 18 февраля 1930 г. секретарь обкома партии И. М. Варейкис, – достигали двух и больше тысяч человек. Часть выступлений носила полуповстанческий характер. Выступления подготавливались заранее, для руководства создавалось нечто вроде штабов, а масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезами и охотничьими ружьями... Для подавления кулацких выступлений были приняты решительные меры»³.

По количеству участвующих в выступлениях область занимала первое место⁴. По данным Информационного отдела ОГПУ, наиболее «пораженным» крестьянскими волнениями в ЦЧО значится Борисоглебский округ. Здесь в январе 1930 г. было зафиксировано 4 массовых выступления, в феврале 1930 г. – 15 выступлений⁵. В Таловском районе Борисоглебского округа, например, в самом начале кампании по коллективизации и раскулачиванию, в феврале 1930 г., массовые волнения охватили 11 сельсоветов⁶.

В данной статье на основе архивных документов рассматриваются массовые волнения крестьян, произошедшие в одном из сел Таловского района – Новой Чигле, впервые показываются масштабы

репрессивных мер против их участников и называются имена жертв этих репрессий.

Новая Чигла – старинное русское село Воронежской области. Все население было православным. В селе имелось две церкви: Покровская и Вознесения Господня. В 1930 г. здесь насчитывалось 2164 крестьянских хозяйств и проживало 9196 чел.⁷

Итак, почему же запротестовали крестьяне в Новой Чигле?

С утра 31 января 1930 г. среди сельчан стали распространяться слухи, что с церковью будут снимать колокола. Об этом жителей оповещали ходившие по домам члены церковного совета и чернички. Около церкви собралось более 500 чел., преимущественно женщин. Подойдя к сельсовету, они стали настаивать, чтобы был освобожден священник Щеголев, но узнав, что его не арестовывали, потребовали от председателя сельсовета выдать им подписку, что «священник вообще не будет никогда арестован». Прозвучало также требование прекратить раскулачивание и возратить раскулаченным отобранное у них имущество. Затем толпа направилась к складу, где хранилось конфискованное имущество, чтобы его разгромить, но уговорами членов ВКП(б) и актива, разгром допущен не был. Протестующие, договорившись собраться на другой день и добиваться выполнения всех своих требований и, кроме того, освобождения ранее арестованных односельчан, с наступлением темноты разошлись. В ночь с 31 января на 1 февраля у дома священника и около церкви были выставлены посты, которыми руководили члены церковного совета А. А. Кондратьев, Ф. И. Приходько и примыкавший к церковному совету крестьянин-единоличник А. М. Федодеев⁸.

В 11 часов 1 февраля в здание 2-го сельсовета явилась группа женщин (50 чел.), которые стали опять требовать от работников сельсовета дать им подписку о том, что «у них не возьмут» попа А. М. Щеголева, у которого в этот день за невыполнение контрольного задания по сдаче семенного материала было изъято имущество на сумму 547 руб., хотя земельного надела он не имел. Они также потребовали, чтобы не закрывали церковь. Работники сельсовета разъяснили им, что попа никто не забирает и церковь не закрывают. На площади против сельсовета собралось в это время до трехсот женщин. Среди них находился церковный староста В. П. Хромых, который выкрикивал: «Бабы, словами вы ничего не сделаете!» После этого толпа направилась к складу, где хранилось имущество, конфискованное у раскулаченных. Отсюда местным работникам удалось «путем разъяснения» увести людей в помещение театра, где состоялся митинг. В

20 часов митингующие разошлись, оставив на всю ночь охрану снова у церкви и около дома священника Щеголева⁹.

О недовольстве новочигольских крестьян и причинах, вызвавших его, начальник Борисоглебского окружного административного отдела Ерофеев проинформировал 3 февраля 1930 г. областное руководство: «При возвращении с операции (пресечение беспорядков в селе Никольское. – *Е. Т.*) на ст. Таловой нами было получено донесение секретаря новочигольской партячейки о выступлении свыше 300 женщин, к которым затем присоединились мужчины. Причиной к выступлению, главным образом, послужило то, что местному священнику было предложено вывезти семенной материал – он не вывез и подвергся пятикратному штрафу, а когда и штраф в количестве 140 пудов им был не выполнен, то приступили к описи разного движимого имущества – собравшаяся толпа воспрепятствовала изъятию его. Нами предложено до выяснения дело приостановить»¹⁰.

Игнорирование властью требований крестьян привело к тому, что их протесты не только не ослабевали, а, напротив, приобретали все более острый характер. В воскресный день, 2 февраля, крестьяне (численностью до 500 чел.), выйдя из церкви, вновь собрались на базарной площади. В это время из Таловой в село приехали представители райисполкома Куприн и Мукосеев, которые намеревались провести митинг и разъяснить населению, что «массовые выступления не должны быть и что их требования идут вразрез с политикой Соввласти». Провести митинг было решено сразу в двух местах: один – на базарной площади, другой – в Починской части села. Когда жители увидели, что один из представителей райисполкома направился в Починскую часть, то на базарной площади никого не осталось, «все повалили вслед за ним». Собралась толпа (до тысячи человек) и с криками «Долой!» не дала провести митинг. В это время, когда крестьяне волновались и шумели еще на базарной площади, а затем в Починском участке, по селу разъезжала на лошади с черным флагом А. Е. Петрякова и кричала, что началось восстание, «наши бьют коммунистов», и призывала, чтобы весь народ выходил из домов и шел на помощь.

Толпа из Починского участка направилась к сельсовету. К ней с других концов села начали присоединяться толпы, созванные Петряковой¹¹. Группа женщин (150 чел.) с черными флагами из головных платков подошла к дому священника Н. Н. Часовникова. Встретив женщин, священник умолял: «Спасите, меня хотят расстрелять!»¹².

Толпа (около 500 чел.), подойдя к сельсовету, стала настойчиво требовать освободить священника Антонова, арестованного две

недели тому назад, и других арестованных односельчан, прекратить раскулачивание и возвратить раскулаченным их имущество¹³. Власти пытались успокоить собравшихся, но никакие уговоры на них не действовали. Крестьяне продолжали возмущенно кричать, «что их насильно сгоняют в колхоз, в который они не хотят идти, непосильно обложили семматериалом, т.к. и без того их местная власть ограбила, напрасно сажают попов и грабят их имущество, поп Щеголев венчает в церкви в одних кальсонах и босый, в церкви его обули и прикрыли стареньким тулупишком». Факты об изъятии имущества у священника Щеголева были проверены местными работниками «с выделенными из массы женщинами и вызванным священником Щеголевым» и не подтвердились, о чем заявил сам Щеголев, за исключением того, что у него «действительно не осталось подрясника и забраны ботинки с галошами и что на случай оттепели ему не в чем будет выйти»¹⁴. Выслушав разъяснения «о всех нелепых провокационных слухах», протестующие заявили, «что завтра придет все село как один человек и добьется выполнения своих требований». К пяти часам вечера все разошлись по домам¹⁵.

На следующий день, 3 февраля, рано утром со всех окраин села к сельсовету опять начали двигаться группы по 10–15 чел. На площадь людей подвозили и на лошадях, высаживали одних и ехали за другими¹⁶. К 10 часам собралось до двух с половиной тыс. чел., преимущественно женщин. Среди них были и приехавшие из поселков и хуторов Синовского, Воскресенского и 2-го Вознесенского сельсоветов. По требованию этой многолюдной толпы под открытым небом началось сельское собрание, председателем которого была выбрана неграмотная беднячка М. Д. Костылева, а секретарем – «крепкая середнячка» Т. А. Федодеева. В повестку дня по предложению сельсовета включили два вопроса: значение подготовительной работы к весенне-посевной кампании и революционная законность. Но об этом местным работникам пришлось говорить мало, так как собравшиеся не хотели их слушать и слово для выступления предоставляли женщинам, находящимся в толпе. Татьяна Федодеева призывала не вступать в колхоз. Требование Екатерины Слизковой о том, что «нужно освободить забранных властью попов и кулаков», было встречено громкими продолжительными аплодисментами. В защиту кулаков высказалась и беднячка Наталия Дементьева, член президиума 1-го Новочигольского сельсовета. Беднячка Марфа Зотова, заканчивая свою речь, выкрикивала: «Долой колхоз, долой Каминского!», имя которого носил колхоз. Из мужчин никто на трибуну не поднимался, только

были слышны их голоса: «Кулаков у нас нет!», «Надо раскулачить коммунистов и лишить их права голоса». И. И. Жданов, Ф. С. Михеев, Я. А. Махинов кричали из толпы: «Колхоз нам не нужен, раскулачивать никого не надо, т.к. у нас никаких кулаков нет». М. П. Алешников требовал «возвратить конфискованное имущество сельсоветом у кулаков, повыгнать все учреждения из конфискованных домов». Толпа выражала им свою поддержку¹⁷.

Выступления жителей продолжались до двух часов дня. Прибывший сюда член президиума Таловского райисполкома Малоброцкий объявил о закрытии собрания и предложил всем разойтись. Толпа очень заволновалась. «Убить его и всех коммунистов!», – закричал крестьянин Королев. «Убить его и закопать под трибуной!» – раздавались крики. Возмущенная толпа, «захватив в свои тесные кольца всех присутствующих отдельных работников», стала требовать от них продолжения собрания. Крестьяне начали наступать на трибуну, пытаясь избить некоторых коммунистов и активистов. Несколько ударов, но неопасных для жизни, нанесли, например, председателю сельсовета Долгушину. Только тогда, когда с трибуны закричали: «Товарищи, если Вы их тронете, это будет контрреволюция», удалось «с большим трудом» предотвратить опасное развитие событий и «вытащить из толпы» успокаивающих ее коммунистов. Пошумев до 5 часов вечера и не добившись выполнения своих требований, жители, как и в предыдущие дни, разошлись по домам¹⁸.

4 февраля на базарной площади вновь собралось около тысячи человек. Люди толпились у сельсовета, требуя открыть митинг. Им было предложено провести митинг в театре, но крестьяне туда не пошли, и митинг не состоялся. Тогда местные и приехавшие районные работники «вливаются в массу и проводят разъяснение по всем вопросам недовольства граждан». Только с наступлением темноты толпа разошлась по домам¹⁹.

«За все эти дни, – докладывали окружному руководству Черенков и Мукосеев, – какое-либо вооружение у массы отсутствовало. В настоящий момент в Чигле спокойно, т.к. проводились всевозможные собрания с бедняцким и середняцким активом, и приступлено к практической работе, в частности, по налаживанию дел коллективизации. 5-го февраля на общий двор колхозники Красным обозом продемонстрировали по селу и свезли весь свой сельскохозяйственный инвентарь»²⁰.

Волнения новочигольских крестьян, как, впрочем, и николевских, произошедшие в самом начале кампании по сплошной коллективизации

и раскулачиванию и ставившие под угрозу ее успешное проведение, не могли не вызвать обеспокоенности и остаться без внимания представителей власти. Уже 7 февраля 1930 г. состоялся пленум Таловского райкома ВКП(б), на котором с докладом «Уроки Никольского и Чигольских событий» выступил уполномоченный Борисоглебского окружкома и окрисполкома Д. Я. Яковлев²¹. По мнению выступавших в прениях коммунистов, события в Чигле «произошли исключительно из-за неправильного раскулачивания, начавшегося с ареста попа и конфискации предметов первой необходимости», а также из-за «отбора у попа мелких вещей». Это также отмечалось и в принятом постановлении: «Кулак ликвидировался административно – без мобилизации общественного мнения и инициативы бедняцко-средняцких масс. Классовый принцип раскулачивания подменялся административным отбором «барахла», а не средств орудий производства (Чигольский сельсовет), отбором у попа мелких домашних предметов – очков, гребешков, панталон и проч. Метод раскулачивания использовался в первую очередь на ликвидацию «поповства», без увязки с углубленной работой и инициативой масс»²². Были названы и нарушения, допущенные при создании семенных фондов: «Порядок раскладки семфондов противоречил законодательству и ориентировался не на реальность обеспечения семенами ярового посева, а использовался как метод раскулачивания. Семфондом переобложен не только кулак, но и некоторая часть середняка (Чигольский сельсовет), средняцкие хозяйства, платящие с/х налог до 10 руб. облагались в отдельных случаях от 300 до 800 пудов зерна и клубнеплодов»²³.

Пленум признал, что со стороны партийных ячеек «не проявлено должного своевременного реагирования предупредительного характера до непосредственного разгара волнений, путем усиления работы с беднотой и батрачеством». Было принято решение снять с работы секретаря Никольской ячейки Алешникова «за слабость руководства, нераспорядительность и паникерство», немедленно переизбрать состав сельсоветов, отменить раскладку семфондов, «увязав порядок раскладки с действующими директивами, обеспечивая реальный сбор семфонда, а не барахление». Одновременно предлагалось укрепить административный отдел в районе и по участкам, «путем качественного подбора милицейского состава и замены начальника РАО, тов. Черенкова за проявленную растерянность и паникерство с работы снять». Наряду с этим, в целях «обеспечения охраны революционной законности», пленум считал необходимым «иметь специально на районе

уполномоченного ОГПУ – хотя бы за счет ассигнования местного бюджета»²⁴.

Уполномоченный окружкома и окрисполкома Д. Я. Яковлев сообщает секретарю Борисоглебского окружкома партии Колесникову о фактах, которые, по его мнению, способствовали росту недовольства крестьян и привели к выступлениям: «В результате обследования Никольского, Чигольского и Трайнянского с/советов – установлены факты извращения политики «раскулачивания», а именно: масса остается в стороне от осуществления мероприятий «раскулачивания» и таковое проходит в большинстве административным путем и в лучшем случае лишь при инициативе Пленума с/с. Есть случаи разминивания на мелочи и недооценки настроения масс. Так, например, факт поголовного отбора имущества у попа, вплоть до отбора домашних вещей (расчесок, рубашек, рваных брюк и т. д.), что вызывает ропот со стороны религиозного крестьянства»²⁵. Это утверждение, на наш взгляд, вполне обоснованное. Между тем, вывод Д. Я. Яковлева о том, что «крестьянская волынка, имевшая место в Таловском районе, объясняется активным сопротивлением кулачества»²⁶, не является, по нашему мнению, достаточно убедительным, так как не отражает всей сложности формировавшихся взаимоотношений советской власти и крестьянства, поскольку не вскрываются истинные причины участия бедняцко-средняцких масс в протестных выступлениях.

Как показали дальнейшие события, принимаемые местными властями меры по устранению некоторых выявленных причин волнений крестьян лишь на время ослабили активность их протестных действий. Продолжение коллективизации и раскулачивания теми же насильственными методами сохраняло условия для роста недовольства крестьян и привело к новым массовым выступлениям, развернувшимся в селах Таловского района во второй половине февраля 1930 г., для пресечения которых власть начнет использовать и вооруженную силу.

Новая волна крестьянского протеста захлестнула Новую Чиглу. Этому также способствовали волнения, начавшиеся 19–20 февраля 1930 г. в соседних селах Александровке, Тишанке и Шанино, куда для их подавления была направлена специальным поездом из Воронежа маневренная группа войск ОГПУ «в составе 100 штыков при пулеметах» во главе с начальником ОО-КРО ПП ОГПУ по ЦЧО Ж. И. Дамберг²⁷.

В Новой Чигле 19 февраля к 10 часам на базарную площадь собралось около 400 жителей, преимущественно женщин, которые выкрикивали: «Не сдавать семфонда!», «Не идти в колхоз!», «Освободить

арестованных!», «Не раскулачивать!», «Возвратить имущество кулакам!». Звучали призывы, по примеру тишанцев, «бить в набат и идти к ним на соединение». В этот же день около 200 крестьян помешали работникам сельсовета провести раскулачивание Махинова Михаила Ивановича. Быстро сбежавшись к его дому, они стали кричать: «Если что-либо с Махиновым сделаете, то вас убьем, у нас нет кулаков». Отдельные группы людей бродили по селу до позднего вечера. Ночью около 15 подвод выехали «для связи с Тишанкой»²⁸.

На следующий день, 20 февраля, к 10 часам утра на базарную площадь с разных концов села небольшими группами по 15–20 чел. вновь начал сходиться народ. О собрании оповещал Ухалин Григорий Иванович. Собралось до 500 чел. Женщины предлагали бить в набат, а мужчины – разбить магазин. Только с наступлением темноты площадь опустела. Ночью по улицам села разъезжали «верховые патрули», которые призывали крестьян идти на выручку тишанцев и жителей Александровки, куда ночью прибыл отряд красноармейцев. На видных местах были расклеены написанные от руки листовки, в которых призывалось «дать врагу решительный отпор». Для обезоруживания красноармейцев в Александровке предполагалось создать четыре отряда, по одному отряду от каждого земельного общества, на которые делилась Новая Чигла (Тальского, Починского, Мышинского, Торбеевского. – *Е. Т.*). Сбор был назначен на 3 утра. К назначенному времени из двух частей села прибыли на подводах два отряда добровольцев. Один, численностью в 50 чел., расположился при выезде на дорогу, ведущую на Тишанку, другой, в том же количестве, – при выезде на Александровку. Но, не дождавшись двух других отрядов, собравшиеся к рассвету возвратились домой²⁹.

Утром 21 февраля, узнав, что красноармейский отряд также прибыл в Тишанку и там уже производятся аресты, новочигольцы собирались небольшими группками по 10–15 чел. и обсуждали эту тревожную весть между собой. В 2 часа дня около 200 крестьян явились на собрание бедноты, на котором обсуждался вопрос о раскулачивании, и стали кричать, что не дадут ни в коем случае раскулачивать и не будут сдавать зерно в семенной фонд. Пошумев часа два, они разошлись³⁰. На следующий день, 22 февраля, на собрание членов колхоза также явилась толпа взволнованных крестьян. Находившиеся среди них Я. А. Свиридов и Я. Е. Лесин кричали: «У нас кулаков нет, раскулачивать не дадим»³¹. Около 200 женщин в 2 часа дня пришли к почте и требовали узнать по телефону, где находится арестованный священник и какая ему нужна помощь³².

Массовое недовольство крестьян в Новой Чигле, которое ограничивалось зачастую лишь шумным протестом, власть решает пресечь так же с помощью вооруженной силы, как это сделали в Александровке и Тишанке, где волнения были уже подавлены и несколько десятков их участников арестованы. 23 февраля часть маневренной группы войск ОГПУ двинулась на Чиглу и утром 24 февраля вступила в село³³. С появлением красноармейцев среди населения начали распространяться слухи о том, что приехали солдаты «грабить и все у всех дочиста отбирать»³⁴. Это побудило крестьян, несогласных с коллективизацией и раскулачиванием, к еще более активному сопротивлению, что подтверждается многочисленными фактами, выявленными нами в архивных материалах. Остановимся на более характерных из них.

Так, Д. М. Анучин и Г. И. Петров, собрав у своих домов группы по 10–15 чел, разъясняли, как надо действовать: «Кровожадные коммунисты прислали вооруженный отряд, чтобы силой заставить нас пойти в колхоз и арестовать хороших людей и духовенство, но их мало по сравнению с нами, как только красноармейцы будут приходить в чей-нибудь дом арестовывать, сейчас же бегите и обезоруживайте их». Т. В. Долгушин, также организовав около своего дома группу в 15 чел., заявил: «Сейчас мы пойдем обезоружим красноармейцев и их оружием расстреляем коммунистов, комсомольцев, активистов». Монашка Н. Я. Алимова ходила по дворам и созывала народ на восстание, говоря: «Все верующие должны участвовать в уничтожении антихристового племени – коммунистов и комсомольцев». Зотов Виктор Андреевич давал валеные сапоги беднякам, чтобы те шли «оповещать население на восстание», и сам потом в нем участвовал, избивая красноармейцев³⁵.

С 10 часов утра на площади появились небольшие группы людей, а через час здесь уже было около 850 мужчин и женщин³⁶. Находившийся в толпе И. И. Юрьев агитировал собравшихся: «Этот вооруженный отряд прибыл для того, чтобы у всех отнять имущество и скот и отдать в колхоз, а кто будет сопротивляться, тот будет арестовываться, соберитесь все и обезоружьте отряд, т.к. в толпу стрелять они не будут». П. М. Буздалин убеждал: «Отступать не нужно, стрелять в вас не будут, обезоруживайте красноармейцев, ведь это же наши сыновья и дети». Федор Пупыкин, руководивший толпой, призывал: «Не давайте никого арестовывать и обезоруживайте красноармейцев»³⁷.

Собравшиеся с каждой минутой продолжали волноваться все сильнее и сильнее. Из толпы раздавались крики: «Не дадим никого

арестовывать, а если красноармейцы попробуют, то мы с ними расправимся»³⁸. Простояв до двух часов дня и видя, что красноармейцы ничего не предпринимают, толпа поредела. На площади осталось 250–300 чел.

В 3 часа дня красноармейцы отдельными группами стали разъезжаться по селу и арестовывать «кулаков и лиц, активно действовавших против мероприятий советской власти». Крестьяне, находившиеся на площади, сразу же побежали вслед за ними, чтобы не допустить обысков и арестов односельчан³⁹. М. М. Гомозова, например, собрав толпу баб и мужчин, не дала красноармейцам арестовать А. М. Федодеева. Возглавлявший группу односельчан М. Е. Зотов активно сопротивлялся красноармейцам и предлагал их обезоружить. Не допускали арестовывать также Я. А. Махинов, И. И. Жданов и Н. В. Васильченко. Когда красноармейцы приходили в чей-либо дом арестовывать, А. Е. Елин, И. И. Бездухов, Ф. Ф. Иевлев, И. М. Прытков и С. Д. Романов, пытаясь их отговорить, кричали: «Кого вы защищаете, наймиты, ведь с вашими отцами и семьями на родине теперь также расправляются коммунисты, вы продались, вам платят по 3 р. в день, и вы арестовываете тружеников крестьян». Около одного дома собралось до 100 чел., которые не давали производить арест и пытались обезоружить красноармейцев. Бойцы дали в воздух несколько выстрелов, но рассеять окружившую их толпу не удалось, и им с трудом пришлось пробираться через нее. То же самое происходило и в других местах, и там также раздавались выстрелы. Все же красноармейцам удалось арестовать десятерых жителей⁴⁰.

О массовом сопротивлении крестьян сохранились документальные свидетельства – докладные записки красноармейцев и младшего начальствующего состава отряда ОГПУ, которые были поданы командиру пулеметного взвода Алексею Чернову и командиру 2-го взвода Федору Смирнову. Основываясь на записках и препровождая их начальнику – военкому отряда ОДОН (отдельной дивизии особого назначения. – *Е. Т.*) ОГПУ, А. Чернов в рапорте 26 февраля 1930 г. доложил в общих чертах о наиболее значительных фактах противодействия новочигольцев. Во время ареста кулаков 24 февраля 1930 г. жители собирались толпами и не давали красноармейцам арестовывать, а арестованных, которых уже везли в сельсовет, они освобождали, стаскивая их с подвод. Крестьяне агитировали красноармейцев бросить оружие, пытались насильно отнять у них винтовки, оскорбляли их, говоря: «Кровоопийцы, грабители и т.п.». Некоторых красноармейцев, например, Смирнова, брали за горло, в некоторых бросали камнями, льдинами,

выкрикивая: «Долой колхозы, пустите нас к сельсовету, мы с ним расправимся». Крестьяне требовали освободить арестованных, угрожая: «Мы завтра вас не выпустим живыми из села». Из толпы, собравшейся у сельсовета, раздавались крики «Забрать пулемет!» и звучали выстрелы, о чем устно сообщил красноармеец Булена. Чтобы усмирить крестьян и защитить себя, некоторые красноармейцы открывали вверх огонь⁴¹.

Эти факты изложены в докладных записках более конкретно, в деталях, и, обратившись к ним, попытаемся воссоздать живую картину противостояния крестьян и отряда ОГПУ.

Арестовать Богослову и Шмакову были посланы красноармейцы Скачков и Попов. Зайдя в квартиру Богословой, они предложили ей одеться, но она стала отказываться. Тогда они зашли к Шмаковой, та тоже стала отказываться. Когда взяли их насильно, то в это время с разных сторон набежали мужчины и женщины и начали их уговаривать, чтобы те не шли сами. Народ собрала Богослова и, как пишет Г. А. Скачков, какая-то племянница, называвшая себя делегаткой, под личным руководством которой арестованных у них отняли⁴².

Крестьяне помешали полностью выполнить задание и командиру 4-го отделения В. Кучерову, которому было поручено арестовать двух женщин. Когда Кучеров, арестовав одну, поехал за другой (монашкой), то за ним, «погналось человек 250», поэтому он к ней не заехал, а «первую арестованную представил в сельсовет»⁴³.

Помощник командира пулеметного взвода К. И. Максимов, посланный с двумя красноармейцами «для изъятия некоторых крестьян», «не мог сделать этого» также из-за натиска толпы. Как он поясняет, крестьяне их «обзывали неподобными словами и угрожали»⁴⁴. Об этом более подробно докладывают красноармейцы В. П. Золотов и Абросимов, производившие арест вместе с Максимовым. Золотов, в частности, пишет: «По приезду 24/II 30 г. в деревню Чиглы мне, красноармейцу В. П. Золотову, вместе с помкомвзводом Максимовым и красноармейцем Абросимовым поручили арестовать гражданина Михаила Ивановича. И вот приехали мы к нему, нам не удалось его забрать, ввиду того что собралось публики видимо-невидимо. Пытались нас разоружить, брались за винтовку. Мы были окружены, даже нам негде было повернуться. Но мы, не смотря на это, вырвались из этой толпы и уехали...»⁴⁵. В свою очередь, Абросимов сообщает новые подробности: «По приезде на место нам было со стороны посторонних крестьян проявлено сопротивление с целью нас не допустить для обыска и ареста. Сами, кого нужно было взять нам, они

попали под влияние масс и тоже сопротивлялись. В результате нам пришлось уехать под крики: “Уезжайте или вам попадет от нас”. Когда мой товарищ красноармеец стоял в сенях, а мы были в квартире, то посторонние крестьяне насильно ворвались в сени с криком: “Гони их вон”. Ездили брать Махинова самого отца»⁴⁶.

Крестьяне пытались разоружить и красноармейца Петрова Степана Яковлевича, которому было поручено арестовать одного крестьянина и привезти его в сельсовет. «Когда я приехал, – докладывает Петров, – то его дома не оказалось. Собралась толпа у дома, один гражданин пытался вырвать у меня винтовку, но я его оттолкнул прикладом и дал два выстрела в сенях. Одна гражданка со слезами подошла ко мне и стала упрашивать, чтобы я уехал, а потом стала оскорблять и выражаться нецензурными словами. Когда я поехал, вслед кричали: “Белые, белые, грабители!”»⁴⁷.

О том, как настойчиво противодействовали жители аресту своего односельчанина, свидетельствует красноармеец В. Н. Иванов: «Когда мы приехали с товарищем политруком к этому человеку, то толпа крестьян сразу побежали ко мне и начали отнимать винтовку, но я все-таки не отдал. Когда толпа все-таки стала рваться в помещение в хату, то мне пришлось подпирать самому дверь, но все-таки крестьяне нажали, и дверь оказалась вырвана с петли, и тогда мне пришлось выйти на улицу. Когда я вышел на улицу, то толпа стала на меня орать. Но, когда они услышали выстрел, то тогда они нажали со всех сторон и закричали: «Отымай, бей палкой!». Когда мы стали отходить к церкви, и тут заорали: «Убили, убили!», то тогда публика со всех сторон заорала на меня. Я был в этой толпе один. Они говорили: «Бей его, отнимай винтовку, стреляй в него» и бросили в меня замерзшим снегом, но не попали»⁴⁸.

Красноармеец 4-го отделения Г. Н. Прохоров, которому было поручено вместе с Левиным арестовать одного крестьянина, также не смог выполнить задание. По какой причине, сам Прохоров объясняет так: «Когда мы подъехали, он стоял у ворот, мы его предупредили: “Стой”. Он в то время махнул руками и закричал: “Забирают, спаси!” Не слушаясь нас, вскочил в ворота и побежал. Когда задержали, он стал супротивляться и не пошел. В это время с обоих концов публика набежала и стала на нас нападать. Когда его публика от нас отбила, он стал в нас кидать кизяком и ругать нецензурным словом. Когда мы поехали, он впереди публики бежал за нами»⁴⁹.

Масса крестьян собралась и при аресте Малахова. Как докладывал командир отделения А. С. Романов, крестьяне «отбили арестованного»

и старались обезоружить их, угрожая убийством. При отъезде красноармейцев от дома Малахова толпа забрасывала их льдинами, обзывая кровопийцами, грабителями⁵⁰.

Препятствуя красноармейцам арестовывать односельчан, новочигольцы, как видим, действовали решительно. Еще большее упорство они проявляли, чтобы освободить уже арестованных, когда тех доставляли в сельсовет. Ярким тому подтверждением являются факты, отраженные в докладных записках, в частности, В. Г. Исправникова и В. Смирнова. Помощнику командира пулеметного взвода по политчасти Исправникову было поручено арестовать пять человек: А. Петрякову, И. Ф. Евстратова, В. Ф. Евстратова и Ремнева (фамилию пятого Исправников не запомнил. – *Е. Т.*). ...Когда Исправников арестовал одного крестьянина из Починского общества и поехал за другими, стала собираться толпа и с криками «Держи!» погналась за ним. Но он, не обращая внимания на эти крики, продолжал «выполнять свою работу». «Арестовать, – докладывал Исправников, – удалось только двоих крестьян, т.к. двое были больные, не могли встать, и одной женщины не оказалось дома. Толпа же все накоплялась и отрезала нам путь следования к сельсовету. Мы поехали окружной дорогой, но около церкви нас опять задержала толпа. Один из толпы задержал лошадь, а несколько женщин и мужчин набросились на нас и стали стаскивать арестованных. Принятыми мерами нам пришлось толпу рассеять, но одного арестованного утащили. Когда же мы поехали дальше, то налетела вторая толпа и набросилась на нас. Многие пытались отобрать у нас оружие. Один из крестьян схватил красноармейца Смирнова за горло и стал отнимать винтовку, но быстрыми мерами мне удалось освободить вышеуказанного товарища и пробиваться сквозь толпу вместе с красноармейцами. Лошадь же вместе с арестованными у нас отобрали»⁵¹.

В подобной ситуации оказывались и другие бойцы отряда ОГПУ. Например, у красноармейцев пулеметного взвода Миронова и Калинина после того, как они один раз привезли арестованного в сельсовет и ехали второй раз с арестованными, «публика выдернула арестованных». Миронов объясняет, как это было: «Свалили Калинина, я сидел на санях ...кинулся на публику и стал кричать: “Заколю!”, но на меня накинулись, я стал кричать: “Разойдитесь, заколю!”, тогда они соскочили. Когда я стал подходить и хотел отбить арестованных, но публика вырвала их. Я хотел стрелять, но начались крики: “Не стрелять в публику”»⁵².

Крестьяне отобрали арестованных и у курсантов 2-го взвода. Как докладывал своему командиру И. Калинин, «во время доставления арестованной Котовой Е. группа людей окружила подводу, отбили арестованную, пытались вырвать винтовку, начали наносить побои, благодаря выстрелам красноармейцев был отбит»⁵³. М. Белилов тоже «был окружен группой людей, из коих пять человек выделились, и трое схватили винтовку, и два человека ударили два раза по зубам, выстрелами своих курсантов был отбит»⁵⁴.

Противодействие крестьян представителям власти приобретало, между тем, все более острый характер. После того, как в селе зазвучали выстрелы, группы красноармейцев стали быстро возвращаться к сельсовету. Сюда же со всех сторон села устремились и жители. Крестьяне из 1-го сельсовета И. Н. Хохолин, М. Ф. Кондратьев, О. Е. Конавалова, возглавлявшие группы в 15–20 чел., призывали действовать сообща: «Следите за нами, берите кирпичи и колья, бейте наймитов – красноармейцев и милиционеров – переодетых колхозников». Когда показалось несколько вооруженных красноармейцев, они кидали в них обледенелым снегом и камнями. Федор Ольховский, вооружившись железной тростью, также призывал односельчан вооружаться и избивать красноармейцев, орал из толпы: «Долой коммунистов и Сов. власть!». И. Жданов, Ф. Михеев, Ф. Зотов, стоявшие около дома Буздалина, кричали пробежавшим мимо крестьянам: «Вооружайтесь, кто чем может, берите вилы, лопаты, топоры и гоните из села всех грабителей коммунистов. Требуйте освобождения арестованных кулаков». Спустя некоторое время и они сами пошли на базарную площадь. Петр Шишлянников, идущий сзади толпы, призывал: «Братцы! Не трусьте, идите смелее, пора свергнуть насильников коммунистов, их нужно из колхоза выгнать, а также разгромить сельсовет с коммунистами». Направлявшаяся к сельсовету толпа крестьян под руководством Марфы Гомозовой напала на красноармейцев около церкви, чтобы отобрать у них оружие. И. Г. Фонов, Ф. И. Перьев, В. Ф. Евстратов, И. Е. Фонов, Е. А. Ремнев, И. И. Юрьев, стоявшие около церкви, кричали пробежавшим и шедшим мимо крестьянам: «Беги скорей громить колхоз! Нужно скорее торопиться разоружить прибывший отряд красноармейцев, а то поздно будет!». Затем и сами направились к сельсовету⁵⁵.

Для сдерживания толпы на площади у сельсовета была выставлена цепь красноармейцев с пулеметом в середине. Однако это не испугало и не остановило крестьян. Об этом свидетельствуют стоявшие в оцеплении красноармейцы. Как сообщает А. Лотин из 3-го отделения,

«крестьяне сильно напирали и кричали: «В кого вы будете стрелять, мы ваши братья и сестры, и сами мы служили» – и уговаривали бросить оружие»⁵⁶. Красноармеец 4-го взвода Золотов пишет, что «эта публика лезла наверх с кулаками и хваталась за винтовку и уже я видел некоторых, что полушубком завернувшись, а под него положен (топор), но не удалось никого поразить, потому что красноармейцы в этом случае были очень зорки и выдержанны и устойчивы»⁵⁷. На красноармейца Миронова, когда он стоял в цепи, из толпы «налетели и стали клясть как попало». Начальник отряда кинулся к нему на помощь, и нападавшие убежали»⁵⁸.

Собравшейся у сельсовета толпе «было сделано до сотни предупреждений остановиться, не наступать и разойтись», но она «не стала слушаться, а продолжала наступать»⁵⁹. М. П. Алешников и Я. А. Махинов кричали: «Освобождай арестованных, а то всех разобьем»⁶⁰. Как сообщает помощник командира пулеметного взвода К. И. Максимов, «на площади была сильная толпа, которая пыталась броситься на сельсовет, и призывала бросить оружие, и даже были попытки обезоружить красноармейцев». Из толпы раздавались крики: «В колхоз не пойдем!» Крестьяне кричали красноармейцам: «Отойдите в сторону, мы вас не тронем, дайте нам расправиться с сельсоветом, освободим арестованных!». Иначе они грозили расправиться и с красноармейцами⁶¹. Командиру отделения Н. А. Ефимову, который «был окружен со всех сторон» толпой, говорили: «Сдайте оружие нашим отцам, вы боретесь против наших братьев, вас обманули, у нас в селе нет кулаков». Человека два из окружавших «взялись было за оружие», пытаясь его разоружить»⁶².

Чтобы остановить толпу, красноармейцы дали несколько выстрелов вверх из винтовок и несколько очередей из пулемета. Едва прозвучали выстрелы, как пишет Ефимов, «изпужоная ...толпа несколько разошлась», и он «выбрался к своим красноармейцам»⁶³. По сообщению Максимова, «решительными мерами, где пришлось стрелять из винтовок, конечно, в воздух, был натиск толпы остановлен»⁶⁴.

Однако народ не расходился. Тогда командный состав и сотрудники окружного отдела ОГПУ, начальник отряда, местные партийные работники, комсомольцы и активисты, подойдя к крестьянам, начали уговаривать их не волноваться, не выступать против советской власти, успокоиться и разойтись по домам. Но и это не помогло. Жители по-прежнему требовали освободить арестованных, вернуть раскулаченным отобранное имущество⁶⁵. Как сообщает помощник командира пулеметного взвода по политчасти В. Г. Исправников,

который был назначен в охранение сельсовета, из толпы многие говорили: «Сдавайте оружия, что все равно вы с нами ничего не сделаете, т.к. у царя было 60 тысяч пулеметов и то победили...». Крестьяне призывали красноармейцев перейти на их сторону: «Зачем вы идете на своих отцов и братьев, ведь они так же у вас бунтуют, как и мы»⁶⁶.

Из толпы продолжали кричать, что отряд приехал грабить всех без разбору. Федосей Кружилин и Иван Найденов убеждали односельчан: «Нас много, а их кучки, они стрелять не будут, давайте сейчас же их обезоружим и заберем пулемет, ведь они из него стреляют вверх. Вооружившись, мы их всех перебьем и освободим невинных людей». И. Г. Фонов, Ф. И. Перьев, В. Ф. Евстратов, И. Е. Фонов, И. А. Ремнев, И. И. Юрьев, находясь в гуще крестьян, призывали: «Бей их, отнимай оружие у красноармейцев, чего смотрите!». В результате несколько красноармейцев были избиты⁶⁷.

У одного из красноармейцев «толпою была отобрана винтовка, и только под угрозой бросить гранату винтовку удалось отобрать назад»⁶⁸. Нам удалось установить фамилию этого бойца. Это красноармеец пулеметного взвода Г. А. Скачков. Его докладная записка позволяет узнать в деталях о том, как все произошло. «Когда мы приехали обратно в сельсовет, – пишет Скачков, – то толпа собравшегося народу начала напирать на сельсовет с криком, что отдайте наших арестованных и наших лошадей. То тогда наше командование в защиту снова выстроило нас в цепь. Когда начали на нас напирать, то нам пришлось дать несколько выстрелов в воздух. Но они не успокоились и начали нападать на нас. Когда стали нападать на нас, то один из толпы ударил меня сзади. Я, конечно, споткнулся, и в это время у меня выпала из рук винтовка. В это время подскочил один какой-то и схватил мою винтовку, тогда я выхватил из кармана гранату и замахнулся в него, тогда он бросил винтовку. Из толпы кричали, что бросьте винтовки, мы расправимся с сельсоветом»⁶⁹.

На площади становилось народу все больше и больше. Собралось до 6 тыс. чел. Отдельные группы окружили сельсовет, около которого находился отряд ОГПУ. В это время на колокольне ударили в набат. К церкви стал стекаться народ. Е. Ф. Кондратьева призывала собравшихся идти к сельсовету, чтобы «наступит» на красноармейцев и разоружить их. И. А. Кондаков тоже во все горло кричал: «Идти прямо в сельсовет для разоружения красноармейцев»⁷⁰.

Противодействие крестьян вооруженному отряду ОГПУ еще более усилилось. Как сообщает красноармеец пулеметного взвода Абросимов, «в момент, когда был звон в колокол», собравшиеся «пытались

говорить, чтобы мы отошли в сторону и опустили ружья и им дали пройти к сельсовету с целью давить коммунистов». «Вы с нами, что хотите делайте, а мы в колхоз не пойдём», «Не нужна эта власть, а дать старую»⁷¹.

Протестующие начали наступать на отряд с криками и угрозами, намереваясь его обезоружить. Чтобы сдержать толпу, представителями власти было сделано до сотни предупреждений остановиться, но ничего не помогло. Собравшиеся продолжали требовать освобождения арестованных. Тогда отряд стал отступать к сельсовету, стреляя вверх⁷².

Крестьяне, находившиеся в задних рядах наступающей толпы, заметив возвращающихся «с операции» красноармейцев, с криками бросились на них и отбили арестованных.

Колокольный звон не прекращался. Из толпы неслись крики: «Ага, приехали грабить, вот мы вам покажем». В ее первых рядах появилось много пьяных (в этот день из местного кооператива было продано водки на 800 руб.), «которых очень трудно было успокоить – лезли прямо на штыки». Кроме того, «устраивались всякие фокусы»: впереди толпы выбегал кто-либо и бросался на землю с криком «Убили!». Толпа, видя это, с криками «Наших убивают!» еще яростнее продолжала наступать на цепь красноармейцев⁷³. Случайным выстрелом вверх был убит, как нам удалось установить, звонивший на колокольне Бездухов Павел Иванович⁷⁴. Узнав об этом, толпа кинулась на красноармейцев, сделав по ним несколько выстрелов из обрезов, и оттеснила их к сельсовету. Отряд вынужден был зайти во двор сельсовета, где был выставлен пулемет. Начало темнеть. Красноармейцы, оказавшись в тяжелом положении, вновь «открыв пулеметный и ружейный огонь вверх», бросились на толпу, «оттеснив ее на прежнюю позицию». Для успокоения крестьян отряду пришлось выпустить из-под ареста 10 чел. Когда стемнело, протестующие, заявив, что завтра вооружатся чем только смогут и будут расправляться с отрядом, стали расходиться. К 20 часам площадь опустела⁷⁵.

В итоге не обошлось без жертв среди крестьян: один житель села, сын кулака-«лишенца», звонивший в колокол, оказался убитым, два крестьянина-середняка были ранены, один из которых впоследствии умер в больнице⁷⁶. Со стороны личного состава отряда ОГПУ потерь не было.

Таким образом, прибывшему в Новую Чиглу вооруженному отряду ОГПУ 24 февраля не удалось провести операцию по пресечению выступлений в селе из-за упорного сопротивления крестьян и их

попыток разоружить красноармейцев, поэтому в этот же день на помощь была выслана дополнительно еще одна маневренная группа войск ОГПУ из Острогожска⁷⁷.

25 февраля с девяти утра на улицах села появились отдельные толпы по 100–200 чел. Командир 4-го отделения В. Кучеров, назначенный «старшим заслона около церкви», докладывал командиру пулеметного взвода А. Чернову о том, что, «когда собралась публика», женщины, которые были постарше, говорили: «Вы все наши сыны, и вы хотите в нас стрелять, и как вам не стыдно» – и, проходя мимо колхозниц, оскорбляли их: «Вы такие-сякие, и мы вас разорвем»⁷⁸. Как сообщал стоявший в оцеплении красноармеец А. Зверев, толпа, подошедшая ко 2-му сельсовету, «стала делать большой напор, чтобы пробраться в помещение», и, угрожая им, говорила, «что вечером придет с топорами и вилами, и обзывала белобандитами». Зверев был вынужден вызвать на помощь группу красноармейцев⁷⁹.

Протестующим был объявлен приказ начальника гарнизона, в котором «в последний раз» предлагалось мирно разойтись по домам. Однако это не возымело действие. Тогда путем стрельбы вверх и разгона стоявших крестьян отрядом ОГПУ вместе с подошедшим из Острогожска пополнением сопротивление было сломлено, толпа рассеяна и «приступлено к изъятию» кулаков и других лиц, «чуждых совласти»⁸⁰.

Эта «работа», как отмечали 28 февраля в информационной сводке старшие милиционеры 3-го участка Головин и Шинкаренко, «протекала спокойно»⁸¹. Между тем, сохранились документальные свидетельства, которые указывают на то, что некоторые крестьяне не давали себя арестовывать. Так, когда в 7 часов вечера член сельсовета В. И. Донков и сопровождавший его красноармеец пришли арестовывать И. Н. Махинова, тот не только не допускал их в хату, но и, по свидетельству Донкова: «поднял на нас ...нож, но мы его сумели взять, т.е. вырвать нож, а он нам не дался»⁸².

М. А. Слизков, оказавший сопротивление при аресте и решительно отказавшийся следовать в сельский совет, «был взят лишь с силой»⁸³. Производивший 25 февраля его арест военнослужащий отряда ОГПУ А. А. Лайснер рассказал об этом такие подробности: «Я как старший группы вынужден был призвать на помощь еще двух красноармейцев. Когда его с большим трудом удалось вытащить в сени, он начал физически сопротивляться и сделал попытку бежать через черный ход, но благодаря хорошей работе красноармейцев попытка

ему не удалась, и он в одной рубашке был вытасчен на улицу и посажен в сани и отправлен в сельсовет»⁸⁴.

В течение суток были задержаны 160 жителей села, из них 85 отправлены из села, а остальные отпущены. В последующие дни, как сообщали старшие милиционеры 3-го участка Головин и Шинкаренко, работа по сбору семенного материала и раскулачиванию «пошла обычным путем» – с 27 февраля было раскулачено 26 хозяйств, 28 февраля к 12 часам в семенной фонд поступило 750 пудов семян⁸⁵.

Так, с помощью военной силы ОГПУ массовые волнения крестьян в Новой Чигле были подавлены, а наиболее активных их участников вскоре подвергнут политическим репрессиям.

2 марта 1930 г. сотрудник Борисоглебского окружного отдела ОГПУ С. Я. Берго постановил привлечь 87 жителей села в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 8, 58 п. 10 часть II-ая, 58 п. 11 УК, и «меру пресечения способов уклонения от следствия и суда ...избрать содержание под стражей в Таловском арестном доме»⁸⁶. После вынесения 7 марта 1930 г. обвинительного заключения следственное дело было передано на рассмотрение во внесудебном порядке в тройку при Полномочном представительстве ОГПУ по ЦЧО⁸⁷. На состоявшемся на следующий день, 8 марта 1930 г., заседании тройки обвиняемым были вынесены приговоры.

Какое наказание получили обвиняемые?

К высшей мере (расстрелу) были приговорены 21 чел.: П. Ф. Шишлятников, А. А. Гуров, Т. В. Долгушин, И. Ф. Евстратов, Н. Я. Алимova, И. Е. Фонов, В. Ф. Субботин, В. Ф. Евстратов, Ф. И. Юрьев, М. П. Алешников, П. И. Воронин, Г. И. Петров, Н. В. Васильченко, И. И. Бездухов, Ф. Ф. Иевлев, А. А. Кондратьев, Е. А. Кондратьев, В. И. Попов, И. И. Кондратьев, В. П. Хромых и Е. А. Махинов.

К заключению в концлагерь сроком на 10 лет были приговорены 22 чел.: П. П. Слизков, А. М. Махинов, В. М. Махинов, Я. А. Свиридов, В. И. Казьмин, Е. А. Ремнев, Ф. С. Михеев, В. А. Зотов, Ф. Н. Зотов, М. Ф. Коновалов, П. В. Ольховский, В. И. Лебедев, А. М. Федодеев, Т. А. Федодеева, Д. М. Анучин, А. Е. Елин, И. М. Прытков, С. Д. Романов, Ф. И. Приходько, И. И. Махинов, С. К. Махинов и Ф. К. Махинов; на 5 лет – 11 чел.: М. А. Слизков, П. М. Шмакова, И. И. Юрьев, Б. А. Зотов, И. П. Фонов, Ф. М. Тупикин, О. Е. Коновалова, И. П. Бездухов, Е. Ф. Кондратьева и М. Ф. Кондратьев. Я. А. Махинову заключение в концлагерь на 5 лет заменили высылкой через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок⁸⁸. Т. С. Старченко, дело по обвинению которого было выделено в отдельное производство, будет

приговорен к 5 годам заключения в концлагерь постановлением тройки ПП ОГПУ по ЦЧО 11 ноября 1930 г.⁸⁹

К заключению в концлагерь на 3 года по постановлению тройки ПП ОГПУ от 8 марта 1930 г. были приговорены 13 чел.: П. М. Буздалин, Г. И. Ухалин, М. Е. Зотов, Я. Ф. Шмаков, Н. А. Куцев, Я. Е. Лесин, М. Д. Костылева, П. П. Малахов, А. А. Мерзляков, Ф. Н. Королев, О. П. Голосова, Е. И. Козлов и Е. В. Хренова⁹⁰.

К трем годам заключения в концлагерь были условно приговорены и освобождены из-под стражи 11 чел. Отметим, что по протоколу заседания тройки нами установлены только 8 чел.: Ф. Б. Пупыкин, М. Н. Свиридова, И. И. Жданов, Т. М. Михеев, А. Ф. Лесных, Ф. Н. Кружилин, И. А. Найденов и Ф. Т. Найденов⁹¹. А трех человек: А. Е. Петрякову, Е. В. Скребневу, И. Г. Фирсова – удалось установить по «Книге Памяти жертв политических репрессий Воронежской области»⁹².

По постановлению тройки ПП ОГПУ от 8 марта 1930 г. из-под стражи были освобождены еще 8 чел.: Ф. М. Ольховский, В. Ф. Кружилин, С. О. Зотов, И. Г. Повалюхин, М. М. Гомозова, Г. Н. Найденов, И. Н. Махинов, А. Ф. Кондратьев⁹³.

11 марта 1930 г. в 2 часа за городом Воронежем приговор о высшей мере наказания – расстреле – был приведен в исполнение. Самому молодому из расстрелянных И. И. Бездухову (брату убитого на колокольне П. И. Бездухова) было 23 года⁹⁴.

В заключение отметим, что массовые выступления крестьян в Новой Чигле власть считала контрреволюционными кулацкими восстаниями. Между тем, исследованный нами фактический материал убедительно доказывает, что протестные действия крестьян были вызваны насильственными мерами, предпринятыми властью в отношении наиболее активных, уважаемых жителей села (в том числе и священнослужителей) и являются выражением крестьянской взаимопомощи, что соответствовало общинному менталитету российского крестьянства. Сведения ОГПУ о контрреволюционной кулацкой организации в Таловском районе Борисоглебского округа ЦЧО, которой якобы были организованы массовые выступления в ряде селений района и создан «штаб восстания» в селе Новая Чигла⁹⁵, не нашли подтверждения в доступных для исследования архивных документах. Активность и сплоченность новочигольцев, с особой силой проявившиеся в ходе выступлений, объясняется, на наш взгляд, осознанием ими необходимости консолидации всех слоев сельского населения в борьбе за сохранение привычного им уклада жизни как основы дальнейшего существования. Православные ценности и традиции были

той мощной духовной силой, которая объединяла русский народ в борьбе за справедливость, за право свободно трудиться и быть хозяином на своей земле.

Спустя почти 60 лет все осужденные участники массовых волнений в Новой Чигле, как и в других селах Таловского района, будут признаны жертвами политических репрессий и реабилитированы.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 2. Москва, 2000. С. 126–127.

² Там же. С. 230.

³ Там же.

⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. Москва, 2003. С. 228.

⁵ Трагедия советской деревни. С. 320.

⁶ Подробнее см.: *Тимошечкина Е. М.* Раскулачивание крестьянства в Борисоглебском округе Центрально-Черноземной области (первая половина 1930 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2014.

⁷ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 604. Л. 31.

⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 502–502 об.

⁹ *Тимошечкина Е. М.* Массовые выступления крестьян в селе Новая Чигла Борисоглебского округа ЦЧО в феврале 1930 г. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века : сб. ст. к междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2009. С. 258.

¹⁰ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 16.

¹¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 503.

¹² *Тимошечкина Е. М.* Массовые выступления крестьян в селе Новая Чигла. С. 258.

¹³ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 21; ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 503.

¹⁴ *Тимошечкина Е. М.* Массовые выступления крестьян в селе Новая Чигла. С. 258.

¹⁵ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 21–21 об.

¹⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 503.

¹⁷ Там же. Л. 503 об., 556 об.; ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 21 об., 22.

¹⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 503 об.

¹⁹ Там же. Л. 504; ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 23.

²⁰ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 23.

²¹ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 67.

²² *Тимошечкина Е. М.* Противостояние власти и крестьянства в период проведения сплошной коллективизации и раскулачивания (на материалах Таловского района ЦЧО) // Государство и общество : взаимодействие и противостояние : материалы Седьмой регион. науч. конф. Воронеж, 2013. С. 208.

- ²³ Тимошечкина Е. М. Противостояние власти и крестьянства в период проведения сплошной коллективизации и раскулачивания. С. 208–209.
- ²⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 84–85.
- ²⁵ Там же. Л. 82.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 46.
- ²⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 504, 504 об.
- ²⁹ Там же. Л. 504 об.–505.
- ³⁰ Там же. Л. 505.
- ³¹ Там же. Л. 551 об.
- ³² Там же. Л. 505.
- ³³ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 92; ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 20.
- ³⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 505.
- ³⁵ Там же. Л. 529 об., 578, 655 об.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43 а. Д. 1798. Л. 76.
- ³⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 577, 577 об.
- ³⁸ Там же. Л. 505.
- ³⁹ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 20.
- ⁴⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 533, 578, 556–556 об., 529 об., 505 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 643.
- ⁴² Там же. Л. 625.
- ⁴³ Там же. Л. 627.
- ⁴⁴ Там же. Л. 644.
- ⁴⁵ Там же. Л. 635–635 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 631.
- ⁴⁷ Там же. Л. 645.
- ⁴⁸ Там же. Л. 632.
- ⁴⁹ Там же. Л. 628.
- ⁵⁰ Там же. Л. 634–634 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 646–646 об.
- ⁵² Там же. Л. 637–637 об.
- ⁵³ Там же. Л. 640.
- ⁵⁴ Там же. Л. 639.
- ⁵⁵ Там же. Л. 529, 578 об., 556, 554 об., 533, 554 об.–553.
- ⁵⁶ Там же. Л. 629–629 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 635–635 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 637 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 505 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 556.
- ⁶¹ Там же. Л. 644–644 об.
- ⁶² Там же. Л. 636–636 об.
- ⁶³ Там же. Л. 636 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 644.
- ⁶⁵ Там же. Л. 506.

- ⁶⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 646 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 506, 529–529 об., 554 об.–553.
- ⁶⁸ Там же. Л. 506.
- ⁶⁹ Там же. Л. 626–626 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 663, 506, 565, 532.
- ⁷¹ Там же. Л. 631 об.
- ⁷² Там же. Л. 663.
- ⁷³ Там же. Л. 506–506 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 565.
- ⁷⁵ Там же. Л. 506 об.
- ⁷⁶ *Тимошечкина Е. М.* Противостояние власти и крестьянства в период проведения сплошной коллективизации и раскулачивания. С. 210.
- ⁷⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 3, кн. 1. Москва, 2000. С. 210.
- ⁷⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 627.
- ⁷⁹ Там же. Л. 630.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43 а. Д. 1798. Л. 76 об.; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 210.
- ⁸¹ *Тимошечкина Е. М.* Массовые выступления крестьян в селе Новая Чигла. С. 261.
- ⁸² ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 532 об.–533.
- ⁸³ Там же. Л. 655 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 541.
- ⁸⁵ *Тимошечкина Е. М.* Массовые выступления крестьян в селе Новая Чигла. С. 261.
- ⁸⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 507–508.
- ⁸⁷ Там же. Л. 696.
- ⁸⁸ Там же. Л. 662–663, 664–664 об., 665, 666.
- ⁸⁹ Там же. Л. 660; Книга Памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Т. 5. Воронеж, 2022. С. 321.
- ⁹⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 665 об., 670.
- ⁹¹ Там же. Л. 668–668 об.
- ⁹² Книга Памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Т. 3. Воронеж, 2017. С. 248, 299, 300, 339.
- ⁹³ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 669.
- ⁹⁴ Там же. Л. 671.
- ⁹⁵ «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8, ч. 1 : 1930. Москва, 2008. С. 752–753.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Михаил Дмитриевич Карпачев.
Биобиблиографический указатель
(составители: *А. Н. Акиншин, О. Ю. Товицкая*)

Настоящий указатель является продолжением биобиблиографического пособия, посвященного М. Д. Карпачеву и изданного в 2013 г. в серии «Ученые Воронежского государственного университета» (сост. А. Н. Акиншин, Г. Н. Мокшин). Учитываются публикации М. Д. Карпачева и литература о нем начиная с 2014 г. Отражены также публикации 2012–2013 гг., отсутствующие в предыдущем издании.

КНИГИ. СТАТЬИ, ТЕЗИСЫ, РЕЦЕНЗИИ

2012

1. Роль неземледельческих промыслов в жизни крестьянства Воронежской губернии в начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 2. – С. 67–74.

2013

2. Администрация и дворянство Воронежской губернии накануне отмены крепостного права : проблемы взаимодействия // Государство и общество : взаимодействие и противостояние : материалы VII Региональной науч. конф. – Воронеж, 2013. – С. 80–86.

3. Бронислав Яковлевич Табачников : человек, ученый, педагог // *Табачников Б. Я.* Славистические этюды. Избранное. – Воронеж, 2013. – С. 5–7.

4. Воронежский либерал А. Г. Хрущов. Штрихи к политическому портрету // Российская государственность в лицах и судьбах : материалы Областной науч.-практич. конф. по проблемам гуманитарных наук. – Липецк, 2013. – С. 133–141.

5. Воронежский университет : Вехи истории. 1918–2013. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2013. – 560 с.

6. Воронежское земство и аграрные нововведения начала XX века // Крестьянский мир : новые источники и методологические подходы. – Уфа, 2013. – С. 122–140.

7. Историография Отечественной войны 1812 г. в освещении о перспективах изучения и спорных оценках некоторых вопросов // Страницы истории и историографии Отечества. – Воронеж, 2013. – Вып. 5. – С. 23–29.
8. Исторический факультет / В. Н. Глазьев [и др.] // Всегда в движении : 1918–2013. – Воронеж, 2013. – С. 174–181.
9. К вопросу об определении народничества // Народники в истории России : межвуз. сб-к науч. тр. Вып. 1. – Воронеж, 2013. – С. 73–91.
10. Либеральные веяния отечественной бюрократии в эпоху отмены крепостного права // Вопросы истории славян. – Воронеж, 2013. – Вып. 21. – С. 222–241.
11. Об одной мнимой сенсации из истории основания Воронежского университета [продолжение] // Воронежский университет. – Воронеж, 2013. – № 8/9 (2504/2505). – С. 5.
12. Об одной мнимой сенсации из истории основания Воронежского университета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 5–8.
13. Об одной псевдосенсации // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 2013. – № 1/2 (112/113). – С. 11–12.
14. Об отношении дворянства Воронежской губернии к условиям отмены крепостного права // Конституция 1993 года и российский либерализм : к 20-летию Российской конституции : V Муромцевские чтения. – Орел, 2013. – С. 301–314.
15. Общество и власть в России накануне падения крепостного права : истоки конфликта // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (25). – С. 18–31.
16. Послевоенное возрождение Воронежского университета к юбилею ВГУ // Пути и формы совершенствования фармацевтического образования. Создание новых физиологически активных веществ : материалы V Междунар. науч.-методич. конф. «Фармообразование-2013». – Воронеж, 2013. – С. 3–20.
17. «Приветствуем воронежцев с государственным университетом» : 95 лет со дня основания ВГУ // Подъем. – Воронеж, 2013. – № 11. – С. 145–172.
18. Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 г. : социальные истоки и политические последствия // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 20. – Калининград, 2013. – С. 203–221.

19. Роль промыслов в хозяйстве крестьян Воронежской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Из истории Воронежского края. Вып. 20. – Воронеж, 2013. – С. 84–102.

20. Сергей Ефимович Крыжановский – политический деятель и публицист начала XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 52–59.

21. Солдатские стихи эпохи Первой мировой войны // *Медведев М. В.* На десятой версте от границы. Свидетельство из германского плена 1915–1917 гг. – Воронеж, 2013. – С. 120–129.

22. Три легендарных ректора // Университетская площадь. – Воронеж, 2013. – № 6. – С. 15–27.

23. «Университетская атмосфера несовместима с застоем» / беседовал А. Сорокин // Воронежский курьер. – 2013. – 23 ноября. – С. 4.

24. Ценное исследование по истории народного образования в Воронежском крае // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2013. – № 2. – С. 213–216. – (Рец. на кн.: Пыльнев Ю. В. История народного образования Воронежского края (конец XVII – начало XX века). Калининград : Аксиос, 2012. 728 с.).

2014

25. Воронежская деревня накануне крушения монархии (к оценке кризиса социальной политики властей) // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии : VI Муромцевские чтения. – Орел, 2014. – С. 336–352.

26. Воронежское жандармское управление об общественных настроениях в губернии в годы Первой мировой войны // Власть и общество : механизм взаимодействия и противоречия : материалы VIII Региональной науч. конф., Воронеж. 3 февраля 2014 г. – Воронеж, 2014. – С. 162–167.

27. Грандиозное бедствие : Россия и Воронеж в Первую мировую войну // Воронежский курьер. – 2014. – 1 августа.

28. Грозные парадоксы кануна крушения империи : продовольственное положение Воронежской губернии в годы первой мировой войны // Материалы Междунар. науч. конф. – Орел, 2014. – С. 19–42.

29. К судебной реформе 1864 г. в России. Путь к правовому государству и угрозы революционного террора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 5–13.

30. Либерализм русской бюрократии в эпоху реформ 1860-х гг. // Муромцевские чтения. Труды 2009–2013. – Орел, 2014. – С. 385–396.
31. Либералы справа : дворянство Воронежской губернии в конце XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Москва, 2014. – С. 114–128.
32. «Мало кто думал, что война продлится больше трех-четырёх месяцев» / беседовал Г. Полтаев // Воронежский курьер. – 2014. – 18 марта.
33. Мы за ценой не постоим // Воронежский курьер. – 2014. – 5 августа.
34. По чьей вине // Воронежский курьер. – 2014. – 8 августа.
35. «Реформируйте нас правильно» // Родина. – 2014. – № 4. – С. 30–33.
36. Сергей Ефимович Крыжановский – политический деятель и публицист начала XX века // Слава и забвение. Парадоксы биографии. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 283–295.
37. Судебная реформа 1864 г. в России : шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. – Воронеж, 2014. – № 3. – С. 29–40.
38. Судебная реформа 1864 года в России : путь к правовому государству и угрозы революционного террора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 5–13.
39. Финансовые повинности крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. : XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений. – Москва, 2014. – С. 96–99.

2015

40. Вице-губернатор Козлов Алексей Васильевич (1914–1915) // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : историко-биографические очерки. – Воронеж, 2015. – С. 399–401.
41. Вице-губернатор Хвостов Алексей Алексеевич (1899–1903) // Там же. – С. 346–348.
42. Вице-губернатор Чернов Александр Макарович (1896–1899) // Там же. – С. 336–339.
43. Вице-губернатор Чижов Сергей Аполлонович (1903–1906) // Там же. – С. 356–357.
44. Власть и выборы депутатов III и IV Государственных дум Российской империи в Воронежской губернии // Этноконфессиональные

и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политике российского либерализма : VII Муромцевские чтения. – Орел, 2015. – С. 336–349.

45. Воронежский университет в годы Великой Отечественной войны // Университетская площадь. – Воронеж, 2015. – № 7/8. – С. 4–16.

46. Вспоминая Василия Федоровича Антонова // Памяти учителя. Василий Федорович Антонов : воспоминания и статьи. – Москва, 2015. – С. 28–34

47. Генерал-губернатор Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1880–1881) // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : историко-биографические очерки. – Воронеж, 2015. – С. 298–299.

48. Генерал-губернатор М. Т. Лорис-Меликов // Там же. – С. 292–301.

49. Генерал-губернатор Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1881–1882) // Там же. – С. 300–301.

50. Губернатор Андреевский Сергей Сергеевич (1902–1906) // Там же. – С. 349–355.

51. Губернатор Бибииков Михаил Михайлович (1906–1909) // Там же. – С. 358–366. (Соавт. – А. Н. Акинъшин).

52. Губернатор Голиков Сергей Иванович (1909–1914) // Там же. – С. 377–385.

53. Губернатор Д. Ф. Кованько // Там же. – С. 276–281.

54. Губернатор Ершов Михаил Дмитриевич (1915–1917) // Там же. – С. 405–410. (Соавт. – А. Н. Акинъшин).

55. Губернатор Коленко Владимир Захариевич (1894–1898) // Там же. – С. 329–335.

56. Губернатор Петкевич Георгий Болеславович (1914–1915) // Там же. – С. 391–398. (Соавт. – А. Н. Акинъшин).

57. Губернатор Слепцов Павел Александрович (1898–1902) // Там же. – С. 340–345.

58. Исторический факультет : вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета : биографический справочник сотрудников, 2015. – С. 12–57. (Соавт. – А. Н. Акинъшин).

59. Контрасты войны: о социально-экономическом положении воронежского крестьянства накануне падения монархии // Россия в Первой мировой войне : материалы науч. конф., посвященной 100-летию с начала Первой мировой войны. – Воронеж, 2015. – С. 100–114.

- 60.** Начальники Воронежской губернии // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : историко-биографические очерки. – Воронеж, 2015. – С. 3–19. (Соавт. – А. Н. Акинъшин, Н. А. Комолов).
- 61.** О налогах и налоговой дисциплине крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. // Власть и общество : практики взаимодействия и конфликты : материалы IX Региональной науч. конф., Воронеж, 2 февраля 2015 г. – Воронеж, 2015. – С. 90–104.
- 62.** О правосознании крестьян Воронежской губернии в начале XX в. // Человек в глобальном мире : материалы Междунар. науч. конф., Воронеж, 18–20 мая 2015 г. – Воронеж, 2015. – С. 393–397.
- 63.** О социальных истоках русских революций начала XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 21–28.
- 64.** Общественно-политическая деятельность П. Я. Ростовцева // Исторические записки : науч. тр. историч. ф-та Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2015. – №17. – С. 42–59. (Соавт. – Г. Н. Мокшин, П. А. Попов).
- 65.** Простор для частной инициативы (Столыпинские преобразования в Черноземье) // Подъем. – Воронеж, 2015. – С. 165–175.
- 66.** Свидетельство из германского плена // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. Вып. 4. – Воронеж, 2015. – С. 72–81.
- 67.** Финансовые повинности крестьян Воронежской губернии в конце XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. – Москва ; Самара, 2015. – С. 253–269.

2016

- 68.** Воронежская деревня в начале XX в. : социальный облик в условиях аграрного реформирования // Вопросы истории. – 2016. – № 7. – С. 3–27.
- 69.** Воронежская деревня накануне падения монархии // Воронежский краеведческий вестник. Вып. 16. – Воронеж, 2016. – С. 6–26.
- 70.** Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // Северо-запад в аграрной истории России. Вып. 22. – Калининград, 2016. – С. 182–202.
- 71.** Дворяне Воронежской губернии о подготовке и условиях отмены крепостного права // Российская история. – 2016. – № 2. – С. 126–139.
- 72.** Депутаты 4-й Государственной Думы от Воронежской губернии : социально-политический портрет // IX Всероссийские краеведческие чтения, Москва – Воронеж, 15–19 мая 2015 г. – Москва ; Воронеж, 2016. – С. 694–701.

- 73.** Жизнь воронежской деревни конца XIX века глазами писателя-демократа // Н. М. Астырев. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. – Воронеж, 2016. – С. 247–262.
- 74.** Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Воронежского государственного университета) // Новое прошлое : научный журнал гуманитарного профиля. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 2. – С. 121–136.
- 75.** Налоги в бюджетах крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Из истории Воронежского края : сборник статей. Вып. 23. – Воронеж, 2016. – С. 52–71.
- 76.** О новых и старых подходах к периодизации истории русского народничества // Народники в истории России : межвуз. сб-к науч. тр. – Воронеж, 2016. – Вып. 2. – С. 7–19.
- 77.** Об особенностях консерватизма русского крестьянства начала XX в. // Власть и общество : история взаимоотношений : материалы X Региональной науч. конф. – Воронеж, 2016. – С. 104–111.
- 78.** Русская крестьянская община и государство : социальные истоки конфликта в начале XX века // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. : ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Уфа, 2016. – С. 283–297.
- 79.** Русская крестьянская община и государство : социальные истоки конфликта в начале XX века // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. : тезисы докладов и сообщений XXXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Уфа, 20–23 сентября 2016 г. – Москва, 2016. – С. 144–146.
- 80.** Сергей Ефимович Крыжановский – теоретик и практик политического реформирования России начала XX века // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, праграмматике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма : VIII Муромцевские чтения : сборник материалов Всерос. науч. конф., Орел, 6–8 октября 2016 г. – Орел, 2016. – С. 152–170.

2017

- 81.** «В Революции был размах – это единственное, что бесспорно» [О «юбилейном» круглом столе] // Берег. – 2017. – 3 ноября. (Соавт. – А. Саубанов, О. Бренер [и др.]).
- 82.** Воронежская деревня накануне революции 1917 года : к оценке предварительных итогов столыпинской аграрной политики // Известия ВГПУ. Гуманитарные науки : материалы XI Региональной науч. конф. – Воронеж, 2017. – № 2. – С. 129–135.

- 83.** Губернатор Е. А. Куровский и борьба с голодом в Воронежской губернии в 1891–1892 гг. // Личность в социуме, государстве, истории : материалы XI Региональной науч. конф. – Воронеж, 2017. – С. 73–83.
- 84.** Документы Итальянских войск и военнослуживших в Государственных архивах Воронежской области // Сражения в России : Дон и Сталинград. Взгляд через 75 лет : материалы Междунар. науч. конф. – Воронеж, 2017. – С. 186–190.
- 85.** Коленко Владимир Захарьевич // Почетный гражданин : историко-биографические очерки. – Воронеж, 2017. – С. 87–100.
- 86.** Крестьянский консерватизм и аграрные реформы начала XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 23. – Калининград, 2017. – С. 143–153.
- 87.** Н. К. Михайловский – теоретик русского народничества 1870-х – начала 1880-х гг. // Н. К. Михайловский : Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения). – Воронеж, 2017. – С. 197–208.
- 88.** Об исторических факторах российской революции 1917 года // 100 лет революции 1917 года в России : опыт работы областного и муниципальных комитетов Воронежской области. – Воронеж, 2017. – С. 11–13.
- 89.** Реформы в России – не антиподы революции // Новое прошлое : научный журнал. – Ростов-на-Дону, 2017. – № 2. – С. 184–188.
- 90.** Социально-экономическое положение Воронежской губернии в годы первой мировой войны // Феномен мировых войн в истории XX века : материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Воронеж, 2017. – С. 143–154.
- 91.** Трагедия последнего российского императора / записала Е. Черных // Галерея Чижова. – 2017. – 22–28 марта.
- 92.** Феномен крестьянского консерватизма в России (к вопросу о социальных истоках революции) // В эпоху перемен : бунт, восстание и революция в XVII – начале XX вв. в российской провинции : материалы Всерос. науч. конф., Елец, 21–23 сентября 2017 г. – Елец, 2017. – С. 81–89.
- 93.** Эпизод из жизни крестьян слободы Воронцовки // Из истории Воронежского края. Вып. 24. – Воронеж, 2017. – С. 52–62.

2018

- 94.** «Царь-голод» 1891–1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы :

итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. – Москва, 2018. – С. 103–117.

95. «Царь-голод» 1891–1892 гг. в Воронежской губернии, его последствия // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. : XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений. – Москва, 2018. – С. 112–115.

96. Аграрное перенаселение в Воронежской губернии и его социальные последствия в начале XX вв. // Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 2018. – № 24. – С. 142–156.

97. Андрей Иванович Шингарев // Российский либерализм : идеи и люди : в 2 т. – Москва, 2018. – Т. 2. – С. 584–592.

98. Архивные документы о продовольственном положении Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Воронежский вестник архивиста. Вып. 16. – Воронеж, 2018. – С. 33–64.

99. В начале пути : основание Воронежского государственного университета (к 100-летию события) // Воронежская педагогическая школа : дидактическая реконструкция. – Воронеж, 2018. – С. 66–86.

100. Воронежская педагогическая школа : дидактическая реконструкция. – Воронеж : Кварта, 2018. – 341 с. (Соавт. – И. Ф. Бережная, Е. В. Кривотулова и др.).

101. Вузы Воронежа в годы Великой Отечественной войны // Сражение за Воронеж и его место в истории Великой Отечественной войны : материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Воронеж, 2018. – С. 116–136.

102. История Воронежского университета глазами патриота // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2018. – № 4. – С. 131–135. – (Рец. на кн.: Рахманин В. С. Мой университет. Записки вечного студента и размышления старого профессора. Воронеж, 2018. 501 с.).

103. Как был основан Воронежский университет // Личность, общество, власть : прошлое и современность : материалы XII Региональной науч. конф., Воронеж, 2 февраля 2018 г. – Воронеж, 2018. – С. 3–21.

104. Как был основан Воронежский университет: к 100-летию события // Университетская площадь. – 2018. – № 10. – С. 9–21.

105. Общинный строй воронежской деревни в начале XX в. // Воронежский вестник архивиста. Вып. 14. – Воронеж, 2018. – С. 46–59.

106. Объективные предпосылки и субъективные факторы Великой русской революции 1917 года // *Веков неспешный ход : проблемы социально-экономической и политической истории России : сб-к тр. конф.*, Калининград, 21–24 мая 2018 г. – Калининград, 2018. – С. 253–271.

107. Основание Воронежского университета // *Высшее образование в России*. – 2018. – № 8/9. – С. 126–134.

108. Петр Яковлевич Ростовцев // *Российский либерализм : идеи и люди : в 2 т. Т. 2*. – Москва, 2018. – С. 260–265.

109. Причины и социальные последствия аграрного перенаселения в Воронежской губернии в начале XX века // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. – 2018. – № 2. – С. 13–19.

110. Трагическая страница в истории края : дело об «офицерской контрреволюционной монархической организации» (1930–1931) // *Из истории Воронежского края. Вып. 25*. – Воронеж, 2018. – С. 128–152.

111. Три ректора – три вехи в истории Воронежского университета // *Подъем*. – Воронеж, 2018. – № 11. – С. 141–159.

112. Documenti delle truppe Italiane e dei soldati italiani conservati negli archivi statali della provincial di Voronez // *Battaglie in Russia : Don e Stalingrado. Sguardo 75 anni dopo*. – Modena, 2018. – P. 145–154.

2019

113. Воронежская губерния в годы Первой мировой войны // *Воронежцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг.* – Воронеж, 2019. – С. 7–21.

114. Высшая школа в Воронежской области : этапы развития // *Воронежской области – 85 лет : материалы науч.-практич. конф.*, Воронеж, 13 июня 2019 г. – Воронеж, 2019. – С. 48–111.

115. Забытые вузы ВИНХУ, ВИМЛ, ВАИ : из истории воронежской высшей школы 1930-х гг. // *Страницы истории и историографии Отечества. Вып. 6*. – Воронеж, 2019. – С. 71–93.

116. Интеллигенция в пореформенной России : особенности политического облика // *Эпоха великих реформ : история и документальное наследие. Ч. 1*. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 27–42.

117. Крестьянский голод 1891–1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия // *Общество и власть: история и современность : материалы XIII Региональной науч. конф.*, Воронеж, 1 февраля 2019 г. – Воронеж, 2019. – С. 108–120.

118. О делах, давно минувших и не столь отдаленных // Подъем. – Воронеж, 2019. – № 5. – С. 175–185.

119. Предисловие // Воронежские жандармы в эпоху модерна. – Воронеж, 2019. – С. 4–7.

120. Судебная реформа 1864 г. в России : шаг на пути к правовому государству // Реформа на века : к 150-летию Судебной реформы 1864 года в России. – Воронеж, 2019. – С. 27–38.

2020

121. Воронежская деревня и кризис социальной политики властей накануне Февральской революции 1917 г. // Проблемы аграрной истории России : материалы III Всерос. конф., посвященной 90-летию профессора В. М. Важинского. – Липецк, 2020. – С. 92–104.

122. Воронежская деревня накануне революции 1917 года : промежуточные результаты аграрного реформирования // Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 2020. – № 26. – С. 226–242.

123. К юбилею В. Н. Глазьева // Владимир Николаевич Глазьев : библиографическое пособие. – Воронеж, 2020. – С. 6–9.

124. Как начиналась земская статистика в Воронежской губернии // Из истории Воронежского края. Вып. 26. – Воронеж, 2020. – С. 78–92.

125. О налогах и налоговой дисциплине крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. – № 3. – С. 47–55.

126. Социальный мир русской деревни и проблема ее продовольственной безопасности во второй половине XIX – начале XX вв. // Социальный мир деревни X–XXI вв. : земельные собственники / землевладельцы и земледельцы : XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Воронеж, 22–25 сентября 2020 г. : тезисы докладов и сообщений. – Москва, 2020. – С. 159–162.

127. Социальный мир русской деревни и проблема ее продовольственной безопасности во второй половине XIX – начале XX вв. // Социальный мир деревни X–XXI вв. : земельные собственники / землевладельцы и земледельцы : Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год : Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. – Воронеж, 2020. – № 1. – С. 97–82.

128. Финансовое положение Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. // Общество и власть : века минувшие и день сегодняшний : материалы XIV Региональной науч. конф., Воронеж, 4 февраля 2020 г. – Воронеж, 2020. – С. 91–98.

2021

129. XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Воронеж, 22–26 сентября 2020 г. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – Москва, 2021. – № 1 (103). – С. 126–131.

130. Аграрные преобразования 1907–1914 гг. в воронежской деревне // Страницы истории и историографии Отечества. Российские университеты. Вып. 8. – Воронеж, 2021. – С. 47–64.

131. Власть и крестьянская община в России начала XX в. // Страницы истории и историографии Отечества. Вып. 7. – Воронеж, 2021. – С. 36–53.

132. Новый труд о судьбе исторического образования в СССР // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2021. – № 2. – С. 118–122. – (Рец. на кн.: Гришаев О. В. Политика партийных и государственных органов в области институциональной и научной организации и исторического образования и изучения отечественной истории в 1917-м – середине 1940-х гг. в СССР. – Воронеж, 2020. – 368 с.).

133. Особенности отмены крепостного права в Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста. Вып. 19. – 2021. – С. 26–48.

134. Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы (XXXVII сессия), Воронеж, 22–26 сентября 2020 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 3. – С. 64–70.

135. Социально-экономическое положение в Воронежской губернии накануне революции 1917 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 1. – С. 24–31.

136. Феномен крестьянского консерватизма в России (к вопросу о социальных истоках революции) // Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии : материалы XV Региональной науч. конф., Воронеж, 9 февраля 2021 г. – Воронеж, 2021. – С. 45–53.

2022

137. Архивные документы о финансовом положении крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. // Воронежский вестник архивиста. Вып. 20. – 2022. – С. 48–65.

138. Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 г. : социальные истоки и политические последствия // Власть и общество

в прошлом и настоящем : материалы XVI Региональной науч. конф., Воронеж, 3 февраля 2022 г. – Воронеж, 2022. – С. 36–47.

РЕДАКТОРСКАЯ РАБОТА М. Д. КАРПАЧЕВА

2013

139. Всегда в движении. 1918–2013 / под редакцией : Д. А. Ендовицкого, М. Д. Карпачева [и др.]. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2013. – 352 с.

140. *Перцев В. А.* Материальное положение население РСФСР (вторая половина 1950-х – 1980-е годы) : на материалах областей Центрального Черноземья / В. А. Перцев ; науч. редактор М. Д. Карпачев. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2013. – 400 с.

2014

141. *Перцев В. А.* Социальное обеспечение и обслуживание населения РСФСР (вторая половина 1950-х – 1980-е годы) : на материалах областей Центрального Черноземья / В. А. Перцев ; науч. редактор М. Д. Карпачев. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2014. – 434 с.

2015

142. Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та Воронежского государственного университета. Вып. 17 / [редколлегия : В. Н. Глазьев (отв. редактор), М. Д. Карпачев и др.]. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2015. – 143 с.

143. Россия в Первой мировой войне : материалы науч. конф., посвященной 100-летию с начала Первой мировой войны / редколлегия : М. Д. Карпачев (отв. редактор) и др. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2015. – 128 с.

2016

144. Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та Воронежского государственного университета. Вып. 18 / [редколлегия : В. Н. Глазьев (отв. редактор), М. Д. Карпачев и др.]. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. – 91 с.

2018

145. *Глазьев В. Н.* Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках / В. Н. Глазьев ; науч. редактор М. Д. Карпачев. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2018. – 270 с.

2020

146. *Акиньшин А. Н.* Историческое краеведение : учебно-методическое пособие по лекционному курсу / А. Н. Акиньшин ; науч. редактор М. Д. Карпачев. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2020. – 83 с.

РЕЦЕНЗЕНТСКАЯ РАБОТА

2016

147. *Рылов В. Ю.* Консерватизм в Российской провинции : правое движение в губерниях Центрально-Черноземного района. 1903–1917 / В. Ю. Рылов ; рецензент М. Д. Карпачев. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. – 621 с.

2017

148. *Нахимов А. П.* Образовательные организации системы МВД / НКВД в Воронежском регионе (1888–1942 гг.) : монография / А. П. Нахимов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников ; рецензент М. Д. Карпачев. – Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2017. – 382 с.

149. *Сазонникова Е. В.* Юридический факультет Воронежского государственного университета : в начале пути. 1918 : монография / Е. В. Сазонникова ; рецензенты: Ю. Н. Старилов, М. Д. Карпачев, А. Н. Акиншин. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2017. – 136 с.

2018

150. *Нахимов А. П.* Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века : монография / А. П. Нахимов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников ; рецензент М. Д. Карпачев. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. – 685 с.

2022

151. *Сазонникова Е. В.* Перешагнув рубеж столетья... / Е. В. Сазонникова ; рецензент М. Д. Карпачев. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2022. – 242 с.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

2015

152. Историческое краеведение Воронежской области : 8–9 кл. : учеб. пособие / М. Д. Карпачев [и др.]. – Воронеж : ЦДВЧК, 2015. – 368 с.

2016

153. История : учеб. пособие / М. Д. Карпачев [и др.]. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. – 438 с.

2022

154. История : учеб. пособие. – 6-е изд., испр. и доп. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2022. – 486 с. (Соавт. – Д. В. Акимов, В. М. Брезгунова, В. Н. Глазьев [и др.]).

155. Россия в начале XX в. // История : учеб. пособие. – Воронеж, 2022. – Гл. 8. – С. 218–247.

156. Россия в первой половине XIX в. // История : учеб. пособие. – Воронеж, 2022. – Гл. 6. – С. 139–162.

157. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие России во второй половине XIX в. // История : учеб. пособие. – Воронеж, 2022. – Гл. 7. – С. 163–217.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРАЦИЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ ПОД НАУЧНЫМ РУКОВОДСТВОМ М. Д. КАРПАЧЕВА

2014

158. *Тимошечкина Е. М.* Раскулачивание крестьянства в Борисоглебском округе Центрально-Черноземной области (первая половина 1930 г.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Тимошечкина Елена Михайловна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2014. – 22 с.

2015

159. *Иконников С. А.* Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Иконников Сергей Анатольевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2015. – 25 с.

2016

160. *Чигирева Е. М.* Дворянство Воронежской губернии в пореформенную эпоху: социально-экономические и общественно-политические аспекты жизни сословия. 1861–1905 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Чигирева Елена Михайловна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2016. – 24 с.

2017

161. *Заяц Н. А.* Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914–1918 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Заяц Николай Алексеевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2017. – 23 с.

162. *Страхов Л. В.* Воронежское губернское жандармское управление : организация деятельности (1867–1917) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Страхов

Леонид Витальевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2017. – 24 с.

2019

163. *Зверков Е. А.* Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 год : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Зверков Евгений Андреевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2019. – 23 с.

2023

164. *Чесноков В. Г.* Организация архитектурно-строительной деятельности в Воронежской губернии (последняя четверть XVIII – начало XX в.) : Специальность 5.6.1 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Чесноков Владимир Геннадьевич ; Воронежский государственный университет. – Тамбов, 2023. – 24 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ, КОНСУЛЬТИРУЕМЫХ М. Д. КАРПАЧЕВЫМ

2015

165. *Квасов О. Н.* Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... докт. ист. наук / Квасов Олег Николаевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2015. – 44 с.

2017

166. *Чвикалов А. И.* Учреждения общественного самоуправления (земское и городское) в губерниях Центрального Черноземья России во второй половине XIX – начале XX в. : организационный и социальный аспекты : автореф. дис. ... докт. ист. наук / Чвикалов Алексей Иосифович ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2017. – 38 с.

ПУБЛИКАЦИИ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Д. КАРПАЧЕВА

2012

167. *Искра Л. М.* [Рецензия] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 212–215. – (Рец. на кн.: Воронеж народниковедческий : сб. ст. Воронеж : Истоки, 2012. 195 с.).

168. Карпачев М. Д. // Воронежский край. Памятные даты на 2013 год : [календарь]. – Воронеж : ВОУНБ им. И. С. Никитина, 2012. – С. 136–137.

2013

169. [Дьяков Д.] Ропоткин К. 5 открытий профессора Карпачева / К. Ропоткин // Metro Воронеж. – 2013. – № 40. – 21 ноября. – С. 14.

2014

170. Кирилова О. Вспомнить забытое / О. Кирилова // Воронежский курьер. – 2014. – 18 марта. (О выступлении М. Д. Карпачева на конференции «Воронежский край в годы Первой мировой войны : забытые страницы истории»).

171. Черников В. В память о русских модернизаторах / В. Черников // Коммуна. – 2014. – 10 июля. (О выступлении М. Д. Карпачева на круглом столе «Воронежское земское самоуправление. К 150-летию земской реформы в России»).

2015

172. Карпачев Михаил Дмитриевич // Исторический факультет Воронежского государственного университета : биографический справочник сотрудников. – 2-е изд., доп. / редактор-сост. А. Н. Акиншин. – Воронеж, 2015. – С. 160–162.

173. Карпачев Михаил Дмитриевич // История русской социально-политической мысли в XXI веке : исследователи и исследования : энциклопедия. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – С. 228–230.

2017

174. Карпачев М. Д. // Воронежский край. Памятные даты на 2018 год : [календарь]. – Воронеж : ВОУНБ им. И. С. Никитина, 2017. – С. 169–170.

2018

175. Короткова И. «Беспамятство не искупишь деньгами и властью» / И. Короткова // Главный корпус / сост. Л. Е. Кройчик. – Воронеж, 2018. – С. 202–206.

2022

176. Михаил Дмитриевич Карпачев // Воронежский край. Памятные даты на 2023 год : [календарь]. – Воронеж : ВОУНБ им. И. С. Никитина, 2022 – С. 194–195.

Именной указатель

- Акимов Д. В. 154
Акиншин А. Н. 51, 54, 56, 58, 60,
146, 149, 172
Андреевский С. С. (50)
Антонов В. Ф. (46)
Астырев Н. М. 73
- Бережная И. Ф. 100
Бибиков М. М. (51)
Брезгунова В. М. 154
Бренер О. 81
- Глазьев В. Н. (123), 142, 144, 145,
154
Голиков С. И. (52)
Гришаев О. В. (132)
- Дондуков-Корсаков А. М. (47)
Дьяков Д. 169
- Ендовицкий Д. А. 139
- Заяц Н. А. 161
Зверков Е. А. 163
- Иконников С. А. 159
Искра Л. М. 167
- Квасов О. Н. 165
Кирилова О. 170
Кирнос А. В. 148, 150
Кованько Д. Ф. (53)
Козлов А. В. (40)
Коленко В. З. (55, 85)
Колесников В. А. 148, 150
Комолов Н. А. 60
Короткова И. 175
Кривотулова Е. В. 100
Кройчик Л. Е. 175
Крыжановский С. Е. (20, 36, 80)
Куровский Е. А. (83)
- Лорис-Меликов М. Т. (48)
- Медведев М. В. 21
Михайловский Н. К. (87)
Мокшин Г. Н. 64
- Нахимов А. П. 148, 150
- Перцев В. А. 140, 141
Петкевич Г. Б. (56)
Полтаев Г. 32
Попов П. А. 64
Пыльнев Ю. В. 24
- Рахманин В. С. 102
Ропоткин К. 169
Ростовцев П. Я. (64, 108)
Рылов В. Ю. 147
- Сазонникова Е. В. 149, 151
Саубанов А. 81
Святополк-Мирский Д. И. (49)
Слепцов П. А. (57)
Сорокин А. 23
Старилов Ю. Н. 149
Страхов Л. В. 162
- Табачников Б. Я. (3)
Тимошечкина Е. М. 158
- Хвостов А. А. (41)
Хрущов А. Г. (4)
- Чвикалов А. И. 166
Черников В. В. 171
Чернов А. М. (42)
Черных Е. 91
Чесноков В. Г. 164
Чигирева Е. М. 160
Чижов С. А. (43)
- Шингарев А. И. (97)

СПИСОК АББРЕВИАТУР

БелГУ	– Белгородский государственный университет
БО	– Боевая организация
ВАИ	– Воронежский авиационный институт
ВАСХНИЛ	– Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук
ВИМЛ	– Воронежский институт марксизма-ленинизма
ВИНХУ	– Воронежский институт народно-хозяйственного учета
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВДСРН	– Всероссийский Дубровинский СРН
ВЖК	– Воронежская жандармская команда
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНС	– Всероссийский национальный союз
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАКО	– Государственный архив Курской области
ГАЛО	– Государственный архив Липецкой области
ГАОПИ ВО	– Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГЖУ	– Губернское жандармское управление
ДП	– Департамент полиции
ИКОС	– Исполнительный комитет общественного спокойствия
КООУ	– Комитета всех объединенных организаций и учреждений г. Воронежа
КПСС	– Коммунистическая партия Советского союза
КРО	– Контрразведовательный отдел
МВД	– Министерство внутренних дел
МГУ	– Московский государственный университет
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОНУ	– Общество народных университетов
ОО	– Особый отдел
ОРФ ГЛМ	– Отдел рукописный фондов Государственного литературного музея
ПП	– Полномочное представительство

ППП	– Партия правового порядка
ПСЗРИ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСР	Партия социалистов-революционеров
РАО	– Районный административный отдел (милиция)
РГВИА	– Российской государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российской государственный исторический архив
РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП(б)	– Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСКД	– Рабочие, солдатские, крестьянские депутаты
РУДН	– Российский университет дружбы народов
СМА	– Русский народный союз имени Михаила Архангела
СНР	– Союз русского народа
СХИ	– Сельскохозяйственный институт
ТКП	– Трудовая крестьянская партия
ТСК	– Техническо-строительный комитет
УНКВД	– Управление Народного комиссариата внутренних дел
ЦГИАУ	– Центральный государственный исторический архив Украины
ЦК	– Центральный комитет
ЦЧО	– Центрально-Черноземная область
ЮВЖД	– Юго-Восточная железная дорога

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов А. М. 95
Абросимов 255, 260
Акинъшин А. Н. 4, 7, 11, 20, 52, 63, 236, 243, 268
Аксаков И. С. 80, 85, 123
Александр I, император 116, 117, 138
Александр II, император 3, 16, 54–56, 117, 118, 134, 138
Александров В. А. 83
Александров Н. А. 90
Алексеев В. Г. 40, 41, 50
Алексеев В. Н. 7
Алексий (Буй), епископ 240
Алехин Я. И. 89, 96
Алешников М. П. 249, 250, 259, 263
Алимов П. Г. 96
Алимова Н. Я. 253, 263
Алисов И. Т. 196, 205, 206
Алленова В. А. 3, 9, 38
Алмазов А. И. 60
Альский М. 100
Андреев Н. Г. 94, 96, 206
Аносов В. Н. 175, 181
Антипин И. М. 230
Антонов 247
Антонов В. Ф. 48, 53
Анучин Д. М. 253, 263
Анфимов А. М. 58, 64
Аристов С. 244
Арнольди 111
Артеменко Н. Ф. 177
Архангельский Н. А. 164, 168
Архипов Ф. 182
Астафьев С. 77
Асташова А. Н. 244
Астырев Н. М. 3, 13, 14, 19, 74, 76–81, 84, 124, 223
- Бабайцев И. С. 170
Багалдин-Таишев А. П. 161
Базарный Я. С. 224, 233
Бакшт Д. А. 161
Балашов И. Д. 36
- Баранов А. М. 111
Баранов Н. А.
Баранова Н. О. 3, 10, 20, 174
Барятинская Н. А. 60
Баточкин И. С. 70
Бахтин В. В. 3, 10, 236, 243, 244
Бебель А. 181
Безгин В. Б. 83
Бездухов И. И. 254, 263, 264
Бездухов И. П. 263
Бездухов П. И. 261, 264
Бекетов В. А. 64
Белилов М. 258
Белкин И. С. 166, 168, 170
Белозоров А. И. 90, 96, 205
Белолипский И. Н. 62
Беляев Н. М. 194
Бенкендорф А. Х. 115, 117, 120, 123
Берго С. Я. 263
Бережная Е. А. 49, 53
Березовский А. 117
Бернов В. А. 190, 191
Бибииков Г. Н. 123
Бибииков М. М. 156, 171, 228, 229, 233
Бибииков Н. П. 57
Бирштейн П. М. 183
Битнюков С. П. 232
Битюцкий В. И. 236
Близнюк А. П. 230
Блинов К. Д. 90
Богданов А. П. 141
Богданов И. 164, 168
Богданович А. В. 58
Богишич В. В. 75, 83
Богослова 255
Богоявленский В. В. 99
Богучарский (Яковлев) В. Я. 12, 14, 19
Богушевский Б. В. 60
Болдырев И. 130
Болховитинов Е. А. 141
Бородкин П. Л. 166
Бочаров М. П. 90

- Бразоль Г. Е. 82
Бржеский Н. 125, 134
Брокгауз Ф. А. 125
Будагов С. Г. 73
Будберг Р. Ю. 229
Буздалин П. М. 253, 258, 264
Булдаков В. П. 207
Булена 255
Бунге Н. Х. 125, 134
Буревой (Сопляков) К. С. 217, 221, 224, 230, 233
Буренин С. П. 196–198, 205, 206
- Ванюрский** 107, 108
Варейкис И. М. 46, 245
Васев И. Н. 83
Васильев 152
Васильев А. А. 83
Васильев Н. В. 154
Васильев С. А. 179
Васильченко Н. В. 254, 263
Васильчиков Б. А. 62
Васильчиков И. 55
Васильчиков С. И. 62
Введенский С. Н. 238
Вельбель Б. М. 133, 134
Веневитинов М. А. 60
Веневитинов М. М. 108
Вениамин (Федченков), митрополит 78, 84
Вентури Ф. 14
Вепрейский 115
Веревкин А. И. 100
Веригин И. 82
Верховых В. М. 37
Веселовский В. Г. 86, 205
Веселовский М. А. 117
Виткович С.-П. А. 224, 229
Виттенберг М. 179
Водарский Я. Е. 65, 72
Водопьянов Г. П. 175, 179, 181
Волков А. Г. 115
Волкова Е. А. 18
Волтатис Ю. И. 105
Воронин П. И. 263
Воронков И. Г. 223
- Воронов И. К. 110, 113
Воронцов С. М. 62
Врачев И. 217, 220
Вронский О. Г. 83
Вьюнников И. Е. 106
Вязовой Г. Г. 108
- Гагарин И. В. 55
Галай А. П. 164, 166
Ганин А. В. 244
Гарденин Н. Н. 60, 62
Гарденин С. Н. 60, 62
Гаршин Л. Н. 131
Генкин Л. Б. 12, 13
Геннади Г. 82
Герасименко Г. А. 102
Герасимов П. Н. 179, 184
Гершман Е. М. 96
Гиляров-Платонов Н. П. 79, 85
Гладких Я. Н. 230
Глазьев В. Н. 3, 6, 48, 52
Глебов В. Г. 236, 243
Глебов Л. Д. 36
Глинка К. Д. 132, 133, 144, 146
Глинка М. И. 83
Голиков С. И. 140
Голинович М. 108
Головин 262, 263
Голосова О. П. 264
Гомозова М. М. 254, 258, 264
Городницкий Р. А. 172
Грачев Д. К. 170
Гребенник И. Е. 196–198
Гревс Д. М. 90
Григорьев Н. И. 95
Гришаев О. В. 49, 53
Громов 175, 179
Громыко М. М. 83
Гуков П. В. 229
Гульцев Н. Н. 36
Гурко 60
Гуров А. А. 263
Гусев П. Н. 183
Гусева В. Н. 183
- Давыдов 152

Давыдов М. А. 21, 35
Дамберг Ж. И. 251
Данилевский Н. Я. 81, 85
Данилов В. П. 30
Данков С. А. 90
Дахно Г. В. 96
Дахно М. И. 134
Дацевич В. И. 158
Дашкевич Г. А. 82
Дзюба М. 36
Дикарев И. А. 171
Дитрих А. И. 143, 146
Дмитр(и)енко И. Е. 96, 127
Дмитриев Г. М. 7, 19
Дмитриев Н. Н. 181
Дмитриева В. И. 153, 161, 181, 202, 204, 205
Докучаев В. В. 126, 133, 134
Долгов Р. П. 240
Долгушин Т. В. 249, 253, 263
Домнич И. Н. 224, 233
Донков В. И. 262
Дорофеева О. П. 20
Дояренко А. Г. 239
Дружинин А. 178
Дубинин П. П. 45, 242
Дубровин А. И. 190
Дубянский В. А. 133
Думанский А. В. 134, 144
Дунаев В. Н. 223
Дунин Д. 225

Евсеев 179

Евстратов В. Ф. 257, 258, 260, 263
Евстратов И. М. 257, 263
Егоров А. П. 108
Екатерина II, императрица 16
Елецких М. И. 240
Елин А. Е. 254, 263
Елина О. Ю. 136
Еремин В. А. 96
Ермолов А. С. 60, 125, 134
Ерофеев 247
Ершов М. Д. 88, 209
Ефименко А. Я. 82
Ефимов Н. А. 259

Ефрон И. А. 125

Жаак В. В. 98
Жданов А. И. 168, 171
Жданов И. И. 249, 254, 258, 264
Жигачев Е. 63
Жилин И. Я. 212
Житный А. А. 96

Завадский И. Н. 90
Завьялов М. 119
Загорский Ф. Т. 116
Закс В. Я. 144
Замятнин М. Н. 111
Зарудный М. И. 82
Заславский Е. О. 12
Засулич В. И. 81
Звегинцов А. И. 143, 145
Зверев А. 262
Зверев П. 243
Зверков Е. А. 3, 10, 20, 29, 37, 208
Земцов Л. И. 3, 10, 74, 84
Зинин Г. В. 230
Змеев В. И. 96
Золотов В. П. 255, 259
Зотов Б. А. 263
Зотов В. А. 253, 263
Зотов М. Е. 254, 264
Зотов С. О. 264
Зотов Ф. Н. 258, 263
Зотова М. 248
Зюзин И. 166, 168, 270

Иванов А. А. 194
Иванов В. Н. 256
Иванов М. П. 96
Иванов П. П. 180
Игнатъев П. Н. 143
Иевлев Ф. Ф. 254, 263
Иевский Н. Н. 103
Иконников С. А. 3, 10, 137, 259
Иосифов А. П. 96
Искра Л. М. 19
Исправников В. Г. 257, 259
Истомина Э. Г. 65, 72

Каверин А. П. 116, 121
 Каганов И. 176
 Казьмин В. И. 263
 Калачов Н. В. 83
 Каледин А. М. 218
 Калинин И. 257, 258
 Каминский 248
 Капленко А. И. 96
 Караваев П. Н. 167, 172
 Каракозов Д. 117
 Кардашева А. А. 98
 Карманов Н. 223
 Карпачев М. Д. 3–53, 76, 84, 125,
 134–136, 145, 162, 187, 208, 213, 222,
 223, 236, 243, 244, 268
 Карцев Р. М. 189, 190, 192
 Катков М. Н. 85
 Каутский К. 181
 Квасов О. Н. 3, 10, 162, 163, 173, 233
 Келлер Б. А. 92, 96, 101, 133, 144, 217
 Кениг Ф. Р. 107
 Кильчевский В. А. 128
 Киреевский И. В. 79, 85
 Кириченко Е. И. 113
 Кирнос А. В. 53
 Кирсанов В. Ф. 100
 Кирьянов Ю. И. 194
 Кистенев Я. П. 71
 Кистяковский А. 82
 Китанина Т. М. 28
 Киттары М. 68, 69, 73
 Клочков Н. А. 110, 111, 113
 Ключанский 180
 Ключанцов Ю. Т. 166
 Книга М. Д. 3, 10, 124, 136
 Князев А. М. 231
 Князев Е. В. 231
 Князев Ф. В. 231
 Кобылев 152
 Кобытченко В. П. 92, 94, 96, 101, 196,
 197, 211, 217
 Ковалевский Е. П. 140, 143
 Ковалевский С. Н. 134
 Ковалинский Д. И. 116
 Коваль 152
 Коваев В. К. 206
 Коган 154
 Коган-Бернштейн М. Л. 217, 224, 230,
 233
 Кожевников И. А. 90
 Козлов А. Ф. 116, 121
 Козлов Е. И. 264
 Козловский Л. А. 90
 Колесников В. А. 53
 Колодяжный М. 164, 165
 Коломенкин С. И. 128
 Колосов С. П. 182
 Колубелов Ф. 130
 Кольцов А. В. 141
 Колубакин В. И. 128, 145, 182
 Колюпанов И. 82
 Комарова 90
 Конаков Н. Н. 51
 Кондаков И. А. 260
 Кондратьев А. А. 246, 263
 Кондратьев А. Ф. 264
 Кондратьев Е. А. 263
 Кондратьев И. И. 263
 Кондратьев М. Ф. 258, 263
 Кондратьев Н. Д. 239, 243
 Кондратьева Е. Ф. 260, 263
 Конисский М. А. 149, 150, 158
 Коновалов М. Ф. 263
 Коновалова О. Е. 258, 263
 Коптев Н. Х. 115, 116
 Корнаковский Г. А. 166
 Корнилов Л. Г. 206, 218
 Коровин В. М. 49, 53
 Королев Ф. Н. 249, 264
 Короленко А. С. 85
 Короленко В. Г. 81, 85
 Корякин И. А. 164
 Косарев З. Н. 175, 179, 181
 Косарев С. И. 182
 Костин А. И. 164, 168, 233
 Костин В. А. 39, 50
 Костомаров Н. И. 119, 141
 Костылева М. Д. 248, 264
 Котловский М. В. 90
 Котова Е. 258
 Кравчинский С. М. 80, 85
 Крамской И. Н. 141

Краснов Б. И. 36
Краснов П. Н. 227
Крашенинников А. Н. 206
Крашенинников С. Н. 86
Кривенко С. Н. 12, 20, 90
Кривобокова Л. И. 184
Кружилин В. Ф. 264
Кружилин Ф. Н. 260, 264
Крутиков И. А. 90, 96
Кублов И. С. 130
Кудинова Ю. В. 29, 37, 162
Кузнецов 90
Кузнецов А. К. 90
Кузнецов М. Н. 231
Кузнецов Н. И. 97, 98
Кушелев-Безбородко А. 54
Куломзин А. Н. 125, 134
Култашев Н. В. 48, 52
Куманов Д. М. 183
Куприн 247
Курисько М. А. 166, 171
Курсанова А. В. 161
Курышов А. М. 84
Куцев Н. А. 264
Куцеволов А. А. 20, 161, 224, 233
Кучеров В. 255, 262
Кюи А. А. 105

Лабыкин С. 170
Лаверычев В. Я. 28
Лавыгин Б. М. 101, 223, 234
Лайснер А. А. 262
Лаппо Д. Д. 233
Ларионов А. 225
Ларионов Н. И. 156
Ласунский О. Г. 76, 84
Латышев Н. П. 44
Лебедев И. 130
Лебедев В. И. 263
Лебедева М. А. 18
Левашова А. В. 54
Левин 256
Левин В. Л. 108
Лезнев П. Д. 115
Ленин В. И. 39, 218, 223
Леонтьев А. А. 83

Леонтьев Я. В. 233
Леруа-Болье А. 80
Лесин Я. Е. 252, 264
Лесных А. В. 29, 37
Лесных А. Ф. 264
Липатова Н. В. 194
Лисаневич Д. А. 62
Лисаневич И. А. 62, 145
Лисаневич И. В. 55
Литвинов М. Н. 86, 87
Литовский А. 235
Ломоносов М. В. 52
Лордкипанидзе Г. С. 96
Лотин А. 258
Лотман Ю. М. 121, 123
Лугинин С. 82
Лызлов М. И. 179, 183, 184
Лыццов В. П. 48, 52
Львов Г. Е. 89
Люблин В. Н. 95
Лютовский А. А. 90

Майер П. Ю. 108
Макаренко Ю. Е. 128, 130, 134
Макаров В. В. 20
Макаров Н. П. 128, 144
Максимов Д. С. 106, 107
Максимов К. И. 255, 259
Малахов П. П. 256, 257, 264
Малиа М. 14
Малоброцкий 249
Мальшев А. И. 78
Мальшева С. Ю. 233
Малюгин В. А. 158, 159
Маляревский К. Ф. 133
Мамаева Т. П. 49, 53
Мамкин И. В. 230, 235
Манкова Е. Д. 181
Марков Н. Е. 190
Марковский И. Т. 225
Мартынов С. В. 17
Марфин Н. Н. 134
Марченко М. Ю. 134
Матвеев С. 84
Махинов А. М. 263
Махинов В. М. 263

- Махинов Е. А. 263
 Махинов И. И. 263
 Махинов И. Н. 262, 264
 Махинов М. И. 252, 255, 256
 Махинов С. К. 263
 Махинов Ф. К. 263
 Махинов Я. А. 249, 254, 259, 263
 Мерзляков А. А. 264
 Мещерский В. П. 82
 Мещеряков 228
 Микулина Л. 171
 Милль Дж. 137, 145
 Милюков П. Н. 15, 34
 Минаков А. Ю. 39, 49, 50, 53
 Минин А. Н. 128, 239
 Минц И. И. 28
 Миронов 257, 259
 Миронов Б. Н. 21, 30, 33, 35, 83, 84
 Мирошниченко Т. Я. 232
 Митрофан Воронежский, епископ 140
 Митрофанов Л. Д. 99
 Михайлов А. 96
 Михайлов Р. А. 107
 Михайловский А. И. 181
 Михалев Г. 36
 Михалев О. Ю. 3, 10, 20, 161, 162, 172, 186, 194, 195
 Михалевич В. 69, 73
 Михантьев Б. И. 44, 47, 52
 Михеев Т. М. 264
 Михеев Ф. С. 249, 258, 263
 Мишин 180
 Мозохин О. Б. 243
 Моисеев А. С. 94, 212, 219, 220,
 Мокшин Г. Н. 3, 8, 11, 12, 18–20, 52
 Морачевский В. В. 127, 132
 Морев П. Г. 36, 223
 Морозан В. В. 64
 Морозов В. Ф. 36
 Морозов К. Н. 173
 Морозова С. М. 143
 Мукосеев 247, 249
 Муравьев Е. Ф. 219
 Мысловский С. Л. 107
 Нагурская Е. В. 184
 Найденов Г. Н. 264
 Найденов И. А. 260, 264
 Найденов Ф. Т. 264
 Натансон М. А. 167
 Наумова Г. Р. 65, 72
 Нахимов А. П. 53
 Нащокина М. В. 113
 Невский В. И. 184, 212
 Непомнящий И. М. 206
 Нефедов С. А. 30, 37
 Никитин И. С. 141
 Никитин Н. Р. 230
 Никитина Е. А. 176, 178, 180
 Николай I, император 123
 Николай II, император 14, 141, 143, 147, 153, 187, 209, 212, 231
 Николашин В. П. 29, 30, 37
 Никольский М. В. 108
 Новочихин В. П. 233
 Норин А. Я. 44
 Оболенский М. А. 106
 Огановский Н. П. 230
 Олейников Т. М. 7
 Ольденбургская Е. М. 61, 62
 Ольденбургский П. А. 132
 Ольминский М. С. 12
 Ольховский П. В. 263
 Ольховский Ф. М. 258, 264
 Омельянчук И. В. 194
 Орехов М. Д. 228
 Орлов А. Н. 62
 Орлов В. Н. 62
 Орлов П. А. 73
 Орлова В. Д. 223
 Орловский И. В. 179
 Оршанский И. 82
 Осипов И. 244
 Осипова И. И. 244
 Павленко И. А. 98, 181
 Павлов В. А. 90
 Павлов В. П. 117
 Павлов Ф. Г. 117
 Павлюков В. 130
 Панарин А. С. 85

Панина С. В. 132, 133
Панков А. М. 133
Пантелеев Л. Ф. 119, 123
Пантелеевский Н. Н. 189, 190
Паренаго М. П. 96
Пасманик Д. С. 198
Пахман С. В. 82
Пахомова А. Н. 37
Пеленкин А. И. 90, 229, 234
Пель Е. Е. 152, 165
Первеева М. Д. 228–230
Переверзев А. Я. 37
Перегудов А. В. 3, 10, 114, 123, 160, 161, 173
Перегудов В. М. 164, 165
Перегудова З. И. 152, 161, 168, 171
Перелешин Д. А. 17
Перепелицын А. В. 3, 10, 65, 162
Перрен-Синельников Н. А. 128
Перьев Ф. И. 258, 260
Пестржецкий А. 82
Петр I, император 103, 140, 141, 146
Петров Г. И. 253, 263
Петров Д. Ф. 45
Петров С. Я. 256
Петровский С. А. 17, 196, 198, 202, 206
Петрякова А. Е. 247, 257, 264
Писарев А. А. 233
Плаксин В. Н. 49, 53, 243
Платонов А. Н. 241, 242, 244
Платонов С. Ф. 238
Плеханов Г. В. 12
Плотников М. Д. 70
Повалюхин И. Г. 264
Погребинский А. П. 28
Подволоцкий И. П. 44
Подлесных С. Н. 243
Полещук М. Е. 144
Поливанов А. С. 222
Померанцев Д. С. 122, 154
Пономарев П. Д. 141
Попов 255
Попов В. И. 263
Попов М. Г. 179
Попов Н. А. 107

Попов П. А. 113, 123
Попов Т. Д. 144
Портянников М. И. 166, 168, 228, 234
Посохов А. 130
Поспелов В. П. 144
Постникова Е. Д. 45
Постников С. П. 230
Прасолов А. Б. 232
Прибытков Ф. 56
Приходько Ф. И. 246, 263
Прозоров А. А. 242
Прозоровский И. А. 229
Протасов Л. Г. 223, 229, 230, 234, 235
Прохоров Г. П. 256
Прытков И. М. 254, 263
Прядкин М. И. 228
Псарев Г. И. 29, 37
Птицын В. 82
Пуле Л. А. 197, 201, 205
Пупыкин Ф. Б. 253, 264
Пуришкевич В. М. 190
Пушечников Е. А. 89
Пыльнев Ю. В. 49, 53

Рабичев Н. Н. 95
Раевская А. М. 60
Раевский В. И. 96, 134
Раевский Н. Н. 60
Разиньков М. Е. 3, 9, 21, 161, 162, 172, 186, 194, 224, 233, 234
Разуваев А. Я. 106, 107
Разумный Н. С. 96
Рахманин В. С. 39, 50
Регель В. Э. 40, 41, 44
Ремнев Е. А. 258, 263
Ремнев И. А. 260
Репников А. В. 194
Ровнев В. Н. 89
Рогожкин А. В. 200
Розанов В. В. 75, 84
Розенблатт Л. И. 205
Розов 191
Романенко К. Е. 232, 235
Романихин С. Ф. 86, 87
Романов А. С. 256
Романов С. 107

Романов С. Д. 254, 263
Ромер М. Ю. 115, 123
Росоловский И. Э. 181
Ростовцев П. Я. 5, 15, 20, 87, 88, 96,
198, 205, 206, 210
Рошаль М. 99
Рощупкина 148
Русанов А. А. 233
Русанова В. Ф. 132
Рууд Ч. А. 152, 161
Рыбалкин Ф. 241
Рыбников А. А. 65, 72
Рыжов И. З. 231, 232
Рылов В. Ю. 3, 10, 161, 162, 172, 186,
187, 193, 194
Рындзюнский П. Г. 65, 72
Рябинин А. В. 62
Рябинин Г. А. 190
Ряполов В. Н. 244

Савельев А. А. 131
Савельев Б. В. 90
Савельев М. А. 184
Савельев П. И. 63
Савинков Б. 173
Савостьянов В. В. 96
Савченко В. Л. 172, 224, 233
Сазонов 175, 179
Саломахин С. 164, 165
Салтык Г. А. 3, 10, 172, 224, 233
Самойленко А. А. 72
Сапожников П. Ф. 44
Сапронов Ю. И. 39, 50
Саран А. Ю. 237, 243, 244
Свавицкий Н. А. 72
Свиридов Я. А. 252, 263
Свиридова М. Н. 264
Свищев И. Л. 201
Северцов А. Д. 55, 63
Северцов Д. А. 55
Северцов Н. А. 141
Седов М. Г. 13, 48, 50, 52, 53
Семенов С. Т. 77, 84
Семенов-Тян-Шанский П. П. 42, 50
Сербин В. А. 105
Сергеев В. М. 191

Сергеевич В. 82
Сиверский П. П. 61
Сидоров А. Л. 28
Синкин К. А. 83
Сиома И. Ф. 133
Сипягин Д. С. 153
Скачилов Н. П. 116, 119
Скачков Г. А. 255, 260
Склобовский С. Я. 89
Скоробогатый П. 82
Скребнева Е. В. 264
Скрынников Н. 34, 37
Слизков М. А. 262, 263
Слизков П. П. 263
Слизкова Е. 248
Смирнов В. 257
Смирнов И. Д. 164, 166, 168, 172, 225–
230, 234
Смирнов П. Д. 98
Смирнов Ф. 254
Снурников И. И. 165
Соболев П. Н. 222, 223
Соколов Г. М. 134
Соколов С. И. 96
Спарро Р. П. 242
Спиридович А. И. 173
Срывкин 175
Сталин И. В. 244, 265, 267
Станкевич И. В. 62
Старов И. Е. 103
Старченко Т. С. 263
Стасюлевич М. М. 119
Стемпковский И. А. 60
Степанов С. А. 152, 161, 194
Столь В. Г. 155, 179–182, 184, 220
Столыпин П. А. 17, 26, 95, 126, 134,
181
Страхов Л. В. 3, 10, 123, 147, 160,
161, 173
Страхов Н. Н. 81, 85
Струсевич И. К. 108
Субботин В. Ф. 263
Сыщанко А. О. 151, 224

Табачников Б. Я. 48, 52
Тайницкий И. П. 166, 168

- Тарабанова Т. А. 83
 Таранченко Н. 191
 Тарасов И. Г. 62
 Тарновский К. Н. 65, 72
 Тархов В. З. 148, 155–157
 Татарчуков А. Н. 7, 96, 175
 Твердова-Свавицкая З. М. 72
 Терский А. Н. 131
 Тимирязев К. Т. 138
 Тимковский К. Д. 87, 215
 Тимошечкина Е. М. 3, 10, 245, 255, 265–267
 Тинченко Я. Ю. 239, 244
 Тихомиров И. М. 106, 107
 Тихон (Никаноров), архиепископ 216
 Тихон Задонский, епископ 140
 Товицкая О. Ю. 4, 11, 268
 Толстой Л. Н. 125, 134
 Томановский В. Н. 87, 88, 92, 96, 97, 100, 140, 209, 217, 221
 Томашевский Н. К. 62
 Томилина 148
 Тотомианц В. 136
 Троицкий Д. Н. 131
 Трофимов И. Е. 51
 Троцкий Л. Д. 212
 Трубецкой В. А. 106
 Трунов И. П. 109
 Трушковский В. Р. 109
 Тулисов В. И. 13
 Тупикин Ф. М. 263
 Турчанинов С. Д. 183, 212
 Тушнев И. Д. 89
 Тыркова-Вильямс А. В. 85
 Тютрюмов И. 82
- Федорова М. М. 156, 162, 171, 173, 228, 229, 234
 Федорчук А. 183, 186
 Фефелов В. М. 36
 Филиппов В. С. 240
 Филиппова С. В. 3, 10, 86, 222
 Фирсова И. Г. 264
 Фонов И. Г. 258, 260
 Фонов И. Е. 258, 260, 263
 Фонов И. П. 263
 Фохт К. К. 128, 131, 133, 134
 Франковский В. Г. 134
 Футмен Д. 14
- Харитонов Е. А. 240
 Харкеевич А. Н. 90
 Хартулари К. 119
 Хвощинская А. С. 60
 Хвощинский 60
 Хитрово Н. П. 120, 123
 Хонякин 168
 Хохлев И. А. 95
 Хохолин И. Н. 253, 258
 Хренова Е. В. 264
 Хреновской К. М. 230
 Хромых В. П. 246, 263
 Хрущов А. Г. 5, 15, 20, 207, 223
- Цызырев И. Ф. 82
- Чайкин В. А. 226, 234
 Часовников Н. Н. 247
 Чаянов А. В. 128, 239
 Чаянов С. К. 96, 128, 133, 134
 Челинцев А. Н. 128
 Чепрасов А. 244
 Чепурный К. Ф. 82
 Черемисинова Н. И. 148
 Черенков 249, 250
 Чернов А. 254, 262
 Чернов В. М. 76, 84
 Чернышев М. А. 219
 Чертков Г. А. 60
 Чертков М. Ф. 87, 96, 134
 Чесноков В. Г. 3, 10, 103
 Чехов Н. В. 96, 100, 217, 223

Чигирева Е. М. 3, 10, 54
Чистяков Ю. Ф. 145
Чубыкин И. В. 233
Чудинов Д. И. 231
Чуич Г. Т. 44
Чурай У. 130

Шабанов Х. Н. 166, 168, 170, 173
Шаганов А. М. 117
Шалаев Н. К. 219
Шамаев В. Г. 123
Шамов М. 166, 168
Шамов С. А. 230, 234, 235
Шатковская Т. В. 83
Шауров И. В. 87
Шевцов Ф. И. 71
Шевченко В. Н. 18
Шевченко И. А. 84
Шевченко М. М. 7, 48, 52
Шереметев 56
Шидловский С. И. 12, 17, 140
Шингарев А. И. 5, 12, 14, 15, 19, 20, 124, 203, 204, 207, 211, 223
Шинкаренко 262, 263
Шишлянников П. Ф. 258, 263
Шкаровский М. В. 244
Шмаков Я. Ф. 264
Шмакова П. М. 255, 263
Шмаров П. Д. 141

Шнейдер В. В. 135
Шраг И. 83
Шубин К. А. 180
Шувалов П. А. 117, 120, 123
Шуринов К. К. 128
Шурыгин Н. Н. 244

Щеголев А. М. 246–248
Щепкин Д. 88
Щепотьев А. Л. 44
Щербатов Г. А. 62
Щербина Ф. А. 12, 14, 17, 19, 20, 64

Энгельгардт А. Н. 78, 84
Энгельс Ф. 106, 181

Юркевский А. В. 96
Юров И. Ф. 98
Юровский Л. Н. 243
Юрьев И. И. 253, 258, 260, 263
Юрьев Ф. И. 263

Языков В. Д. 87
Яковлев А. Н. 89
Яковлев В. М. 107–110
Яковлев Д. Я. 250, 251
Ямзин И. Л. 196–199
Яненко И. Е. 36
Ястребов П. И. 96

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акинъшин Александр Николаевич – канд. ист. наук, председатель Воронежского историко-культурного общества.

Алленова Валерия Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского государственного университета.

Баранова Наталия Олеговна – канд. ист. наук, преподаватель Воронежского индустриального колледжа.

Бахтин Виктор Викторович – канд. ист. наук, доцент Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко.

Зверков Евгений Андреевич – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России.

Земцов Леонид Иосифович – докт. ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Иконников Сергей Анатольевич – докт. ист. наук, заведующий кафедрой истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I.

Квасов Олег Николаевич – докт. ист. наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г. Ф. Морозова.

Книга Марина Давидовна – докт. ист. наук, заведующая кафедрой общеобразовательных дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж).

Михалев Олег Юрьевич канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета.

Мокшин Геннадий Николаевич – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Перегудов Александр Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры политической истории Воронежского государственного университета.

Перепелицын Александр Викторович – докт. ист. наук, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета.

Разиньков Михаил Егорович – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г. Ф. Морозова.

Рылов Владимир Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского государственного университета.

Салтык Галина Александровна – докт. ист. наук, профессор кафедры художественного образования и истории искусств Курского государственного университета.

Страхов Леонид Витальевич – канд. ист. наук, заведующий отделом по развитию Воронежского областного краеведческого музея.

Тимошечкина Елена Михайловна – канд. ист. наук, учитель средней общеобразовательной школы № 43 (г. Воронеж).

Товицкая Ольга Юрьевна – ведущий библиограф информационно-библиографического отдела Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.

Филипцева Светлана Викторовна – канд. ист. наук, преподаватель кафедры политической истории Воронежского государственного университета.

Чесноков Владимир Геннадиевич – канд. ист. наук, доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия Воронежского государственного технического университета.

Чигирева Елена Михайловна – канд. ист. наук, преподаватель кафедры издательского дела Воронежского государственного университета.

Научное издание

**ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ
второй половины XIX – первой трети XX века:**

**Сборник статей к 80-летию
профессора М. Д. Карпачева**

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. Н. Мокина*
Художественный редактор *Е. Ю. Бочарникова*

Подписано в печать 13.11.2023. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 17,4. Тираж 300. Заказ 513

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3